

Российский
Межрегиональный
Союз
Писателей

Академия Русской
Словесности
и Изящных Искусств
им. Г. Е. Державина

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Литературно-художественный
журнал

11-й

ВЫПУСК

*По благословению о. Николая Епишева,
настоятеля церкви
во имя Покрова Божией Матери
с. Борисово Новгородской обл.,
Старорусского р-на*

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
"ГАММА"
2015**

3 79

*Литературно-художественный
журнал
Российского Межрегионального
Союза писателей
при участии
Академии русской словесности и
изящных искусств им. Г.Р.Державина*

*Проект Евгения Раевского
«С Россией в сердце»*

Под общей редакцией Е.П.Раевского

Шеф-редактор: Н.А.Веселова

Редактор отдела поэзии: Е.П.Раевский

**Редколлегия: Л.Б. Ильина, С.Н. Скакун, А.Н.Молоканов,
А.М.Губаревская, Л.П. Кизик,
Е.В.Сакс, Ю.В.Бондарев (почетный член)**

При перепечатке ссылка на журнал «Золотое слово» обязательна

Официальный сайт
Российского Межрегионального союза писателей:
www.rmsp.pro

Официальный сайт АРСИИ им. Г.Р.Державина
www.arsii.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

*Журнал «Золотое слово» признан Президиумом Международного
Сообщества Писательских Союзов лучшим
литературным изданием по итогам 2014 года*

**На первой странице обложки: Н. Майоров, Л. Карастоянова,
В. Занадворов, Е. Ширман - писатели и поэты, погибшие в годы
Великой Отечественной войны; памятник военному корреспонденту в
Москве; памятный знак на месте создания песни «В землянке».**

Фото из Интернета.

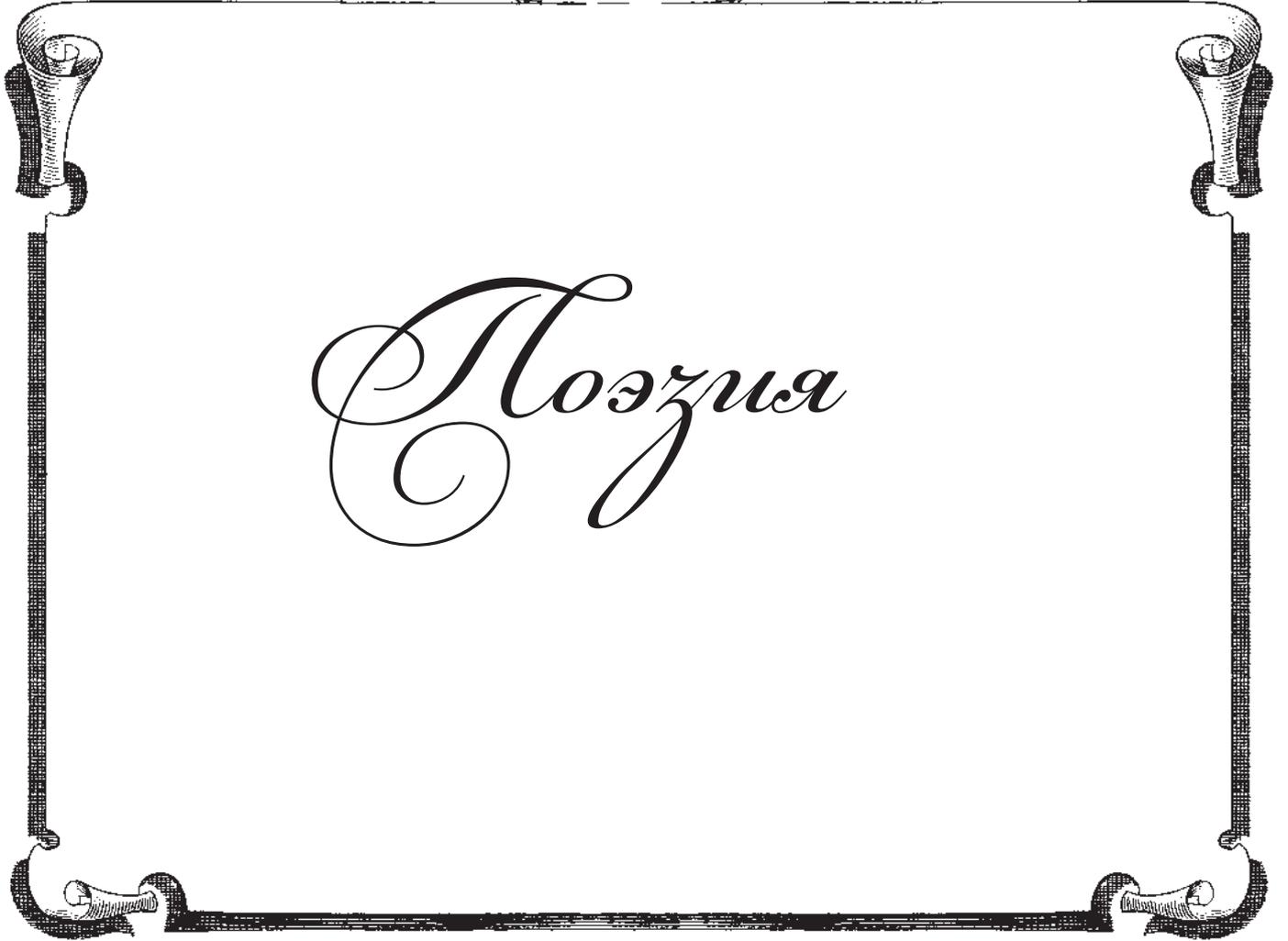
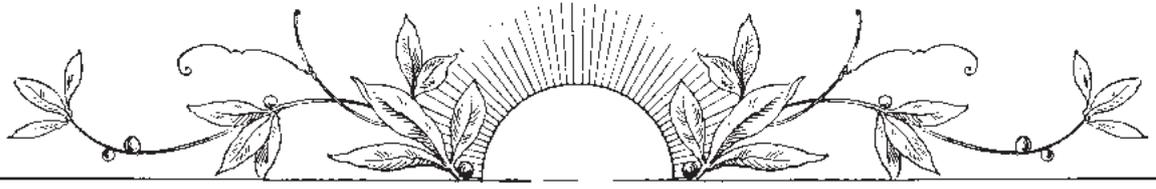
ISBN 978-5-4334-0192-1

© Коллектив авторов, текст, 2015
© Н.А.Сафронова, оригинал-макет
и обложка, 2015
© И.А. Сафронов, 2-е фото на 4-й
стр., 2015

*Академия русской словесности
и изящных искусств
им. Г.Р. Державина*

*Санкт-Петербург
2015*

Софья ДУВОВСКАЯ

9 мая 2008

Отмечали перед кинотеатром.
Танцуем! От мала до велика,
младенцы учатся ходить
под звуки песен
Великой Отечественной.
Полковая кухня едет!
Сгруппировались в очередь,
ветераны – за тарелочкой стоят,
за стопочкой – за фронтовой
очереди нет, возраст подводит.
Кто же вы, герои Мая?
Первая дама: «Дошла до Берлина,
брали второго мая,
но Рокоссовского – поляка
отстранили».
Ростом невелика, пьёт минералку.
Другая дама статная,
лицо – судьба-страдание:
«Войну всю провела в концлагере,
Латвия – Германия,
освободили в сорок пятом».
Я что-то лепетала,
но силы были не равны
и я ретировалась.
День – на редкость ясный,
свежа, прозрачна зелень.
В объятиях природы
трудно поверить в трагедию.
Но даже эта благодать
над памятью не властна.

Ностальгическое

овечки барашки ваш мотивчик
изгнали из приусадебных аллей
внутренним слухом внимаю
голосам отлетевшей эпохи
акацию спасли барбариса не будет
алой краской обляпан
заколоченный культовый дом
зелёный луг удаляясь растаял
на горизонте сгустился лес
техника оранжевой расцветки
не ты ли – доктор Айболит?

Новая книжка

разных поэтов собрали
каждого вижу как в давние годы
вслушиваюсь еще жадней:
чьи речи откровенны?
пропорция иронии и пафоса?
все что я не могла
сформулировать с первого взгляда
вот оно – пропечаталось!
но не изменилось

В кратчайший день года

что мне стоит при свете лампы
чай – к моим услугам
перечитывая книгу убедиться:
я – ошибкой затерялась
в этом званьи и одежде
среди шума из-за ерунды
исправление ошибок –
вот мое призвание

На взморье

на воде
раскинул ветер легкие штрихи
островок или кораблик?
есть носик и корма
но отбортовка рукотворная
палуба заросла травой
березовые мачты
распустили зеленые паруса
туца
придвинула завесу дождевую
клочками все ползет на дальний мыс
я так и не увидела
как море наполняется дождем

Городской фонтанчик

фонтан широко струйный
невысок непрозрачен
бутылочки с молоком
литровые пол-литровые
сбежало кипящее молоко

Трехстишия

1. В небе побратались
бумажный змей и лайнер
кто из них десанта выпускал?
2. Посреди поляны брошена карета
на деревьях - юпитеры висят
на сегодня съёмки закончены
3. Море слишком блестяще и гладко
мне милее шершавый лес
где песок наступает на пятки

Из жизни камней

сегодня – e-mail открываю:
альбом «Нечто» радует глаз
камни-уроды
камушки-зёрнышки
скалистые каменюки
цветущие камни
они спектакль сыграли для меня
мир параллельный – лакомый ломтик
чем не подарок тому
кто неравнодушен к диковинам

Розовый зонтик

Дорога так длинна –
вагон твистует
не разберёшь и своих строк
смелее!
всего-то – одноразовый дневник
вот соседка восемнадцати лет
будущий садовод
глаголет о самосознании
избегая законченных формул
не чужда поэзии
но увлеклась минутой
чуть не проехала малую родину
теряя розовый зонтик

Забывтый черновик

рукопись не вышла в люди
пора проститься с нею
и с автором
но жаль стихотворение –
и я начинаю работать
с этими неудачниками

Праздник в узком кругу

Маловато моих рисунков
я добавила несколько
сработала в спешке – досадно:
именно эти имели успех
Безобразие – то что небрежно
даёт отличный результат!
Или внутренний тайный некто
не зависит от нашего выбора
не даёт себя в обиду
не подводит нас?
Покровитель - инкогнито
И труда и терпения здесь немало
неразлучная триада:
терпение – ангел-хранитель – труд
и ни первого ни последнего
круговая порука

Стоя у окна

о далёких деньках
о друзья дерзновенных
вспоминает маленькая леди

против света её портрет
сочетался вполне уместно
с привидениями тех лет
а видения –
настойчиво упрямо
выходя из тени на свет
проступают по ту сторону стекла

то ли ангелы то ли юноши
взяли высоту
материализуются на крыше
белые майки чёрные бриджи
но дальнейшая траектория
нам не видна

Облака

Ополчимся на все лишения сразу
насущенных лишимся в первую очередь
Как насытятся – так и запоют:
– А для души что-нибудь?
– Сейчас! напишем
– Э! на охоту – собак кормить?
Предвидя это я складываю газеты
и принимаюсь витать в облаках

Владимир ВУМЕКИЙ

Из цикла

«...Сердце мира - Русь...»

Родине песнь величальная слышится
В синих просторах, в молитвах, в сердцах!
Общим истоком, любовью возвысимся,
В отчих талантах России краса!

1

Свят-краса, о Русь, твоя
кем так тонко выткана,
Что в оттенках радуги за дорогой даль?
...Соскочу с подножки, –
под стихами-пыткою,
Словно бы под облаком...
Свет сей Бог нам дал!

За трудом обыденным
не влечёт в «кочевники»,
Но таим загадочный вековой мотив.
Побродить бы, глянуть, воскрешая чей-нибудь,
Нараспев с фантазией,
зауральный миф...

Ты в миру, о Русь млада,
стала сердца силою,
Задушевной песни круг – почитай семья!
Ты печаль мирскую как свою постигнула,
В православном знаменье
боль земли всея!

Очищаю сердца лад
до последней жилочки,
Чтобы жизнь вседневная не давала сбой.
Сокровенных знаний, новизны и живости
Свет-очам, о Русь, твоим!..
Я молюсь с тобой...

2

Осени любится лес,
Свет уходящих берёз,
Золото стылых небес,
Мания свежести грёз.

Слышен встревоженный гам
Птиц, улетающих вдаль,
Словно оставили нам
Первой любви пастораль.

Будто бы хрупкая синь,
Чиркана крыльями стай,
Знает зарок для Руси –
Скоро вернуться. Прощай...

3. Северный сонет

Снег для согласия цвет выбрал голубой...
Под небом Мурманска, холодным и двуликим,
За радость встреч к прощанию привыкли,
Таланты тратят лёгкою рукой

И, всматриваясь в сопки, ждут иной
Погоды... Где не столь в молитве –
Лишь во товариществе силы монолитней...
Но дивный дар! – там ревностной весной

По три цветка, что в три строки – терцеты, –
Светлы, приветны южные тещеты
В обычной распродаже на потребу...

Там лица вдумчивы и улицы узки,
Чтоб грусть перебежать по краешку тоски,
А взгляд живей, чем акварель по небу...

4. Сонет с вопросом

Мерцает жизнь, что хопчик папиросы,
Немного дыма и немного пепла...
Ну ж, затянись, судьба, или ослепла?
Я словно каменю под вопросом.

Пока зовусь я русским, а не россом,
Являясь прилагательным, проблема
Хитрит со мною: то ли ржа поспела,
Сдались ли мы перед глобальным монстром?!

Та юность распрощалась, не сказав
Двух фраз безоговорочных про счастье,
И всё ж, Европа, взгляд свой брось назад:

«Нет ко Христу пути без россов!» – вкратце.
Пока вопрос порхает, как Тарзан,
Сложнее отношения в христианстве.

5

Гора у хутора, с которой
Ландшафты праведно близки!
...Луг, чьи кустарники не тронут
Изгиб задумчивый реки,
Дорога в лес, стада и пожни
Друг друга знают наизусть...
Отчизна! Русь! Здесь лишь безбожник,
Для рифмы даже, вспомнит грусть.

Из цикла: «Вчера»

1

Я забыл это слово – любовь.
Не юродствуй же, друг мой неверный.
Не сородич, – живёт с нами боль,
Но и боль уж не чувствуют нервы.

Верно, так же осеннею мглой,
Покачнувшись, застыла окрестность,
Что коли хоть калёной иглой
Или вьюгой холодной свирепствуй.

Свыше меры отверзли в себе
Страсть судить, подчинять без смущенья?
...Я забыл, что живу на земле,
Но твержу, – мы достойны прощенья!

2

Мы с тобой, безбожники, беспечны, –
Не поставим клятве даже свеч.
Жизнь даётся в дар нам, а не вечность,
С жизнью сердце бьётся, а не вещь.

Чтобы сердцем больше не играли,
Объявляем – новая игра:
Беззаботны станем – от печали,
Веселиться будем – до утра!

Свежий снег опутывает вечер,
Не спеша, танцует белый вальс...

А любовь безбожников не лечит,
Лишь забота вечная для нас...

Потому привычно и прощально
Время тратим, словно отпуск взят,
Наш союз сложился не случайно,
Если нам не требуется кляत्व.

3. Медный всадник

Ослабь поводья, яростный седок!
Как ни тянись, себя не пересилить.
Ты укротил пространство, время, рок, –
Ты превратил их в город этот стильный!

В сравненье с ним чего ещё достичь?
Мечты твоей светлей, себя он любит.
Собой любуясь, твой не слышит клич,
Но и тебе отсель пути не будет!

Вотще стремишь свою стальную стать
Из плена, так пленительно открытым...
Днесь и царю «за круг» не ускакать!
Змея побед придавлена копытом...

С книгой И. Северянина

Вы были на виду,
Вы от души воспели
Шампанское в саду,
Где ананасы зрели.

Вы были на виду –
И столь неосторожно!
Ваш гений злил беду
Восторженно-безбожно.

Свободой звал ваш бог
Вершины одиночеств,
Но к дому путь не смог
Забыть в плену пророчеств...

Ах, памяти метель!
Стихам нужна Отчизна,
Когда им снова петь
Отчаянно и чисто!

Неосторожный мой,
Мой искренний и свежий,

Стихи пришли домой,
Триумф был неизбежен!

Вам случай отыскал
Яд вольности на стрелы, –
Влекись же, сладсть, в бокал,
Раз ананасы зрелы...

* * *

...Зимний, зимний «Летний сад»,
Синим инеем объят,

Вне домов и площадей,
Сам с собой наедине,

Заслонившись славой лет,
Завораживает свет...

* * *

Зима, что каникулы. Прошлые, дальние...
Выйдешь на улицу, ёжатся,
будто чужие, прохожие,
Будто уходят куда-то, как дни и надежды...
Всё чисто, бело,
дворники не приступали к работе...
Школьник бежит, забывая урок.
По спине его хлопает сумка,
в которой снежки.
...Где это было? У этой ли школы?
Взрослые так же шли мимо с укором и правдой,
и опытом страшным. А нам
мир был громадой и маленький садик
был предостаточен битву устроить...
Мир уменьшается, взгляда на садик
хватит для сладостных воспоминаний...
Зима сокращает дистанцию в прошлое,
Кажется только холодной и длинной,
заставляя верней оглянуться,
Сближает быстрее, теплей и надёжней,
Словно ошибки отжили свой век
и отпали,
А новые славно душа совершит.

* * *

Тише, быстрая Нева,
Ты прости, что я без стука,
Что, пуста моя каюта?
Благодарствую, волна!

Прикоснусь к тебе едва,
Мне чуть-чуть твоей надежды,
Охладить от гнева вежды,
Животворная Нева!

Вдаль просторна синева,
За волной уходит мука...
Ты спасительнее круга,
Путеводная Нева!

* * *

Звезда небес, как буква в строчке,
Вечерний час многоголос...
Колеблясь, волны звуков прочно
Переплетались, словно трос.

Всех узловых соединений
Не удавалось развести,
Непонятый упрямый гений
Смеялся, требовал и мстил.

Так требует война патронов,
А утро – солнца на цветах,
Так увлекает жизнь повторно
Родиться мальчиком в стихах.

* * *

Следы бессонниц пали на лицо,
И с каждым годом тяжелеет тело,
Бессильно уплотняется кольцо
Надежд, чей искус утончить хотелось.

Доступней выбор, медленней стезя,
Прямее след на выглаженной мели
К нездешней закодированной цели,
Что ни узнать, ни обойти нельзя.

Намеренья средь видимых забот,
И счастье безмолвствует, немое,
Влекущее, как странный в море плот,
Реальное, но дальше такое...

А жизнь переливается, как море,
И волны звёзд ждут знание земное...

* * *

Я пережил желанье славы
И упоительных похвал,
Их юности недоставало
Но разве я того желал?

Иною жизнью овладела
Моя душа, отчёт судьбе
Она даёт или себе,
Пытается достичь предела.

Уменье письменно и устно
Общаться с Музою на «ты»
Теперь не зеркало,
Искусство –
Овеществленье правоты.

* * *

Дым, размечтавшийся над крышей,
Сулил покой и сытый стол,
Но жизнь потребовала: выше
Твоих свершений торжество!

Он цепи рвал, гонимый жизнью,
И цели к торжеству смешал,
А кто-то печь топил и письма,
Как на растопку, получал.

* * *

Дождь появился на карнизе,
Поскоморошничал и смолк,
И, втиснув в сердце холодок
Отчаянья, перо к бумаге близил.

...О лист, сиятельно побелен,
Отметь: забыл небесный царь,
Что вновь на чёрно-вредном небе
Не вывешен ночной фонарь.
Что ветер – свист и дождь – зануда,
А в трезвости – сторожкий зверь,
От коего бежишь, как думы
Из тьмы табу до «измов» суммы...
Так долго я иду оттуда,
Что не узрею, где ж теперь?
Пожалуй, я налью и выпью,
А выпью – заново налью...
Что в дождь – земля, сегодня пью
И, как листвою, словами сыплю.

* * *

Не смерти я страшусь – такой она мне прежде
Дана, чем был рождён из вечности моей,
Но эту жизнь боюсь я извести невеждой
В познании событий и вещей.

Что маленький челнок возник над горизонтом,
Прошёл передо мной, как чья-то жизнь, вдали
И вновь исчез в мирах истории просторной,
Едва ли отличив мой знак земли.

Быть может, человек там борется с волнами,
Лишь умер он уже для взгляда моего...
Могу ли, в свой черёд, пред вашими глазами
Пройти и не оставить ничего.

Владимир ДАНИЛЕВСКИЙ

**Триптих стихов,
посвященных
300-летию Красного Села**

I. Любимому городу.

И снова Красное Село,
Как всё привычно и знакомо,
И, чтобы ни произошло,
Здесь я спокоен - тут я дома...
В любую непогоду ли, тишь,
Иду по листьям, как по датам.
Я рад тебе, когда ты спишь
И просыпаешься когда ты.
Вокруг тебя такой простор!
Поля, холмы ласкают взоры.
Голубизна твоих озёр,
А возле Дудергофа - горы.
Пусть нет в тебе больших дворцов,
В тебе особенность таится,
Приятно мне твоё лицо,
Как с другом можно объясниться.
Петра исполнены мечты
С озёр вода бежит каскадом,
Бумаги гербовой листы
Из Франции ввозить не надо.
Здесь дух воинственный витал,
Полки сходились на учениях,
Российский царь их принимал,
И многих тут побед рожденье.
Суворов тут солдат учил,
Как бастионы брать и форты
И покорён был Измаил,
И закатилось счастье Порты.
Тут Лермонтов стоял в строю,
Писал про жизнь на бивуаке,
Учился стойкости в бою
И в обороне, и в атаке.
Здесь Пушкин фейерверк глядел,
Гвардейцем был отец и дядя,
И сын его тут преуспел
На кавалерии параде.
С Петровых дней тебе везло.
Наука набирала силу.
На то ты - Красное Село,
Чтоб быть достойным и красивым!

Взлетел тут первый самолёт
К подножию горы Вороньей.
И оснащался луноход
Всей связью телевизионной.
Подлодка к полюсу всплыла.
Луну ракета облетела.
Твоя причастность в том была,
И до всего нам было дело.
Военным, Красное Село,
Ты стало с самого рожденья,
Петра указом привезло
Сюда московское селенье.
Тебя разрушили в войну,
Враг рвался на твои просторы,
Но били вдаль и в глубину
Из снятых пушек от «АВРОРЫ».
Так здравствуй, Красное Село!
Где всё привычно и знакомо.
И, что бы ни произошло,
Здесь я спокоен - тут я - дома!

II. Зима пришла!

Сколько снега намело
В город Красное Село!
Рады взрослые и дети,
Что вокруг белым-бело...

Сверху кружатся, смеясь,
Продолжая с небом связь,
Долгожданные снежинки,
Что укроют грусть и грязь...

До Весны мы — в Белом Сне,
И скользим, как на коне,
В Царство Снежной Королевы,
В детство, что в тебе и мне...

Снег всё снизу подсветил,
И в отсутствии светил
Так красиво в наших парках!
Белый цвет их оживил...

Тем сегодня повезло,
Кто делам своим назвал,
Бросив всё, спешит увидеть
Город Красное Село!

В ряд стоят тут деревья,
Те, которым века два,
Те, что видели гусаров,
Поезд царского двора...

Летом — гости у озёр,
Позже — золота убор,
По Весне тут — песни птичьи,
А Зимой — катанье с гор...

Наши горки — высота!
Мчатся санки — красота!
Рады Матушке-Зиме мы!
Это дивные места!

К нам приехать каждый рад!
Снежно-белый чист наряд,
В парке «Туттари» сегодня
Всё цвета, как маскарад...

Наша добрая земля,
Ценим мы тебя не зря,
Быть в Труде и Обороне
Вся история твоя!

Красота твоих полей,
И вода твоих ключей,
Горы возле Дудергофа
«Куршавелей» мне — милей.

Нам, живущим тут, свезло,
Любим мы тебя — светло!
И другого нам — не надо!
Здравствуй! Красное Село!

3. Лес, озеро и птицы (Верхний парк Красного Села)

Ушла любовь до срока...
Про эти вот дела,
Болтливая сорока
По лесу разнесла.

И горечь я почувствовал,
Зажав себя в кулак,
А дятел мне сочувственно
«Так-так» стучал, «так-так».

Её увижу в лицах,
В водицы глядя синь,
Проказница синица:
«Остынь», — поёт «тинь-тинь».

Сломаюсь от урона?
Потухнет сердца жар?
Но мудрая ворона,
Как «нет», вскричала: «Кар-р!»

«Когда теряешь друга
Не злись, — внутри кричи!»
Про это, возле луга,
Поведали грачи

Спросил я у кукушки,
Увидев на суку:
«Где дней моих верхушка
Скажи своим «ку-ку?»

Смешны вы, право, люди!
Зачем тебе отсчёт?
Покуда сердце любит
И человек живёт!

Ступай, судьбы не трогай!
Гадание — пустяк!
Не важно — прожить много,
Куда важнее — как.

Жить в прошлом — не годится!
Вдруг, стало мне светло...
Вдохнули песней птицы
Сердечное тепло.

Как заново увидел:
И этот лес и мир
И пробужденья виды,
И новой жизни пир...

Сошла, как снег, тревога,
Тоски тупой нытьё,
Знакома мне дорога
В далёкое — своё!

Судьба! Твои уроки,
Я вовсе не хую!
Не быть мне одиноким!
Я снова полюблю!

К тебе, мой друг зелёный,
Когда ни прихожу,
Среди берёз и клёнов
Отраду нахожу!

Ты, озеро, даруешь
Вод медленных бальзам,
Спокойствием врачуешь
Огонь вчерашних ран...

То к вам иду с повинной,
То радостью делюсь,
Знакомые картины
Гляжу — не нагляжусь!

И горе отступает,
И остывает боль,
А мудрость обретает
Текущей жизни соль.

Кто виноват?

Зачем о неслучившемся гадать?
Зачем нам ворошить, что с нами было?
Да здравствует сегодняшняя сила!
Да здравствует сегодняшняя статья!

Что не случилось, не произошло,
Порой сильнее закаляет личность,
Чем лёгкое, но что выходит — дышлом,
А это значит — снова повезло!

Чем больше я брожу среди куполов,
Тем больше убеждаюсь: наша вера —
Такая в общей сущности Химера,
Что может ободрить лишь простаков.

Толкаясь, обгоняя, торопясь,
Мы сами подбиваем все итоги.
Выходит, виноваты мы — не Боги,
И всё решает наша с Миром связь.

Научи

Мише и Элле

Научи меня лучше
Искусству любви!
В одинокую душу
Влетят соловьи!

Смыслом новым
Наполнятся наши дела,
И от тихого слова
Вскружит голова!

И не жаль друг для друга
Ни дней, ни ночей...
И уйдем мы от круга,
Где каждый — ничей!

Зацветут в нас улыбки —
Ничего-то не жаль!
И бывшие ошибки
Уносит печаль...

Свел нас Рок или Случай?
Бога благодари!
Научи меня лучше
Искусству любви...

25 декабря 2011

Нашим жёнам

Усталым жёнам в благодарность,
Хоть изредка, цветы дарите!
Однообразия бездарность,
На пользу общую, — губите!

Пускай не ждут Вас, у подъездов,
Театров лучшие афиши...
Вы — режиссёр «домашних съездов»
Тут и поймут вас и услышат...

Гоните скуку — вон за двери,
Житья банальность, — поскорей!
И вам откроется, поверьте,
Тепло «домашних ассамблей»...

Заботы по тому, другому,
Вдруг так обыденность наскучит!
И... вот уже «несёт из дома»,
А там, подстерегает... Случай!

Но не спешите «падать в ноги»,
«На грудь бросаться», ни к кому!
Всё, что найдёте «по дороге»,
Есть, в Вашем, собственном дому!

Пусть золотое, но чужое
Своим не станет — никогда!
Храните вы тепло родное
И дом, где прожиты года!

Ведь наша жизнь совсем не митинг,
Где каждый бьётся за своё.
Жену, так просто, обнимите
И посмотрите на неё...

Не дано — или дано?

Не дано другим мне стать,
А с чего? И сам не знаю?
Недобрав, перебираю:
Ни в отца пошёл, ни в мать.

Не дано всерьёз любить,
Хоть любим и той и этой
То ли нет, на свете этом?
То ль умения открыть...

Не дано счастливым быть,
Вроде и хватало силы,
(Близко видел берег милый!)
А поди ж ты — не доплыть!

Не дано, так не дано!
Значит, я того и стою,
Мне, взамен дано другое,
Замечательно оно:

Мне даны: любовь детей,
Чуткое природы слово,
Языка первооснова
В чистой сущности своей.

Мне даны: глаза Орла,
Дерзость и терпенье Рыси,
И мечтательности выси,
И серьёзные дела.

Мне даны мои друзья,
В неподкупности их чести,
И когда собрать всё вместе,
То других богаче — я!

Сад в тумане

Зря тоскуют опять деревья,
Скинув листья осенней порой...
Эта жизнь хоть трудна, но права
И грустна, как верба над водой.

Холодок стережёт у ворот
Говорят — это мудрость пришла,
То ли время берёт в оборот?
То ли нищенкой правда прошла?

Хорошо постоять у межи,
Провожая табун облаков,
Осень, милая, ты Расскажи,
Как я выплакал нынче любовь!

Ах, какая вечерняя тишь!
Прелый воздух несёт аромат.
Налетает туман выше крыш
Укрывая, как саваном, сад.

Страна «Детство»

Я навсегда остался там...
Где солнце пляшет по кустам,
Где, несмотря на краткий век,
Еще свободен человек...

Где теплые лежат пески,
Не жмут условностей тиски,
Где можно хохотать до слез
В кольце белеющих берез,

Где среди кошек и собак
Ты равный друг и равный враг,
Не нужно гнаться, «делать вид»,
Хоть ты совсем другой подвид.

Мое Отечество — Любовь!
И навсегда приют и кров —
Та потаенная страна,
Что в сердце каждого — одна!

Где память — душу оживит!
А образ — горе охладит!
Где вечно светит детство нам!
Я навсегда остался — там!

Песня о поэтах и их женах...

*Памяти Н.Я. Мандельштам,
жены великого поэта,
друга и сподвижницы*

Не ходите, девушки, замуж за поэтов!
Не с того, что это — мужики плохие,
Все они — «пришельцы из другого света»,
И живут, ведомы звездною стихией...

Где едва рассветы, там закат увидят,
Разглядят проблему, там где — нет проблем,
Мухи не обидят, а возненавидят,
Так строкою ранят, тошно станет всем!

Не ходите, девушки, замуж за поэтов!
Тут не жди достатка, тихого житья,
Правда, если любят, любят без остатка,
А уходят — сразу, молча, без нытья!

Трудно с человеком, что превыше века,
Что ему запреты, если он — пророк!
Знать, от колыбели им судьба воспета,
Где бы ни родился: Запад ли, Восток...

Не ходите, девушки, замуж за поэтов!
Сколько их погибло! Рано, до седин.
Но зато их помнит целая планета,
Каждый из ушедших — навсегда — один!

Впрочем, я не вправе всем давать советы.
Раз уж оказались вы в его плену,
Чаще признавайтесь вы в любви поэту,
Не забудет Слава и его жену!

Сочинитель

*Сочинитель бедный, это ты ли?
С. Есенин*

Бедный я сочинитель,
Всё пишу при луне.
Строк своих я вершитель,
Память бродит во мне!

Всё хочу описать я,
И во всём преуспеть!

Ощущение счастья
Не даёт мне не петь!

Пусть повозками беды
Вниз несутся с горы!
Над собою победы,
Выше звёзд мишуры!

Я творю серенады,
И мгновенья ловлю —
Не взаимности ради
Этот мир я люблю!

Вам дарю дивный берег,
Где закат — серебро!
Я навечно уверен —
Побеждает Добро!

Господин и Мучитель,
Этот путь — только мой!
Бедный я сочинитель,
Но с богатой душой!

Муза

Ты явилась, сначала,
Тихоней – девчонкой
И присев, щебетала
О чём-то в сторонке...
Приходить стала чаще,
И со мною, взрослела,
Я встречал тебя в чаще,
На пенёчке ты сидела...
То пришла на работу
Задыхаясь, вбежала
А недавно, в субботу,
На платформе встречала:
«Я не вовремя?» - робко,
Улыбаясь, спросила.
Оглянулся: «Постой-ка,
Ты ужасно красива!»
«Я ведь дар – не обуза!
От стихов – хорошею,
Богом данная Муза,
От меня ты – нежнее!»

Памяти Грибоедова А.С.

Черновики моих Надежд!
И замыслов слова тугие
На поле ряженных невежд,
Где друг для друга, все – чужие.
Зачем я сердце расточал?
Кому и для чего – улыбка?
Случайно я сюда попал
И надо исправлять ошибку.
Моя здесь муза не нужна.
Любые чувства будут ложны.
Идёт веселье от вина,
Здесь все скупы и осторожны.
Глаза, не от любви блестят,
А вас оценивая, взвесят,
Насколько, кто и чем богат,
И мнимой вежливостью бесят.
О, Грибоедов, как ты прав!
Не там, не с тем идём по свету
Смирив напрасно гордый нрав,
Итак: «Карету мне! Карету!»

Дорога

Слава Богу! Снова я в дороге!
И моя бродяжная душа,
Все заботы бросив у порога,
Мчится, расстоянием дыша...

Карточный мирок купе вагонов,
Где уютен тихий разговор,
Краткий срок стоянок у перронов,
Постоянно мчащийся простор...

И, не ощутив совсем пропажи,
Я оставил дом и что нажил...
Чудно изменяются пейзажи,
Разбудив приливы новых сил.

В основном похож на очень многих,
Метку мне оставил мой Творец:
Веселюсь, когда — зовет дорога!
И печалюсь под ее конец.

Джоконда

Улыбалась Джоконда
Леонардо когда-то,
Так загадочно, томно,
Как не любят и брата...

Лик лукаво-стыдливый,
Умный, знающий взгляд,
Позы склад горделивый,
Столько силы таят!

Улыбалась, как зная,
Что фортуны рука,
Кисть его, золотая,
Сохранит на века...

Ссора

Как трудно не смотреть в любимые глаза,
Как трудно притворяться «непреклонным»,
А время пролетит, как стрекоза
И пожелтеют обречённо кроны...

Уж так ли много в нашем «впереди»?
Не опоздаем? Не осиротеем?
Гордыня, не даёт мне подойти,
Сказать тебе, что ты — всего нужнее!

А это, как известно, тоже — грех,
На скрижалях написанных Христовых
Смешон в обиде часто человек
Скупясь на сострадание и слово...

Пожелание мужчинам

С нелюбимой — не водись!
Не целуйся «по привычке»,
Отдавать — так жизнь за жизнь,
И ключи, а не отмычки!

Пусть ты ею владел,
Пусть ласкал её, жалея...
Ты себя же обокрал,
Пустоту свою лелея.

Нет Любви! — Остановись!
Не иди на путь двурущья,

С нищим коркой поделись,
Но не тещь великодушья.

И не трать себя во зло,
Жди открытий, — настоящих,
Только тем из нас везло,
Кто не бил уже лежащих.

Чистота

Памяти Беллы Ахмадулиной

Читала, будто отпевала...
Но что написано — навек!
Как будто камешки катала,
Ты — нашей Юности разбег...

Княжна татарская, изящна,
Как статуэтка, как цветок!
Своим талантом высекала
Из слов простых восторга ток...

Ты помогла обычным людям
Бежать за горизонт Мечты,
Сама — как праздник среди буден,
От песен дивной чистоты.

Шестидесятники

Прекрасен был подъём — отважен!
А каждый шаг — всемирно важен.
Года поступков, где бесстрашен
Надежд и помыслов огонь...

Мечта, что завтра будет лучше,
Спираль закручивала круче,
Их подвиг был не просто случай,
А норова свободный конь!

Всех нас та оттепель согрела!
Вы жаждали большого дела!
Строку, что вольно вдруг запела,
Сгубила «сталинистов» вонь...

Вас обнимаю просто взглядом,
Как бредили вы «термоядом»!
Вы, звёзд высокая плеяда!
Вы — спутник, взятый на ладонь!

Мой дед Гриша

Ты саду — товарищ,
Ты труженик вечный,
К тебе обращается
Внук твой беспечный.

Мы рыли под кустики
Новые ямы,
За это меня ты кормил...
Воробьями,

Так много умел,
Уважая науки,
Так много успел
Передать внуку в руки.

И дружбу с ножовкой,
И дружбу с лопатой,
Под стрехой — винтовка,
И улы — за хатой.

Это чудное имя — Россия

Эти с детства знакомые сини
Освещают нам пламень и лёд,
Материнское имя России
Никогда для меня не умрёт...

И куда б ни ушёл, ни уехал,
И какой ни открылся бы вид,
Мне обидно — совсем не до смеха,
Если кто-то Россию честит.

Сколько злобно её поносили,
Над простецкой глумясь добротой,
Только женское имя России,
Оставалось водой ключевой.

Чистотою врагов раззадорив,
Скромным мужеством вдов и отцов,
Изгоняла Россия с подворий
И гнала за кордон подлецов.

Как милы мне алмазные росы,
Листопад у задумчивых вод,
Это поле, погосты и плёсы,
Замечательный этот народ!

Словно эхо в лесу голосило.
Повторяя меня на ходу:
Мать Россия, родная Россия!
Никогда от тебя не уйду!
1986

Читая поэтесс

О, эти женские стихи!
Они, как трепет обещанья,
Лукавый шёпот придыханья,
И капля взеземной тоски...
Морскою пеною летя
Сметают многое на бреге
И, обнажаясь в тихой неге,
Вдруг очищают нас, шутя...
Доносят истину, смеясь,
Кокетливо спрятав разум
Метафорой сражая сразу
С Вселенной обнаружив связь...
То громогласны, то тихи,
Но, упоительно прекрасны!
Какой-то тайною опасны...
О, эти женские стихи!

Практик

Счастье тихое, с детской улыбкой,
Будто солнце, что встало с утра!
Ничего не считаю ошибкой!
Ничего не сменю во вчера!

Уходите, заумные дали!
Вы приманка нестойких людей,
А для тех, кто всегда созидали,
Тем конкретное дело — милей!

Как уходит вода от невежды,
Как, от глупости, зреет пожар,
Ненавижу обмана одежды,
Обожая влюблённости жар!

Две руки

Опять Весна. Так трепетно-ясна!
Но нет в моей руке твоей руки...
Я так же — одинок, как ты — одна!
Что могут телефонные звонки?

Тепло сумев друг другу предложить
(За встречами — нашествие тоски),
Не можем ничего мы изменить!
Вокруг двоих — условностей тиски...

Но не печалься! Много-много дней,
Лишь тем на свете счастлив без вранья,
Что ждет твоя рука — руки моей...
Разлуки не приемля, как и я!

Доктрина

Если завтра мне скажут, что я не здоров,
И пора подбивать все итоги
(Бесполезно искусство любых докторов)
И в последнюю двигать дорогу,
Я не стану скулить, лишь на дочку взгляну —
Дай ей Бог жить да жить! Успокою жену!
Обниму их двоих, ещё больше любя!
И оставлю стихи, что писал про себя.

Женщина – Весна

У женщины – весенние глаза...
В них можно утонуть бесповоротно.
Какая зависть! С нею счастлив кто-то
И в ясный день, и в день, когда гроза.

Разлёт какой-то гордый у бровей,
Лукаво ветер теребит причёску,
И не заметишь, в след пойдёшь за ней,
А если надо - разобьёшься «в доску»!

Какая это у неё Весна?
И зная, что свежа и ладна тоже,
Она идёт и радуется прохожих
Особенным достоинством полна!

Какой-то в ней особенный настрой,
Как будто обещание таится,
Из ниоткуда вспыхнет непокой,
Желаний тайных вдруг забьётся птица.

У женщины весенние глаза,
В них можно утонуть от восхищенья!
Так вот оно – достойное отмщенье.
За то, что в них бывала и слеза.

Татьяна КРЫЖАНОВСКАЯ

Прекраснее любви - сама любовь

Прекраснее Любви - сама Любовь!
То говорят преданья вековые.
В дни испытаний сердца роковые
Сии слова провозглашаю вновь.

Из уст моих возносится хвала
К Любви престолу - сердце славит Бога.
К святой Мечте показана дорога.
Не подведёт «спасения скала»*.

Пускай вокруг кружится вороньё.
Пускай тоска набатом прогремела -
Всевышний Бог спасение моё.
Не убоюсь!.. Ведь слово - тоже дело.

Мы счастливы!!!

Мне вряд ли хватит этой жизни зрелой,
Чтоб дар судьбы в лице твоём стал ясен.
Наш диалог и так уже прекрасен!
Уже не стану молвить «отогрей».
Я лишь тебя, о друг, всегда ждала!
Узнать тебя - не стоило мне силы.
До роковой протянется могилы
Та необъятность чувств, что мне дана.
Я вечно буду в памяти листать
Те дни, когда мы встретились с тобою.
Не зря лишались хладного покоя.
Твой стих - казалось, моему под стать.
«Пусть страсть звонит во все колокола»** -
Ты возвещал - а я тебе внимала.
То голос мой - я это понимала.
Я к тем словам давно уже пришла.
Что ни строка - там трепет бил ключом
В чистосердечных вздохах и признаньях.
Мы призваны - сомненья ни при чём -
Пролить бальзам средь сумрачных мерцаний.
Хвала любви! И мы теперь одно.
И нету смерти. Ты и я едины.
Всему на зло - я верю всё равно!! -
Мы счастливы. И нет другой картины.

Вот сердце расправляет крылья

Благодати ток крыло крепит
Сергей Тимохин

Вот сердце расправляет крылья -
Ему бояться не пристало!
Уже не слышен стон могильный.
Чудес мне явлено немало.
Провозглашаю слово Веры.
Любовь и свет я возвещаю.
В любви не ведаю я меры.
С грехом прощанье упрощаю.
Мой стих окреп - то крылья силы.
Мне Бог и крепость, и спасенье.
Призыв, доньше сердцу милый,
Звучит как будто трубным пеньем.

Мне б в очах твоих сейчас раствориться!

Мне б в очах твоих сейчас раствориться!
Очень долго в них смотреть бы могла я.
Ведь любовь моя - то дивная птица,
Быстрокрылая надежда живая,
Лучезарная мечта дорогая,
Это вера в наше счастье с тобою -
Нам не выпадет дорога другая.
Мы ведь связаны судьбою с тобою!

Позови меня шёпотом нежным

Позови меня шёпотом нежным.
Я твой зов различу долгожданный.
И любовью своею безбрежной,
И мечтою своей первозданной.
И пречистой тоскою своею,
Что нежней теперь с каждой минутой.
Пред тобою смущаюсь, немею.
От печали умчи меня лютой.
Стала робкой такой и простою.
Понимающей отзвук столетий.
Только я ничего и не стою,
Если ты ничего не приметил.

*слово взято из христианской терминологии

**Строка из стихотворения Евгения Раевского «Великий Некто»

Нина ОЗЕРОВА

Моим родителям на 9-е мая

Опять вся черемуха в пышном цвету,
Подарок весны к Девятому мая.
От нас отвели Вы лихую беду,
Здоровье и жизни теряя...

Редуют тихонько пусть Ваши ряды,
Но город — роднее нет края,
В войну отстоять Вы героически смогли,
Врага на порог не пуская.

И вот за весною приходит весна...
Мы жизнь свою с Вашей сверяем.
За праздничный стол соберется семья,
С Победою Вас поздравляем!

Спасибо за все, родные мои!
За жизнь, за весну и черемуху в мае...
Вы стойкость свою сквозь года пронесли,
Для Вас марш Победы сегодня играет.

Танго войны

*Родителям посвящается
в День Победы*

Вот наш старый патефон,
Снова крутится пластинка.
Провожай меня на фронт,
А в глазах твоих слезинка...
Наши встречи средь беды,
Письма-«треугольники»,
«Лишь бы не было войны» -
Мы об этом помнили...

Ты помнишь наше прощальное танго?
«Синий платочек» и эту «Голубку»...
Я помню, горели, как в танке,
А рядом со мной, в пыли — незабудки...

Завожу наш патефон -
И звучит «Платочек синий»,
Возвращаюсь я на фронт
Защищать свою Россию!

День Победы встретит нас,
Ведь «строчит мой пулеметчик»!
Это Клавдии наказ -
«Синий защищать платочек!»

Я верю, мир к нам вернется опять,
И станцуем с тобой «Рио-Риту».
Мы будем друзей боевых вспоминать,
Навсегда пусть умолкнут «зенитки»!

Мамочке на 9-е мая

Без тебя все также светит солнце.
Без тебя все также дует ветер.
Только света нет в твоём оконце,
Потому что нет тебя на свете.

Без тебя придет весна с цветами.
Под окном черемуха все та же.
За одним столом тебя нет с нами,
Это необычно, странно даже...

Мы опять собрались всей семьёю.
Ты, как прежде, рядом, среди нас.
«Фронтowymi» чокнемся с тобою,
За Победу выпьем в этот раз!

День Победы для меня священный,
Помнить буду молодость твою...
Образ твой, навеки незабвенный,
Мамочка, родная, «тэ, чэ, ка», люблю!

Людмила ИЛЬИНА

* * *

Листвы опадающей медь,
Над сердцем хмельным ты не властна.
Да разве ты можешь согреть
Блаженством, безудержной страстью?

Озябшей рукою смахну
Слезу, красоте этой внемля.
И с болью разлуку приму
С листвою устилающей землю.

Ужель первозданная тишь
В осенней красе иллюзорной
Дождинками падая с крыш
Растает в листве опалённой?

Ах, нет! – Не спугнуть бы покой
И множество тайн не нарушить.
И шорох листвы под собой,
Как музыку слушать и слушать!

* * *

Пусть он свеж и капризен, май,
Голубей его нет небес.
Как страницу вновь открывай
И входи, как в поле чудес.

Дух захватит и сгонит хворь,
Это ж май, неуёмный май!
Только ты, как прежде, не спорь,
Ожидай меня, ожидай.

Каждой клеткой себе не лги
И смирись с обольщением.
Просто ты меня береги,
До самоотречения.

* * *

Бокал вина, сверкающий хрусталь,
Танцующие блики на бокале.
И лёгкая, воздушная вуаль,
И полумрак присутствующий в зале!

Танцуй со мной и нежно обнимай,
Кружи, пусть голова от счастья кружит.

И пусть зима вернёт в цветущий май
И снегом словно цветом нас завьюжит.

Бездонность глаз твоих, как храм Любви.
Доверчивой, мне в них бы раствориться.
Бокал вина и нежности твои,
И таинства, в которых всё случится...

* * *

Тающий снег на крыше,
Таинство утренних грёз.
Тем ли безмолвием дышит
Снежный покров берёз?

Так ли волшебна сила
В этой безмолвной глуши?
Что в камышах растворила
Девственность тишины.

Та ли святая нежность
В прикосновеньях руки?
Так ли близка неизбежность,
Сущему вопреки?

* * *

Скажи! – Ну, кто ещё нам нужен?
Когда с тобою мы вдвоём,
Глядим, как пузырятся лужи,
Как рвётся дождь в дверной проём.
Как от прогнозов отрешённо
Ноябрь скучающий бредёт
И серым веткам, оголённым,
Угрюмость стылую несёт.

Скажи! – Ну, кто ещё нам нужен?
Когда в ночи сквозь шум дождя,
Мы в полушёпоте недужном,
Уж слышим вздохи декабря.
Когда мы видим на окошке,
Сквозь шторы росписи картин.
И одурев от ласк немножко,
Мы кутаемся в палантин...

Скажи! – Ну, кто ещё нам нужен?

* * *

Кумиров нет и нет, увы, друзей,
И ночи стали до бессилья стылы.
И одиночеству быть у дверей,
Когда опять обрезаны все крылья.
Растрачены и нежность и любовь,
И лето отгорело в одночасье.
Судьба, судьба! - Как ей не прекословь,
Она одна дозирует лишь счастье.

* * *

Прохладой дышится вокруг!
Чуть замирая на ресницах
И завершая сонный круг,
Заря встречается с зарницей.
Объята негой полусны
И шёпот листьев с тихим ветром,
И чувства вновь обнажены
Перед сияющим рассветом.
Его незримая печать
Касается души притихшей,
Чтобы восторженною стать,
Строкой любви в четверостишьё!

* * *

Ах это утро! – Ласковый рассвет!
Забавны его лёгкие морозы.
Мерцает звёзд чуть приглушённый свет,
Полны предчувствий сладостные грёзы.

Рождаясь, день чарует новизной,
Улыбчивостью, сладкозвучным пеньем.
Душа, как будто радуясь со мной,
Трепещет от восторга и смятенья.

Белеет свет, и хочется спешить,
Не сбросив кисеи ночной сорочки,
Шептать молитву и творить, творить,
И вслух читать восторженные строчки!

Ах это утро!

В весеннем порыве, наверное, стоит

Извлечь из дождя невозможность покоя,
Таращась глазами на мутный рассвет.
Без всякого смысла, прощаясь с зимою,
В ручьях разглядеть её тающий след.

И вновь подчиниться апрельским простудам,
Впадая в безумство, терзавшее суть.
В потешных морозах, в их вечных причудах
Увидеть стремление холод вернуть.

В обнимку с бессонницей, (видно так надо),
Пройтись по весеннему саду в ночи,
Где Дух обнажённый, объятый прохладой
С пронзительным стоном от счастья кричит.

* * *

Успокойся, мой друг, успокойся,
День осенний уже отгорел.
У камина удобней устройся,
Чтобы он твои ноженьки грел.

Пусть не будет тяжёлою ношей
Лет ушедших букет из невзгод,
Что осеннею стужею брошен
На едва подмороженный лёд.

Не печалься, мой друг, не печалься,
Отпусти все тревоги свои.
И, как прежде, родным оставайся,
Чтобы быть нам в объятьях любви...

Я с тобой до скончания дней,
Только будь мне опорой моей

Юлий ТАРЕР

Тоска

Оркестр играл в театре Тоску,
Каварадосси пел надрывно,
Свеча роняла капли воска —
И был я юным и наивным.

Искал любовь по буеракам,
По общежитьям и тусовкам —
Ширялись девки соком маков,
Найдя во мне в постель обновку.

Разочарован был я сильно,
Решил — среди женщин нет достойной,
За тем, не то чтобы умильно, —
Но жить с ней просто и спокойно.

Увы, напрасна жертва Тоски —
На то с тоской она и тёзка...

7 ноября 2014 г.

Аутодафе

Искать любовь по картотеке,
Искать по телефону и в кафе,
Любовь не выпишешь в аптеке
И не примеришь, словно галифе.

Искать любовь — не много пользы,
Она сама всегда найдёт,
Она опять уже, как бонза,
Над той душой, что счастья ждёт.

Какой же ей любви угодно —
Своей, чужой ли, иль взаимной?..
Своей с чужою — не свободно,
Лишь третья грезится наивно.

И если выбор лишь из двух, —
Я буду мучиться своею,
К чужой любви оставшись глух, —
И тем виновен перед нею.

И кто-то, в строгих галифе,
Любовь мою слегка обнимет —

Они вдвоём пойдут в кафе,
Где третьего — они отринут.

Искать любовь по картотеке,
Искать по телефону и в кафе...
Любовь — рожденье человека,
И путь сквозь вечность аутодафе!

26 июня 1998 г.

Слезы демона

Тьмы одиночества ночи бессонные,
Слёзы ли, грёзы прогорклые, стоны ли?..
Я ли отвержен за непониманье
Зова любви как венца мироздания?

Если твои справедливы упрёки —
Праведный путь твой далёк от порока...
Так упрекай, если прожил ты свято,
Если упрёки твои не предвзяты...

Тьмы одиночества ночи бессонные,
Слёзы ли, грёзы убитые, стоны ли?..
Вы научите меня воспринять
Сути любви как основы понятий.

Дайте мне верить в себя, как в начале,
Где даже ангелы братом встречали,
Где даже черти меня уважали
За красоту высеченья скрижалей.

Тьмы одиночества ночи бессонные,
Дни беспросветные, годы погонные,
Память, познавшая зла бесконечность,
Сердце, вобравшее льдинками вечность.

6 марта 2007 г.

* * *

В провалах безнадёжности застывшей
Осталась молодость, смеясь,
Остался там и кто-то бывший, —
В плену иллюзии кружась.

И кто-то самый настоящий,
В преддверье чьих-то тщетных грёз,
Бросает медленно на ящик
Горстями землю, в дымке слёз.

В тумане хороня останки
Страстей когда-то столь мятежных,
Присыплет снег на сердце ранки,
И низойдёт печаль на нежность.

1 января 2000 г.

Стихи

Некоторые стихи — жемчужины,
Что я нанизываю на нитку своей любви к тебе,
Только вот сам — не нужен я
По вольной твоей судьбе.

Некоторые стихи — кораллы,
Тепло которых у твоих оставляю ног,
Ты сердце моё украла,
А я, вот, твоё — не смог.

Некоторые стихи — гаранты,
Что ты навсегда моя,
Если бы строф-бриллиантов
Гранильщиком был я.

А впрочем, не в этом дело,
Кто-то любит и без стихов,
Любит и душу, и тело,
И твой аромат духов.

3 марта 1999 г.

В далеком краю

Милая, где-то в далёком краю
Расцветают тюльпаны,
Милая, где-то ритмично поют
И гудят барабаны,
Милая, где-то в жестоком бою
Умирают титаны,
Милая, где-то в блаженном раю
Исцеляются раны.

Милая где-то в далёком краю —
За стеною тумана...

28 июля 2011

Среди живых

В угарном полусне бездумного шатанья,
В безумии страстей, похитивших покой
Останешься ли рад ты местопребыванью
Себя среди живых с их логикой простой?..

Ты сможешь ли внимать рассудка тихим звукам,
Мелодии травы в июльский терпкий зной,
Обучишься ль опять утраченным наукам,
Почувствуешь ли вновь, что ты ещё живой?

Ты сломлен или нет? Такие переплёты
На свете не впервой, и не в последний раз.
Ты помнишь или нет своей мечты полёты,
И сердца своего бесхитростный рассказ
Сумеешь ли понять хотя бы раз на сотый?..

9 июня 2003

Еще не высох лист

Напев стремился ввысь,
Потоком лился —
И трепетала кисть.
И взор лучился.

Божественный кристалл
Святил нам воду...
Но кто-то духом пал,
И кто-то родом.

Зачем не берегли
Свою удачу —
Холодный берег лих,
И врозь мы плачем.

В себе взрастив порок,
Не видя порчи,
Мы копим беды впрок,
Стилеты точим...

Однажды прозвучит
Напев лучистый —
В кромешной злой ночи
Прообраз чистый,

И нас преобразит,
Быть может, время,
Жизнь — не чужой транзит, —
Своё творенье.

Ещё не высох лист,
Моление длится,
Пока трепещет кисть
И взор лучится...

5 августа 2009 г.

Тебе, отец

Ты знал войну не понаслышке,
И след её в тебе навек —
В душе остался и в отдышке,
Мой друг, отец и человек.

Во мне, чья кровь наполовину
Несёт наследие твоё,
Во мне, твоём незримом сыне,
Идёт война, труба зовёт!

Зовёт ступить на путь сраженья,
Где пушек нет и нет патронов,
Там есть иное выраженье
Смертей и знаков на погонах.

И в этой жизни, зримо шаткой,
Тебе, отец, я благодарен
За кровь кипучую лошадки,
И за подков удачи пару.

Тебе, отец, да будет в радость
Знать уваженье и любовь,
Не вынуждавших братство падать —
Твоих воинственных сынов.

7 января 2001 г.

* * *

Мы вновь вернулись в средние века,
Казалось, времена необратимы,
И кажется — история никак
Не остановит зверский поединок.

Покажется, что даже древний Рим
Не породил подобных этим монстров,
Ужели Богом человек храним
Не сбросит мировую Коза-Ностру?

Не остановит зло в самом себе,
Возвысившись над собственным пороком,
И человечество, единое в судьбе,
Так и останется глухим к своим пророкам?!

22 января 2015 г.

Евгений СМОЛЯКОВ

Демократы

Красой общественного зданья
Обязан Греции весь свет.
Идёт от Черчилля преданье,
Что в мире лучше строя нет.

Никто не властен над народом,
И держит всяк пред ним ответ.
Он всё решает общим сходом, –
И справедливей строя нет!

Но суть его не скроют шоры:
От исторических азов
Не мудростью решались споры,
А перевесом голосов.

А кто с верхушкой метрополий
Был не согласен,
тех
– Ату!–

Но не бывает монополий
На истину и правоту!

И,
как лихого супостата,
Судил неправедным судом
Свободомыслие Сократа
Демократический содом.

Такой же вехой путь отмечен
И в святцах русской старины:
Сбивали с панталыку вече
Подкупленные крикуны.

Пройдя сквозь огненну геенну,
Нам долго ран не залечить.
Всеми мы в жизни знаем цену, –
Кому свободе нас учить?!

Тельцу златому не в угоду
От либералов всей земли
Мы краснозвёздную свободу
Собою заслонить смогли.

Не заросли с тех пор окопы,
Когда свет разума погас,
А демократы всей Европы
Травили гитлерами нас.

Пора бы вспомнить,
как встречали

Того,
кто мир принёс в их дом.
Мы столько раз их выручали, –
Возможно ли забыть о том?!

В нас нет ни зависти,
ни злобы,
И ложью нас не очернить!
Шипят,
как змеи,
руссофобы,
Да нечем –
дряхлым –
укусить!

Нам мерки западные узки.
Наш дух извне несокрушим.
Мы всё по-своему,
по-русски
Без попечителей решим.

Народ не сдвинуть к переменам,
Где вознестись наверх горазд –
Кто исподволь,
по сходным ценам
Себя и Родину продаст,

Готов на лживые посулы,
Кому все средства хороши ...
У политической акулы
Нет сострадательной души!

И, верно, тот в себе похерил
Способность выйти из невзгод,
Кто в демократию поверил,
Не веря в собственный народ.

Идёт –
под все увещеванья,
Под обольстительный накат,
Наивно веря в обещанья, –
Голосовать –
электорат.

Бурлит,
как видимость участия,
По пустякам горячий спор.
А механизм народовластья
Не отработан до сих пор.

И рукоплещут воеводам,

Срубившим голову рабу:
Ведь не позволено народам
Самим решать свою судьбу!

Подмять планету
Капитолий
Лелеет давнюю мечту,
Рядясь владельцем монополий
На истину и правоту.

И с переменной всех понятий
Мы поздно поняли трагизм
Перерожденья демократий
В бисексуальность и фашизм.

Тем не дано избегнуть ада,
Кто молится другим богам.
И смерть несущая армада
Плывёт к далёким берегам.

Презрев великие утраты,
Мечи с оралами скрестя,
Идут по миру демократы,
Народы по миру пустя.

2014

За железным занавесом

Когда,
стремясь очиститься от лжи,
Стираем мы с ланит своих румяна,
Здесь властью облачённые мужи
На нас собак навешивают рьяно.

Не на руку им это ремесло
Пред грозным ликом всепланетной стужи:
Они,
лишь только было б нам назло,
Себе готовы отморозить уши.

В чём ненависти брызжущей исток? –
Бояться правды нашей,
как цунами.
Мир поделил на Запад и Восток
Железный занавес,
опущенный не нами.

Мы не спешили занавес крушить
И племена не сталкивали лбами,
Но,
как могли,
старались от души
Преодолеть преграды между нами.

– Обрушена берлинская стена! –

Европа от восторга голосила.
Теперь она решимости полна
Отгородить Украину от России.

Убавит Время ненависти прыть.
Устанет от насилия природа.
Но не дано стеной разъединить
Два навсегда сроднившихся народа.

2014

В краю заходящего солнца

Здесь здравый смысл –
рассудку не хозяин:
Их разделяет бурный океан.
И горький смрад дымящихся окраин
Здесь выдают за утренний туман.

Здесь ложь распространяют,
как заразу:
Чтоб правду скрыть,
все средства хороши!
Одни враньё рождают по приказу,
Другие – по призванию души.

Здесь рукоплещут тёмному майдану,
Приемля всё,
чему названья нет.
Расчёт и алчность прут по автобану,
А нравственность отброшена в кювет.

2014

* * *

Проявит утро мрачные руины
И терриконы, скрытые во мгле.
Кровавые горошины рябины
Рассыпаны по выжженной земле.

Какая миру русскому острастка –
Зловещий призрак будущей войны!
Недвижно всё,
лишь детская коляска
Качается в пробоине стены.

2014

О любви

На мачтах уставшие флаги.
Свод неба прозрачен и бел.
В День города остров Елагин,
Как улей пчелиный,
гудел.

На творческом допинге стресса
Читали,
 встречая рассвет,
О страстной любви –
 поэтесса,
О долге гражданском –
 поэт.

А после –
 мол слуги пера мы, –
Затеяли,
 парню в укор,
Литературные дамы
О вечном в поэзии спор.

И Музе послушное племя
Выносит вердикт без суда:
Гражданственность –
 это на время,
Вот лирика –
 то навсегда ...

Над явью,
 как сон быстротечной,
Амурным пиитам под стать,
И мне захотелось
 о вечной,
Великой любви
 написать.

Любви не хватает Отчизне.
На верных в любви – недород.
Пусть всё,
 как в действительной жизни,
С героями произойдёт.

Отмеченные небесами,
Отвергнув мещанство и блуд,
Под алыми
 пусть
 парусами
В счастливое завтра плывут.

Корабль их не будет бумажный
И не разобьётся о быт.
Герой мой такой же отважный,
Как... тот,
 что в Донецке убит.

А что написать о девчонке?
Похожа во всём на модель –
На ту,
 что в далёком Гонконге
Собой украшает бордель.

Приют дав сиротам и вдовам,
Гонимым проклятой войной,

Родители их под Ростовом
Погибнут от мины шальной.

Сойдутся герои поэмы
Воздвигнуть свой Спас-на-Крови ...
Я,
 кажется,
 вышел из темы ...
О чём я?
 Ах, да – о любви.

2014

Алмазная твердь

Разложения запах,
Увяданья печать ...
Вновь забывчивый Запад
Взялся нас поучать.

Чтоб с побитою ----
Снова лезть на рожон,
Кукловодит Европой
Новосветский пижон.

Молью траченным,
 пухлым,
Пригубившим абсент,
Напомаженным куклам
Передал свой акцент.

Врут,
 что духом калеки,
Что,
 мол,
 точим кинжал ...
В их корыстной опеке
Яд нацеленных жал.

И под сердцем Европы
Потерпевшие крах
Сатанеют холопы
С булавами в руках ...

Нам твердят,
 что чумазы,
Что колтун в бороде ...
Мы чисты,
 как алмазы
В быстротечной воде!

Те,
 кому мы не любы,
Кто пророчит нам смерть,
Раскрошат свои зубы
Об алмазную твердь!

2014

Анатолий НАЗИРОВ

* * *

Когда срезается последний корешок,
Питавший душу соками земными,
Душа, переживая горя шок,
Нас делает болезненно немymi.

А стебель духа в небо устремлен,
Срываем ветром жизни без кореньев.
И страстью-солнцем он испепелен
Для созиданья нового творенья.

* * *

Во время таянья снегов
Закралась тайная тревога,
И тишиной твоих шагов
Дышала дальняя дорога.
Осадки горечи стихов
Ещё бродили хмелем ранним,
Остатки запаха духов
Ещё томили старой раной.

Проволока

Обмотался колючей проволокой,
Пропустил по ней ток электрический,
Чтобы, глядя ладонью шёлковой
Меня, как ежа с иголками,
Приходила б ты в ужас панический.
Не пугало меня напряжение
И смерть по своей небрежности.
Боялся я только сожжения
От капли полученной нежности.

* * *

Тебе меня немного не хватает,
Как лунной ночи Млечного Пути.
Весенним снегом наша нежность тает,
Надежде помогая прорасти.
Звенящим колокольчиковым полем
В нас говорят минуты забытья.
И, словно подчиняясь высшей воле,
Немую грусть в дыханье затая,

В туманном сновиденье замечаю
Волнующий божественный проект:
Дорога лунная спокойными ночами
В небесный выливается проспект.

* * *

Сказала ты,
Что жить не хочешь,
Что жизнь хохочет
Оскалом лжи,
Что беззащитно,
Хоть и обшито
Сердечко стужей
Твоей тиши.
И как ответят
Мне камни эти,
Что в постаменте
Твоей души?

Женщине

Бледным ландышем вяло и тускло
Опустилась устало ладонь,
Вы склонились к ней мятою блузкой
С переливами цвета бордо.
Вы напились обманами жизни
И наелись смертями надежд,
Примирились с тоской укоризны
Беззастенчивых с Вами невежд.
Из поклонников только поэтов
Допустили до края души,
Чувства стылые смятым букетом
Перестали в себе ворошить.
Ландыш вещей с пятью лепестками,
Нитью синей питающий жизнь,
Сердце сдерживая корешками,
Удержи ты её, удержи.

* * *

Твои глаза отчаянно молчали,
Искали свой невысказанный глас,
Рассеянный шагами из слогов.
Твои глаза красноречивей

Велеречивых красных языков
Морских сирен, что чаровали
Полубогинь, полубогов,
Оживших в нас...
Я — глаз твоих невысказанный глас.

Весна

Я увидел издалека,
Как ты, воздушна и легка,
Крылатой феей неземной
Так пропарила надо мной,
Над талым снегом и травой,
Что вместо молока
Коты из лужи дождевой
Лакали облака.

Рыжая дама

Юная рыжая дама по имени осень
Робко стучала рукою в перчатке золотой.
Дверь otvorил, и она заглянула мне в просинь
Глаз моих серых своею заветной мечтой.
И удалилась неспешно, степенно и важно —
Было напрасным занятием её окликать.
В сердце, что билось тревожно, мятежно,
отважно,
Хлынула зимнею стужей мирская тоска.

Дочери

Пушистой лапкою котёнка
Душа смывает горечь слёз
При виде бедного ребёнка,
Что от меня вдали подросток...
Ты чистым васильковым взглядом
Высвечиваешь дно души,
И словно расцветают рядом —
Лесное чудо — ландыши.
Благоухая соучастьем,
В твоей душе живут цветы.
Ко мне тогда вернётся счастье,
Когда счастливой будешь ты.

* * *

«Отчего ушёл?» — спросила.
И вопроса равной силы

Во Вселенной не звучало.
Его птицы прокричали,
Свои гнёзда покидая,
Листья скорбные в печали,
От берёзы отлетая,
И нахлынувшие тучи,
Прозвучавшие певуче,
Кучной влагой выпадая.
Отвечал до боли странно:
«Умирают люди рано,
Жизни смерть предпочитая,
И наносят сердцу рану,
Раной раны исцеляя».

Антоний и Клеопатра

Антония портрет не полн.
Светония Шекспир дополнил
Доподлинно и в лицах:
Львицей Клеопатрой
Леопарда Рима — зримо.
Парад из града стрел
Страстей — и вдрызг сердца,
Но риск мерцать
Перед царицей
Агонии царей сильней.
Антоний к ней
Пучиной крови и безумств,
И муз,
Шальной стихией Востока
Жестоко влеком,
Влеком и Стикса стоком.

90-е

Кашпир во время Чумака —
Кошмар, не ведомый Шекспиру.
Чума таскает кексы с пира,
А мы устраиваем пир.
Изверясь, в ересь впал народ —
И вот: зачал начальство и зачах,
В очах отчаянья тоски резки,
Кисть времени холодные мазки
Накладывает гримом смерти.
О, Верди реквием, звучи
От жизни лучшим отлученьем.
Кашпир во время Чумака,
Как пир, не бремя для чумы.

Нейтрино

Улетучивается, как тля,
Улетучивается:
На магнитные поля
Не накручивается.
А хотело б ты в ядре
Успокоиться,
А хотело б ты в игре
Узакониться.
Вылетает жизнь в трубу
Тускло-длинною:
Проклинай свою судьбу
Ты нейтринную.

* * *

Сердце шаманит ударами бубна,
Будит и манит волной состраданья,
Будто воистину благо доступно
При погружении в мир подсознанья.
Пусть, ударяя, безумствует бубен,
В пляске шаманской — эмоции вихрем
Душу несут через сумерки буден
К новым скрижалям и праздничным играм.

Влюбленный фонарь

Неву проходит вброд раскованно и смело
Сквозь утреннюю хмарь роскошная заря.
Ей лихо подмигнул: «Кому какое дело?» —
От слякоти хмельной, бесформенный фонарь.
Он плотно закусил куском сырого мрака
И делится теперь с весёлою зарёй...
Бродяги фонари, меж ними вышла драка —
Кто вспомнит о заре, тому и глаз долой.

Суд

Суд Ореста, Сократа, Иисуса...
Кто из нас избежал суда?
Видно, смысл слов души «Вознесусь я» —
«Я возницею несусь сюда».
Жрицы храма суда суровы,
Судный день — очищение души,
Изваяние чувства нового:
Не покаешься — согрешишь.
Умывание рук — омовение:
Мысль, познавшая лишь себя, —
Обретающая обновление,
Отрезвляемая судьба.
За пределы сознания выйти
И осмыслить его как предел —
Всё равно что из ямы вырытой
Для себя сотворить надел.

Юрий ПЕЙСАХОВИЧ

Я знаю сам, чего я в жизни стою

Я знаю сам, чего я в жизни стою –
Душевных сил источник не иссяк,
Моя, казалось, частная история,
Поверкой оказалась не пустяк.

Учился, может быть, не так, как все,
Был при погонах три десятилетия...
Чтоб не казаться – быть на высоте –
Чернобыля хватило лихолетья...

К тому ж мои стихи: не то сказал,
Не так сложились строчки, где списали...
Святого нет, и в спину – наповал...
Здесь не упустят и простят едва ли...

А я любил... И больно мне до слёз:
Друзей моих осталась половина...
От юношеских романтических грёз
До седины глубокой путь мой длинный.

От маминого брата имя взяв,
Через отца, солдата-ветерана,
Воистину, что жизнью смерть поправ,
Я их в себе ношу сегодня раны.

И, перемножив этакую боль,
В день юбилея праздника Победы
На радионуклиды, вдруг, изволь:
Мне две поэмы захотелось сделать.

Как память всем, кто мёртвый и живой,
Не предал дела и души не продал,
Я шёл с отцом дорогой фронтовой
И через сердце пропустил Чернобыль...

О, сколько это выстрадано мной,
Где от контрастов кровь застыла в жилах?!
Я, опалённый ядерной войной,
Во имя веры был обязан выжить.

И вот, уже пульсирует в крови
Моя любовь, спасённая, как чудо...
И, что ты там теперь ни говори,
Я завещаю эти строки людям.

И мне «спасибо» скажет ветеран
И будущий потомок, прочитав их,
Солдаты умирают не от ран –
От пустоты душевной и утраты...

А наша память тем и хороша,
Что среди ада что-то там забрезжило,
И встрепенулась чуткая душа
К щемящему, и хрупкому, и нежному...

Неугасимый вечности огонь...
Как память – День Защитника Отечества
Всем выигравшим страшную из войн
Во имя жизни рода человеческого.

Как жаль, что мир не может без войны,
И так ли неизбежны катастрофы?
Одной бедою мы обручены,
Одной Победой праздничные строки...

Неугасимый вечности огонь...
И мы цветы несём до монументов –
Великий День Победы, праздник мой:
Салют тебе моих аплодисментов!..

Весна Победы

(отрывок из поэмы «ВОЙНА»)

*Посвящается
моему отцу,
ветерану В.О.В.*

Пейсаховичу Иосифу Львовичу

Любовь моя, Отечество моё,
Моя Россия, женщина святая,
Я праздную величие твоё –
Твою Победу в День девятый мая!

Не видел я ни пепла, ни огня,
Родившийся в победном, 45-м...
Но та война коснулась и меня –
Я сыном был окопного солдата.

Его рассказы - боль фронтовика -
Мне были, как уроки первых книжек,
Где красная заглавная строка:
Какой ценой возможно было выжить?!

Покуда мы, крещённые огнём,
Врага утопим в пенящемся море
И Гитлера из памяти сведём,
Страна в слезах своё утопит горе.

Нельзя утешить плачущую мать,
Ничто потери сына не заменит,
А лейтенанту было двадцать пять...
И сердце той беде ещё не верит...

О, сколько их, мальчишек той поры,
Ушедших на войну, не возвратилось!..
Девчонок, повзрослевших до зари,
Слезами материнскими омылось...

Здесь судьбы мира взвешивались строго:
Победу нам даёт лишь кровь и боль –
Дорогою, длиной в четыре года,
Прошли, Европу заслонив собой...

Была примером битва за Москву,
Где наш солдат сражался и не дрогнул,
И каждый, наступив на «не могу!..»
Почувствовал себя за бой тот гордо!

И ленинградцы, взяв блокады груз,
Держались с удивительным упорством...
Им помогал тогда весь наш Союз,
Опять же, испытав за стойкость гордость!

Твой беспримерный подвиг, Сталинград –
Те двести дней перемоловших фрица,
Что сдался в плен и был безумно рад,
Что худшего уже с ним не случится...

И вот - сорок четвёртый год... зима...
Январский день и – прорвана блокада!..
С великой благодарностью страна
Дала Салют героям Ленинграда!

Так наступил великий поворот –
И ход боёв теперь уже менялся,
Хоть День Победы был ещё далёк,
Но в нём уже никто не сомневался...

Он вспоминал блокадный Ленинград,
Когда шагал до самого Берлина
И памятный «катюш» гвардейский залп,
Который о победе возвестил нам.

Дождались мы хрустальной тишины
Девятого, проснувшись утром рано...

Но то был не последний день войны,
Ещё не все зажили наши раны...

И был дальневосточный эшелон,
Что увозил отца бить самураев...
Тот самый – справедливой силы звон,
Который злу надежды не оставил.

Так было, есть и будет навсегда:
«Кто к нам с мечом – тот от меча погибнет!..»
И красная кремлёвская звезда
В солдатском сердце отзывалась гимном!

Через окопы, рвы и блиндажи
Молитвою, легендою, стихами
По фронтовым дорогам вместе шли
Сквозь мир, что где-то рухнул за плечами.

Великий миг Победы был нам дан,
Мы почестей за будни не просили,
Солдатскую наградой были нам
Честь, Слава, Доблесть, Торжество России!

Смотрю с балкона праздничный Салют,
Что красками расцветивает небо...
Сейчас ещё раз сам себе налью
Сто грамм, чтоб выпить стоя: «За Победу!..»

За деда, за отца и за соседа –
Тех ветеранов, что прошли войну
И спасли нам праздничное небо
И эту жизнь, которою живу...»

Мне есть с кого учиться быть в строю,
Перетерпеть от самой страшной боли,
Чтоб, стоя у Планеты на краю,
Итожить: этой жизни был достоин!

И, вспоминая памятные дни,
Я поклонюсь седому ветерану,
Родившийся в последний день войны,
Его в себе ношу сегодня раны.

Я видел много пепла и огня:
Чернобыль – это тоже поле боя...
Берлин горит – огонь вошёл в меня...
Друзей моих моё постигло горе...

И в тишине, почти что гробовой,
Мы, два солдата – я и мой отец,
Как клятву повторяли: «Подвиг твой –
Бессмертен, как Весны Победы цвет!..»

Но нет теперь и моего отца,
Не выдержало сердце у Солдата...
И в этот День Победы бьёт слеза,
Потерянная в праздник им когда-то.

И сколько б ни прошло далёких дней,
Немало поменялось поколений,
Но цвет Весны и воинских побед –
Действительно великое явление.

Святая память бережно хранит
Далёких дней России нашей Славу,
Парад Победы душу бередит,
Вселяя гордость за свою Державу!

Заря в полнеба, день ЧАЭС

Закат был пепельно-печален
И походил на жёлтый ворс...
А я сидел среди развалин,
Меня терзал один вопрос:

И, если выжить я сумел бы
При новой атомной беде,
Зачем мне утреннее небо
В крестах из мёртвых лебедей?

Мне яда полные колодцы,
Зерно, таящее чуму,
Земля в её нагом уродстве,
В её безмолвье – ни к чему!..

Не проливайте зря бесценных слёз,
Своё добро не раздавайте даром,
Ведь мы живём под атомным ударом
Заряженных бедой метаморфоз...

Быть может, в этом суть догадки:
Мы так стремительно живём,
И так мгновенья жизни кратки,
Как памяти апрельский гром.

Заря в полнеба, День ЧАЭС...
Вода малинового цвета...
И бесконечно рыжий лес –
Отравой мёртвой по Планете...

И вдруг вошло в моё сознание,
Что миру этому теперь
Бедою угрожает знание,
И мы виновники потерь

Его лесов, его пучин,
Его зверья и стай беспечных,
Что гибнет он, святой и вечный,
От наших временных причин.

Кому сказать: «Остановись!..
Не заноси топор и атом!..
Ты станешь плакать по утратам,
Опустошившим нашу жизнь!»

Могу ли щуриться на солнце,
Раскинув руки под сосной,
Когда неумолимый стронций
Раскалывает шар земной?

И как мне выжить в мире диком,
Когда от войн осатанев,
И на людей и на гвоздики
Он свой обрушивает гнев?

И нескончаем путь назад,
В то давнее, пережитое,
Когда случился этот ад
В апрельский день, двадцать шестое...

Ко мне стремятся свет и звуки,
Вся боль, все радости Земли,
И мне не страшно сжечь без муки
Свои цветные корабли.

И пусть тогда уносит парус
В туман, в безвестные края,
Пусть надо мною, спотыкаясь,
В тот миг погаснут тополя...

Капризы природы – 2013 *(апрельская весна)*

Сегодня – первое апреля –
Метёт, как в первый день зимы...
Я сам себе уже не верю,
Надеясь на приход весны.

Вот шутки: первое число –
Уже второй весенний месяц...
И это даже не смешно,
Когда всё снег с водою месят...

Природа шутит – «Боже мой»!
Надежды нам не оставляет,
Друзья смеются на мной:
Невероятно... Но – бывает...

А мне на сердце тяжело,
Опять мои промокли ноги...
Я видел всякого всего,
Но эта боль, как знак тревоги.

Запомнил этот знак беды:
Апрельский день – двадцать шестое...
Нам снег апреля той войны
Принёс невиданное горе.

С тех пор прошло немало лет,
Два поколения сменилось,
Но снег апреля – это грех
За то, что мы не повинились...

Мы позабыли, что прошло,
Какую цену заплатили –
Уже тогда ушло тепло,
Сменили будущее – были...

Лишь «ликвидатор» - мой собрат -
Навек о том не позабудет:
Невидим был наш этот враг...
Сегодня в жизни путь наш труден.

Чернобыль «дышит» каждый год,
Меняя нам прогноз погоды,
Предупреждая наперёд
Апокалипсис высшей пробы...

Смотрю тревожно за окно –
Снег продолжает крупно падать...
В автобус, на трамвай, в метро –
Где скрыться, забыв про слякоть?

Апрельский снег – загадка дня,
Прогноз погоды не уверен,
Он хочет испытать меня:
Смогу ли снова я поверить?

Вернусь ли вновь к словам любви,
Улыбкой выйду ли навстречу?
Нас заморозили, - увы! –
Ещё один холодный вечер...

А может, это шутит март
Или февраль, что дни добавил?
Мне карты обещают фарт
В игре, которая без правил...

И я кричу: «Даёшь Весну!
Долой погодные несчастья!..
Я очень многого хочу
На самый полный короб счастья!»

Нам снег апреля опалил виски

«Последствия не так уж велики...» -
Правители вещали из эфира...
А снег апреля опалил виски,
И боль из сердца всё не уходила...

И вот теперь, нечаянно живой,
В своей свирепой памяти сгорая,
Друзей своих, отправив на покой,
Я четверть века их не забываю...

Аварию узнав не по газетам,
Пройдя сквозь «бэры», «греи» и «кюри»,
Я осенью, весной и жарким летом
К Аллее нашей должен подойти.

Лежат здесь те, кто тихо защитил
Мою страну от громкого позора,
Кому посмертным орденом узором
Бессмертник ярко рдеет у могил.

Однажды всех на боль нас обрекли,
И не изжить навек теперь проклятья...
Я поклонюсь вам низко до земли,
Стихами вас оплачу, мои братья...

Вселенная, прошу: храни и помни –
Чернобыля не забываем гром...
У памятника скорбно гаснут звёзды,
И реквиемом нам весенний гром...

Нам снег апреля опалил виски...
Собрались здесь бойцы из зоны риска...
Друзья мои, соратники мои,
Всё меньше нас приходит к обелиску...

Вера КЧЛЕМИНА

Блокады прозрачная ночь

Прозрачна ночь,
Прозрачны люди,
Идущие прочь.
Прозрачны губы.
Прозрачны вены,
Что будят висок.
Прозрачно время
Прозрачных строк.
Под мерные стуки
Шагов метронома,
Сквозь толщу разлуки,
Сквозь стены
 прозрачно-промерзшего дома,
Сквозь веки без сна,
Что твердят: «Не пройдёте».
Сквозь боль, что дана,
И надежду из плоти.

Пядь земли

На смерть идущие, простите,
А вы уж прощёны давно.
В глазах живущих предстоите
Немыми кадрами кино.
Но жизнь не сменишь кинолентой.
Вас не поднимешь вновь и вновь
И в эти страшные моменты
От горя закипает кровь.
Вы пали, грудью защищая,
На эту пядь родной земли,
Что стала пропуском от рая,
Страну от гибели спасли.

Ты защити меня, родной

Увы, не будет всё как прежде,
Земля беременна войной.
Устала жить я без надежды,
Ты защити меня, родной.

Жизнь без тебя в потоке дней,
Теряя смысл, несётся в вечность,
Сопровождая в бесконечность
На колеснице без коней.

Земля беременна войной.
Пусть никогда не разродится.
Пусть бесконечно жизнь продлится,
Ты защити меня, родной.

Истина

Поток времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей.
Живи в трудах иль в наслажденьи,
Сотрет все в пыль, лишь горсть идей
Оставит будущим потомкам.
И только то лишь человечно,
Что нам давно сказал Христос.
А все другое бесконечно,
Меняясь лишь в своих началах,
Порочно все в своих оскалах,
Забудем мы, кто б ни принес.
Как странно и непостижимо
Играет с нами чувств река.
И как порой необъяснимо
Вершится миг и на века
Когда ж свершится это чудо,
То, будь то подвиг, иль любовь,
Душа молитву не забудет,
И льется благородство в кровь!
Откройте душу для страданий,
Впустите радость, жалость, нежность,
Любви верните обаянье.
Пусть сердце ощутит безбрежность,
И солнца свет, и звезд мерцанье,
И станьте частью мирозданья!

Санкт-Петербург

Люблю я Невские просторы.
И пусть у львов суровы взоры,
Их не боюсь, гляжу с восторгом
На лики сфинксов слишком строгих.
Морозом тронутый гранит
Нас всех тревожит и манит,
Храня влюбленных разговоры,
И сада Летнего узоры.
Твоих соборов купола.
Они звонят в колокола.
Ажурный облик открывая
И заключая в свой проект,
Рукою мудрой направляя
Вдаль торжествующий проспект.
Твой образ гений создавал,
И удивлял, и восхищал.
Мостов чугунных силуэты
Хранят вопросы и ответы.
И Петр на вздыбленном коне,
Над гадом грозно вознесясь,
Воздвиг здесь город не спросясь.
Огонь твоих колонн Ростральных,
Он как маяк в походах дальних,
К нему на гребне невских волн,
Всегда плывет послушный чёлн.
И Ангелы, расправив крылья,
Парят на шпилях без унынья,
Храня торжественность твою,
Века над ними проплывают.
Их стаи туч сопровождают,
Любовь и честь им отдают.
В роскошных парках, на прогулках,
На шумных площадях,
В безлюдных переулках,
Несёшь в себе познания страх.
Узнать смогу я по прохожим
Тебя, единственный, несхожий.
У тротуара звук в ночи
И свет, и сумрак не молчит.
Симфония - ты сам себе.
Ты одинокий по судьбе.
Хотя живёшь ты в упоении,
Любви к себе и в поклонении.
Прекрасен ты в лучах восхода.
В дождях, идущих с небосвода
И в молоке ночей.
Ты мой, ты наш, и ты ничей!

Молох время

Беспощадный Молох время.
Упустишь счастья жизни миг
И не спасет, коль не постиг,
Не попадая ногою в стремя,
Успокоение простоя.
А может это все пустое.
Быть может в опозданьи счастье?!
Постой – грустить, не торопись.
Коль, натянув поводья, жизнь,
Заставит переждать ненастье.
Судьба твоя, или небрежность,
Толкнув с дороги в неизбежность.
Ты в муках силишься понять,
За что, зачем такие страсти?!
Биенье сердца не унять.
И жаждешь прошлое объять,
Воспоминая веры в счастье.

Мысль подобна ветру

Кипело море, ветер выл,
Сквозь тучи молнии сверкали.
Их неземной глубинный пыл
Мог пощадить меня едва ли.
В камнях прибрежных, затаясь,
Я словно хищник, наблюдая,
Глядел, как, набегая, вал, крушась,
Змеёй шипел, прочь уползая...
А я всё ждал девятый вал.
Мне было мало страха, боли.
Зачем же бог мне разум дал?
Коль не унять терзаний воли,
Желанья, страсти и борьбы.
Круша, не принимать мольбы.
Как смог за свой короткий век,
Забывать, что я есть человек.
Сердито ветер с моря дул,
Он показал стихий разгул.
Порою мысль подобна ветру,
Её мы сдерживать должны,
Не за характер дикий вепря,
Нас уважают за умы.

С любовью веруя

Я не ропщу и полной мерою,
Всю горечь выпью я до дна.
С судьбой не чокаясь,
С любовью веруя,
В надежде, что я не одна.
Хранима ангелом своим,
Я преклонюсь поклоном низким,
В душе, с любовью к своим близким,
Пред озареньем, Господи, твоим.

Память

Отчего же печальны глаза?
Отчего продолжают плакать?
И с небес продолжает капать
Память-боль, отпустив тормоза.
Видно прошлое слишком близко
Подпустила я, дав слабину.
Что же тучи идут так низко?
Не забыть мне мою половинку.
В летний зной, как песок струилась.
В зимней стуже таяла льдинкой.
Для тебя я была тростинкой,
Даже если я очень сердилась.
Дудочкой, нежной свирелью.
Улыбаться могла сквозь слёзы,
Неба холст расписав акварелью,
Вопреки нашей серой прозе.

Глаза словно небо

Глаза, словно небо,
Ушел, словно не был,
Исчез, растворился в лазурной дали.
И лишь только волны
О милом напомнят,
И только прибрежным
Шепотом нежным
Высокий тростник о тебе говорит.

Воспоминания до боли

В быстротечной суете
Менялись лица, дни и ночи,
Признанья делались короче
И повисали в пустоте.
Бессильем слёз, одна, без воли,
Свечой горят мне в зазеркалье
Воспоминания до боли.
Есть высший смысл души признанья.
На островах любви покой
Лежит законченной строкой.

Земная красота

Край солнца, задев кружевную листву,
Играющим бликом луча озарил,
Раскрасив небесную высь, как мечту,
Земной красотой всё вокруг одарил.

Музыка дождя

Слыхали музыку дождя?!
А композитор тот апрель,
Он, мелким дождиком дробя,
Вдруг превращается в метель,
Затем, опомнясь, озарил
Лучами яркими с небес.
Он никого не позабыл,
Он дверь в весну нам приоткрыл,
Он полон солнца и чудес.

Апрель

Торопливо снег ложится
Белой шалью вдоль дорог,
Но недолго вьюге злиться,
И в проталинках сочиться
Станет ледяной комок.
Вновь затянет свою песню
Развесёлая капель,
Растревожит и согреет
Всех заботливый апрель.

Улыбка

В темноте мне всё солнце чудится
И его негасимый свет.
Я живу на счастливой улице
И весне говорю «привет»!
Ожидаю прилёта птиц
И восторга весенних лиц,
И весёлого света глаз.
И не гелем накаченных,
Милых губ не растраченных,
С сумасшедшей улыбкой у Вас!

Тишина

Мой друг, послушай тишину.
Она звенит, она жива
И дарит мысли глубину,
Ей не нужны слова.
В ней слышен шепот камыша
И плеск волны, и щебет птиц.
Я, затаившись, чуть дыша,
Услышу падающий лист,
Дождинок капающий звон
И в небе клекот журавлей.
И тишина со всех сторон,
Покой над Родиной моей.

Волшебна музыка звучала

Притихший зал неторопливо
Заполнил звуками рояль.
Он то печально, то игриво
Нас уносил беспечно вдаль.
Кружились мысли и желанья
И под осенний листопад,
В мечтах на первое свиданье
Спешу, как много лет назад.
Слетают нежные признанья.
В цветущей пене тонет сад.
С губами – губ соприкасая,
Безмолвно взгляды говорят.
Забывтый вальс воспоминаний
Тревожит прошлые сомненья.
Во власти сладостных мечтаний
Вновь будят чудные мгновенья.
Волшебна музыка звучала
И пальцы, медленно скользя,
Неторопливо возвращали
Все то, о чем забыть нельзя.

Татьяна НИКОЛАЕВА

Мой Ленинград

Родной мой город, я горжусь тобой!
Ты выстоял в блокаде столько дней!
Мой Ленинград, по праву ты - герой,
Ты - колыбель выносливых людей!

Ты был изранен вдоль и поперёк,
Зияли окнами разбитыми дома,
Но никогда ты не был одинок.
Не заморозила тебя суровая зима.

Шёл обессиленный от голода народ
По улицам заснеженным твоим,
Чтоб встать к станкам на Кировский завод
И фронту помогать трудом своим.

Что вынес ты?.. Нам это не понять,
Хоть слышали об этом мы не раз
От тех, кто может правду рассказать
Без выдумок и всяческих прикрас.

Не удалось с землёй тебя сравнить,
О милости врага не попросил,
Ты показал, как надо побеждать,
Пусть даже вовсе не имея сил.

Держался город девятьсот тяжёлых дней
И не одна сегодня я горжусь тобой.
Прими поклон от множества людей,
Герой со страшной и прекрасною судьбой!

Моему городу

Не нужны мне заморские страны.
Эксцентричный, мистический, странный,
Мой родной и доверчивый друг,
Я люблю тебя, Санкт-Петербург!

Я люблюсь твоими дворцами,
Разведёнными ночью мостами,
И фонтаны мне нравятся очень
В бликах северной Белой Ночи.

Летний сад и чудесные парки,
Церкви, памятники и арки,
Всех домов твоих старых фасады,
Набережных гранитных наряды.

Перечислить всего невозможно.
Город ласковый, строгий, тревожный,
Ты владеешь людскими сердцами,
Души чайкой летят над волнами.

О величье твоём песни спеты,
О красе твоей пишут поэты.
Город, скольких же ты вдохновил?
Ты частичку себя в них вложил.

Город Пушкина и Достоевского,
От окраин твоих и до Невского,
Город – сказка над гордой Невой,
Я люблю тебя, город мой!

Петербургская метаморфоза

На Университетской набережной Петербурга,
Где чайки белокрылые кричат,
Два сфинкса, как два закадычных друга,
Меняют выражение лица.

Так умиротворён и так спокоен,
Так до полудня безмятежен странный лик,
Но лишь светило повернёт к покою,
Вы удержать едва сумеете свой крик.

Метаморфоза лишь одно мгновенье длится –
Лик изваянья перевоплощён
И смотрят угрожающе глазницы.
Зловещим будет в это время он!

Перед заходом солнца тень летает
И истуканов накрывает злая тьма.
Насколько это точно, я не знаю,
Но говорят, что даже сходят там с ума.

* * *

Красота в своей бесконечности –
Грубый металл и нежность цветка.
Любовь, застывшая в Вечности,
Сердце мастера и мечта.
Снежной королевы холодный взгляд
В магии Санкт-Петербургских оград.

Поцелуев мост

Говорят, он служил для прощаний,
Где была городская черта,
Говорят, он служил для свиданий.
Эта версия тоже не та.

Проще всё и не так эстетично:
«Поцелуй» - звался старый трактир.
Может быть, в нём поили отлично
Или кто-то устраивал пир?

Через Мойку был мост перекинут,
По нему путь к трактиру был прост,
А на рты ведь «платки не накинут» -
Поцелуевым назван был мост.

Всё не так уж и романтично
И все сказки развеяны в прах,
Но название моста поэтично
В песнях многих звучит и стихах.

Ад или рай?

Всех мучают вопросы век от века –
Куда же люди после жизни угодят?
Однажды сон приснился человеку,
В котором посетил он рай и ад.

Сначала он в раю остановился,
Где было всё красиво и светло,
И человек нисколечко не удивился,
Что всем, живущим там, привольно и тепло.

Они гуляли меж цветов чудесных
И прямо все светились добротой,
От их улыбок, словно солнце, ясных
У человека был в душе покой.

Там пели птицы, бабочки порхали
И каждый был его приходу рад...
Два ангела неслышно пролетали,
Он попросил их показать, где ад.

Те согласились и его подняли,
На лёгких крыльях унесли с собой.
Они не долго в небе полетали
И человека опустили в сад большой.

Там тоже оказалось всё чудесно:
Цветы и воздух, яств полны столы
И пели птицы так же повсеместно,
Но только люди были очень злы.

Причины человек так и не понял,
И ангелам вопрос решил задать:
«Не знаю, чем же люди не довольны,
У них есть всё, зачем же им страдать?»

Два ангела с печальной улыбкой
Ответили, что на беду свою
Те люди думают, что сделана ошибка
И, несомненно, жизнь прекраснее в раю.

Поэтессы

Поэтессы – такие создания,
Что гуляют по звёздным тропам
И с Луною спешат на свидания
В небе тёмном бездонно-высоком.

Могут стать легкокрылою феей
И над вами промчатся неслышно,
Могут стать иногда королевой,
Что на троне сидит в платье пышном.

Поэтессы – такие создания,
Могут нежно и страстно влюбиться
И писать дорогому признания,
Не боясь в силе чувств ошибиться.

Над собой в состоянии смеяться,
Ждать, как праздника, вешние грозы,
Чтоб под тёплым дождём прогуляться,
Что навеет безумные грёзы.

Поэтессы – такие создания,
Смех и слёзы у них близко очень,
Они пишут про расставания,
Про весну и про яркую осень.

Им важнее всего сила чувства,
Они дружат с прекрасной мечтою,
Любят всю душу искусство,
Что пронизано доброю.

Поэтессы – такие создания,
Им нужны теплота и доверие.
И, конечно, немного страдания
Для стихов. Это точно, поверь мне.

Поэтессой быть сложно и больно,
Словно ходишь всё время по краю,
Но мы участью этой довольны,
Вечно Бога за то прославляя.

Мы готовы на боль и страданья,
Чтобы ввысь улетать за мечтою,
Чтобы не пропадало желанье
Наслаждаться пришедшей строкою.

От придуманной рифмы хмелея,
До рассвета без сна мы проводим,
Горько-сладкие мысли лелея,
В закоулках заоблачных бродим.

Странные поэтессы создания,
Но один вам секрет я открою,
Что своим мы гордимся призванием,
Этим счастьем, нам данным судьбою!

* * *

Нам надо чаще говорить: «Люблю!»
И жизнь тогда не будет чёрно-белой,
Она раскрасится подобно сентябрю,
Такой же станет разноцветно-смелой.

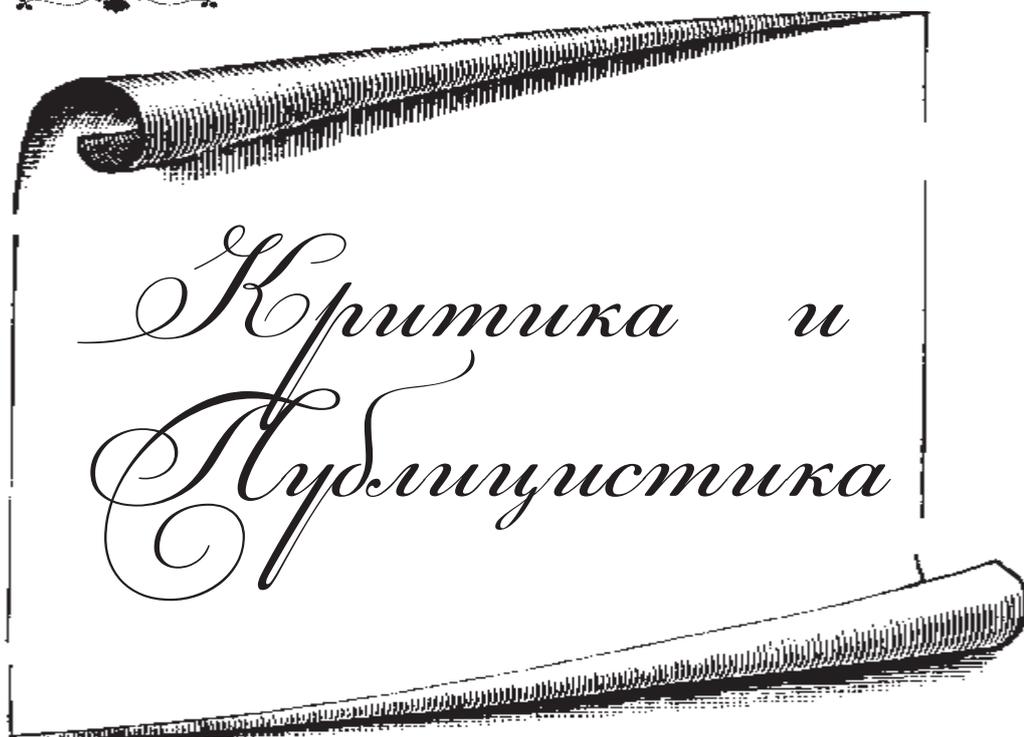
Любить не только близких и себя,
Любить людей, животных, птичек разных,
Луну и звёзды, что в ночи горят,
И солнце, что сияет в небе ясном.

Любить улыбки, слёзы и слова,
Порыв души, талант, полёт фантазий,
Чтобы от счастья закружилась голова,
Любить стихи, романы и рассказы.

Весенний дождь и капли на стекле,
И вспышки молний, и раскаты грома,
Зимой под пледом нежиться в тепле,
В уюте и добре родного дома.

Любить церковный звон колоколов
И наслаждаться музыкой и песней,
Свою страну любить без лишних слов...
Любите жизнь, и она станет интересней!

Иван ИЛЬИН

*К семидесятилетию ДНЯ ПОБЕДЫ
в Великой Отечественной Войне*

Эта фотография сделана 22-го июня 1941 года, в первый день Войны. По суровым выражениям на лицах взрослых видно, что все, кроме малыша, понимают, какие горькие испытания всех нас ждут.

Слева мой отчим Климов Яков Павлович. Погиб на Карельском перешейке от прямого попадания мины летом 1942 года.

Наверху мать моего отчима Прасковья Гавриловна. Ушла в январе 1942-го года с Васильевского острова на Правый берег Невы

к другому своему сыну Фёдору и не дошла. Где и как погибла, неизвестно.

Мой младший брат Владимир умер от голода в эшелоне во время эвакуации. Его трупик я вынес из вагона и оставил на платформе станции Воскресенск.

Моя мама Эльвира Адольфовна после войны тяжело болела. Три года не вставала с постели. Умерла в возрасте 42-х лет.

Я пока ещё жив.

*Когда началась Блокада, я навсегда перестал смеяться.
Сейчас я юмор понимаю. Сам иногда шучу, даже улыбаюсь,
но до сих пор я НИКОГДА НЕ СМЕЮСЬ.*

Когда мы жили в Сенгренли... А в Сенгренли мы жили весной 1945 года

Мою лошадь звали Юрочкой...

Вечером я напоил её и проводил на северный склон баира, где ещё сохранилась сочная и вкусная травка с цветами. Мы немного постояли рядом и поговорили, то есть говорил я, а Юрочка согласно кивала. Потом я дал ей кусок чёрствого чурека и пошёл домой. Юрочка посмотрела мне вслед, кивнула ещё раз и начала пастись. Солнце уходило за холмы, спадала дневная жара. На самом деле это садилось солнце восьмого мая 1945 года, но мог ли я знать, какие события нёс нам завтрашний день! Поэтому вечер был самый будничнейший. Вся наша семья в ожидании вечернего чая собралась около дома и сидела вокруг костерка. То есть «дом» — это громко сказано, нам служила обиталищем палатка-

землянка, выкопанная на склоне крутого холма. Вместо крыши — большой кусок грубого брезента, накинутый на импровизированные стропила. Стропилами служили дуги из связанных в длинные пучки тamarисковых прутьев. Посреди пола обложено камнями кострище, а сверху спускается цепь, на которой висит казан... Вот в таких условиях мы живём в южной Туркмении на кочевой ферме каракулеводческого совхоза «Чемен-а-бит» уже целых два года.

В эти места из блокадного Ленинграда занесли нашу семью сложные пути-дороги Великой Отечественной войны. Центральная усадьба совхоза расположена на левом берегу реки Кушки, а наша ферма, окружённая двенадцатью отарами с двадцатью тысячами овец, кочует по Бадхызу на правом берегу этой реки. Бадхыз — это предгорья хребта Копэт-даг, пограничного с Ираном и Афганистаном. Холмистая местность на высоте около шестисот метров. Склоны — то пологие, а то и очень крутые. Климат почти горный, осадков здесь побольше, чем в Каракумах, а потому и растительность побогаче. Мне тринадцать лет, и я принадлежу к поколению, чьё детство кончилось двадцать второго июня в «сорок первом, сорок памятном году». Для меня это не просто красивая фраза. Моя короткая на тот момент биография успела вместить самую первую и страшную зиму Ленинградской блокады и три месяца я был на фронте, как «сын полка» в артиллерийской разведке. Яркой и страшной картиной осталась в памяти Ладожская «Дорога жизни». Очень тяжёлые воспоминания остались от эшелона, из которого я вынес на руках и оставил на платформе своего умершего от голода брата Вовку... На каждой станции оставались лежать у вагонов завернутые в одеяла трупы ленинградцев. Их молча оставляли почти без слёз. Некоторые молились, но почти никто не плакал.

Достаточно сказать, что с того времени я навсегда перестал смеяться — улыбаться

могу, а смех не получается. Я забыл, как это делается. И наверное, не один я стал таким суровым из тех, кому выпала судьба Блокады или фронта...

Но на ферме, в отдалённых от железной дороги предгорьях Коп-эт-дага, кроме нашей семьи русских больше не было. Кругом в войлочных юртах жили, в основном, туркмены. Было ещё немного казахов и узбеков. У нас юрты не было, и мы, русские, эвакуированные из Ленинграда, выкопали себе землянку в склоне холма.

Соседи нас жалели и, кто чем мог, помогали нам жить в непривычных для нас условиях. Кто-то подарил большую кошму, чтобы прикрыть земляной пол. Подарили казан с цепью. Почти сразу соседи стали дарить нам, кто ягнёнка, кто козлёнка, а кто и взрослого барана. Скоро у нас образовалась собственная маленькая отара, голов в пятнадцать.

Мой отец, из-за очень сильной близорукости не попавший на фронт, стал работать бухгалтером фермы — вести учёт коз и овец. Он записывает и подсчитывает, сколько ягнят забито на каракуль, сколько брынзы приготовлено из овечьего молока, сколько настрижено шерсти и сколько овец загрызли волки. Вот и сейчас, пока готовится чай, он уткнулся носом в бумаги. Его «рабочий кабинет» состоит из больничной тумбочки и табуретки. Старинные счёты красного дерева с медными уголками лежат на коленях, отец ловко и быстро щёлкает костяшками. Между тем по профессии он не счетовод, в мирной жизни он был литератором и историком древнеславянского языка.

— Вырастешь — обязательно напишешь рассказ или повесть, — говорит он мне. — И пусть эта повесть будет называться «Когда мы жили в Сенгрени»...

Слава Богу, что отец не видел ни Блокаду, ни Ладожскую ледовую «Дорогу Жизни и Смерти», ни страшного эшелона, тащившего двадцать семь дней через всю страну и оставлявшего на каждой станции трупы женщин и детей. У отца большое сердце, и мы старались поменьше ему рассказывать о пережитых нами ужасах и мучениях первого года Войны.

И вот на углях костерка в туркменской тунче вскипела вода. Тунча — это что-то вроде высокого кофейника с ручкой, но без носика. Мама заварила чай и позвала всех к столу. Наш клеёнчатый «стол» тоже вполне соответствует местным обычаям, он расстелен на небольшой кошме возле костра и называется достархан. На достархане чуреки, жареная брынза, кишмиш. Брынза свежая, ещё не созревшая и, опасаясь бруцеллёза, мы режем её ломтиками и жарим на сковородке на хлопковом масле. Вместе со свежим чуреком и кишмишом очень вкусно.

Только налили по первой пиалушке чаю, как подъехал на лошади наш башлык, то есть директор фермы, — Ага-Нияз. Выглядел он озабоченным. Поздоровавшись, принял у мамы пиалу с чаем, торопливо выпил, а потом сказал, что надо срочно отвезти на центральную усадьбу совхоза бухгалтерский отчёт о работе нашей фермы за апрель месяца.

— Сегодня уже восьмое мая, а десятого к главбуху приедет ревизия из треста «Туркменкаракуль». Если отчёт готов, лучше его отправить прямо сейчас, чтобы к утру был в конторе совхоза!

— Отчёт почти готов, — ответил отец. — Вот поужинаем, и через полчаса могу вам его отдать на отправку.

Башлык уже спокойно, без спешки выпил ещё пиалу чаю, помолчал и, посмотрев на меня, сказал:

— Сейчас овцы ягнятся, надо забивать ягнят на каракуль, стричь шерсть и делать брынзу. Все настоящие мужчины на фронте, работают старики, женщины и совсем молодые огланы (огланы — пацаны), а даже не джигиты. Наши аксакалы считают твоего сына настоящим джигитом и дали ему такую хорошую лошадь не только для того, чтобы он учил её всяким фокусам. Пусть собирается и едет по холодку в совхоз. Пусть везёт на своей лошади твой отчёт нужный завтра в конторе.

— Да ему же тринадцать лет всего! — запричитала мама. — Одному ночью ехать за сорок вёрст по горам!.. Не пущу! Пусть хоть вместе с братом Ильёй едет, вон, даже в отчёте написано, что за прошлый месяц волки двадцать семь овец зарезали...

Башлык отхлебнул ещё чаю.

— Илья, — сказал он, — завтра будет водить верблюда у колодца и поить овец, а твоему сыну уже почти четырнадцать. И он был на фронте. Все знают, какой у твоего джигита настоящий боевой туркменский нож-пичак, и он умеет с ним хорошо обращаться. Волки тоже знают. Они будут убегать от твоего сына подальше...

В Туркмении женщина, по этикету, не имеет права спорить с чужим мужчиной, а с башлыком и подавно. Тем не менее, мою маму, как русскую, Ага-Нияз вежливо выслушал, превратил её возражения в шутку, пожелал мне хорошей дороги и уехал.

Можно понять мамины страхи, но башлык был прав. Да я и сам не видел в предстоявшем путешествии ничего уж такого особенного. Когда мы оказались в Туркмении, я — двенадцатилетний пацан — некоторое время резал баранов на бойне, чтобы помочь прокормить семью. Бывший басмач, Курбан-Мерген, вернувшийся с Беломорканала, учил меня драться на ножах и традиционным приёмам текинцев и бандитским приёмам беломорских зеков. Меня даже чуть не сделали «втёмную» мелким нарко-курьером, впрочем, это уже совсем другая история... Это я просто к тому, что в те времена и по тем обстоятельствам жизни мальчиков не отмывали антибактериальным мылом после того, как они взяли в руки лягушку. Подумаешь, за сорок километров ночью по знакомым горам на лошади съездить. Одно удовольствие! Да это ещё и не настоящие горы, а только предгорья Коп-эт-дага — Бадхыз.

Отец стал заканчивать отчёт, а я, пока было ещё светло, пошёл за Юрочкой. Она паслась почти там же, где я оставил её, и, наверное, очень удивилась, когда я на ночь глядя явился за ней с уздечкой. Впрочем, кусок чурека и горсточка кишмиша с чайного стола тут же растопили её сердце, я забрался ей на спину и охлюпкой потрусил к дому. Отец уложил папку с отчётом в чёрный школьный портфель, мама приготовила узелок с едой и пару бутылок воды с деревянными пробками. Я вынес туркменское седло с самодельными деревянными стременами, засунул в ковро-

вую перемётную суму-хурджум портфель с отчётом, еду и тёплую курточку. Ночью в горах будет холодно...

Быстро темнело, вот уже появились и первые звёзды. Я посмотрел на ковш Большой Медведицы... Это только в кино, отправляясь в дальний путь, лошадь почему-то пускают сразу галопом. В жизни всё делается иначе... Мы с Юрочкой шагом стали подниматься к перевалу, за которым пологая долина выводила к наезженному пути из урочища Чай-Нуры к реке Кушке. Заблудиться в темноте я не боялся. Сколько раз мы с Юрочкой водили караван по этому пути на центральную усадьбу совхоза и обратно! Ещё, когда наша семья только начинала жить кочевой жизнью, меня назначили помощником караванщика. Караванбаши, казах Юзбай, был маленький, кривоногий и очень злой старикашка в неизменной лисьей шапке. Он вечно ругался, причём сразу на трёх языках: казахском, туркменском и русском. Если бы не злой нрав, Юзбай был бы хорошим караванщиком. Он умел выючить верблюдов, знал караванные пути, умел находить дорогу по солнцу и звёздам и меня всему этому учил. Караванные премудрости мне были до того интересны, что я терпел злость и ругань старого Юзбая, слушал его и даже слушался. Верблюды были не так терпеливы, как я. На грубое обращение они отвечали злостью и плевками. Юзбай жестоко бил их палкой, заставляя подчиняться.

...Ручка ковша Большой Медведицы, служившая мне часами, медленно поворачивалась в небесах. Дорога пошла под уклон, но я посоветовал Юрочке не спешить и мы продолжали двигаться спокойным шагом. В пути очень хорошо думается. Наверное, поэтому среди кочевых народов всегда было так много звездочётов, философов и поэтов... Во время длинных ночных переходов с караваном ко мне часто возвращались воспоминания о блокадном Ленинграде. Вот мы поднялись на очередной перевал, и справа, на юге, звёздное небо заслонили тёмные силуэты гор Коп-эт-дага. Легко было вообразить, будто там, у горизонта, сгустились чёрные дымные тучи. Или даже не чёрные, а жёлто-зелёные и от этого ещё более страшные. Я видел такие

восьмого сентября 1941 года, в самом начале блокады, когда горели Бадаевские склады. То есть сахар, мука и прочие запасы Ленинграда на случай войны... Женщины стали плакать, но потихоньку. Все боялись быть уличёнными в распространении паники.

Во время воздушных тревог жильцы верхних этажей дежурили на чердаках и крышах, чтобы тушить эти самые «зажигалки». Я вспоминал, как в начале Блокады я тоже дежурил на чердаке вместе с жившим двумя этажами ниже академиком Василием Васильевичем Струве. На дежурстве мы со старым академиком отпиливали ножовкой от свисающих концов чердачных стропил по чурке, чтобы, нащипав её потом на лучинки, жечь в буржуйке вместе с книгами Пушкина, Толстого, Чехова, Тургенева. . .

В ноябре семью Василия Васильевича вывезли самолётом на Большую землю, а по иждивенческим карточкам стали выдавать только по сто двадцать пять грамм блокадного хлеба. Вспоминая блокаду, я закрывал глаза, и пережитое разворачивалось передо мной, как на экране. Вот только Юрочка не знала, что я ехал с закрытыми глазами и вспоминал всё пережитое за Войну, поэтому мы проехали мимо того места, где нужно было сворачивать на дорогу к совхозу. Возвращаться не хотелось... Мы двинулись дальше бездорожьем, ориентируясь по звёздам. Спасибо Юзбай! Всё же он кое-чему умному меня научил!..

Когда наш караван привозил в Сенгрени пресную воду или свежие овощи, старый казах сам всё делил и выдавал работникам фермы и чабанам. Делил, прямо скажем, не по-честному и выдавал не всегда справедливо – туркменам поменьше, а казахам побольше, за что и был однажды крепко бит туркменскими чабанами. Чабаны били Юзбая чабанскими палками, похожими на хоккейные клюшки, только помассивнее. . .

Наказанный Юзбай долго болел, но караван не может ждать, пока поправится караванщик, и пришлось нам с братом Ильёй несколько раз обходиться без нашего караван-баши и самим выючить верблюдов и водить караван.

Поначалу мы хлебнули лиха. Верблюды не желали нас слушаться. Выюки были для нас

слишком тяжёлыми. Мы боялись заблудиться среди однообразных баиров Бадхыза... Ничего! Верблюды только на вид страшные. Но на самом деле они очень умные и прекрасно понимают доброту и хорошее обращение. Сперва мы подолгу их уговаривали и задабривали дынными корками, но всё-таки добивались, того, чтобы они ложились для завьючивания. Выюки стали делать поменьше и вместо двух больших наловчились грузить на верблюда по четыре маленьких... Только верёвок надо было гораздо больше. Ну, это не про верблюда, а про ишака туркмены говорят – «Когда выючишь ишака, то сколько бы у тебя не было верёвок – всё равно одной не хватит». Вот и нам не хватало. Хорошо, что, когда мы грузили караван, то к нам подходил старый аксакал Овез Абд-рахман и помогал нам советами.

Башлык Ага-Нияз выпросил у пограничников для нас компас, но мы всё равно больше доверяли Солнцу и звёздам. А когда мы привозили пресную воду и овощи, то правильно раздавать их нам помогал всеми уважаемый аксакал, бобо Овез-Абдрахман.

Через некоторое время Юзбай поправился, но аксакалы уговорили башлыка дать ему другую работу, а водить караван доверить нам с братом Ильёй.

Караванных верблюдов ничем не подкармливают. Поэтому после каждого похода они отдыхают на свободе не меньше недели, отъедаясь своей любимой верблюжьей колючкой – янтаком. Но мы с Ильёй ходили к отдыхающим верблюдам и носили им, в виде лакомства и более вкусные подачки: дынные и арбузные корки.

Когда караванные верблюды отдыхали, меня посылали к колодцу водить туда-сюда верблюда, таскавшего на канате из глубины больше ста метров тяжеленную кавгу — брезентовый мешок с водой, ёмкостью вёдер на пять. Дедушка Овез-Абдрахман зачерпывал воду, раскачивая канат, и, когда верблюд вытаскивал кавгу наверх, опрокидывал её в жёлоб бетонированного водоёма – гаудана.

— Верблуду надо отдохнуть, говорил время от времени старый аксакал Овез Абдрахман, не желая признаваться, что устал сам. Тогда мы отводили верблюда поpastись, а

сами устраивали чаепитие где-нибудь в тени.

В молодости Овез-Абдрахман служил пловчи, то есть мастером по приготовлению плова при дворе эмира Бухарского, очень этим гордился и любил порассуждать о тонкостях восточного этикета и о мусульманских обычаях. Мы с братом Ильёй слушали дедушку Абдрахмана, правда, не всё понимали. Но ему были нужны серьёзные слушатели, способные перенять его знания и премудрости, но где же таких было найти, кроме нас с Ильёй?..

Поблизости от колодца находился большой агыл. Это такая площадка, огороженная высоким плетнём из тamarиска. Внутри между вкопанными столбами растянута канаты, а на них через каждый метр укреплены ошейники-куканы с петлёй и узлом. Раз в три дня чабаны пригоняли отары к колодцу на водопой. Напившиеся овцы некоторое время отдыхали, а потом их загоняли в агыл на дойку. Ведь маленьких ягнят этих овец забивают в трёхдневном возрасте на каракуль, а из молока делают брынзу. Около агыла был навес, в тени которого чабаны и их друзья пили чай и беседовали. Этот навес мы называли чайханой. Там-то мы обычно и слушали нашего аксакала, когда «верблюды уставали»...

...Мои воспоминания были прерваны резким воем и визгом стайки шакалов, которые пытались кого-то поймать в зарослях сентрена. Я осмотрелся: мы уже поднялись на самое высокое место между нашей фермой и долиной реки Кушки. К середине ночи резко похолодало. Я спешил и достал из хурджу-ма курточку, потом узелок с едой. Разнуздал Юрочку и, не спутывая, отпустил погастись. Я не боялся, что она уйдёт далеко, тем более — что убежит. Я знал: стоит свистнуть, и Юрочка подойдёт ко мне сзади. Положит голову на моё левое плечо, подтолкнет и вздохнёт в щёку...

В кармане куртки у меня всегда лежали для разжигания огня кремёнь, кресало и хлопковый трут в трубочке из винтовочной гильзы. Я собрал топлива, высек огонь и сел отдохнуть у костерка. Мама позаботилась обо мне и даже положила в хурджум маленькую тунчу для чая, половинку чурека, кусок когурмы и плетёнку сушёной дыни.

Земли нашего совхоза граничили с территорией Бадхызского заповедника. Весна в южной Туркмении — самое благодатное время. Склоны холмов покрыты ковром сочных трав. Очень много крупных тюльпанов. Распускаются верблюжья колючка и тамариск, чьи цветы похожи на кисти сирени. Красуются ферулы — зонтичные дудки в человеческий рост и размером побольше ладони, только пахнут противно. К сочным пастбищам спускаются с гор круторогие архары. Пронесаются табунки тонконогих антилоп-джейранов. Пасутся дикие ослы куланы. В небе кружатся орлы и коршуны. В траве и кустах мелькает всяческая ползучая и прыгучая мелочь: зайцы, тушканчики, ящерицы, змеи, черепахи... Ну, это как ещё сказать — мелочь! Я видел ящериц-варанов метра по полтора длиной, напоминавших маленьких крокодилов... Всё это буйство дикой жизни, почти не скрываясь, окружало нас днём, а ночью, сидя тихо у костерка, я слышал вокруг себя топот, шуршание, чавканье, какие-то писки и визги. Тишины не было. На свет костра прибежали две большие мохнатые фаланги. Я их пожалел и откинул прутиком подальше от огня.

Шакалы наконец кого-то поймали и потащили на съедение своим шакалятам, а я пил чай и вспоминал, как мы с Ильёй впервые знакомились с чабанами отар, окружавших нашу ферму.

Правильной вежливости в присутствии старших дедушка Абдрахман ага нас заранее научил, и мы с Ильёй, поздоровавшись сели на кошму у самого входа, как самые молодые.

Наше появление прервало чтение газеты «Правда», которую держал в руках чабан Саид-Непес. После приветствий нам подали по пиале чаю. Мы поблагодарили и молча, как полагалось молодым, уселись на кошме около входа. Аксакала Абдрахмана пригласили на почётное место к дальней стене в глубине навеса, а Саид-Непес вновь взялся за газету. Фронтальные новости в его исполнении становились полной абракадаброй, он перечитывал текст по несколько раз, пытаясь понять его смысл. Сперва про себя, потом вслух с разными интонациями. Когда читалась следующая фраза, смысл предыдущей успевал позабыть-

ся. К плохому знанию русского языка прибавлялись трудности со шрифтом. До революции в Туркмении применялась арабская вязь. В середине двадцатых годов её заменили латиницей, а перед самой войной перешли на кириллицу с несколькими специальными буквами. «Арапча, латынча, урусча — шайтанча!» — ругался один из чабанов, звали его Курт-Куртлы.

— Пусть урус-оглан почитает, — предложил вдруг Абдрахман баба. И кивнул на меня.

Я взял газету и стал читать, попутно подробно объясняя написанное. Когда чабаны узнали, что я был на Ленинградском фронте и могу рассказать про войну не только газетными словами, а так, как сам всё видел, — меня сразу пересадили на середину кошмы, вокруг которой собрались гости. Это был знак немалого уважения. Даже скажу, забегая вперёд, что тогдашнее чаепитие с чабанами во многом определило мою дальнейшую жизнь в Сен-Гренли...

Костерок догорел, я забросал угли песком и позвал Юрочку, а пока она подходила — собрал хурджум. Ехать было ещё далеко. Начались небольшие взгорки и длинные спуски. Юрочка всё порывалась рысить, но я сдерживал её и ехал шагом. Не имело никакого смысла являться в контору совхоза слишком рано, когда все ещё не работают, а спокойно спят у себя дома.

Вообще-то мою лошадь звали Юрга... Это слово казалось мне слишком грубым для такой красивой и вежливой лошадки, и я называл её Юрочкой. Как же мне с ней повезло!.. А всё началось с того, что Мурад, сын Саид-Непеса, увидел у меня трофейный немецкий нож фирмы «Золлингген». Этот нож так Мураду понравился, что он несколько дней ходил за мной и постоянно приставал:

— Давай обмен, а то друг не будешь!

Отец объяснил мне, что в Туркмении лучше иметь хорошего друга, чем хороший нож. К тому же на обмен Мурад отдавал мне настоящий туркменский пичак с роговой рукояткой и в ножнах, отделанных серебром. Мы торжественно обменялись ножами в чайхане, в присутствии чабанов и аксакалов. Даже над-

резали пальцы и смешали кровь. По местным понятиям, теперь мы были не просто друзья, а кровные побратимы.

Когда я стал постоянно бывать в чайхане, читать чабанам газеты и рассказывать о ленинградской Блокаде и о войне, туда несколько раз заходил и наш башлык Ага-Нияз. Однажды я упомянул о том, как в самое голодное время блокады, в конце ноября сорок первого года, я оставил маме и братишке свою хлебную карточку и на попутной машине добрался на фронт в Колпино. Артиллерийские разведчики меня не прогнали — приютили в каптёрку к старшине. Рядом была солдатская кухня, а я стал вестовым у старшины и у повара. Наш штаб располагался в подвале длинного полуразрушенного здания из красного кирпича. Верхний этаж и помещения, расположенные в сторону немцев, были разбиты снарядами, зато сзади сохранилось несколько комнат и сухих подвалов. Меня поставили на солдатское пищевое довольствие. Конечно, на блокадном Ленинградском фронте солдаты тоже кормились впроголодь, но после иждивенческой нормы мне, десятилетнему мальчишке, солдатская пайка казалась необыкновенно сытной и вкусной... Я увлёкся и стал рассказывать чабанам про тот бой, о котором впоследствии поэт Александр Межиров написал стихи:

*Мы под Колпиным скопом стоим,
Артиллерия бьёт по своим.
Недолёт, перелёт, недолёт:
По своим артиллерия бьёт!
Мы под Колпиным скопом лежим
И дрожим, опалённые дымом,
Надо всё-таки бить по чужим,
А она по своим, по родимым.*

Мне тогда удалось проползти под пулёмётным огнём на ту самую батарею, что стреляла по своим, и передать командиру записку о прекращении огня. По пути назад я ещё помог сделать перевязку солдату, которого послали на батарею впереди меня, только он, раненный в ногу, не дошёл. За этот бой меня даже ко взрослой боевой медали «За отвагу» представили...

— Джигит, побывавший на настоящей войне, должен не на ишаке ездить, а на хорошей лошади, — строго сказал башлык Ага-Нияз. И дал мне записку к табунщику с просьбой о выдаче хорошей лошади.

На следующий же день я поехал на своём ишаке в ту сторону, где, как мне сказали, пасся совхозный табун. Путь проходил мимо коша чабана Саид-Непеса. Я проезжал от коша метров за двести, но собаки меня всё равно заметили и облаяли, а на шум вышел из юрты мой новый друг Мурад. Не подъехать и не поздороваться было бы нарушением восточных обычаев. Мурад обрадовался, что я приехал к нему в гости, и позвал своего отца:

— Друг приехал, мы с ним ножами менялись! Надо барана резать, достархан накрывать...

Достархан, если кто не знает, это скатерть с угощением для дорогих гостей. Напрасно я пытался объяснить, что еду по делу, в табун за лошадью:

— Вот, у меня и кагаз бар... — то есть бумага от башлыка есть...

Бумагу изучили, и оказалось, что табунщик Клыч — ука, сиречь младший брат, чабана Саид-Непеса.

— Будем барана резать, — твёрдо сказал хозяин юрты. И указал мне на двухтысячную отару: — Выбирай.

Я растерялся. Саид-Непес говорил со мной как со взрослым уважаемым гостем. Может, он просто шутит?

— Наверно, — улыбаясь подсказал отец Мурада, — тебе, может, кажется вкусным воон тот молодой пегий барашек? Мясо у него, наверное, не слишком жирное и уж давно не жёсткое...

Я согласился. Пегих ягнят не режут на каракуль и не оставляют на племя. Их выращивают на мясо. Тут надо сказать, что чабаны собственных баранов пасут в общей отаре, вместе с совхозными. В качестве тавра на ушах у ягнят вырубают специальными щипцами треугольники или квадратики, по которым потом узнают, чей это баран. Только у чабанских овец весной всегда рождается по два ягнёнка, а у совхозных почему-то, в основном, по одному.

Выбранного барана зарезали, и, пока готовился бешбармак, другой сын чабана успел съездить за табунщиком Клычем.

Мы пили чай, потом ели мясо — и опять долго-долго пили чай с вяленой дыней и с кишмишем. Меня просили ещё раз рассказать для всей чабанской семьи про блокадную зиму в Ленинграде, про бомбы зажигалки и руины многоэтажных домов, про пожар на Бадаевских складах, про саночки с покойниками, которые женщины и дети везли мимо нашего дома по Малому проспекту на Смоленское кладбище. Женщины охали и причитали, а старенькая бабушка Мурада Фатима апа плакала...

Только под вечер мы все вместе отправились в табун выбирать для меня лошадь. Саид-Непес и его брат табунщик ука Клыч долго и горячо спорили по-туркменски, указывая то на одну лошадь, то на другую... и наконец заарканили для меня молодую и очень красивую кобылку ахалтекинской породы — светло-рыжую с большим белым пятном на лбу и на холке.

Звали ее Юрга. По-туркменски «юрга» — иноходец. Моя лошадка и была иноходцем с мягкой, бархатной рысью.

«Хорошо, — думал я, — иметь друга, у которого дядя табунщик!»

Только потом я узнал, что в своё время эту лошадь объезжал и полтора года ездил на ней старший брат Мурада — Алиджан. В самом начале войны Алиджан добровольцем ушёл на фронт, окончил краткосрочные командирские курсы и воевал под Ленинградом — на Волховском фронте. Год назад на Алиджана пришла похоронка... А теперь его лошадь отдали мне, ленинградцу.

Вот как повернулась судьба!..

Из табуна к кошу Саид-Непеса ехали молча. Ука Клыч провожал нас. Я по-прежнему ехал на ишаке, а Юргу вёл в поводу. Около коша опять о чём-то заспорили на туркменском языке. Саид-Непес спрыгнул с коня и ушёл в юрту, велел нам стоять на месте и ждать. Я слышал, как внутри снова начался спор, на сей раз с женщинами. И вот наконец Саид-Непес вынес из юрты большой чурек и туркменское седло без стремян.

— Покорми Юргу, — сказал он мне. — Потом дай ей понюхать седло, а потом будешь седлать.

Я ещё не знал, что это было седло Алиджана... По мнению Саид-Непеса, на нём ещё должен был оставаться запах его погибшего сына. И, конечно, запах пота самой Юрги.

Я скормил чурек лошади, давая ей на ладошке по маленькому кусочку. В табуне лошадей лакомствами не балуют, но Юрга брала кусочки чурека мягкими губами очень вежливо, без жадности. Потом я накинул длинный повод на локоть и стал седлать. Юрга стояла спокойно, чуть ли не подставляла под седло свою спину.

— Теперь садись, и она тебя признает хозяином, — сказал ука Клыч, подсаживая меня на лошадь.

Сидеть пришлось без стремян... Старинные фигурные стремяна Алиджана успели перейти к Мураду, а я потом сделал себе простенькие, но прочные, из тамарисковых сучков.

Мы с Юрочкой как-то быстро подружились, а ведь запросто могли бы вовсе не встретиться. Дело в том, что в начале Отечественной Войны вышел приказ о мобилизации лошадей на фронт. Мобилизацию (это уж у нас как водится...) проводили люди, совсем не сведущие в коневодстве. Они просто выполняли важное партийное задание отправить на фронт возможно большее количество конского поголовья. Между тем наш совхоз находился не где-нибудь, а в Текинском оазисе. Именно здесь туркменские аксакалы ещё пытались сохранить одну из самых древних и знаменитых пород верховых лошадей — своих легендарных ахалтекинцев. И вот это-то, без преувеличения, бесценное народное достояние собирались отправить на тяжёлую работу и верную гибель! Туркмены, вроде нашего Саид-Непеса, отдавали фронту своих сыновей, но ахалтекинцев — наследие предков — они сберегли.

В степи и в пустыне издревле существует никому не понятный и ничем не объяснимый феномен быстрой передачи информации на большие расстояния — так называемый «узун кулак», что в переводе означает «длинное

ухо». Как только большие начальники стали ездить по табунам для мобилизации лошадей, «узун кулак» тотчас побежал впереди них, и табунщики стали угонять лучших коней в пустыню на дальние колодцы, а на их место собирать других лошадей, гораздо менее ценных. Количество коней в табуне при этом сохранялось, недостачи у табунщика не было, вот только лошади зачастую оказывались непригодны для фронта. Ещё бы! «Узун кулак» сообщал, что на ахалтекинцев наденут хомуты, заставят возить пушки и снарядные ящики... Так случилось, что Юргу Алиджана не успели отогнать на дальний колодец. Спасая кобылу, за два дня до приезда комиссии ей под потник положили ржавую железяку. Чабан с ближней отары часа два скакал на Юрге, сбив ей холку в кровавую рану. Потом рану замазали грязью и подсыпали в неё белых червей-опарышей. Комиссия Юргу сразу забраковала. Когда начальники отбыли, рану почистили и смазали ихтиоловой мазью. Холка вскоре зажила, только осталось большое белое пятно. Юрга третий год свободно гуляла в табуне, но чабана Курт-Куртлы она запомнила. И очень не любила. Когда он приезжал в гости к ука Клычу, Юрга всегда его замечала и уходила от табуна далеко в сторону. Так, на всякий случай...

Под Ленинградом воевало много туркмен и несколько сот из них погибли. Недавно на Пискарёвском мемориальном кладбище установлена памятная плита туркменам отдавшим свои жизни за Оборону Ленинграда. В прошлом году 8 мая я ездил возлагать цветы на Пискарёвское кладбище вместе с Обществом Туркменской культуры.

Я сразу понял, что Алиджан очень любил свою лошадь и хорошо с ней обращался. Недавно мне показалось, что во время той первой седловки Юрочка сама подставляла под седло свою спину! За время, проведённое в табуне, она успела соскучиться по человеческой доброте — и теперь с явной радостью привыкала к ней вновь.

Поначалу, когда я отпускал лошадь пастись, то спутывал ей передние ноги. Помню, как мне хотелось заслужить её доверие и любовь, чтобы в путях больше не было необходи-

мости! Я по несколько раз в день ходил туда, где она паслась, и приучал Юрочку подходить ко мне на свист. Я привязывал её на очень длинную верёвку и отпускал, потом начинал подзывать ласковыми словами и свистом, одновременно подтягивая верёвку. Когда лошадь подходила, я давал ей что-нибудь вкусненькое. Смышлёная ахалтекинка скоро поняла, что от неё требовалось. Спустя несколько дней я только показывал лакомство, а когда Юрочка к нему тянулась — поворачивался к ней спиной, клал её голову себе на левое плечо и тут-то угощал. Через неделю Юрочка без всякой верёвки сама подходила на свист, вставала сзади и прижималась своей щекой к моей голове. При людях мы проделывали напоказ этот фокус просто «за спасибо», но наедине я старался Юрочку не обманывать. На правом боку у меня всегда висел клеёнчатый мешочек с чем-нибудь вкусным. Лошадь, конечно, знала, что там лежит лакомство, но знала она и то, что каждый кусочек следует сперва заработать.

У нас в землянке не было почти никаких книг, но отец достал где-то книжку циркового дрессировщика Дурова — зачитанную до дыр и без обложки. Вот по этой книжке мы с братом Ильёй и воспитывали наших животных: Юрочку, ослика и даже барана Мемешку. Я научил Юрочку «соглашаться» с тем, что я ей говорил: в ответ на мои слова она кивала головой. По моей просьбе она умела ложиться, вставать на дыбы и даже приплясывать под частушки...

Пока я раздумывал, чему бы ещё научить Юрочку, наступило утро и мы подъехали к широкому спуску в долину реки Кушки. На противоположном берегу зеленели густые сады центральной усадьбы совхоза Чмен-а-бит, а посередине реки стоял американский трёхкольный автомобиль «Студебеккер» с заглушим на переправе мотором. Война уже подходила к концу, так что американская помощь, в виде этого «Студебеккера», добралась и до нашего совхоза, очевидно в обмен за каракулевые шкурки. На крыше кабины сохли коричневые полуботинки, а на сиденье, скрестив ноги по-турецки, важно сидел — босиком, но в пиджаке, при галстукке и шляпе — член парткома

совхоза.

— К вам еду, на ферму Сенгрени, — сказал он мне. — Вот, мотор заглух, на переправе залило. Шофёр в гараж за трактором ушёл, а мне даже не выйти, вокруг глубоко... Брюки глаженные замочу.

— Если вы за отчётом... - начал, было я. Но он отмахнулся:

— Какой отчёт? Митинг проводить еду! По железнодорожному телеграфу сообщили — война кончилась! Победа!

Так вот каким оказался этот новый день — девятое мая тысяча девятьсот сорок пятого года...

Победа!!!

Мир перевернулся и засиял, краски расцвета слились в одну огромную радугу.

Я весь в брызгах рванул через реку в контору... Конечно, там никто не работал. Все стояли и сидели в садике перед конторой, шумели, каждый радостно говорил что-то своё. Не слезая с лошади, я нашёл главбуха Всеволода Антоновича, но он не стал со мной разбираться, только махнул рукой в сторону конторы:

— На стол ко мне положи...

Наклонившись с седла, я закинул папку с отчетом по нашей ферме в окно на стол главбуха и, развернувшись, полетел в брызгах через реку обратно в горы.

На переправе через Кушку трактор к «Студеру» ещё не подошёл. Переправляясь через речку, я помахал рукой парткомовцу и свернул через прибрежную чащобу на более короткий путь — через два крутых перевала, по которым ночью ехать побоялся.

Юрочка, наверное, почувствовала моё состояние... Безо всякого понукания она понеслась размашистой рысью по незнакомому ей пути через заросли тамариска, камыша и джигидовника. Колючие ветви хлестали нас по бокам, но мы этого не замечали, мы мчались вперёд и вперёд к очень высокому и крутому склону на краю долины реки Кушки, за которым было холмистое плато баиров Бадхыза.

Вот заросли кончились, зато склон долины резко пошёл вверх. Юрочка перешла на шаг. Я всё больше наклонялся вперёд, ложась на лошадиную шею, но, наконец, был вынуж-

ден спрыгнуть наземь, и мы с Юрочкой даже не пошли, а полезли дальше вверх. Юрочка была недавно хорошо подкована, но мои чарыки из мягкой кожи скользили. Я пустил лошадь вперёд и схватился за её хвост. Когда я падал, моя умница всякий раз ждала, пока я встану и опять намотаю на руку её хвост. Наверное, ей было неприятно и даже больно, но она терпела. Раскалённое туркменское солнце жарило наши спины на крутом, голом, сухом и сыпучем откосе крутого склона...

Взмокшие, задохнувшиеся, мы, наконец, вылезли на плато Бадхыза. Я упал в зелёную траву. Юрочка стояла рядом, тяжело отдуваясь. Понадобилось несколько минут, чтобы в ушах прекратился звон, восстановилось дыхание, а мысли начали немного проясняться. Я встал... Мы пошли рядом по зелёной траве среди цветов. Метров через сто Юрочка остановилась, вздохнула, повернулась ко мне боком, и оглянулась, как бы говоря: «Ладно, уж, садись...»

Я забрался в седло — и Юрочка перешла на свою мягкую, но размашистую рысь иноходца.

Баиры Бадхыза похожи на наши лыжные холмы в Кавголове под Петербургом, только там они значительно выше. Как пишут учёные географы, на склонах баиров растут фисташковые рощи. На самом деле это слишком громко сказано — рощи. Фисташковые деревья невысокие и растут реденько — метрах в двадцати друг от друга, если не больше. В предгорьях Коп-эт-дага ещё продолжалась буйная весна. Всюду высокая зелёная трава, крупные яркие цветы и кишит всякая непуганая живность. Чтобы не терять время на подъёмах и спусках, мы с Юрочкой помчались плавными дугами по склонам баиров в сторону нашей фермы. Дорогу мы давно потеряли, я просто держал общее направление, ориентируясь по солнцу. Вот когда опыт караванщика меня выручил!.. Всё же караван-баши Юзбай, сквернослов и злодей, кое-чему успел научить нас с Ильёй, пока мы ходили с караваном под его руководством — спасибо ему...

Какой здесь был рай по сравнению с той кручей, на которую мы с Юрочкой карабкались из долины Кушки по пыльной и жаркой

стене! Какой свежий воздух, напоённый запахами трав и цветов!.. На небе даже появились белые облачка и своей тенью прикрыли нас от жгучего солнца. Плавная иноходь Юрочки позволила, наконец, что-то спокойно соображать...

Сперва, узнав о Победе, я просто ошалел от неожиданного счастья и захотел как можно быстрее разделить её со своими родными и всеми хорошими людьми, жившими в Сенгренли... «А вдруг он, этот „Студер“, там надолго застрял? — думалось мне. — Если не потороплюсь, они до завтра ничего не узнают...»

Как же мне хотелось оправдать то доверие и уважение, с которым даже старые аксакалы всегда слушали мои рассказы о блокаде, о фронте и о Дороге Жизни! Мыслимо ли заставлять их ждать несколько лишних часов?! «Студебеккер» будет рычать мотором, подымаясь в горы по серпантинам окружной дороги, а мы с Юрочкой поскачем напрямую, нам с ней дороги не обязательны. Только бы лошадка не подвела. После ночного перехода, пускай и неспешного, нам предстояла скачка на сорок километров по горным склонам на пределе скорости и оставшихся у нас сил.

«Ну, Юрочка, давай... спокойненько... мы с тобой хоть и устали, но уж как-нибудь разложим наши силёнки на весь оставшийся путь...»

А в голове у меня крутился рассказ отца о победе греков над персами в битве при Марафоне за пятьсот лет до нашей эры. Тогда греческий воин пробежал с этим известием сорок два километра до Афин. Сообщил о победе, упал и умер. И вот у нас с Юрочкой тоже дистанция в сорок километров, и мы тоже несём весть о Победе... причём о победе намного более значительной, чем та, Марафонская!

«Мы эту радостную весть обязательно донесём... — твердил я ветру, выжимавшему слёзы из глаз. — Донесём, чтобы все узнали... и сами обязательно живы останемся!..»

И вот мы оказались перед последним крутым подъёмом. За перевалом — долина Сенгренли с юртами нашей фермы. На склоне, куда нам предстояло подняться, чабаны пасли отары, и овцы натоптали многочисленные

тропинки. Здесь мы снова двинулись шагом, вычерчивая зигзаги. В какой-то момент я оглянулся налево и увидел: далеко внизу по серпантинам дороги на эту же гору лез «Студебеккер». А справа в долине чернели знаковые юрты нашего кочевья...

Я привстал на стременах... Почти не передохнув, мы — какое там рысью, полным карьером! — полетели наискось вниз по широкому склону. Финиш был близко, силы мы уже не берегли. Весь склон был покрыт сплошным ковром алых тюльпанов. Юрочка срезала цветы копытами, тюльпаны брызгами разлетались в разные стороны...

Умом я понимал, что сломя голову нестись вниз по склону было очень опасно. Если лошадь попадет ногой в нору сурка или суслика, то «сломя голову» перестанет быть фигурой речи и обретёт самый буквальный смысл. Мы так закувыркаемся, что... Нет, Господи, спаси и сохрани, лучше об этом даже не думать! Тем более что зверьки боятся нападений хищников и убирают растительность вокруг своих нор. А моя Юрочка на то и ахалтекинка, чтобы всё это знать, всё видеть и осторожно перелетать через предательские ловушки... Иногда она, уже в полёте, как-то извивалась змеёй, чтобы не попасть ногой в яму сурочьей или сусликовой норы.

Мы ворвались на ферму, и я принялся хлестать по юртам камчой.

Переполошённый народ выскакивал наружу... а я гарцевал посередине на взмыленной лошади и не мог ничего сказать: только хрип из забитого ветром и пылью горла.

— По... бе... да, — наконец выдал я. — Вой... на... кончилась!!!

Минут через десять прикатил «Студебеккер»...

Парткомовец залез в кузов машины, как на трибуну, чтобы проводить официальный митинг, а я не спрыгнул — упал с лошади. Рядом оказался побратим Мурад. Он заставил меня подняться, велел ходить самому и водить лошадь, пока мы оба не отдышимся и немного не придём в себя. Помню, как он шагал рядом и всё гладил по плечам то меня, то лошадь своего любимого брата Алиджана, погибшего под Ленинградом...

Потом меня отвели в ближайшую юрту и отпаивали кислым молоком. Юрочку увели старики. Они ещё долго ухаживали за ней, массировали и растирали ей мышцы. Я же свалился на кошму и уснул...

Парткомовцу сказали, что про Победу все уже знают, а митинг нужно проводить, когда на ферму соберутся чабаны. Башлык Ага-Нияз велел всем, кто был на ферме, выйти на горку около нашей землянки. По его жесту все дружно, в полный голос несколько раз прокричали в сторону чабанских кошей два слова:

— Фронт кутарды!

Это означало: «Война кончилась».

Люди поворачивались и кричали то же самое в другую сторону, пока не увидели в бинокль, что чабаны отъезжали к нам от своих кошей. Вот, оказывается, как оно работает, знаменитое «длинное ухо». Дружный крик удивительно далеко слышен в горах... Со всех сторон, оставив с отарами для присмотра по одному человеку, на ферму съехались чабанские семьи. Парткомовец провел, наконец, официальный митинг и отбыл, а народ стал готовиться к настоящему празднику.

Я спал и ничего этого не слышал, но часа через два меня разбудил дедушка Абдрахман.

— Пойдём, — сказал он. — Учить тебя буду, как настоящий плов для большого тоя (праздника) надо готовить.

Зря что ли в молодости бабо Абдрахман был пловчи у эмира Бухарского... На «Студебеккере» привезли с центральной усадьбы свежие овощи и другие продукты для праздника. Молодые парни уже чистили песком общественные чугунные казаны, а я впервые увидел, как надо правильно — тоненько и длинно — резать морковь для плова и, вообще, как надо готовить хороший «зирвак» то есть главную вкусовую приправу настоящего плова. Секреты кулинарного искусства аксакала Абдрахмана стали моим первым призом за дерзкую скачку по горным склонам. Когда мы нарезали почти всю морковь, я взял последние две штуки и отложил их в сторонку.

— Схожу, посмотрю, как там Юрочка... — сказал я дедушке Абдрахману.

Около нашей палатки-землянки лежали, высунув языки, шесть огромных собак —

знаменитые алабаи чабана по имени Ораз-яз-Дурды. Они знали меня и даже не рыкнули, только приветливо помахали обрубками хвостов. Хозяин псов пил чай с моим отцом, а вокруг нашего жилия расхаживал его внук Юсуп. Он водил Юрочку, держа её за недоуздок.

— Нельзя лошади после такой скачки давать ложиться, — сказал Ораз-яз-Дурды. — Ей обязательно ходить надо, много, много ходить...

Я скормил Юрочке обе морковки, потом вспомнил о мешочке с хорошим кишмишем, который мама припрятала к моему четырнадцатилетию, но разве можно что-нибудь как следует спрятать в таком жилище, как наше?.. Я достал кишмиш, дал горсть Юсупу, остальное мы честно съели с Юрочкой пополам, и я пошёл обратно — помогать бобо Абдрахману делать зирвак для праздничного плова. Подходили женщины, приносили для тоя какую-нибудь вкусную еду — у кого что нашлось...

Вечером около чайханы для общего тоя были расстелены по кругу ковры и кошмы, вынесенные из юрт. Меня, молодого оглана, как вестника Победы посадили на главный ковёр рядом с уважаемыми аксакалами. Были и танцы, и борьба, и скачки... Вот чего не было совсем, так это алкоголя, запрещённого Кораном.

Но и без него великолепно отпраздновали. И даже — при всей скудости военного времени — нашлись достойные призы, чтобы вручать победителям. Я в состязаниях не участвовал, но мне торжественно подарили стёганный красный халат, мерлушковую папаху для отца и шёлковый платок для мамы. По-туркменски такие дары называются «суюнчи», то есть подарки гонцу, принесшему всему народу хорошую весть. Потом, уже в Ленинграде, на халат сверху нашили перелицованное сукно от маминой старой пальтушки. Получившееся из туркменского халата зимнее пальто ещё долго меня грело в морозную зиму 1945-46 года ...

...С того самого первого и главного Дня Победы прошло уже семьдесят лет. Я сам давно стал аксакалом, то есть отрастил большую белую бороду, но каждый год, просыпаясь утром девятого мая, я снова прикрываю глаза и вижу, как разлетаются из-под Юрочкиных копыт алые тюльпаны на горном склоне Бадхыза...

Не зря на День Победы мои близкие всегда дарят мне букет тюльпанов. А я в этот день непременно делаю праздничный плов — так, как меня научил старый пловчи бобо Овез-Абдрахман...

Игорь САФРОНОВ

Дядя Ваня

Воспоминания об Ивана Матвееве – человеке и чемпионе

Спой нам ветер <...> про смелых и больших людей...

Из песни

этому дерзкому и хладнокровному бесстрашию этих людей, моего сурового дяди, как я теперь отчетливо понимаю, я, Игорь Сафронов, ныне живущий на этом свете, БЫЛ И ЕСТЬ ОБЯЗАН своей куда менее героической жизнью, спасенной ими в те смертельные годы войны и блокады!

Он был суров, мой далекий, словно бы провалившийся в трясину Времени, некогда знаменитый дядя - Иван Петрович Матвеев. Может быть, та суровость, запавшая в мою детскую память, да так и оставшаяся во мне, была лишь несмываемой печатью того героического времени, в котором ему выпало родиться, жить, геройствовать и побеждать... Себя, стихию, жестокое сопротивление жизни, и, возможно, само это Время. А это самое время, каким я себе его представлял, скорее всего, было временем бесстрашных, дерзких, пропитанных едва ли не религиозной верой в грядущее светлое завтра, крепких и увлеченных молодых людей, готовивших себя к любым испытаниям на прочность. Давайте вспомним (хотя бы по книгам и фильмам) ту удивительную довоенную породу героев: Чкалов, Громов, Ляпидевский, Стаханов, Гризодубова, Ангелина, Кривонос... Блестящий перечень - чеканные волевые лица на бронзе той великой эпохи созидателей. Вот и он, мой незабвенный дядя, был из той самой когорты бесстрашных людей своего времени. И потому большая война, навязанная их Родине, могучему Советскому Союзу оголтелым немецким фашизмом, была встречена ими с открытой грудью и всем генетическим бесстрашием. И

Сейчас, когда мне за шестьдесят, оглядываясь назад в 50-е годы, в мое «далекое святое детство», я, напрягая свою совсем не цепкую память, вдруг, кажется, слышу рокот мотора подъехавшей темно-синей «Победы», и, выбежав на балкон нашей огромной квартиры на Съезженской улице, успеваю заметить невысокого человека в светлом костюме, не спеша выходящего из машины и направляющегося к парадной нашего дома, находящейся прямо под балконом. Я слышу взволнованный голос матери, обращенный к моему отцу: «Саша, Саша, скорее открывай двери - Иван приехал, уже подымается!» Чувство какой-то особой взволнованности охватывает и меня и я с колотящимся сердцем устремляюсь в прихожую. Мне 10 или 11 лет, я ужасно стесняюсь и потому не смею выйти в прихожую, но все хорошо вижу. Мне хорошо виден дядя, имя которого так часто звучит в нашей семье. Я впервые могу его хорошо разглядеть из своего укрытия. Я слышу низкий с хрипотцой голос, почему-то сразу смекая, что это от морского ветра, хорошо вижу гладкое, моложавое, обожженное коричневым загаром лицо, узнаю наш дерзкий прямой нос, слегка, впрочем, смягченный, светло-серые глаза смотрят как-то вызывающе-спокойно, капризный, но волевой рот красивого рисунка, светло-русые слегка вьющиеся волосы, как у меня, открытый нервный лоб. Первое впечатление сильное и, как известно, западает в память на всю жизнь. Я и сейчас вижу его таким на старой фотографии в доме моей 99-летней матери,

хотя долгая туманная пелена времени, казалось, навсегда размывла все очертания минувшего... Появление дяди Вани всегда было событием. Он появлялся редко и ненадолго, всегда один (хотя я узнал позднее, что у него было несколько жен), за скромным застольем не задерживался, от алкоголя отказывался. О чем были разговоры во время его редких посещений - тоже не помню по причине все той же моей застенчивости. Лишь однажды он обратил на меня внимание как на племянника, когда вдруг, спросив меня, хотел бы я стать моряком и услышав мое неуверенное «хотел бы, наверное», стал спрашивать, как называются разные мачты на парусном судне и разные элементы такелажа. Что я мог ему ответить? Ничего путного. Уже несколько лет я увлеченно занимался рисованием, мечтая стать художником, и боюсь, что тогда меня не интересовало ничто, что не имело отношения к моему увлечению. А в то первое в моей памяти посещение нашего дома он тщетно пытался объяснить мне названия мачт и парусов и рассказать о том, как называются те или иные способы вязки морских узлов. Думаю, что я не произвел на него никакого впечатления, что уж говорить о том, что год спустя я не был допущен к поступлению в нахимовское училище по причине чисто медицинского характера. Думаю, что будущий художник победил во мне моряка, хотя всю жизнь благодаря дяде я восхищался этой профессией, и страсть к дальним странствиям, только сухопутным, долгие годы не давала мне успокоиться. Наверное, художник и моряк глубоко родственны по силе неприкаянности и любви к перемене мест. Выживаю из прошлого еще один, точно последний эпизод моей встречи с дядей Ваней. Зато какой! Это было спустя 2 или 3 года после рассказанного выше. Дядя Ваня, как всегда внезапно, пригласил моих родителей к себе в гости. Я знал от мамы, что он живет на набережной Невы напротив Университета и недалеко от Адмиралтейства в красивом доме (по-моему, адмиралтейском) в квартире своей второй жены Анастасии Всеволодовны Егорьевой, ученого-географа, внучки капитана 1 ранга Всеволода Егорьева, легендарного командира крейсера Авроры, погибшего в Цусиме в Русско-японскую войну. Позднее я узнал, что раньше она была

женой умершего писателя Льва Канторовича. Дядя Ваня познакомился с ней на курорте в Сочи, не имея на тот момент своего жилья, сразу переселился в ее огромную, роскошную адмиральскую квартиру на Адмиралтейской набережной в Ленинграде, и вот, через какое-то время пригласил нас туда в гости. Смутно помню породистую немолодую женщину благородных кровей, которая сдержанно встретила нас в просторной прихожей и пригласила в огромную комнату с впечатляющими, красивых очертаний окнами, глядящими на Неву. Тяжелые шторы не закрывали их полностью, и казалось, что сверкающие итальянские стекла были наполнены как аквариумы густой бархатной чернеющей синевой. Мое мальчишечье впечатление от увиденного в огромной комнате этой необыкновенной квартиры было потрясающим. Буквально все приковывало мое жгучее внимание: наполненный каким-то внутренним ликованием, я впивался взглядом в диковинные вещи. Конечно, это были разного рода сверкающие золотом и серебром призы и награды бесчисленных спортивных побед дяди Вани как великого яхтсмена. С видимым удовольствием, переходя от одного стеклянного шкафа к другому, он показывал мне все новые и новые свидетельства своих спортивных и боевых дел: «Этот приз вручила мне королева Швеции в за победу на Балтийской регате, а этот – жена президента Финляндии. Это охотничье ружье мне подарил маршал Жуков за обеспечение высадки Стрельнинского десанта», – комментировал дядя. Поскольку такое было со мной впервые, до этого я не видел ничего подобного, дядя вырастал в моих глазах до масштабов античного героя вроде Одиссея или совершенного атлета, виденного мной в Эрмитаже. Не один, не два, и даже не три кортика проблистали перед моими ослепленными глазами. Сейчас я понимаю, что скорее всего, кое-что из всего этого морского великолепия хранилось как бесценные реликвии морской династии Егорьевых, трепетно сохраняемые хозяйкой этого удивительного дома-музея морской славы. Возможно растроганный нашим восхищением его заслугами и подогретый рюмкой коньяка, дядя, подойдя к окну и указуя жестом адмирала Нельсона на стоящие на приколе вошедшие в Неву накануне военные корабли (был какой-то боль-

шой праздник), явно и простодушно гордясь собой, заявил, что если он того захочет, то прямо сейчас позвонит адмиралу Горшкову (командующему на тот момент ЛМБ), и будет отдан приказ произвести салют в честь дяди Вани. Было видно, что эта мысль доставляла ему какое-то мальчишеское удовольствие, при этом в его серых глазах витали какие-то смешливые бесовские искорки, и в тот момент мне казалось, что дяде доступно все - он же античный герой! И я как никто понимал его! Такого вызывающего, обнаженного чувства собственного достоинства я в своей последующей жизни пожалуй ни у кого не встречал. Разве что сам страдаю его избытком. Здесь не могу не вспомнить еще одну историю, которую слышал не раз от моих родственников. Однажды дядя Ваня приехал на свою и нашу малую родину - Кургальский полуостров, где он впервые прирос к морской стихии. Тогда это была строго запретная погранзона. Подъехав на своей именной «Победе» к песчаному берегу Липовского озера, дядя снял одежду и, как в далекие детские годы, решил искупаться нагишом. Внезапно появился пограничный наряд, и дерзкий сержант, веря в то, что задержал опасного нарушителя, стал грубо угрожать дяде задержанием. Тогда дядя, выйдя из воды нагишом приблизился к непочтительному сержанту и, смерив его специфически-командирским взглядом, рывкнул своим характерным сипловатым командным голосом, не чересчур громким, но бросающим в дрожь: «Как стоишь перед полковником?!» (звание кавторанга соответствовало воинскому званию полковника). Потрясенный сержант был не на шутку испуган и, принеся свои извинения, даже не проверив документы дяди, поспешил ретироваться. Картина маслом под названием «Прибыл на каникулы!» Приезжая много лет спустя на нашу малую родину и проезжая мимо лесного Липовского озера, я всегда вспоминаю эту историю, ставшую для меня легендой...

Но вернемся в то наше столь памятное посещение дядиной квартиры на Адмиралтейской набережной в Ленинграде в начале 60-х годов. Было еще одно обстоятельство, потрясшее меня как будущего художника. На стенах тетиной квартиры висели удивительные акварели. Мне почему-то было ясно, я

чувствовал, что это были работы подлинных мастеров. Это были поэтичнее пейзажи и, кажется, один портрет. Не знаю почему, но я не мог оторвать глаз от такой красоты, мне показалось, что они, эти акварели, затмили собой даже сияние дядиных кубков и наград. Вероятно, это были работы настоящих художников, возможно, знакомых с Анастасией Всеволодовной. По-своему оценив мой неподдельный интерес к этим работам и узнав от матери, что я занимаюсь в изостудии и собираюсь стать художником, она принесла и предложила мне посмотреть прекрасные альбомы по живописи. Тогда впервые в жизни с дрожью во всем теле я впивался взглядом в репродукции работ Валентина Серова в потрясшей меня монографии Грабаря. С тех пор мне не приходилось более держать ее в руках. Благородная Анастасия Всеволодовна! Спасибо Вам за Вашу чуткость и тонкость! И если Вас нет на этом свете, пусть хранит Господь Вашу прекрасную душу! Именно после посещения Вас я твердо решил стать художником!

Мы, отец, мать и я, возвращались домой, насыщенные впечатлениями от увиденного, и я хорошо помню, как в этот момент поселилась во мне впервые восхищенная гордость за дядю, какое-то глубокое родственное чувство Родовой причастности к жизни и судьбе этого близкого мне человека. Читая мои мысли, мать всю дорогу повторяла: «Вот какой у тебя дядя!»

Холодные волны октябрьского залива угрожающе бесновались. Восточный ветер дербил волны вторые сутки подряд без надежды на перемену. Но откладывать операцию по десантированию было более невозможно. Срочно вызванный к командующему военно-морской базой вице-адмиралу Пантелееву лейтенант Матвеев, недавно назначенный командиром специального отряда из бывших яхтсменов-чемпионов и участников различных довоенных соревнований по парусу, был, как всегда, по-флотски подтянут и немногословен. После короткого приветствия и мужского рукопожатия командующий спросил: «У вас все готово, Иван Петрович?» - «Так точно, товарищ командующий! Подразделение готово к выполнению поставленной задачи!». Напряжение и нетерпение последних

недель искало выхода, но оно сдерживалось всегдашним усилием воли бывалого морского волка, давно знакомого со смертельным риском, без чего в принципе невозможен вечный спор человека с волнами и ветром. Или они союзники или... Ход мыслей лейтенанта прервал резкий звонок телефона на столе. Пантелеев снял трубку. Грозный тон («Какого черта медлите!») нового командующего Ленинградским фронтом Г.К. Жукова разом отрезал все сомнения в сроках начала операции. «Минимум через сутки прикажите начать выгрузку войск!» - приказал Жуков. Возражения были бессмысленны. «Будет исполнено, товарищ командующий фронтом», - твердо ответил Пантелеев и положил трубку: «Иван Петрович, вы слышали? Послезавтра начинаем погрузку войск, но сегодня приказываю вам разведать подходы к Стрельне. Сделайте это лично! Условие одно - скрытность, остальное вы знаете». - «Разрешите идти, товарищ Командующий базой?» - «Желаю удачи!» - негромко произнес адмирал Пантелеев и пристально посмотрел на лейтенанта Матвеева...

Октябрьская ночь над Финским заливом была темна и ненастна, но ветер сменил направление и был подходящим для опасного рейда. Швербот старшего лейтенанта Матвеева как летучий голландец, бесшумно покинул причал у родного яхтклуба на Крестовском острове и вскоре растворился в ночной мгле. Путь был хорошо знаком. Яхту под управлением опытного яхтсмана и штурмана бодро несло к южному берегу нужным галсом. Вскоре судно пересекло морской канал и, умерив ход, стало подбираться к близкому побережью. Только бы не обнаружить себя и не спугнуть врага - сверлило в мозгу. На лбу яхтсмана выступила испарина, как бы воспроизведя мысли яхтсмана, над близким парком высветилось небо и узкий луч прожектора прорезал его. Бесшумно подойдя на максимально близкое расстояние, лейтенант убрал паруса и лег в дрейф, прислушался. Легкий приплеск волн заглушал все шорохи... Прошло томительных полчаса, острый слух яхтсмана не уловил ничего подозрительного. Было около трех часов ночи. Тихо развернувшись и бесшумно выставив парус, судно легло на обратный курс...

На следующую ночь малый флот без потерь, разведанным накануне путем, прошел по мелководью и высадил около двухсот бойцов на южное побережье Невской губы в районе Константиновского дворца. За первым десантом в течение последующих дней парусники обеспечили высадку на разные участки берега еще трех групп. Так начиналась эпопея Стрельнинско-Петергофской десантной операции, в силу ее катастрофического провала по вине высшего командования флота, на долгое время преданная глухому забвению. Но тысячи моряков-героев, легшие в ней, взывают к нашей благодарной памяти, чтобы никогда не померкла цена битвы за Ленинград!

Это было первое серьезное боевое крещение. А сколько их было в дальнейшем, боевых заданий, сопряженных с постоянным риском, требовавших от яхтсменов смелости и абсолютного мастерства. Чего стоит участие яхтсменов в обеспечении проводки боевых кораблей и грузового транспорта по мелководным фарватерам вдоль северного берега, наиболее отдаленного от вражеской артиллерии. Здесь, прекрасно зная местную лоцию и свободно ориентируясь на воде, в отсутствие навигационного сопровождения, Иван Матвеев лично обеспечил проводку четырех глубокосидящих подводных лодок, что было чрезвычайно трудно в силу критически малых глубин. Но важнейшая задача организации основной связи Кронштадта с Ленинградом летом 1942 года была решена...

Сейчас, семьдесят лет спустя, думая о дяде Ване, о его врожденном таланте яхтсмана, я мысленно обращаюсь к его истокам, стремясь в который раз перенестись на нашу малую родину, в крохотную тогда рыбацкую деревушку Курголово (ныне весьма обжитую состоятельными гражданами Санкт-Петербурга), прилепившуюся на самом южном мысу Кургальского полуострова, вдающегося в южную часть Финского залива, невдалеке от нынешней границы с Эстонией. Издревле в этих местах среди песчаных дюн и корявых сосен жили поморы, рыбаки и землепашцы - русские, финны, ижорцы, некогда влившиеся в дружину молодого новгородского князя Александра Невского, грозного гонителя шведов и немцев.

В эту приморскую деревеньку мой рано овдовевший к тому времени уже немолодой

дед, Петр Гаврилович Матвеев, перевез из недалекой ижорской деревни Косколово мою молодую тогда бабушку по материнской линии, Ирину. Было это в 1900 году. Здесь, в этой крохотной рыбацкой деревушке, расположенной у узкого канала, вырытого еще при Петре Первом в период Северных войн со шведами, в доме, срубленном руками деда, и родились моя мать и четыре ее брата. Родившись в 1914 году, дядя был четвертым ребенком (двое старших братьев умерли рано, один, Владимир при рождении, другой, Александр, погиб позднее) в дружной работающей семье деда. Уже в самом раннем детстве, по рассказам моей матери, дядя Ваня прикипел к морю, часто помогая отцу бороздить его на тяжелой рыбацкой лайбе под парусом. Много позднее знавшие дядю спортсмены и сослуживцы говорили, что он родился в рыбацкой лайбе. Можно сказать и так. В летний штитель или в суровую штормовую осень бороздили они прибрежные воды залива, не раз пересекая его с юга на север до финской Котки. Не там ли, у причалов финской Котки, дядя впервые увидел легкий скользящий лет крылатых яхт и был пленен ими? Трагические события Первой мировой войны последующих революций и гражданской войны, не докатились до этих отдаленных мест и, слава Богу, не коснулись семьи деда. Однако кормить большую семью было нелегко, приходилось иногда плавать на своем небольшом судне в Петроград-Ленинград, чтобы продать корюшку, клюкву или соленые рыжики. Понятно, что отец брал с собой сына-подростка, который, помогая отцу в этих плаваниях, учился управлять парусным судном.

В начале 20-х годов дед решил перевезти семью в Ленинград, чтобы дети могли учиться и работать. Был арендован небольшой деревянный дом на набережной Средней Невки на Крестовском острове - чья-то старая бывшая дача. Здесь моя мать поступила в 3 класс 189 школы, что на проспекте Динамо. Закончив ее с отличием в 1935 году (особенно ей удавались иностранные языки), она была награждена поездкой по Волге до Астрахани, после чего поступила в Институт иностранных языков. В 1924 году дядя Ваня, будучи приведен туда отцом, стал часто бывать на расположенном недалеко от дома яхт-клубе

областного совета профсоюзов, где практически проводил все свое время, жадно постигая морскую науку. Все, что он увидел и открыл для себя в результате этих посещений, стало в дальнейшем его страстью и Судьбой.

У него были неплохие наставники, сразу обратившие внимание на сноровистого и сметливого подростка. Они щедро делились с ним своими знаниями и опытом, и вскоре он стал очень грамотно управляться с парусами и оснасткой яхт. Сам знаменитый в те годы яхтенный капитан В.Г. Щепкин взял дядю Ваню юнгой в экипаж лучшей в те годы яхты-тендера «Рабочий», которой он командовал. Это было огромной наградой за усердие, проявленное дядей в учебе. В 1928 году юнга впервые принял участие в заграничном плавании «Рабочего», посетившего порты Финляндии и Швеции.

Надо сказать, что в тридцатые годы в нашей стране и в первую очередь в Ленинграде яхтенный спорт стал стремительно развиваться, наши яхтсмены стали участвовать в различных гонках, проводимых как в СССР, так и за рубежом. Молодежь, приходя в этот спорт, стремилась испытать себя в борьбе за высокие результаты, покорить неумную силу ветра и волн. Это был спорт дерзких и бесстрашных молодых людей, не боящихся риска, как бы сейчас сказали, экстремалов, однако думающих о славе Отечества, а не своей собственной. Похоже, и мой дядя был из их числа. Успехи его множились стремительно, изумляя опытных ветеранов, вроде Людевига и Щепкина. Ему прочили большое будущее.

В 16 лет (мальчишка!) в 1930 году он уверенно выигрывает первенство обширной Ленинградской области среди юношей, а осенью того же года побеждает уже маститых капитанов в гонках лучших рулевых яхт-клуба ЛОСПС. Становится очевидно, что в огромной стране восходит звезда великого яхтсмена. В следующие три навигации мой 18-летний дядя становится абсолютным победителем большинства гонок в Невской губе. Тогда же он успешно сдает экзамен на звание яхтенного капитана. Вот передо мной черно-белая фотография дяди, вероятно, из его утерянного архива. Подпись: «И. П. Матвеев, капитан шхуны «Ганс». 1935 год». Совсем молодое мальчишеское лицо. Правильные черты лица,

сжатые, слегка капризные губы и спокойный мечтательный взгляд светло-серых глаз под козырьком красивой капитанской фуражки с крабом. Белая сорочка, галстук, черный двубортный китель с золотыми пуговицами чуть великоват. Красив, по-настоящему красивой молодой дядька, по-морскому элегантен, в задумчивом взгляде сквозит едва заметная гордость, возможно, тогда впервые прописавшаяся в нем... Невозможно не залюбоваться! Восемнадцатилетний капитан, годом ранее закончивший мореходные курсы при Военно-морской академии и экстерном сдавший экзамен на диплом штурмана торгового флота в Ленинградском мореходном училище, - и все это на фоне блестящих побед на яхтенных гонках! Было чем гордиться, и все это 18-19-20 лет!

Недавно на помойке я нашел выброшенную кем-то книгу. Это оказался справочник яхтсмена, руководство по яхтингу, написанное знаменитым английским яхтсменом Бобом Бондом. Так вот, в русском предисловии я не без гордости прочитал о дяде Ване следующее:

«Зима 1941 года в осажденном врагом Ленинграде началась рано и была особенно суровой. Лед сковал залив уже в начале ноября и вскоре почти полностью сделал невозможным судоходство в устье Невы. Серьезной проблемой была охрана Морского канала, связывавшего Кронштадт с Ленинградом, от возможного минирования фарватера со льда и проникновения в город немецких диверсантов. И это, не считая постоянных обстрелов фарватера артиллерией немцев, находящейся в 1-2 километрах на южном берегу невиской губы в районе Стрельны. Патрулирование фарватера было поручено отряду буеристов под командованием Ивана Матвеева. Внезапное появление летающих яхт, вооруженных ручными пулеметами, серьезно напугали фашистов, оттеснили их от фарватера».

Однажды дядя Ваня в упор, лицом к лицу встретился с четверкой немецких диверсантов в белых масках. Это случилось, когда яхта внезапно потеряла ход. Все решали секунды, как удалось дяде уложить на лед четверку фашистов, до сих пор остается загадкой. Увы, я узнал об этом подвиге дяди из других источников, но не от него самого. Говорили,

что дядя не любил вспоминать об этом. Бывало и так, что снаряды взрывались невдалеке от смельчаков, поднимая на воздух крошево льда, перемешанного с осколками. Приходилось все время быть начеку, лавируя между разрывами и обходя торосы и участки оголившейся воды. Возможно ли представить сейчас этот смертельный экстрим?! Мужество, отвага, мастерство, постоянный риск - все было брошено на чашу весов во имя будущей победы. Возможно, за эти подвиги отважных буеристов и свои собственные на послевоенном кителе дяди червонной запекшейся кровью заалел боевой орден Красной Звезды...

Но все это, как и многое другое, было потом, я еще к этому вернусь, а пока задержимся в довоенных годах. Тридцатые годы начались с трагедии. В августе 1930 года нелепо погиб старший брат дяди Вани – Александр. Работая в столярной мастерской на стадионе Динамо, он включил станок, и плохо закрепленная доска попала ему в живот. Он умер на месте. Было ему всего 24 года. Царство Небесное еще одному моему родному дяде, которого мне не суждено было увидеть. В том же 30-м умер и мой неведомый мне дед, Петр Гаврилович Матвеев, не перенеся смерти старшего сына. Умер от рака желудка, страшно крича от боли. Царство Небесное и ему, давшему жизнь и воспитавшему мою мать и ее братьев. И вечная память! Семья дяди Вани сократилась на треть. Остались жить его пожилая мать, моя бабушка Ирина Федоровна 1874 года рождения (которую я хорошо помню), старший брат дяди Вани – Дядя Леша, родившийся в 1909 году, моя мать, Вера Петровна, 1916 года рождения, а также сводная сестра всех троих – тетя Зина (?). Уже тогда, в 30-е годы, на плечи двух братьев легла забота о матери и сестре - моей матери. Дядя Ваня в эти предвоенные годы стал широко известным в стране и за ее пределами яхтсменом. Молодой самородок, повергая всех в изумление и восхищение, продолжал выигрывать одно первенство за другим. 13 раз он становился чемпионом СССР в гонках на яхтах разных типов (килевых и швертботов), трижды становился чемпионом страны по гонкам на буерах, достигнув абсолютного рекорда скорости - 85 км/час с разгона на льду (позднее

он довел рекордную скорость буера до 103 км час). Что за этим стояло, поймет каждый серьезный спортсмен - управление яхтой, этим легким и прихотливым судном, всецело зависящим от изменчивых стихий, требовало от спортсмена изощренного мастерства, сноровки и, безусловно, дерзости, ведь всякий раз приходилось подчинять своей воле эти самые стихии - волны и ветер. Но дяде было не занимать этих качеств. Недаром его называли яхтсменом от Бога. Звание заслуженного мастера спорта СССР, присвоенное ему в 1940 году первому из советских спортсменов, фотографии в газетах и журналах, гордость за свою страну, за свой род, и особая гордость за победу над собой – как много было вложено им в эти предвоенные годы, но если можно было представить, какие испытания ждали его впереди и вместе с ним весь народ, Родину. В воздухе давно и устойчиво пахло гарью - угрюмым смрадом надвигавшейся войны. Она давно уже полыхала в Европе. Прожорливый и коварный зверь – германский фашизм, упиваясь кровью своих жертв, выбирая момент, готовился к внезапному прыжку - нападению на СССР. И оно произошло...

Часто думаю, можно ли сейчас представить, (хотя понимая, что происходит сейчас на Украине, безусловно, можно!) что творилось в душе советского человека, просто человека, гражданина своей Родины, когда эта черная весть зазвучала из всех черных тарелок репродукторов голосом Молотова.

В то трагическое утро дяде Ване исполнилось 27 лет, словно мистически поменялись местами цифры лет его двух рождений - 1914 и 1941 - ибо в этот день, я уверен в этом, в нем родился патриот, вытеснив из его души, возможно все, что было до этого дня. Пошел новый отсчет Времени, когда на карту было поставлено все - прошлое настоящее и будущее... Родину надо было защищать, и Родина призвала своих защитников. Не могу здесь, объективности ради, не упомянуть о мрачной стороне действительности предвоенных лет, коснувшейся дяди Вани, о чем мне стало известно много позже после его смерти и о чем даже умолчала моя мать. В канун финской войны, естественно, по доносу, дядя был арестован и провел более месяца в изоляторе НКВД на Литейном проспекте (Большой дом). Из-

вестного спортсмена и начальника учебной части крупнейшего яхт-клуба страны нещадно избивали, требуя признания в антисоветской деятельности. Не добившись ничего, его неожиданно выпустили, сняв все обвинения. Скорее всего, поводом для подозрений стало знание дядей финского языка и контакты с финскими яхтсменами. К счастью, на дальнейшей судьбе дяди Вани арест не сказался.

Все ленинградцы были готовы встать в строй, тем более что жестокий враг быстро приближался к их городу, пытаясь окружить его, отрезать от остальной страны. Нужно было мобилизовать все средства, ресурсы и кадры для защиты города. Невероятно, в 1242 году дружина Александра Невского, где были и наши предки-ижорцы, вышла на лед Чудского озера, чтобы защитить Русскую землю от псов-рыцарей - и вот, 700 лет спустя и 70 лет тому назад, отряд яхт-буеров под командованием моего дяди-ижорца вышел на торосистый лед Финского залива, выполняя особые задания морского штаба в смертельной схватке с немецким агрессором, вновь пришедшим на нашу землю, чтобы поработить наш народ. Воистину, не символична ли история Руси, и, может быть, такие совпадения вех и событий вовсе не случайны?.. А помимо охраны морского канала от вражеских лазутчиков и уничтожения вражеских маяков, летучий отряд бесстрашных яхтсменов под началом своего командира, лейтенанта Матвеева, почти ежедневно, совершал молниеносные ночные рейды к Ораниенбаумскому плацдарму, доставляя туда боеприпасы и медикаменты, иногда вывозя раненых.

Лично управляя буером в ветреные зимние ночи, на бешеной скорости лавируя между торосами, держа наготове пару гранат и личный пистолет, иногда под прицельным минометным огнем близкого врага, мой отчаянный дядя белым вихрем неся в тыл наших окруженных войск, чтобы донести срочный приказ командования Ленинградского фронта. Героизм? Если нет, то что тогда?! Сейчас, когда на моих глазах разворачивается, полыхает новая война с фашизмом, я вслед за моим незабвенным дядей, не считаю это за героизм... Сжав зубы, собрав волю в кулак, сконцентрировавшись только на одном - выполнить приказ, остановить и уничтожить кровожадного

врага, наши русские люди не помышляли о героизме, как и сегодняшние ополченцы Донбасса, живя только одним - отстоять, спасти от порабощения Русский мир, свою семью, своих близких! Это катарсис, увы, страшный и моих современников.

Сейчас в силу своей профессии мне поневоле приходится общаться с, так называемой, пятой колонной - она же «творческая интеллигенция», она же «гнилая интеллигенция». Кого я имею в виду? Да все то же теплохладное сообщество трусливых либеральных людишек, самозабвенно поверивших в свою исключительность, поглощенных мелкотой своего мнимо-драгоценного существования. Это в абсолютном большинстве талантливые приспособленцы всех мастей, двух подвидов: некогда приехавшие в один из двух больших городов (нетрудно догадаться каких) и получивших в них образование, преуспевших в продвижении себя любимых (провинциальная смелость города берет!), вдруг открывших в себе «европейцев» и моментально провозгласивших себя «свободными художниками». Другая подгруппа это те, кто «иже с ними», творческие импотенты, всевозможные заслуженные, народные, зараженные «славой» первых и успевшие схватить свой кусок почта на уличном торжище, либо высидевшие его в своей административной «короне» во всевозможных творческих союзах. И так во всем, что касается самовыражения. Продажное и поддельное вытеснило подлинное и бескорыстное. Отравленная приманка, привезенная с запада и рассыпанная на моей Родине, превратила некогда человеческое искусство в бесовское шоу самодовольных продюсеров от искусства, монопольных авторов всевозможных «проектов». Понятно, что эта отравляющая лакейства отравляет сегодняшний духовный климат, вроде смертоносного газа «Циклон-Б», применявшегося фашистами для умерщвления людей. Вот почему эта скрытно ненавидящая все русское пятая колонна, прикрывающаяся свободой творчества, безнаказанно стреляет нам в спину... Так что, видит Бог, война на моей Родине не окончилась, а разгорается с новой небывалой силой, потому-то и надо держать фронт и видеть врага в упор, не дать ему ударить в спину, ну а мне, вспоминая сегодня своего героического дядю, не забывать о том, что и мне выпало па-

трулировать свой Русский фарватер, охраняя его от внутренних и внешних врагов, что в принципе одно и то же... Но вернемся опять в грозные блокадные годы, отбросившие свой кровавый отсвет на судьбу моего дяди да и на судьбу нашей семьи.

И здесь самое время вспомнить о блокадной жизни моей бабушки и матери, не прервавшейся 70 лет назад лишь благодаря моему героическому дяде. Я уже упоминал о том, что мать моя, Матвеева Вера Петровна, тогда 25 летняя девушка, перед войной заканчивала Первый Ленинградский педагогический институт иностранных языков. Ей оставался последний курс, но война прервала учебу. Сразу после объявления войны ее вызвали в военкомат, но она не была мобилизована на оборонные работы из-за больной престарелой матери. Несколько месяцев мама работала сандружинницей в госпитале недалеко от завода «Вулкан», а после окончания 4 курса института была направлена на работу на мебельную фабрику, где она собирала деревянные ящички для небольших мин. Маленькая подробность: крышку пенала нужно было делать безупречно, о браке не могло быть и речи. Фабрика находилась на Лермонтовском проспекте, недалеко от Балтийского вокзала, и каждый день в течение двух блокадных лет маме приходилось пешком идти с Крестовского острова на работу. Расстояние огромное, надо было рассчитывать силы, часто приходилось попадать под артобстрелы. Однажды зимой у моста Лейтенанта Шмидта разорвался дальнобойный снаряд, фашисты целились в мост, через который пролегал путь моей молодой мамы на работу. Двух прохожих убило сразу, один из осколков попал матери в ногу, под колено. Это случилось у самых дверей Академии Художеств, в которой много лет спустя мне довелось учиться. Ангел-хранитель (скорее всего, по молитвам бабушки) и в тот раз сохранил жизнь моей молодой мамы, как хранил ее все девятьсот долгих дней, как сохранил, наверно, и жизнь моему будущему отцу, когда в июле 1941 года во время боевого задания по обороне Киева, его бомбардировщик ПЕ-2 был сбит немецким истребителем. Пылающим факелом он врезался в землю в районе городка Белая Церковь. Двое членов экипажа, его боевые друзья, погибли, и лишь мой молодой отец, пилот, чудом остался жив,

ударившись лицом о приборную панель, и его вытащили из огня наши солдаты... Как выживали в блокаде, хорошо известно из многих источников. В отсутствие двух старших братьев, призванных в армию сразу, на иждивении матери была наша бабушка и еще три человека - двоюродные брат и сестра 17 и 19 лет и еще одна родственница, девочка 13 лет. Все они жили в 12-метровой комнатухе в деревянном доме на Морском проспекте, а с 1942 года, после того как дом был разобран на дрова, переселились в одну из пустующих квартир каменного особняка на проспекте Динамо 18, построенного в начале 20 века, где я и родился в 1948 году. Жили впроголодь. Как выживали, сложно себе представить из сегодняшних благополучных дней, но младший брат и девочка Маша все же умерли от истощения. 200-граммовый паек получала моя работающая мать, остальные – лишь 125-граммовый иждивенческий... Дядя Ваня был офицером (часть, которой он командовал стояла на Гутуевском острове) и довольно часто посылал свой офицерский паек, порцию каши или супа, своим голодающим близким, что позволило матери и бабушке остаться живыми. Бабушка была глубоко верующей, и я убежден, что ее молитвы и помощь дяди помогли им сохранить себя в эти страшные годы. Моя мать, вспоминая ужасы тех страшных лет, никогда не забывала об этом! В свою очередь и я, рожденный через три года после войны, всегда понимал и понимаю, чем я лично обязан дяде Ване за эту спасительную помощь в годы Ленинградской блокады.

Я написал слово «блокада» и вздрогнул. А что сейчас, мы, русские люди, делаем для того, чтобы разорвать кольцо блокады вокруг сражающегося, страдающего и жертвующего собой ради нас, русских людей, родного нам Донбасса? В какой форме мы можем отдать свою кровь им, нашим братьям и сестрам, истекающим кровью?! Что могу сделать лично я, Игорь Сафронов, 66 лет отроду, будучи племянником героического дяди? Научиться стрелять и отправиться добровольцем? Возможно, дойдет и до этого, ну а пока, не в силах молчать и бездействовать, я создал прошедшим летом, в самый разгар боев, цикл из 10 холстов, посвященных донецкой блокаде и назвал его «Украина. Гнев и скорбь». Думал ли я, работая над своим донецким рек-

виемом, о своем дяде, о его жертве и подвигах 70-летней давности? Несомненно, и именно его пример двигал моей рукой и воспламенял сердце... Как бы то ни было, но мне хотелось бы, чтобы как можно больше моих сограждан увидело мой труд, но я заведомо знаю, что мне не даст это сделать та самая либеральная пятая колонна, о которой я уже говорил. По их шкурной поглощенности собой я вижу, что их менее всего волнует льющаяся кровь детей и женщин, равно как и ревность к государству. Чиновникам города, за который проливал кровь мой дядя, тем более наплевать на меня и мой труд, их в не меньшей степени заботит свой временный покой и процветание. У меня в Питере они ничем не лучше проворовавшихся московских, ведь тех и других охраняет «закон», а не совесть... Вот так, дядя, иногда думаю я обо всем этом – наши попранные судьбы, наша с тобой общая Участь, наш с тобой Порыв и неколебимая вера в человеческое добро - неужели все это лишь удобрение для наличного всеислия лжи, и неистребимого земного зла?

Но вернемся к дяде Ване. Закончилась та война, унесшая десятки миллионов человеческих жизней, в ее адском пламени сторели неисчислимые судьбы моих сограждан. Много позже, поездив по стране под названием СССР, я видел и, главное, чувствовал, как собственные, незаживающие раны на теле нашего народа, и временами становилось жутко. На рубеже 80-90-х годов, когда известные политические персонажи, выполняя чужую враждебную волю, уничтожили Великое государство, империю, воздвигнутую на неисчислимом количестве жертв собственного народа, и начали планомерно разрушать созданное поколениями простых людей, переживших ту войну, судьба не унизила дядю Ваню до такой степени, чтобы превратить его в расходный материал либерального братоубийства и стать свидетелем опустошения Родины в последующие роковые девяностые. Прервав его жизнь в июле 1984 года в морском госпитале Ленинграда на 70 году его героической земной жизни, она оставила мне в наследство не очень надежную, ускользающую память о его в общем-то трагическом земном пути, состоящем не из одних лишь побед, но, скорее, из невосполнимых утрат... Был ли он счастлив на закате своей спортивной карьеры, в узком

понимании счастья, как гармонии с собой и окружающей действительностью. Чего ему не хватало в его зрелые годы? Помогал ли кто-нибудь ему почувствовать себя счастливым? Пришел ли он к подлинной вере? Все эти вопросы остались для меня невыясненными, да и задаваться ими я стал после того, как сам много чего испытал и понял, подойдя к финальной прямой на изменчивой акватории жизни. Даже самые быстрые яхты и буера не могут победить бег неумолимого Времени... И вот уже многие из тех, кто были ему конкурентами, и выступавшие в его команде в разные годы переселились в иные пределы и гавани. Кто-то вписался в сегодняшние реалии и благоденствует, кто-то утонул прежде смерти, а кто-то стал семейным преданием. После описанных в начале этой повести о дяде встреч в детском возрасте, я, пожалуй, не встречался с ним вовсе. Я жил своей жизнью начинающего, а потом уже и не очень, художника и она, эта жизнь, занесла меня далеко. Быть художником в России, все понимать и при этом пропускать через сердце – особая участь, похожая на какой-то неуправляемый парус в штормящем море. Это прервало нашу внешнюю связь, но странным образом я всегда чувствовал в себе частицу его морской души. Слышал в себе рокот этого штормящего моря и дядино рискованное бесстрашие, граничащее с авантюризмом. События его спортивной и личной жизни в послевоенный период остались мне неизвестными. Подозреваю, что на личном фронте не все у него было «как у людей» - слишком сложная и противоречивая натура была у моего дяди. Искал ли он тихой гавани на своем закате? Сомневаюсь. Могла ли спасти его от одиночества «легенды» так называемая поздняя любовь? Впрочем, мне известно, что последняя его молодая жена, ставшая таковой, в период, когда дядя был знаменитым капитаном не менее известной в яхтенных кругах учебной парусной шхуны «Ленинград», сделала все от нее зависящее, чтобы мы, наша семья, были отлучены от него. Была ли здесь большая любовь? Не знаю. Может быть, банальные соображения материального порядка? После смерти дяди Вани почти никаких осязаемых символов его причастности к семье своей родной сестры, моей матери, увы, не осталось, кроме двух-трех старых

фотографий... Мы, и я в том числе, даже не знаем, где его могила на Северном кладбище. Недавно, в год столетия со дня рождения дяди, я пытался разыскать ее, но безуспешно. Как-то стало известно, что на ней, на могильной плите, женой начертана простая надпись: «Здесь лежит Иван Матвеев»... Все это отдает старым морским обрядом похорон моряка, преданием его тела морю...

Все проходит... Но что же останется в сухом остатке моих размышлений о судьбе дяди, о времени, в котором мы дышали одним воздухом? Что останется со мной и будет завещано моим детям? Не знаю. Есть сокровенные вещи нематериального порядка, которые сопротивляются выражению в любой форме. Мне так хотелось в детстве, чтобы дядя подарил мне один из своих кортиков - не подарил, я стеснялся просить, и он не подарил... Мне было даже больно какое-то время: дядя не всегда замечал меня...

С тех пор пролегла бездна времени. Так что же такое благодарная память? Для меня это святой образ преодоления, сопротивления, порыва к свободе, самопожертвования и безудержной веры в победу Духа над Временем и естеством. Это парус светлой надежды на лучшую жизнь, сверкающий над волнами Времени. Он может исчезать и появляться вновь... Так я думаю теперь, вспоминая своего далекого и навсегда близкого мне дядю Ваню, легендарного яхтсмена и более чем незащищенного человека... Только туманная память, как часто туманны бывают берега нашего родного Кургальского побережья...

Что до меня, его племянника, не ставшего моряком, то мое кредо в искусстве – это сильное служение Добру и Справедливости, а не самому искусству, ибо в своих произведениях я пытаюсь выразить протест современного человека против варварства, тупости и страданий, я пытаюсь изобразить на своих полотнах Борьбу, которая происходит в сердце человека, борьбу между покорностью слепым угнетающим его силам и стремлением к счастью и Божественному приюту. Как мне это удастся – не знаю, судить не мне, но только людям и времени. Я согласен на неизвестность и забвение, согласен стать неизвестным солдатом необъявленной войны, но изменить себе не могу: кровь обязывает!..

Юрий ПЕЙСАХОВИЧ

Победа духа над ситуацией

В юбилейный год 70-летия Победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 мне хочется поделиться своими мыслями о таких важных понятиях, как Подвиг, Доблесть, Слава, имеющих непреходящую цену и в наши дни.

Подвиг – что это такое? Героизм... Герой... Для меня вообще слово «герой» связано обязательно с обороной, с закрыванием, так сказать, собственным телом чего-то искомого. Это не изобретательность и не лихость. Это – совсем, совсем другое. Невозможность поступить иначе, что ли?

Есть люди горячие и холодные. Тёплых сколько угодно. Но из них героев не бывает. Сейчас мы часто говорим о том, что иные достижения мысли, труда или опыта могут приравнять к героизму, но я не соглашусь.

Разве что, исключением является ситуация со строительством объекта «Укрытие», именуемое в народе «Саркофагом» над 4-м разрушенным реактором энергоблока Чернобыльской атомной электростанции - сама идея и её осуществление, когда, не имея аналогов в мировой истории, с «нуля» удалось спроектировать и построить за 6 месяцев и 1 день (29 мая 1986 года «объект» появился на бумаге, а был принят в обслуживание 30 ноября 1986) и в условиях высоких радиационных полей огромное сооружение (400 тысяч кубометров железобетона, 7 тысяч тонн металлоконструкций, размером в 6 футбольных полей, высотой с 20-ти этажный дом!)... Всего же было рассмотрено 18 проектов «Укрытия», из которых был выбран один – он был окончательно утверждён 20 августа 1986 года за 3 месяца и 10 дней до принятия в эксплуатацию... Это и есть настоящий ПОДВИГ! И не зря день 30 ноября 1986 года отмечается у нас в стране как второй День Победы... Именно там, при ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, почти все её участники проявили величайшую силу духа, спасшую мир от великой Катастрофы...

Понимаете: героизм, подвиг – это превосходство духа человеческого над телом. Это – испытание тела на муку, на гибель. И других испытаний, мне кажется, не существует, если речь идёт о героизме. Это – смертельный конфликт между духом и заботой о собственном теле. И пока его нет, нет и победы духа. Нет риска для тела, нет и героизма... В повседневной жизни они, по-моему, невозможны. Там, где не пахнет смертью, там нет и подвига. Подвиг – это БЫТЬ или НЕ БЫТЬ... Повседневность таких проблем не ставит. Всё равно ведь быть. Военный подвиг, боевой – это одно. А трудовой – это другое. Я – военный человек. Могут у меня быть предрассудки? А может, их стоит называть убеждениями?!

Почему я говорю об этом?

В прошлом году мы торжественно отметили 70-летие полного снятия блокады Ленинграда... В мае 2015 – нам предстоит отметить 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. Всё меньше остаётся в живых прямых ветеранов, участников и свидетелей настоящего героизма. Честь и Слава этим людям, вынесшим на себе величайшие тяготы и лишения борьбы с фашизмом, проявившими чудеса силы духа и спасшими мир от коричневой чумы!

И кто бы, и что ни говорил на Западе о решающем вкладе в Победу, эту славу у нашего народа отобрать невозможно! Вот почему День ПОБЕДЫ – святой праздник для России, а воспоминания о войне каждого ветерана – наша общая Книга Памяти. Она написана кровью и жизнями миллионов павших, она пополняется воспоминаниями очевидцев, работой поисковых отрядов и их находками, она выводит нас на Парад Победы, вызывая законную гордость!

Апрель и май – рядом, как боль и лишения с радостью Победы. Именно в этих сверхэкстремальных условиях познаётся, «кто есть кто». Только настоящий человек, любящий жизнь, жертвует собой во имя жизни. Для него не существует будущего признания за-

слуг, почёта и льгот. Он просто выполнял свой священный долг. Он просто знал: так надо!

Сегодня многие извращенцы и горе-стратеги пытаются извратить правду, принизить подвиг народа, переписать Историю. Договариваются даже до того, что мы не так и не за то воевали, что Красная Армия, спасая мир от фашистской чумы, была захватчиком и оккупантом для народов Европы.

Уже сегодня пытаются очернить и подвиг ликвидаторов аварии на ЧАЭС, уже выхолощены из Закона о социальном статусе и защите данной категории важнейшие статьи, подтверждающие их право на компенсацию за ущерб здоровью, всё большие трудности испытывают они в получении необходимых лекарств, медицинском обследовании, в получении путёвок на оздоровление... Как и многие участники боевых действий в Афганистане и Чечне – на словах им почёт и уважение, а в жизни почти нищенское существование. Льготы только на бумаге... Герои вдруг стали ненужными.

Вот почему так необходима суровая правда истории нашего народа, особенно для настоящих и грядущих поколений, кому не безразлична судьба Родины. Именно им учиться на подвигах отцов и дедов, на подвигах предыдущих поколений, чтобы не допускать ошибок прошлого. Об этом написана моя большая поэма «ВОЙНА», посвящённая отцу-ветерану и родному дяде, брату моей мамы, чьё имя я ношу... Как писали ветераны ВОВ в этом произведении, «автор сумел увидеть правдивыми глазами своего отца-солдата то, уже далёкое, героическое и трагическое прошлое, и скупыми, но ёмкими как сводки информбюро, словами проследить этапы славных воинских побед... А поэма «Памятник» как исповедь участника ликвидации последствий этого невидимого атомного смерча, пронзила душу и сердце – ведь они шли в огонь на битву с радиацией, как пехотинцы на амбразуру противника... И это их роднит навеки».

А теперь позвольте немного лирического отступления. В моем авторском слове «...И БУДУТ ВЕЧНО ЖИТЬ» к читателям книги «К тебе стремлюсь...» (изд. СПб, 2005), где я привожу подлинное письмо маминого брата, моего дяди - Юрия Бейлина, имя которого ношу сегодня:

«Дорогой Иосиф Виссарионович! Это моё письмо к Вам уже семнадцатое по счёту. На шестнадцати – был Ваш отказ: «Детей на фронт не берём!..» Но я снова и снова прошу Вас направить меня на фронт бить фашистов. Я окончил 9 классов и умею обращаться с винтовкой. Если надо - пройду обучение на курсах военкомата.

Но я должен быть там, где сегодня решается судьба моей Родины.

Каждый советский школьник должен пойти сражаться с врагом, тогда мы обязательно победим! Если Вы и сейчас откажете мне в просьбе об отправке на фронт, я всё равно убегу туда добровольцем... Очень хочется жить, видеть чистое небо над головой. Но сегодня решается наша общая судьба. Нам не безразлично, как жить – лучше умереть героем, чем быть рабом. Когда мы победим, мы спросим у каждого: «А что ты сделал для победы над врагом?» Враг уже на нашей земле, идёт страшный бой. Иного выбора нет. Мы должны раз и навсегда покончить с фашистским гадом! Жить, как воин – вот как я понимаю сейчас свою жизнь...»

Так писал родной мамин младший брат в июне 1941 года (его выпускной вечер в школе как раз пришёлся на день начала войны).

На этом письме – резолюция Верховного Главнокомандующего страны: «Направить в танковую школу сержантов (ускоренный выпуск), и - в действующую...»

Три с половиной года войны храбро сражался с врагом младший сержант Юрий Бейлин. Его танк первым ворвался в польский город Познань (это было 21 января 1945), когда от прямого попадания вражеского снаряда загорелся их танк, экипаж погиб...

И долгих 30 лет после войны моя мама-блокадница вместе с родственниками искала его могилу.

Найти место гибели Юрия Бейлина помог Познанский воевода г-н Зыснарский и польские «красные следопыты»... И позже, объявив его Национальным Героем Польши, могилу перенесли на Варшавскую цитадель, установив памятные плиты: «Вечная память героям – гв.сержант Бейлин Ю.Е. 1925 - 23.02-1945» и рядом – его командиру: «Вечная память героям - капитан Слуцкий И.Я 1912 – 15.02.1945». Об этом 26 марта 1976 года на-

писали польские газеты «Заходня» и журнал «Пшиязнь». А маме передали его польскую награду - Серебряную медаль «Братство по оружию», а позже отыскался и его последний орден «Отечественной войны 2 степени» (№ 6713158), которым он был награждён посмертно (Пр.по БТ и МВ 8 гв.А № 043/4 от 15.02.1945) - обе награды эти и газеты хранятся у меня дома, а фамилию Юрия Бейлина и рассказ о его подвиге можно найти в Мемориальном Комплексе Победы «900 дней, 900 ночей» на Московском проспекте и в Музее Пискарёвского кладбища.

15 мая 1945 года родился я, отмечая вместе с Победой своё 70-летие, и получил имя дяди...

Мой отец - Пейсахович Иосиф Львович, в это время был на фронте, всего на несколько дней его отпустили в Ленинград посмотреть на сына-первенца, а далее фронтовые дороги привели его в Берлин, а после победы над Германией отец воевал с Японией, и уже после войны ещё 18 лет служил в Армии, демобилизовавшись «капитаном» на «гражданку» сначала на Урале, а после возвращения в 1957 году в Ленинград, он долго работал на «оборонном почтовом ящике»... Его военные награды хранятся дома у моего младшего брата...

И мама моя - Фаина Иосифовна, житель блокадного Ленинграда, до последних своих дней (умерла в возрасте 91 года в прошлом году), рядом с боевыми и памятными наградами берегла Почётную Грамоту Ассоциации Ветеранов 2-й Мировой войны, выходцев из бывшего СССР, проживающих в штате Массачусетс «За длительное и активное участие в работе Правления Ассоциации», где более 8 лет была Вице-Президентом, регулярно делилась своими блокадными воспоминаниями в периодических изданиях г.Бостона, ведя большую работу с нашими ветеранами по сохранению памяти о героическом прошлом советских людей... (Мама уезжала в Соединённые Штаты Америки на помощь младшему моему брату, жена которого погибла там в автокатастрофе, оставив на его руках троих маленьких детей... а когда они подросли, вернулась в Санкт-Петербург, где прожила свои последние 10 лет, оставаясь в такой же активной гражданской позиции...)

И это – тоже наша живая История, о которой я постоянно рассказываю своим детям и внукам сегодня.

Мы не можем забывать о подвиге наших ветеранов, которые и нынче, несмотря на непростой период жизни, остаются самими жизнеутверждающими, несущими в себе заряд удивительной бодрости духа и оптимизма, продолжая жить памятью о своих боевых друзьях, боевых товарищей по оружию, они ведут большую патриотическую работу с молодёжью. И встречи с ними – великое наследство.

Вот и чернобыльцы, мои соратники, – люди сильные духом и личной отваги, настоящие герои, сегодня рядом с нами, их в петербургской организации «Союз Чернобыль» насчитывается 5,5 тысяч человек, хотя за последние годы уже ушли из жизни более 500 человек по болезням, связанным с радиоактивным воздействием. В разных районах города, объединившись в свои организации инвалидов, они также проводят большую работу по поддержке друг друга в тяжёлых жизненных ситуациях, рассказывая подрастающему поколению о большой беде апреля 1986 года, о славном, но трудном деле возрождения к жизни и самой станции, и спасения человечества, в первую очередь, жителей Европы от пламени ядерного пожара, который мог бы произойти, если бы огонь с 4 энергоблока вдруг перекинулся на 3-й, который рядом (сегодня учёными установлено, что в подобном случае земной «шарик» бы раскололся пополам, а Европы просто не было бы...). Ведь при взрыве на ЧАЭС вверх выброшено было 77 кг радиации (а это более сотни авиабомб, сброшенных на Хиросиму американцами в 1945 году!..) и наш Чернобыль «запачкал» своими радиоактивными пятнами 144 государства мира, принеся сильнейшие экологические последствия...

Во многих районах города по инициативе чернобыльцев установлены памятные знаки, создаются Музеи... Хочется отметить Калининский район, Василеостровский район, город Сестрорецк... Вот и в Приморском районе, где в настоящее время проживает более 2 тысяч чернобыльцев, и где я состою членом Совета Региональной Общественной Организации Инвалидов «Приморский Союз

Чернобыльцев Санкт-Петербурга», одной из самых старых и активно действующих первичных организаций, есть своя Мемориальная Аллея Памяти (на углу улиц Планерной и Долгоозёрной), поблизости расположена церковь св.Николая Чудотворца, где два раза в год (26 апреля и 30 ноября) проводятся молебны в упокоевание павших и во имя жизни живых... А на самой Аллее накануне событий проходят детские спортивные старты учащихся средних школ и детских садов под девизом: «Спасибо за то, что мы живы» с пробегом «Чернобыльской мили» и вручением призов победителям от нашей организации.

Обычно после таких встреч все посещают наш Музей техногенных и ядерных катастроф (Музей ЧАЭС), который недавно открыт после серьёзной реконструкции – мы благодарим за это в первую очередь Главу Администрации Приморского района Николая Григорьевича Цеда, который нашёл нам заинтересованного серьёзного спонсора в лице Шведского строительного концерна «NCC», и теперь мы имеем здесь первый в России интерактивный Музей, где на большой территории в несколько залов, мы имеем возможность показать всю историю от создания атомного оружия до современных проблем на атомных станциях (вплоть до аварии на «Фукусиме» в Японии).

Экспонаты Музея – это личные вещи и документы УЛПА на ЧАЭС, приборы химической и радиоразведки, книги и фотографии, личные воспоминания участников этих событий, в том числе и строителей Саркофага (кстати, у нас в музее выставлен и единственный в городе макет этого удивительного сооружения), здесь количество экспонатов более тысячи, более 700 фото, книг, видеофильмов, наград и т.п.

С момента создания Музея (с 2008 года) его посетило более 670 чел, в том числе за последний год 120 человек.

Музей с использованием компьютерной техники, с учётом накопленного материала с переводом на электронные носители, систематизирован по основным направлениям: учёные-атомщики, история и развитие атома, Хиросима и Нагасаки (1945), Семипалатинск (1949), Тоцк (1954), Новая Земля (1957), ПО «Маяк» (1957), атомный подводный флот

России, ЧАЭС - Припять (1986), 21-й полк химзащиты ЛенВО, Строительный батальон, Водопровод, институт Хлопина, институт робототехники, ВНИПИЭТ, объект «Укрытие», «Приморский СЧР», Вахта Памяти, «Чернобыльская миля», «Фукусима», Награды и жизнь организации...

Все это позволяет нам принимать для экскурсий разные категории граждан: это и Генеральные Консулы Украины и Белоруссии, учащиеся школ, и курсанты колледжа МЧС, и слушатели Академии МВД, и рабочие Балтийского завода, и Школа индивидуального развития г. Петродворца, и руководители Г.О. и другие.

Особый интерес у экскурсантов вызывает Макет Саркофага и Стена Памяти ушедших из жизни чернобыльцев района, в списке которых уже 215 фамилий... И, рассказывая об их подвигах, мы чувствуем особую заинтересованность слушателей, ибо эти люди, знакомые всем в районе, еще совсем недавно жили рядом...

И, конечно, мы всегда подчёркиваем, что основная нагрузка при выполнении задач по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС выпала на долю военнослужащих: 210 воинских частей со всего СССР общей численностью 340 тысяч человек (из них кадровых военных было 24 тысячи) было привлечено для этого... а всего через ЧАЭС прошло более 800 тысяч «ликвидаторов» Катастрофы военных и гражданских специальностей, том числе 25 тысяч работников милиции...

Приводим мы на экскурсиях и данные о потерях, звучащих, как сводки с фронта:

Всего в мире общая смертность составила за прошедшие годы 823 тысячи чел... (это официальная статистика). За период 1987-2004 годы в остальной Европе умерло 417 тысяч, в Северной Америке, в Азии и Африке 170 тысяч... Как долго скрывали от нас эти цифры! Всё дело в том, что между ВОЗ и МАГАТЭ существует секретный протокол, запрещающий давать такие сведения открыто без соответствующих согласований (та же позиция и у нашего Минздрава).

Желание приуменьшить страшные цифры последствий (а только у трёх стран бывшего СССР - Украины, России и Белоруссии прямой экономический ущерб составил свы-

ше 500 миллиардов долларов США, при этом на преодоление последствий Катастрофы Беларусь тратит 20% национального бюджета, Украина 6%, а Россия 0,8%)...

Нам больнее всего за наше Отечество: В России 57000 кв.км территории было подвергнуто радиоактивному заражению, здесь проживало 2,7 млн.чел. и до сих пор продолжает жить 1,8 млн.чел. в том числе 300 тысяч детей. Официально по статистике в России признано инвалидами по ЧАЭС 46 тысяч чел. и еще 570 тысяч признано пострадавшими. Наиболее пострадавшие районы - 19 областей России: Брянская, Орловская, Тульская, Калужская, Ленинградская, Воронежская, Курская, Белгородская, Рязанская, Смоленская и другие... Общее число лиц, подвергшихся р/а заражению по РМДР составляет 660 тысяч, в том числе 32% составляют УЛПА...

Об этом и многом другом, связанном с Чернобылем, и написана моя книга «Заря в полнеба, День ЧАЭС» (изд. СПб, 2013), которая сейчас находится в Музее ЧАЭС, среди прочих важных документов...

Учитывая, что школа № 583 (ул. Авиастроителей, 14), на базе которой расположен наш Музей, изучает японский язык, отдельный раздел, посвященный событиям в Хиросиме и Нагасаки, ведут сами дети, посетившие Японию в рамках международного обмена и побывавшие в Парке Мира. И среди старшеклассников уже много детей, подготовленных как экскурсоводы, что особенно повышает интерес к этой важной проблеме.

И естественно, что самыми частыми «гостями» школы и музея оказываются члены РООИ «Приморский Союз Чернобыльцев СПб», среди которых настоящие герои – кавалеры орденов Мужества, Красного Знамени, Красной Звезды, медали «За спасение погибавших» и др., - они обсуждают со старшеклассниками вопросы радиационной безопасности окружающей среды, проводят встречи с родителями, педагогами, экскурсантами...

Сегодня музей работает в регулярном режиме по вторникам и четвергам в учебное время по записи и набору групп для посещений.

Высокую оценку Музею дал побывавший на его открытии Губернатор Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко, который также встретился с членами Совета нашей организации...

А теперь снова хочу вернуться к теме: «ПОБЕДА ДУХА НАД СИТУАЦИЕЙ».

Надо прямо сказать, что войны и катастрофы всегда определяли не только героев, но и поднимали на поверхность человеческий «мусор» - трусов, предателей, мародёров...

Не стала исключением и чернобыльская трагедия. Но нет смысла говорить о единичных случаях подлости негодяев, хотя и об этом надо помнить.

Дело нашей чести помнить о самоотверженности сотен и тысяч лиц, бросившихся спасать станцию. И главное: Чернобыль как экстремальная ситуация, показал нам, что обязанность каждого к дисциплине и организованному труду, взаимовыручка – это главный заслон различным нарушениям. Надо быть высоким профессионалом в своём конкретном деле, постоянно воспитывать в себе эту самую «силу духа», которая может потребоваться в непредвиденной ситуации.

И в своей профессиональной карьере работника МВД (и в уголовном розыске, и в дежурной части, и в штабе по организации работы в сфере охраны правопорядка в зоне особого режима, как на ЧАЭС), всегда приходилось мгновенно принимать решительные меры в борьбе с преступными проявлениями, проверять на себе эту самую «силу духа», стойкость и самоотверженность в самых разных, порой весьма опасных для жизни и здоровья, ситуациях.

О каком-то особом героизме при этом не думаешь. Просто правильно и достойно, как требует от тебя Присяга, выполняешь свой служебный долг. Может, именно поэтому одна из самых дорогих моих наград как раз и есть медаль «За верность Присяге»...

Кстати, основы такого поведения человека – особой требовательности к себе – закладываются семейными ценностями, во многом родителями и учителями. А также выработкой характера под влиянием изучения биографий подлинных героев страны, чтением художественной литературы. Спросите у старшего поколения на каких примерах они воспитывались, как закаляли свой характер? И они скажут, приведут примеры былинных героев, оставшихся в веках, людей, которые принесли особую пользу Родине, порой, по необходимости, жертвующих собой во имя ее интересов.

Это понятие чувства Родины – особое.

Литература всегда была учителем жизни, воспитателем народа, учила правильно различать Добро и Зло, в целом – правилам поведения человека в обществе, взаимоотношений граждан.

Поколение молодёжи времён Великой Отечественной войны воспитывалось на произведениях русской и зарубежной классики, на рыцарских романах, на романах Ф.М.Достоевского, Джека Лондона, Фенимора Купера, Николая Островского... Образ Данко, вырвавшего своё сердце из груди, чтобы осветить дорогу людям, вывести их из тьмы, стал образцом для подражания многих миллионов советских людей. Отсюда и массовый героизм на фронтах войны. Подросток в СССР мог наизусть назвать многих настоящих народных героев, среди которых тогда не было места горе-развлекателям, скоморохам, лицедеям, грабителям и террористам...

Илья Муромец, Иван Сусанин, Александр Матросов, Алексей Маресьев, Юрий Гагарин, Валентина Терешкова, Алексей Леонов... Тысяча примеров настоящих, подлинных героев сказок и кинофильмов, интересных книг про героев – разведчиков и больших спортивных имён, о которых мы читали, с которых старались брать пример в жизни...

Сегодня с этим настоящая беда – некогда самая читающая страна в мире сегодня практически перестала читать.

По статистике российские граждане отводят чтению лишь 9 минут в сутки, причём, отмечается даже сокращение и этих минут...

Важно знать и другие цифры: 40% наших граждан книг не читают вообще! Примерно столько же читают от случая к случаю.

Оставшиеся читают преимущественно эротику, фантастику, детективы...

Основная масса наших сограждан знания о жизни, о взаимоотношениях в обществе и о человеке черпает из телефильмов и передач, где в соответствие с американскими ценностями массовой культуры проповедуются сцены насилия и наживы, индивидуализма, эгоизма, потребительства, поклонению «золотому тельцу» и жестокости...

На сайте интеллектуалов «Гайд-парка» приводятся данные социологического исследования 18% интеллектуалов России: более всего их интересует кино, 10% поп и рок-

музыка, и менее 1% озабочены судьбой своей страны...

Духовный упадок заметен особенно в среде молодёжи, не обременённой, а потому и незащищённой знанием и опытом.

За последние 20 лет самая образованная и читающая нация потеряла серьёзного и вдумчивого читателя, зрителя, слушателя, желающего бы проникнуть в суть происходящего вокруг.

К сожалению, есть данные, что сегодня серьёзную литературу читают только 2% населения страны. Даже телеканал «Культура», который в целом-то и назвать культурным нельзя, по его же данным, смотрят только 3% телезрителей.

Спросите сегодня школьника или студента, кого он считает героем нашего времени? В ответ непременно он назовёт нечистых на руку людей, вдруг резко обогатившихся, спортсменов, с их удивительными, поразительными заработками, явно завышенными по сравнению с их уровнем мастерства (пример - наши футболисты), женщин лёгкого поведения, поп-музыкантов и исполнителей популярных сегодня, но столь бездарных в основном песенок, не несущих никакого смысла, ни высоко нравственной нагрузки. Другие ему просто неведомы.

Насколько разные уровни мастерства наших эстрадных «звёзд» и победителей, и даже участников интереснейшей программы «Голос»... Разве не так?

А имена поэтов? Кроме ранее известных классиков литературы, современных, по-настоящему интересных писателей и поэтов в широкой среде не знают, зато в любом центре оперативной полиграфии за ваши деньги напечатает любыми тиражами наспех скрепленные рифмованные строчки, которые выдадут за новейшие достижения поэзии. Более того, отдельные представители радио и ТВ охотно предоставят им свой эфир, пропагандируя так называемое «творчество», а молодые, да и возрастные настоящие поэты порой с трудом находят личные средства на издание своих произведений, редко пробиваются к микрофонам, собирая незначительную аудиторию, которая могла бы быть много шире и в других – больших залах... То же сегодня и с печатными изданиями местных газет. Редко можно найти здесь заметки о таком неординарном

сообществе поэтов и прозаиков, как Академия Русской словесности и изящных Искусств имени Г.Р. Державина, возрождённой более 10 лет назад, и о Российском Межрегиональном Союзе Писателей, встречающем в марте свое 16-летие...

А между тем, известный на весь просвещённый мир писатель - Герой Социалистического Труда Юрий Васильевич Бондарев, Председатель Исполкома Международного Сообщества Писательских Союзов, прямо сказал, что «АРСИИ – одна из самых старейших и самых престижных организаций России», а «РМСП – единственная действующая профессиональная организация на территории Российской Федерации, в которой за основу взято литературное творчество», при этом, добавлю, что издающийся ими литературно-художественный журнал «ЗОЛОТОЕ СЛОВО» - уже в течение 5 лет подряд признан лучшим литературным изданием года!..

В связи с этим, ещё несколько моментов: есть много взглядов на литературу. Прежде всего, что она бывает плохая и хорошая. Считаю, что этот взгляд неверный: есть литература и не литература. Хороший писатель разрешает жить другим людям, ни в чём их не обвиняет и разделяет их одиночество. Только за это можно любить литературу. Слишком это редко, даже в семье. Поэзия, как и проза, пишется один раз и одним человеком.

«Никто тебе ничего не должен, существует лишь то, что ты сделал сам» (Валерий Попов «Автора!»).

Творчество художника – не всегда его биография, но без неё не было бы искусства. Стихи несут в себе прошлое и будущее, порой неизвестное, но желаемое самому автору. Для каждого человека из большого ряда стихов одного и того же любимого автора можно выделить то, что нравится больше, чаще, но и реже или вообще не нравится. Эмоции – состояние сложное, не все они могут быть приятны и приняты. Выше они, стихи, или ниже общего уровня - судить будущему. Подлинное раздумье, согласитесь, не может быть без грусти. Поэт только тогда им и является, если он весь как на ладони со своими мыслями, чувствами и поступками. Наверное, чем ты больше переживаешь, тем лучше. Если тебе больно – ты чувствуешь...

К сожалению, современные СМИ (осо-

бенно радио и ТВ) предприняли попытку лишить человека возможности побыть наедине с собой и просто задуматься. Стремительный ход времени изменил наше отношение к литературе вообще, и к поэзии в частности. Для стихов нужен особый эмоциональный настрой, культура в душе и соучастие читателя (слушателя).

К счастью, поэзия – не товар, а явление, о котором мы знаем крайне мало. То, что мы называем лирикой – плод труда и одиночества, плод пережитых впечатлений. Сегодня миллионы людей пишут стихи, не имеющих ничего общего с поэзией...

Рано или поздно хорошие стихи найдут своих читателей, хотя немногие книги стихов устоят перед временем.

В разное время под разное настроение я читаю разные книги. Чего и вам желаю. Уверен, что в момент разговора писатель равен читателю и наоборот.

Совершенно очевидно, что всё происходящее в обществе в том числе и в литературе, зависит от политики, проводимой государством. Оно должно позаботиться, чтобы читателю попала в руки книга не только развлекательного характера, но и полезная для формирования его, как высоконравственного, активного гражданина, полезного патриота своего Отечества. Чтобы труды классиков были предметом изучения в школе и институте, чтобы не сокращались уроки литературы, а были бы современны и интересны. Я – за то, чтобы мы все больше читали.

Рождение поэта состоялось – За мыслью слова – вздогнула душа (к выходу книги «Петербургская психоРОМАНТИКА»)

Уважаемый читатель!

Пользуясь возможностью представить тебе новое поэтическое имя, прежде всего хочу напомнить, что поэзия – это великий дар, ниспосланный человеку свыше, поэтому будем искать в ней не утехи, а лишь спасение собственной души.

Не хочу показаться «слишком умным», но отмечу, что каждая поэтическая строка – это большой труд и тем более автору нужно быть

честным перед самим собой, особенно перед первой публикацией: с чем идёшь ты к людям? Ведь рифмованные строчки – это одно, а стихи – совершенно другое: это – состояние души, её нерв каждой минуты жизни...

Кто-то из великих сказал: «Мы, живущие на бегу, на сквозняке, чувствуем нехватку поэзии, как острый недостаток какого-то жизненно - важного витамина. И чувствуют это даже те, кто к стихам равнодушен. Если же он встречается с настоящей поэзией, живой, цепляющей его душу, он как бы открывает заново себя самого, примеряя на себе мысли и чувства автора».

Читатель не всегда избирателен, но всегда может разграничить плохое от хорошего, настоящее от «проходного», пустого и неинтересного. И тем в поэзии множество, и поэты все разные... Это хорошо. Плохо, что некоторые и не поэты вовсе, а так, авторы... (порой происходит эта подмена), и важно отличить настоящую поэзию – впрочем, она сама себя защищает, выделяясь неким открытием, талантом... Тогда хорошим стихам прощаешь некоторые технические огрехи: сбой ритма и даже слабость рифмы (они поправимы в процессе работы со стихом при грамотном редактировании), если есть в них Душа, есть собственный голос... Особенно это касается любовной лирики, где у каждого и правда своя, и опыт свой. Да и в разном возрасте мы испытываем разные чувства...

О любви писать трудно: надо, по меньшей мере, писать не хуже, чем было сказано до тебя другими, надо быть предельно откровенным и чувственным, обнажить этот нерв эмоций, все нюансы состояния любви, пронзительность её и бесконечность – здесь только набор тёплых слов не даст подлинности, притом, что чувство любви само по себе светлое, но часто идёт через боль, переживания... - вот где главный нерв Поэта, его лучших строчек: слёзы узнавания, сопереживания, очищения...

И вот – новое имя: УДРИ БУДРАЙДЖИ.

Понятно желание автора, пока совершенно незнакомое широкому читателю, спрятаться за псевдонимом - первая книжка... Интересная, красивая женщина, с богатым внутренним миром, образованная и скромная, неожиданно для близких и друзей своих, да и для себя

самой вдруг начинает писать стихи, признаваясь в любви вечному городу Петербургу:

*Странный ты, Питер, странный...
Призрачный и туманный,
Чтишь Мураками купол,
Помнишь вельможных кукол,
Жжёшь фонарей армады,
Плачешь о днях блокады...
Камень, цепи и воды,
Петродворца природы,
Павел, Ульянов, Троцкий,
Пушкин, Ахматова, Бродский –
Сводишь мосты и судьбы...
В мысли твои заглянуть бы...
.....
Знаю, о чём печалишься –
Все пройдут. Ты – останешься.*

Не правда ли, очень красиво? Свой неожиданный взгляд на город. И это – поэзия... Или вот еще:

*Мир, что твой глаз никогда не видел,
В клочья расчерчен людьми.
Из всех мужчин на земле, только Питер
Достоин вечной любви.*

У поэта особое восприятие любимого города, свой неповторимый разговор с ним:

*Когда на сердце осень и не сладко,
Когда в остатке пепел и огарки,
Я еду к другу - льву в прекрасном парке,
Он в Павловском, ты помнишь?
Тот, с заплаткой?*

*Как часть сего дизайна векового,
Выдавший тень решений судьбоносных,
Смеётся лев, светясь натёртым носом,
Молчит и... улыбается мне снова.*

*И в магии ландшафтного эрзаца
Я наполняюсь силой и терпением,
От камня исходящим умилением
И опытом. В науке улыбаться...*

Эти стихи, безусловно, прекрасные и чувственные, не оставляющие нас равнодушными... А вот - пример стихотворения из цикла любовной лирики автора:

*Спи, любимый, спи, желанный...
Выпью ночь до дна.
Твоих мыслей холод пряный
Украду у сна.*

*Отгоню печаль, усталость,
Вытку оберег,
Буду слабой, буду талой,
Буду рай и грех.*

*Созову ветра, туманы,
Окружу водой.
Будешь только мой...*

Или вот ещё короткое четверостишие:

*Мы – птицы Феникс силой Божьей мысли,
И прав, согревший фразой искромётной:
Ты тёмной полосы не бойся в жизни,
Ведь именно она бывает взлётной!*

Лаконичность фраз, точность мысли, смысл жизни и бытия, раздумья о своём месте в этом мире, романтическое восприятие и философские поиски – это ступени роста Поэта, множество моментов, пережитых автором и помноженных на безусловный талант, подкупает непосредственностью и доставляет много душевного тепла.

Искренность её поэзии, красота в своей простоте изложения о сложности мира, его страсти, человеческое отчаяние и взлёты духа, беспокойство и поиск нового - отличает эти стихи из обычного ряда, поэтому хочется поддержать автора в её поисках.

Не могу не отметить ещё несколько понравившихся мне «живых» строчек:

*Я читаю людей по лицам,
По картинкам, музыке, фразам
И складываю на страницы,
Как порталы в их душу и разум.*

Подобных находок в стихах много :

*Ноты кофе будят мысли...
Луч тепла стучит в окошко.*

*Слышу счастье: «Эй, не кисни!
Я иду!!!.. Ещё немножко!»*

Откуда это у молодого поэта? Наверное, ответ надо смотреть в её литературных предпочтениях, среди которых (и это так важно!) первые имена нашей литературной Галактики: «Дар гениев полон боли и творческих терзаний.

Это не просто жизни, мысли, мытарств значение – постигнув особый уровень любви и знаний, их Души пропитали строчки до излучения...»

*Учусь: у Бродского
Миру Неба и плотского,
Рождает Цветаева
Надрыв и сердца маево,*

*Сила Ахматовой
Шёлком в волосах матовым...*

*Маяковского грани
Напором духа таранят,
.....
Перечень бесконечен.
Урок созидания вечен.*

Хороших учителей берёт себе УДРА БУДРАЙДЖИ.

И мы верим в её поэтическое будущее.

Уверен, что, собранные в первый её поэтический сборник стихи найдут своих читателей, и они согласятся со мной, что рождение Поэта состоялось.

А мы вправе ожидать продолжения чуда открытия нового имени в удивительной стране Поэзия.

Кстати, автор пробует себя и в жанре короткого рассказа... Но об этом речь впереди.

Сегодня мне хочется ещё раз искренне поздравить её со вступлением в Российский Межрегиональный Союз писателей и избранием действительным членом АРСИИ им. Г.Р. Державина.

Юлий ТАГЕР

Дню Семидесятилетия Победы
над немецким фашизмом посвящается

*Ты не знаешь, мой сын, что такое война!
Это вовсе не дымное поле сраженья,
Это даже не смерть и отвага. Она
В каждой капле находит своё выраженье.*

В. Занадворов
«Война»

Примерно двадцать лет назад мой отец Александр Тагер подарил мне подборку своих стихов разных лет и разной тематики. Но и в стихах, посвящённых любви к женщине, и в стихах, посвящённых матери, и в стихах, посвящённых врачам и медицинскому персоналу, и в философской лирике, и в стихах, посвящённых самой поэзии, красной нитью проходит память о войне. Конечно, в этой подборке есть стихи о самой войне. Вместе со своей подборкой папа подарил мне стихи Ильи Сельвинского и Владислава Занадворова. Им всем пришлось пройти сквозь пекло той войны. Бабушка моя, папина мама, Мариам Самойловна Тагер тоже прошла сквозь это пекло военным врачом-хирургом. Вот так люди, которые тогда погибли, и люди, которые тогда выжили, подарили нам сегодняшним жизнь, мирное небо и память о том, о чём забывать нельзя.

Я не знаю – что такое война на поле сражения, мне повезло, но многие мои сверстники прошли уже и Афганистан и Чечню. И их родители знают – что такое война. Моя мама во время блокады Ленинграда стала сиротой, её и отец и мать умерли тогда, она знает, что такое война. Сейчас ни папы, ни бабушки уже нет, но я храню память о них.

Сейчас все уже на Украине знают — что такое война вообще, и фашизм в частности. А ведь совсем ещё недавно Украина была неотделимая от России часть нашей Родины. И Латвия тоже...

Всем защитникам Родины посвящаю эту страницу, и тем, кто не знает, что такое война я дарю это стихотворение моего отца Александра Тагера. Прочитайте, и вы поймёте не только то, что такое война, но и почувствуете, что такое история.

ЕВГЕНИЙ РАЕВСКИЙ

От белиберды - к плагиату, от плагиата - к абракадабре
(Окончание. Начало в № 10)

Ах, какое блаженство – знать, что я совершенство!

Из песенки Мери Поппинс

Следует заметить, что в основном названия стихотворений Эталона Плагиатовича, ой, простите, Александра Петровича, – нелепые. Порой и вовсе глупые, соответствующие воображению нашего автора. Например: «Жестокая жизнь, как хозяйка». Читаем:

*Жестокая жизнь, как хозяйка,
срезает цветы...*

Чья это жизнь-то такая жестокая? Какие цветы она срезает? Где? У кого? Когда?

*Кричать уходящим слова о любви –
не резон...*

Кто уходит? Куда уходит? Кому не резон кричать слова о любви и каким это «уходящим»?

*Но кто-то кричит и грозит в
начале версты,
С надеждой и жаждою
ждёт утешителя он.*

Кто кричит? Кому кричит? Кому угрожает? И почему он страдает от жажды – с похмелья, что ли? И кто такой этот утешитель?

*И много ли смысла,
когда неуютно нам жить?
Всеобщее дело для нас –
вавилонская башня.*

В чём нет смысла? При чём тут смысл? Жить Вам неуютно, Александр Петрович? Если Вам мерещатся вавилонские башни, бегите в храм, а потом раскройте соответствующие энциклопедии – легче станет.

Ой, а концовка-то какая! Ну впрямь соответствующая «литературному эталону»:

*...Слова покрасивее ищем,
а каша – во рту.
Болото – оно и должно
оставаться болотом.
Играем навывлет,
и быть нам в холодном поту...*

Вам-то, Александр Петрович, от своих ужасиков да от своей неуёмной бездарности действительно остаётся только краснеть и потеть. Но за других, пожалуйста, не несите ответственности.

Однако вернёмся к «эталонной поэзии»:

*Удел людей – удел окурка, –
Сказать отважился поэт.
Проспектом шли, а в переулке
Остался наш последний след.*

Вы, Плагиат Эталонович, ой, простите, Александр Петрович, помните, что «прокурор» в той же палате, где и «наполеон», и «удел окурков» оставьте себе, Вам не по пути с нами, а также и с Игорем Северяниным, которого Вы в данном стихотворении литературно обокрали. Идите в этот переулок сами, других за собой не зовите и оставайтесь среди тех людей, которым законы не писаны.

Очередная эталонная «прелесть» ждёт читателя в стихе «У кафе “Бродячая собака”»!

*Здесь бывали Блок и Бродский,
вот следы их на снегу.
Нынче взгляд куда ни бросишь,
без оглядки все бегут.*

Во даёт! В каком таком заповеднике сохраняются на снегу следы поэтов? И где есть такие места, в которых куда ни бросишь взгляд – все бегут? От кого бегут? Зачем бегут? За

кем бегут? А почему бы, учитывая плагиаторский талант нашего автора, не написать слова из киношедевра, вложенные в уста одного из «джентльменов удачи»: «Динамо бежит?» – «Все бегут!».

А вот, господа читатели, новый перл:

*Меня другим не отдавай,
Поленом назови иль хреном...
Ешь вдоволь, словно каравай...
Готов быть я твоим поленом,
Встань на него. Не больно мне,
Так долго ждал прикосновенья,
Приятна тяжесть мне вдвойне,
Ещё приятнее волнение!*

Да не волнуйтесь Вы, Каравай Поленович, ой, пардон, Александр Петрович. Нормальная женщина, услышав такой стих, скажет: «А пошёл бы ты, старый хрен, полено проклятое, сам себя грызи, каравай деревенский, да и вставать я на тебя не буду, я мазохистов не обслуживаю» – и сбежит за тридевять земель. Поражает полнейшая абракадабра в кульминации стиха.

*Решиться трудно, знамо дело.
Сорви, попробуй суть на зуб.
Раскусишь душу, властвуй смело...*

Откуда несчастная женщина должна срывать суть, пробовать, надо полагать, одним единственным зубом на вкус, да ещё непонятно чью душу кусать до изнеможения? Тему «Не отдавай» продолжает тема «Не подари»:

*Не подари себя другим,
Неправдным, не в меру лживым,
Себя себе побереги
Для звонких нот и не фальшивых.
Другим себя не отдавай,
По капле выберись из плена,
Уймётся бурная молва
Сродни отливу под Селеной.*

Кого автор призывает не дарить себя другим? Кто тут праведный, а кто не в меру лживый? Себя берегут для себя, а не себе. Каким образом этот объект должен извлекать из себя звуки звонкие? Что это: гитара, скрипка, а мо-

жет быть, балалайка, которая не должна отдавать себя никому, и как это «по капле выбираются из» какого-то «плена»? Кто распускает, о ком или о чём, бурную молву? Впрочем, если автору совсем невтерпёж и так приспичило, он может «отлить» и под Селеной. А Селена-то тут откуда? Автор что, древний грек? С какой стати она здесь приплетена?..

Вы, Каравай Поленович, простите, Александр Петрович, поэзии у Ильи Фоякова учились? На так называемых «высших литературных курсах»? А не желаете ли прочесть о фояковском творчестве мою статью «“Я – заяц, я почти что вор”, или Двести сорок страниц своего “Я”»? Очень жаль, что учить стихосложению зачастую пытаются авторы, сборники которых давно перебрались с книжных полок на питерские помойки.

Впрочем, в концовке стиха Селена всё-таки превратилась в луну:

Не плыть луне по небу слепо.

Не будем мешать дальнейшему обрусению небесных светил и обратимся к другим темниковским «шедеврам».

*Разве мы виноваты,
что счастье познали в беде,
Что земля на Земле,
а луна на Луне – неразлучны.
Что от тяжести слов
разойдутся круги по воде
Там, где ссора кипит,
где себя губят собственноручно.*

Счастье наш автор познаёт в беде. Может быть, бед Вам пожелать для полного счастья, Хрен Селенович, простите, Александр Петрович? А это что за бред о Земле и Луне и о лунно-Лунной неразлучности? Что за слова тяжёлые бросаются в воду? Кто ссорится? Кто себя губит? А не сами ли Вы себя губите, Александр Петрович?

*И круги по воде, и кругом беда
– царь – закон!
Он единый для белых,
для жёлтых, и для темнокожих.*

Дальше ужас этого стиха не буду комментировать, но надеюсь, что автор лично знаком с царём, который издаёт законы о круговой беде, несущей счастье для неизвестных существ всех цветов кожи.

*Дни лезут в крутую гору,
Слезам их не догнать.*

На какую гору лезут дни? Кто послал догонять эти дни чьими-то слезами?

В другом стихе читаем:

*Бежим, как будто сердце жгут
Две строчки, что подобны краю.
«Поэты долго не живут –
Поэты долго умирают».*

Досточтимый Хрен Поленович, извините, Александр Петрович, нельзя так нагло обкрадывать редактора трёх Ваших предыдущих книг: две последние строки знает вся Россия, они принадлежат поэту Дмитрию Киришину. Что-то Вы, сударь, совсем обнаглели, хоть бы в конце стиха ссылку сделали. Поражаюсь, как можно так беспардонно выдавать чужое за своё!

Но, может быть, хоть чем-то наш «эталон» порадует? Нет же, нет. Опять одна абракадабра или пьяный бред.

*Подслушивал: о чём воркуют крыши,
Живя, как мы, на разных этажах,
И смех стены, за нею новый Ницше,
Она свет застит, объявляет «ШАХ».*

Воркующие крыши? В каких это квартирах они живут на разных этажах? Кто этот новый Ницше, объявляющий шах неизвестно кому? Он что, шахматист? Полная бредятина!

Читаем дальше:

Они гудят, а кажется, что дремлют...

Кажется, так креститесь! Уж не страдаете ли Вы слуховыми галлюцинациями?

Желаю взять у них припевы песен...

Да, Александр Петрович, чья-то крыша куда-то поехала... Если Вы желаете взять у

крыш припевы к своим песням, думаю, их трудно будет обокрасть. Однако из открытого письма Дмитрия Киришина мы хорошо знаем, откуда Вы берёте мотивы для своих песен: воруете у Александра Морозова и Александра Вертинского. Поучились бы лучше у членов Российского Межрегионального Союза писателей Юрия Кукина или Александра Дольского, как надо песни сочинять! Кстати, не надо людям лгать про Юрия Кукина, он никогда не был членом Союза писателей России, а с честью, достоинством и гордостью носил звание члена РМСП.

Хочу закончить своё повествование разбором двух, на мой взгляд, омерзительных стихов Александра Темникова: «Судьба стиха» и «Строил стих».

*А у стиха своя судьба, как у собаки.
И вряд ли скажет кто-нибудь,
что это враки,
Она сама, поджавши хвост,
залижет ранку,
Он жив, когда ему поётся спозаранку...*

Ну, где ещё можно прочесть такую собачатину?

*Слетают строчки с облаков:
рождение – благо.
И если мясо есть в стихе –
поймёт собака.*

Собака-то кто? Уж не Вы ли, Александр Плагиатович, ой, простите, Петрович? Ешьте сами непонятно чьим мясом начинённые стихи и не предлагайте никому эту литературную мертвечину, а точнее – отраву. Не с облаков слетают Ваши строчки, а высосаны из пальца левой ноги. Ибо до таких литературных извращений мало кто докатывался.

*Его и гладить будут,
и шерстить глазами,
И в лай вникать,
и сечь крикливыми лозами.
А от битья – собака он –
залижет ранки
И приживётся, как щенок на полустанке.*

Ещё раз призываю читателей вдуматься в

абракадабристые «перлы» супер-тарабарского языка нашего автора с «шерстящими глазами», с лозой (надо полагать, виноградной), которая кричит!

И вот это всё наш автор называет поэзией! Перед нами не поэт, а вредный литературный жулик, изощрённый, завистливый, ненавидящий признанные таланты настоящих писателей.

Позор! Вон! Брысь! Фу! Вам, Александр Петрович, не место в литературе! Не музеи Вашего имени (!) нужно открывать, а поставить Вас к позорному столбу. Читайте «эталон» нагло, жалкого литературного прохвоста:

*Строку лепил порой из глины,
Смотрел на строки свысока,
Вложит в них мог «подарок» мины,
Коль постаралась бы рука.*

Ваши «глиняные» стихи, Александр Петрович, не нужны никому, и пока Вы будете смотреть на строчки «свысока» – тем более. Хотелось бы просто Вас спросить: как это Вы можете «заминировать» стих, да ещё назвать его «подарком»?

*Строку тесал, как твёрдый камень,
И закалял её, как сталь.
Она проверится веками:
Стеклом останется? В хрусталь
Спрессует время, ты – читатель?..*

Итак, дорогие читатели, осторожно: перед нами глиняно-динамитные, твердокаменные, отёсанные, стальные-закалённые вечностеклянные, но спрессованные и превращённые в хрусталь, а проще – изысканно бездарные, бессвязные (к прискорбию, залитованные) отбросы литературного мытарства нашего Абракадабра Эталоновича... простите-простите, Каменотёса Музеевича, ой, простите, Плагиата Апломбовича, а точнее – Александра Петровича Темникова.

Александр Петрович указал редактором книги «Внезапные строки» Дмитрия Киришина. Но, как выяснилось, это было сделано без ведома и какого-либо участия Дмитрия Николаевича. Какая наглая подстава! Какая nepopядочность! Я уже начинаю сомневаться, что предисловие к книге написала Мария Амфи-

лохиева. Это для меня загадка. Я всегда относился к творчеству Марии с большим уважением и, увидев её имя в этой книге, страшно огорчился. А наш Музей Плагиатович... ах, ох, извините, Александр Петрович, вновь пишет, видимо, о чужих песнях, которые нагло выдаёт за свои:

*Приходят и уходят юбилеи,
Живёт и не стареет колея.
От песен недопетых я хмелею,
Надежду на дослушанье тая...*

Ну даёт, Конкурс Международович! Лауреат наш «многоцветный» (как автор сам себя называет), ой, пардон, всё забываю, что Вы – Александр Петрович.

Заканчиваю свою полемическую статью очередным шедевром Александра Темникова:

*Зима одиночества бездной
лежит под ногами.
На карту поставлена стужа
и злая метель.
Они, не жалея нас,
водят и водят кругами.
И ставят сугробы
из прошлых и новых потерь.
Весна одиночества.
Что же готовить к потере?*

Не существует ни зимних, ни летних, ни весенних «одиночеств» – это очередная дурь. «Стоять на бездне» невозможно. Кто и зачем поставил на карту (видимо, игральную) стужу и злую метель, которая нас водит кругами неизвестно почему, где и зачем? И что это за сугробы прошлых и новых потерь? Пусть разберутся с Александром Темниковым в соответствующих лечебных учреждениях «прокуроры» и «наполеоны» – и совместными усилиями вылечат его от внезапности строк.

**Доктор философии в области
литературоведения,
профессор истории литературы,
член Союза писателей России,
русский поэт
Евгений Раевский**

ЕВГЕНИЙ РАЕВСКИЙ

Был с музыкой повенчан я

Я часто думаю о том, сколько же счастья и радости даёт мне Господь, и одна из главных радостей - это музыка, понимание её и возможность быть с ней, а, пожалуй, и жить в ней.

За неистовую любовь к музыке я особо обязан своей крёстной матери (родной сестре отца) - Екатерине Павловне Раевской. Удивительный музыкант, педагог, писатель, танцовщица, последовательница оригинального творчества великой Айседоры Дункан. С тётёй Катей мы жили вместе в одной квартире на Малом проспекте до 1970-х годов. Из её комнаты постоянно доносились волшебные звуки музыки Грига, Бетховена, Чайковского, Глинки, Баха, Генделя, Мендельсона и многих других мастеров музыкальной композиции. Именно тётя Катя научила меня слышать в музыке пение птиц, шум ветра, шелест листьев, звук прибоя, полёты валькирий, шествие добрых гномов и многое другое. Мне мерещились спящие красавицы, феи Карабос, фаусты, мефистофили и всяческие другие оперные и балетные персонажи... Я мечтал побывать в Кировском, ныне Мариинском, театре, и вот в семилетнем возрасте я впервые оказался в этом храме музыкального и драматического искусства. Уж не знаю, каким образом мои родители уговорили сотрудников Театра пустить меня с ними на вечерний спектакль. Как сейчас помню, это была опера М. Мусоргского «Борис Годунов». К середине третьего действия я потерял сознание... Как очутился дома - не помню. Ночью мне вызвали скорую... Сцены убийства царевича Дмитрия, кровавые мальчики и девочки виделись мне во снах ещё много раз. Вспоминаю слова врача скорой: «Уж очень впечатлительный у вас ребёнок, с повышенной нервной возбудимостью, с большим воображением. Рекомендуем вам таких экспериментов с Женей больше не проводить».

Но я несколько забежал вперёд. Вначале

был чудесный детский сад № 4. В нём я слыл обладателем хорошего детского голоса. Как сейчас помню песенку: «В лесу под сурдинку скрипач-невидимка старинные вальсы играл, лето пришло - всё расцвело». Пел я эту песню блистательно, очень точно, с большим драматизмом.

Тётя Катя часто ставила меня на стул, сама садилась к роялю, и «маленькое музыкальное чудо», как она меня называла, исполняло для гостей «Санту Лючию», «Серенаду» Шуберта или «Грачи прилетели»...

В середине 50-х я некоторое время пел в церковном хоре. Работал с большим удовольствием. За меня вроде бы даже платили какие-то деньги, но после смерти бабушки Марии Васильевны Раевской (урождённой Соловьёвой) меня попросту некому было водить «на работу».

В начале 60-х я был впервые приглашён работать в пионерский лагерь Ленинградского Государственного университета в качестве вожакого старшего пионерского отряда. Лагерь находился в районе Семиозёрья, недалеко от г. Зеленогорска. Хотел бы с гордостью написать о том, что дважды я попробовал себя в качестве театрального режиссёра. Мои спектакли проходили при полных аншлагах. Не считая отдыхающих лагеря и персонала, смотреть их приходили жители соседних посёлков; приезжали и гости из Ленинграда и Москвы. Первый мой спектакль назывался «Штрихи к истории СССР». Второй - «Баллады о Робин Гуде». В постановках были задействованы пионеры из всех отрядов пионерлагеря. Были сняты фильмы по мотивам моих спектаклей. Но наконец главное. Именно в лагере ЛГУ я впервые попробовал себя в качестве барабанщика лагерного вокально-инструментального ансамбля.

Тогда все сходили с ума по «Битлз», и я не был исключением. Из семиструнных (шестиструнная гитара была редкостью в этот пери-

Е. Раевский и А. Петров в Концертном зале «Октябрьский»

Мне запомнился романс «Уви-
димся во сне...» Сидя все пишу
еще всего лиричные романсы,
а этот очень светлый и неодо-
лжески свежий...

A handwritten signature in black ink, which appears to read 'А. Петров'. The signature is stylized with a large, sweeping initial 'А'.

Отзыв А. Петрова на романс Е. Раевского и В. Минкина «Увидимся во сне»

од) акустических гитар, пионерских барабанов, старых, треснувших тарелок-штамповок и поломанного пианино мы извлекали весьма достойные звуки, мотивы и перспективы. Кроме того, русскоязычные тексты к английским песням писал я, не бельмеса не понимая их содержания, но всем это нравилось. На вопросы, кто написал эти тексты, я отвечал: «Не знаю». Я вообще старался в этот период свою поэзию не афишировать, так как она была далека от совершенства. Барабаны в этот период были для меня очень важным фактором. Я покупал у спекулянтов записи «Битлз» «на костях», то есть на рентгеновских снимках, и с удовольствием «снял», а точнее, зубрил битловские хиты. Тогда я абсолютно не думал о том, зачем я этим занимаюсь, мне просто нравилось играть музыку великих ливерпульцев.

В лагере ЛГУ был и музыкальный руководитель - Василий Берегов, он прекрасно играл на аккордеоне, гитаре, трубе, но особым поклонником Битлз не был. Больше он любил джаз: Луи Армстронга, Эллу Фитцджералд, Гленна Миллера, Дюка Эллингтона и других кумиров джаза. Он убедил меня в том, что любить надо разную музыку, лишь бы она была хорошей. Однажды он взял гитару и запел «Однозвучно гремит колокольчик», но не на известный мотив Гурилёва, а на свой лад. Мелодия, написанная Василием, была очень интересной, вечером мы играли её на танцах в старших отрядах, я аккомпанировал ему на барабанах. Впоследствии Василий Берегов оказался моим соседом по Васильевскому острову и играл на бас-гитаре в руководимом мною ансамбле «Рабфак». Но Василий увлекался «горькой», и позднее мы вынуждены были с ним расстаться.

Работая воспитателем в лагере завода Козицкого, я стал играть в духовом оркестре. С этим оркестром сотрудничали многие известные тогда джазовые музыканты. Назову лишь несколько имён и фамилий: Евгений Фёдоров, Александр Назаров, Андрей Куприянов, Николай Пестик, Владимир Покутня, Виктор Игнатъев, Юрий Чижевский и многие другие «музыканты чистой воды» - в 60-е так называли хороших музыкантов, так называли и меня. Партитуры были расписаны известным аран-

жировщиком Василием Царёвым.

Наш оркестр часто приглашали играть в научно-исследовательские объединения, на заводы и фабрики, в санатории и дома отдыха. Однажды мы выступали в Доме отдыха актёров, точное название этого учреждения не помню. После нашего выступления на сцену вышло несколько музыкантов из местного оркестра, один из них представился сыном Николая Сличенко из театра «Ромэн», он назвал себя руководителем местного музыкального коллектива. Его подопечные хватили разные инструменты, пытались извлечь из них музыку, буквально лезли из кожи, чтобы после нас покорить требовательную публику. Но были подвержены всеобщему осмеянию, как говорится, на своей территории - лажа была полная. Зачем им надо было после нас «вылезать на сцену» - до сих пор не понимаю. Кончилось тем, что местные музыканты стали просить у нас ноты исполняемых нами произведений, но мы им отказали. В будущем подобные выпады музыкантов, да и вообще творческих людей, станут для меня объяснимы, но сейчас не об этом речь...

В период капитального ремонта дома № 35 по Малому проспекту наша семья проживала в маневренном фонде на 17-й линии. Условия жизни были трудные: на сорок комнат общий туалет, общая кухня, дверь в коридор комнатной системы никогда не закрывалась даже ночью. Но жили все дружно, правда, иногда кто-то подворовывал продукты, но за руку никого ни разу не поймали. Одну из комнат занимала престарелая женщина, звали её Анна Васильевна, она покоряла соседей своими знаниями, поражала изысканным поведением, но со мной почему-то никогда не здоровалась и в разговор никогда не вступала. Но однажды, увидев меня по Ленинградскому телевидению в программе «Телевизионный клуб молодёжи», которую вёл популярный ведущий Виталий Вишневский - изменила ко мне отношение.

- Евгений, вы пишете стихи, поёте, да ещё занимаетесь археологией, заходите как-нибудь ко мне - поболтаем.

«Ну вот ещё, - подумал я, - старух мне только и не хватало».

Так я к ней в комнату ни разу и не постучался, но однажды она встретила меня в храме, плачущего у иконы Богоматери, я плакал так откровенно, что ничего и никого вокруг не замечал.

- В чём дело, сосед? У вас горе?

Услышав, я словно переселился из одного мира в другой и ответил навзрыд:

- Да нет, просто я так со святыми общаюсь...

- Так вы ко мне зайдёте? Боже, какой вы чудесный мальчик! Можно я вас приглашу в Мариинский театр?

Через три дня мы сидели в партере в Театре оперы и балета имени С.М. Кирова (так тогда назывался Мариинский, но честно говоря, это возмущало меня: может, Сергей Миронович был великим балетным артистом, певцом или композитором - советской власти было виднее) и слушали оперу Рихарда Вагнера «Лоэнгрин».

В антракте я внимательно посмотрел на свою спутницу - передо мной стояла истинная петербургская аристократка, в таинственном фиолетовом платье, с причёской волосок к волоску, которую, как необходимое дополнение, дополнял гребень из черепашьей кости. От Анны Васильевны пахло невероятными французскими духами. Высокие каблуки возвышали её до благородной величественности. Мы гуляли в перерыве по кругу в фойе третьего яруса - наша пара привлекала всеобщее внимание.

- Женечка, во втором действии вы опять плакали? Как же волшебным образом воспринимается вами музыка! Какой вы красивый человек! Простите, я плохо слышу, вы не позволите мне взять вас за руку, когда мы будем слушать третье действие?

- Ну конечно, Анна Васильевна, обязательно! - уже с трогательной сентиментальностью ответил я.

Когда звучал «Антракт третьего действия Лоэнгрин», я сам от сильного восприятия произведения с силой сжимал руку своей спутницы.

- Что бы я без вас, Женечка, делала! Как вы мне помогли! Если бы не вы, красота этой музыки мною была бы не понята. Спасибо вам! Только сердце истинного поэта может так чувствовать прекрасное!

В течение месяца мы были подряд на трёх спектаклях. Я попытался завести разговор о деньгах за билеты. Прерывая меня, Анна Васильевна заявила:

- Да меня в этот театр в своё время сам Шаляпин приглашал. Не волнуйтесь, здесь всё схвачено.

Дружба с Анной Васильевной продолжалась ещё несколько лет, вплоть до моего призыва на службу на Тихоокеанский флот. В конце 60-х я стал понимать, что моя театральная спутница неизлечимо больна... Уходила Анна (так впоследствии я стал её называть) медленно и мучительно, но до конца жизни оставалась настоящей личностью, мужественной и красивой женщиной. Профессора, врачи, медсёстры поражались её уникальному жизнелюбию, несмотря на нестерпимые боли, бессонные ночи и отсутствие необходимых средств на лечение...

Традицию ходить в Мариинку я сохранил надолго. Иногда, благодаря дружбе моего отца с ведущими солистами Кировского театра, мне часто перепали места на «галёрке». Но я умудрялся высмотреть свободные места в партере и во втором акте я уже себя чувствовал «VIP-персоной».

Подытоживая вышеописанный период моей жизни, хотелось бы сказать о том, что понимание профессионализма в искусстве пришло ко мне благодаря общению с этой замечательной женщиной.

ЕВГЕНИЙ РАЕВСКИЙ

Мой отец Павел Павлович Раевский

(Продолжение. Начало в № 7)

П.П. Раевский

Однажды, точнее, это было в начале 70-х на Малом-35, отец где-то задерживался с работы, было около одиннадцати вечера. Мать очень волновалась, но вдруг раздался какой-то нервный звонок в дверь, я пошёл открывать и увидел изрядно выпившего отца, да не одного... С ним рядом стоял не кто-нибудь, а знаменитый ленинградский композитор Василий Павлович Соловьёв-Седой.

- Так, Дульсинея! – заявил отец. – Между прочим, Василий Павлович, как и я, не является членом коммунистической партии. Не ругайся, сейчас мы пару песен с Васей споём, и он поедет домой.

И действительно, с откровенными неточностями, пьяными голосами, новоявленный дуэт спел «Закаляйся, если хочешь быть здоров» и «Вечер на рейде». Потом Василий Павлович попросил стакан воды, извинился за принесённое беспокойство, попросил вызвать такси и сразу после подачи машины поспешил удалиться. Я лично проводил его до Малого проспекта и посадил в такси.

- Передай отцу, - сказал он, - мы обязательно поедем в Белоостров за грибами.

В компании с великим артистом Николаем Зубковским неоднократно участвовал в «грибных походах».

...Честно говоря, отец не любил подробно рассказывать о военном периоде своей жизни - видимо, много боли приносили ему эти воспоминания. Но часто упоминал о том, что до приезда Георгия Жукова никакой обороны Ленинграда налажено не было, царила всеобщая паника, добровольцы народного ополчения не могли найти тех воинских частей и других оборонительных формирований, в которые они направлялись согласно мобилизационным предписаниям - фактически уже везде под Ленинградом стояли немцы. Многие ополченцы, в полном отчаянии, не найдя своих воинских частей, возвращались в Ленинград. Их не за что не про что объявляли дезертирами и расстреливали прямо во дворах, порой прямо на глазах их родственников. После недели скитаний по области, не встретив ни одного живого советского военнослужащего, отец вернулся домой. Дверь открыла мать Мария Васильевна:

- Ой, господи, Павлушенька! Беги! Куда хочешь беги отсюда! Только что соседа во дворе расстреляли. Вот тебе хлеб, тушёнка, сгущёнка - убегай, дорогой!..

...Фактически отец прошёл пешком через оккупированную немцами территорию до села Русско-Высоцкого, где наконец встретил русских.

- Так, Раевский, сейчас в атаку пойдёшь без оружия, - прошипел полупьяный политрук.

- То есть как это - без оружия?

Отец с ужасом посмотрел на новоявленных сослуживцев - действительно у половины отряда оружия не было.

Политрук не унимался:

- А всё равно, Раевский, ты и стрелять-то не умеешь, вон Борьку грохнул, его винтарь и

возьмёшь. А не пойдёшь в бой - расстреляю. Впрочем, а где это ты шляется, Павел, столько времени? Да ты дезертир, ублюдок.

Рука пламенного политработника потянулась к кобуре...

Отец схватился за голову, с ужасом закрыл глаза... Раздался выстрел, но не близкий, а глухой, далёкий.

Видимо, отец понял, что живой, что стреляли не в него, и открыл глаза. Перед ним лежал политрук с простреленной головой, из его руки вывалился наган с взведённым курком... И тут он услышал, как кто-то сказал:

- Да ну его, Павлуша, ему давно причиталось! Надеюсь, меня никто не заложит. А тебя, Раевский, я давно знаю. Ты с Колькой Свистом на Петроградке дрался и единственный, кто его вырубил! Знаю я, с Васьки ты.

Впоследствии отец узнал, что его спасителем был Женька Архипов, который, как говорится на Петроградке, «держал мазу» и был одним из известных Питерских драчунов, нападавших на «Василеостровских».

Тут кто-то крикнул:

- Немцы на дороге! Вперёд! Угостим их по-русски!

Отец без оружия побежал вместе с остальными, в то же время понимая, что убивать он ещё не готов...

Очевидно, немцы переходили из одной деревни в другую, не ожидая нападения. Отец знал немецкий язык и услышал, что один из проходивших мимо немцев заявил о том, что желал бы подарить своей жене ожерелье из Эрмитажа. Отец перевёл эти слова своим. Отряд бросился на немцев с особым остервенением. Увидев нападавших, пятеро немцев стали отстреливаться из автоматов и успели положить несколько ополченцев... Так отец «законно» получил свой первый винтарь...

Через три дня отец, уже обученный стрелять из танкового ружья, подбил два немецких танка. За что получил свою первую награду - медаль «За отвагу».

Отец вспоминал: «После первой награды я вообще забыл о страхе и к чужим смертям стал относиться нормально». Противотанковое ружьё, доставшееся ему от убитого в бою ленинградца с улицы Фурманова, ещё неодно-

кратно доказывало свою неукротимую убойную силу...

Рядовой добровольческого истребительно-го отряда Октябрьской дивизии после награждения стал относиться к себе с уважением, да и сослуживцы относились к нему с почитанием и прозвали его «Павлушей с Васьки».

Как-то отца и ещё двоих солдат послали перед боем в разведку с целью найти поближе к полю боя удобные места для пулемётных точек. Командир предупредил, что справа от поля сожжённая деревня, которая может быть заминирована, более того, в ней полно неразорвавшихся снарядов и, следовательно, ходить туда нельзя. Но не тут-то было:

- Павел, да зайдём в деревню, может, там чего от наших осталось. Немцы километра за три, да и вряд ли они на свои мины полезут. Я слышал, там перед нами целый батальон стоял, и пулемёты, и пушки у них были.

Как сейчас помню, эти слова принадлежали Сергею Петрову по кличке «ванюкатый». Он обладал недюжинной физической силой. Спокойно мог в одиночку нести «ждановский шкаф», правда, без ящиков. Жил до войны с отцом по соседству, в доме 33 по Малому проспекту.

- Ну ты, Ванюкатый, даёшь! Там авиация фашистская так деревню утюжила, вряд ли что-то осталось, - произнёс третий соразведчик по кличке «Местный».

Как впоследствии выяснилось, он до войны жил где-то под Кингисеппом.

- Ладно, пошли глянем, - сказал отец. - На русский авось, может быть, и впрямь чего найдём.

Через час новоявленный отряд подошёл к заминированной деревне.

- Павлуша, смотри, пушка наша, советская, и боезапас есть. Правда, без одного колеса, да и поворотное устройство не работает.

- А дай-ка я заряджу, - воскликнул Ванюкатый.

Как ни странно, но пушку Сергей зарядил.

- Петров, а как ты целиться-то будешь? Как направлять эту колымагу собираешься? Да она по нашим стрелять начнёт, - с опаской прокричал отец. - Впрочем, давай засыпем

снаряды травой и листьями, командиру доложим, а там видно будет.

Командир отряда в звании лейтенанта был членом партии, но человеком слыл порядочным, за спины бойцов не прятался и в атаку ходил с неистовой смелостью, обожал бросать гранаты, делал это эффектно, с улыбкой и с русским матом, и почти всегда попадал в цель. К отцу относился как к другу и постоянно с ним советовался. Имени его отец никогда не называл, так как обращался к нему «товарищ лейтенант», а в кругу солдат командира называли «Борисычем».

Петров лично обратился к нему с необыкновенным предложением:

- Я, товарищ командир, ствол пушки на плечо положу и направлять на танки буду. Ну ей Богу, у нас всё получится! Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Товарищ командир, ну разрешите! Полезут немцы - угостим по-русски!

Как ни странно, командир-коммунист перекрестился и сказал:

- Павел, ты, говорят, сын митрополита, из образованной семьи, как бы ты поступил? Чего там тебе твои ангелы-хранители говорят?

- Товарищ командир, Сергей Петров - технарь по профессии, может, чего и правда знает, а сила у него немереная, шкафы на себе таскал.

- Ну, Раевский, это ты уже заливаешь! Но чем чёрт не шутит - дерзайте! Будешь заряжающим.

Наш в прошлом разведотряд стал артиллерийским расчётом. При первой же атаке нецев

Серёга Петров положил ствол бесколёсной пушки себе на плечо и, стоя в полный рост, направлял орудие в самую гущу фашистов. Танки горели один за другим, немцы с ужасом бегали около подбитых танков, некоторые из которых так и не двинулись вперёд - были подбиты, не вступая в бой. Плечи Сергея Петрова были истёрты, залиты кровью, кровь сочилась из левой ноги, наверно, в ногу попала шальная пуля, но слёз в глазах героя не было.

- Заряжай, Павлуша, заряжай! Когда палить - скомандую. Чёрта вам лысого, а не Эрмитаж, суки немецкие!

Последний снаряд прямым попаданием угодил в разогнавшийся танк, видимо, попал в боезапас и так разметал сопровождавших его пехотинцев в клочья - обрывки грязно-зелёных фашистских шинелей валялись повсюду на поле.

Весь легендарный артиллерийский расчёт остался в живых. Все героини-артиллеристы получили солдатский орден «Слава».

Через некоторое время в соседней деревне была найдена ещё одна пушка с боезапасом. Сергей Петров был ранен, и место героического наводчика занял мой отец. Эта пушка участвовала в трёх сражениях и была с исправном состоянии длительное время. Но разъярённые немцы вызвали авиацию, после налёта мессершмиттов пушка вышла из строя... Так же при обстрелах под Кингисеппом погибло множество народных ополченцев. Вечная им память и слава!..

Продолжение следует

Светлана ПАНОВА

«Родового гнезда кирпичи...»

Отрывки из воспоминаний

Дед Янис

Мой дед, Янис Дамбит, родился в 1900 году, в Латвии. Его мать была замужем дважды. Она - латышка, отец Яниса – русский. Жизнь на хуторе была в то время трудная, взрослые работали, а дети часто были предоставлены сами себе. Когда родители уходили в поле, то запирали маленького Яниса одного дома. Уходя, мать подвешивала сахар к потолку, и мальчик весь день вынужден был сидеть на лавке и любоваться на недостижимые сладости. В результате такого воспитания, ребёнок ожесточился. Характер у деда был суровый, он и своих детей пытался держать в ежовых рукавицах. Бывало он заставлял их сидеть над задачками чуть ли не до двенадцати часов ночи. У детей слипались глаза, и они мало чего сообщали. Как рассказывала моя мать, они с Адиком только и ждали, когда придёт с работы бабушка и прекратит это учение. Бабушка Аня ругала деда за такое воспитание и отпускала детей спать. Дети редко видели от отца ласку.

- Принесёт подушечек – обсыпанных сахаром карамелек, и то хорошо, - вспоминала про деда моя мать.

Зато бабушка Аня после получки часто водила их в кондитерскую, к Пяти углам, лакомиться пирожными.

Но при всей своей суровости дед был наверно не таким уж плохим человеком, раз бабушка его любила. После войны, оставшись одна, она так и не вышла второй раз замуж, хотя ей и предлагали. Янис Дамбит окончил институт, стал инженером. Во время Отечественной войны он был призван в армию, служил на Ленинградском фронте. После ожесточённых боёв, часть, в которой находился дед, попала в окружение. Пытаясь перейти линию фронта, дед очутился в плену у немцев. Его поместили в концлагерь как латыша под именем Янис Дамбитис. По приказу немецкого командования латышей отпускали

домой, если за него поручится кто-нибудь из родных. Одна латышская крестьянка поручилась за деда и выдала его за своего мужа. Так дед вышел на свободу и остался жить в Риге с этой женщиной. После войны о возвращении в Ленинград не могло быть и речи. Всех бывших в плену тогда подвергали репрессиям. Дед проживал в Риге пока не умерла тётя Женя. Только во время хрущёвской оттепели, когда многих невинно осуждённых реабилитировали, дед Янис приехал в Ленинград. Он винулся перед бабушкой, просил всё забыть, говорил, что их развела война, и уговаривал переехать к нему в Ригу. Но бабушка не согласилась, хотя и любила деда. К этому времени в нашей семье появился второй ребёнок, моя сестра Лена. Бабушка осталась жить у нас и помогать маме по хозяйству, а дед уехал в Ригу и жил там один. Иногда мы с мамой ездили к нему в гости. После Войны, когда Латвию заняли Советские войска, многих собственников уплотнили и к ним подселили жильцов. Одним из таких жильцов стал дед Янис. Он занимал несколько комнат первого этажа двухэтажного дома, во второй половине не жил какой-то военный, а на втором этаже – хозяйка. Перед домом у деда был небольшой участок земли, где росли клубника, смородина и крыжовник. Свою половину дома он из экономии не топил и в сырых холодных помещениях не жил. Обитал дед в небольшой кухне, а комнаты пустовали. Когда мы к нему приезжали, то останавливались в этих комнатах. Натопить их сразу было невозможно, и я хорошо помню, что в кроватях даже простыни были сырые. Мать корила деда за то, что он на всём экономит. У деда света в туалете не было, и он ходил туда с ручным фонариком. В конце концов дед всё-таки провёл в туалете свет, о чём и отписал моей матери в письме. Когда мы приезжали в Ригу, дед любил показывать нам город. Мы ездили на взморье и гуляли в сосновом бору.

Последний раз я видела деда в 1960 году,

когда тот приезжал в Ленинград. Мы вдвоём ездили с ним в город Пушкин, ходили в Лицей, и долго гуляли по парку. Стояла сухая, тёплая осень. Дед был очень ласков со мной. И даже на прощанье купил мне дивный слоёный пирожок с повидлом. Как он запомнился мне, этот пирожок! Ни до, ни после, я такого сладкого, хрустящего, обсыпанного сахаром пирожка больше нигде не ела. Вскоре дед уехал, и я его больше никогда не видела. Он умер в 1974 году и похоронен в Риге. На кладбище, недалеко от второй часовни, если свернуть направо, у дороги лежит плита, на которой выбито: «Янис Дамбитис».

На далёком хуторе

Когда мой дед Ян приехал в Питер в 1924 году из Латвии, его семья продолжала жить на хуторе в Сигулде. Вообще-то полное имя моего деда Иван Александрович Дамбит. Сёстры же его Мария и Наталья, которые на моём веку проживали в Ленинграде, имеют ту же фамилию, но отчество другое - Эдуардовны. Скорее всего, они его двоюродные сёстры. Когда дед женился и у него появились дети, он уже жил в городе. Сёстры же оставались на хуторе. Обе они были не замужем. В 1931 году, когда моей маме и дяде Адику исполнилось четыре года, тётки забрали их к себе. Детей своих у них не было, поэтому они сильно привязались к племянникам. Мне представляется далёкий латышский хутор, старый дом, огромный сад и сгорбленную старушку - мать обеих тёток. Она работает в саду, подвязывает пышно разросшиеся кусты пионов у калитки. За ней хвостиком ходит моя мама, куда бабушка, туда и она. На выгоне пасутся лошади, коровы, овцы. Всё это патриархальное хозяйство охраняет овчарка по кличке Дуксик. Тяжёл труд крестьянина, поэтому в работу включены все от мала до велика. Всё, что вырастишь, надо ещё и сохранить. Заболел кто - ты сам себе врач. Поэтому старая бабушка ходит каждый день на бугор за травами. Её сопровождают моя маленькая мама и собака Дуксик. Потом бабушка сортирует лечебные травы и раскладывает их сушить. Затем идут они с бабушкой в холодные сени, где стоят крынки с молоком. Моей маме было позволительно снимать

пальчиком и слизывать сметану. Кругом хутора дремучий лес, полный диких зверей. Моя мама вспоминает, как однажды к дому вышел бурый мишка. Может быть, он лакомился поспевающим овсом в близлежащем поле. Тётки принялись стучать по чему попало, поднялся невообразимый шум. Косолапый рывкнул и ушёл в лес. Вечером старики усаживаются на завалинке. Бабушка говорит деду Эдуарду:

- Раскури-ка трубочку.

И дед раскуривает ей трубку. Потом, укачивая детей, тётя Маня поёт детям на ночь латышские народные песни. Даже я помню одну из таких незамысловатых песенок:

- Куртутеси, куртутеси,

Гай литы ману. Норитыня грума...

Что означало:

- Петушок, петушок,

Куда бежишь с утра пораньше..

Певучая тётушкина речь причудливо перемешивалась, сочетая в себе русские и латышские слова.

В конце 30-х, не дожидаясь раскулачивания, продав дом, семья переезжает в Ленинград. Недолго они живут у бабушки Ани на Петроградской стороне. Потом Мария Эдуардовна выходит замуж за Ивана Семёновича Зайцева. Иван Семёнович был архитектором, довольно известным человеком в своих кругах. Во время Отечественной войны дядя Ваня работал прорабом на строительстве защитных укреплений. Организация, в которой он состоял, занималась производством мин и других подрывных систем. Их устанавливали тогда в зоне боевых действий. Зайцевы поселились на Охте. Когда они сошлись, Марии было уже около сорока, а Ивану Семёновичу 26. Она - крупная, дородная, а он невысокий, сгорбленный. Говорили, что Иван Семёнович раньше увлекался конным спортом. Однажды он неудачно упал с лошади и повредил позвоночник. От этого у него на спине был небольшой горбик. Но ни значительная разница в возрасте, ни различие их натур не мешало их супружескому счастью. Наоборот, открытый, жизнерадостный характер бабы Мани дополнял замкнутого чересчур серьёзного дядю Ваню. Она вела хозяйство, распоряжалась во всём в доме. Казалось, что дядя Ваня был за ней, как за каменной стеной. Помню

их уютную квартиру. Когда их семья получила своё жильё, баба Маня выписала к себе отца из Латвии. К тому времени это был уже очень старый человек. Я его помню хорошо. Белый как лунь старик, чем-то напоминающий дедушку Мороза, сидит, бывало, в кухне на низенькой скамеечке и посасывает свою трубочку. Над его головой постукивают ходики в виде кошачьей головы, стреляя глазами из стороны в сторону. У окна баба Маня строчит что-то на своей швейной машинке, а по всей кухне разливается запах сдобного теста. На железной плите разложены румяные пироги, между ними примостилась крынка с торчащим из неё настоящим гусиным пёрышком. Там налито топлёное масло. Я хожу маленькая по всей квартире, заглядывая во все углы, как первооткрыватель в чужом краю. Вдруг слышу бабушкин голос из кухни:

- Иди, деточка, примерь платье.

Я подхожу к бабушке. Она притягивает меня к себе, целует в голову и надевает на меня только что сшитое платьице. Бабушка Маня всё время помогала нашей семье. В блокаду подкармливала, а потом, когда бабушку Аню вместе с детьми эвакуировали через Ладогу в Ярославскую область, тётя Маня приехала к ним и привезла продукты и тёплые вещи. Она хотела вообще удочерить мою мать, Люсю, но бабушка Аня не согласилась. Тогда после войны Зайцевы взяли из детдома девочку Лиду. Лида лицом была очень похожа на мою маму, наверно поэтому они и удочерили её.

* * *

*125 блокадных грамм
с огнём и кровью пополам*
О. Берггольц.

Моя бабушка с дедом до войны жили на Социалистической улице. Дом был большой, кирпичный, но сырой, потому что отапливался дровами. Тепла от печи не хватало. Во влажном ленинградском климате надо было подтапливать постоянно, а этого никто не делал. Поэтому даже обои в комнатах отставали и висели бахромой. Здесь у Дамбитов в 1927 году родилась двойня – моя мать и мой дядя. Они родились недоношенными, и месяц их держали в больнице. Весна в тот год выдалась

поздняя, и в июне ещё всю цвела сирень. Бабушка помнила, как дед принёс ей громадный букет сирени в больницу. Молока у Анны не хватало, и она кормила малышей геркулесовым отваром. Бабушка впоследствии говорила, что такой прикорм дал хороший результат: дети окрепли и поднялись как на дрожжах. На лето Аннушка отправляла детей к родственникам на хутор. И если моя мать вспоминает этот период с радостью, то дядя - нет. Привыкнув к матери, маленький Адик сильно скучал. Бабушка говорила, что он долго бежал за телегой, увозившей её в город, и плакал. Освоившись к жизни на хуторе, Адик полюбил собаку Дуксика и овец. Маленькие ягнята заменяли тихому и впечатлительному ребёнку сверстников. Дядя Адик вообще любил природу, отлично рисовал и пел. У него был прекрасный голос. Когда он учился в школе, у него по всем предметам, кроме рисования и пения, были плохие отметки. Нарисовать с ходу он мог что угодно и всегда иллюстрировал стенную газету в школе. Война застала бабушкино семейство врасплох. Бабушка вместе с другими работницами уехала рыть окопы, а дед оставался вместе с детьми в городе. В считанные дни все продукты раскупили, дед успел лишь достать 2 кг пшена. Когда приехала бабушка, пробыв 2 недели на земляных работах, магазины уже были пусты. Даже сухая морская капуста и рыбий жир из аптек исчезли. Начиналась многодневная осада города. В первые дни были разбомблены Бадаевские склады, и Ленинград лишился последних запасов продовольствия. Деда призвали в армию, и бабушка осталась одна с детьми. Как и многие ленинградцы, моя бабушка, моя мама и дядя подверглись во время блокады нечеловеческим испытаниям. Город постоянно бомбили, водопровод и транспорт не работали, комнату отапливали буржуйкой. Но главное, было так мало еды, что вскоре у бабушки и Адика опухли от голода ноги. Моя мать одна ходила отоваривать хлебные карточки, по которым и получали-то всего по 125 г хлеба в день. Однажды маму подстерегли в подъезде какие-то лихие две тётки и пытались вырвать сумку с хлебом. Но мама так пронзительно закричала, что захлопали открываемые на лестницу двери. Тётки решили ретироваться. При-

дя домой, мать быстро съедала паёк, а дядя Адик разрезал свой хлеб на кусочки и подсушивал на буржуйке. Потом он хрустел ими не спеша, сидя в кресле, и читая какую-нибудь книжку, чтобы отвлечься от еды. Моя мать в это время изнывала от хруста, который доносился из отцовского кресла. Раньше до войны в нём сидел и работал отец. Он был строг и трогать вещи на своём письменном столе не позволял. Все карандаши были аккуратно заточены и торчали из стаканчика, как пики. У детей считалось за великую честь получить со стола отца карандаш или ластик. Во время войны строгий порядок был нарушен. В бесхозном кресле теперь сидел Адик и грыз свои сухарики.

- Дай хоть один, - ныла мать.

- Ты же свой хлеб съела, - укоряла бабушка.

Но мать не отставала, и дядя не выдерживал - делился с ней своими сухарями. Однажды, разбирая кладовку, бабушка нашла банку столярного клея и напекла из него лепёшек. На какие только хитрости не пускались ленинградцы, чтобы хоть как-то приглушить чувство голода. Во время блокады в Ленинграде, когда не стало совсем пропитания, дядя Ваня, бабушкин брат, например, занимался отловом кошек. Ходил по подвалам со своим чёрным чемоданом. Однажды после удачной охоты он позвал на обед мою бабушку Аню. Она пришла. В большой кастрюле дымилась похлёбка. Когда делили кошачью тушку, то дядя себе взял заднюю часть, а бабушке достались рёбра. За это она на него обиделась. Дядя умер от голода зимой 1941 года, когда не то что кошек, но и крыс с мышами по подвалам найти было невозможно. В канун праздника 7 ноября бабушке дали по карточкам 2 бутылки красного вина. Многие работницы сменяли его на хлеб, но бабушка решила, что вино полезней. Всё-таки в конечном счёте – виноградный сок. Она налила моей маме с дядей по целому стакану. Выпив вина, они сразу же уснули, так сильно оно на них подействовало.

В конце декабря вышло распоряжение об эвакуации завода, на котором работала бабушка. Когда пришла машина для того чтобы забрать эвакуируемых, то у многих не было сил

самим сойти с лестницы. Бабушку Аню с дядей просто закинули в кузов, как мешки с картошкой. Долго везли их через Ладогу. Вокруг рвались снаряды, но страха не ощущалось, потому что все чувства у людей были притуплены голодом. Когда привезли ленинградцев на станцию, для того чтобы отправить на большую землю, то перед погрузкой в вагоны – накормили. У многих после длительной голодовки желудки не выдерживали и люди умирали. У бабушки Ани открылся кровавый понос. Хорошо, что на станции какая-то сердобольная женщина дала ей сухие семена конского щавеля. Бабушка заварила их и всю дорогу пила, тем и спаслась. Привезли их в Ярославскую область, в город Тутаев, разместили в бараке. Первое время у людей не было сил ничего делать. Приезжала полевая кухня, и всех эвакуированных кормили. До войны у бабушки была дивная коса, но после голодовки волосы выпали, потом снова отросли и завились шапкой. Зубы тоже качались и кровоточили. Но если у бабушки они, покачавшись, окрепли, то у детей – вывалились. Тех, кто выздоровливал, принимали на работу. Дети пошли учиться в школу. Одно плохо. Там, где они жили, трудно было достать дров. До ближайшего леса далеко, поэтому люди подбирали любую щепу, разбирали на дрова плетни и заборы. Даже покушались на школьный инвентарь. Бабушка вместе со своей подругой Дусей Рябкиной однажды пытались вытащить из школы парту, но были остановлены мамой и дочкой тёти Дуси, Люсей Подберёзкиной.

- Так вы всю школу разберёте на дрова, - корила они своих матерей.

Дядя Адик однажды, никому ничего не сказав, взял топор, и один отправился в дальнюю рощу. Долго его не было, мать уже стала волноваться. Вдруг он является без сапог, без топора и без дров. Больше его за дровами не посылали.

Работницы часто в топящиеся печи во время работы клали свёклу или репу, но готовить обед приходилось всё равно дома. Ели много, не чувствуя сытости. На ужин моя мама обычно чистила целое ведро картошки. Картошка для людей военного поколения стала вторым хлебом. В народе шутили:

- Чай кипит, картошка горячая, только не

хватает жиров.

Пережить тяготы эвакуации ленинградцам помогало местное население. Все как могли поддерживали друг друга. Добрую память о себе оставила у всех наших жена фронтовика, Дмитрия Пименовича, Нина Константиновна. Сам Дмитрий Пименович и его старшая дочь Галя, были на фронте. В городе Тутаеве оставались Нина Константиновна и младшая дочь Роза. Моя мама и Роза познакомились в школе и подружились. Невозможно передать словами, сколько сделала для нашей семьи Нина Константиновна. Она поддерживала бабушку Аню не только морально, но и материально, делясь с ней последним куском хлеба. На всю последующую жизнь они остались друзьями. Сам Дмитрий Пименович и его дочь благополучно вернулись с фронта. После войны, когда завод перевели в Ленинград и наши уехали, они продолжали переписываться. А когда дочери Дмитрия Пименовича и Нины Константиновны вышли замуж, мать летом ездила с моей сестрёнкой к ним в гости.

Конец 40-х

Всё проходит. Прошло и военное лихолетье. Бабушка Аня с детьми вернулась в Ленинград, пошла вновь на Красный треугольник, производивший во время войны понтоны и плащ-палатки. Теперь завод снова перешёл на калоши и резиновые сапоги. Правда, комнаты, где семья жила до войны, были заняты другими жильцами. Но бабушке вскоре дали от завода комнату в новом доме в Автово. Дом был шестиэтажный, с лифтом, мусоропроводом, паровым отоплением, газом и горячей водой. Моя мать поступила в медицинский техникум, а дядю Адика призвали в армию. Мою мать, Дамбит Людмилу Ивановну, после окончания техникума послали работать по распределению в Игарку – далёкий сибирский город, находящийся за Полярным кругом. Игарка после войны жила своей обособленной жизнью. Среди здешнего населения было много ссыльных политзаключённых. Люди этого сурового края, под стать природе, были сильные духом, прямые и мужественные. Моряки, лётчики, сплавщики леса, рыбаки, охотники – все они становились для матери примером чести

и отваги. Как она потом рассказывала, что и она сама рядом с ними ничего не боялась. Ей приходилось летать по вызову к больным в дальние рыбацкие артели. Работать на заготовительных пунктах в сложнейших условиях заполярья. Везде к ней относились очень хорошо. Узнав, что она из Ленинграда, спрашивали о городе, о последних новостях культурной жизни северной столицы. Моей маме в 1947 году было всего 20 лет, а бабушке Ане – 43. Сохранилась открытка, которую бабушка послала моей маме в далёкий сибирский край с поздравлениями и пожеланиями в связи с Новым 1947 годом. Открытка датирована 26.12.1946 года. Страшно подумать, сколько прошло времени с того дня. Давно нет на свете моей бабушки Ани, матери в 2014 году исполнилось 87, да и мне самой перевалило за 60. Я держу в руках эту открытку – пожелтевший кусочек бумаги с обломанным уголком. На ней изображены любимые бабушкой розы. Сколько же всего насмотрелась она, впитала дух того далёкого времени, когда мои дорогие родственники были молодыми. Она перенеслась через года в другое столетие. Теперь к ней могут прикоснуться внуки и правнуки тех людей. Отцвела уже моя мама, доцветают и я, но пышным цветом вспыхнули мои дети и распускаются бутонами внуки. И я надеюсь, что этот прекрасный букет будет радовать глаз всегда, сменяясь всё новыми поколениями.

Когда дядя Адик приехал домой на побывку из армии, то познакомился со студенткой мединститута – Диной. Молодые люди поженнились.

«Мама, можно пока я служу, Дина у нас поживёт?» – спросил дядя Адик у матери. Бабушка Аня согласилась, и Дина Владимировна переехала к ним в Автово. Сама невестка была родом из Вышнего Волочка. Там жили её мать и сёстры. Сюда, в Ленинград, она приехала учиться, вышла замуж и осталась здесь навсегда. В 1950 году вернулась в Ленинград моя мама и познакомилась с моим отцом, Казаковым Виктором Ивановичем. Поженившись, они все пришли жить к бабушке Ане в Автово. Этот большой серый дом, в котором они все собрались, – наше родовое гнездо, сохранился и по сей день. Он стоит возле станции метро, как стена, как памятник тех дней.

* * *

*Родового гнезда кирпичи,
Уходящие в землю навеки.*

А. Маничев.

Итак, в начале 50-х началась новая жизнь в комнате на шестом этаже большого каменного дома. Он был выстроен после войны, но фундамент заложен значительно раньше. Во время Отечественной войны здесь проходила линия обороны города, и фундамент дома служил для наших бойцов прикрытием. После войны строительство дома продолжилось. И вот он, наконец, принял первых жильцов. Среди них оказались и мои родственники. Сюда переехали жить мои родители, здесь родилась и я сама. На полгода раньше здесь родился мой двоюродный брат Володя, сын дяди Адика и тётки Дины. Квартиру помню очень хорошо. Большая, светлая, окнами выходящая на проспект Стачек. Шестой этаж – это высоко, и если залезть на подоконник и посмотреть вниз, то можно увидеть как ползут вереницей маленькие, словно игрушечные, машинки и автобусы. Мы с Володькой, бывало, забираясь на подоконник, подолгу глядели на них, удивляясь их размерам. Дядя был художником, и поэтому на столах были разложены кисти и краски, стояли натюрморты. Но, хоть помещение и было большим, трудно уживалась в ней мастерская с жилой комнатой. Позже, когда мой отец получил свою жильё и мы уехали, в Автово оставалась семья дяди Адика. Потом, когда брат Владимир женился на Светлане, и у них родилась Оля, им выделили в квартире ещё одну комнату, смежную с первой. Владимир всегда хотел иметь много детей, его жена Света не могла или не хотела. По этой причине он женится второй раз на Нине и переходит к ней жить. Там у них рождается сын Андрей. После смерти родителей, Володя и Светлана продают комнаты в Автово. На вырученные деньги они приобретают две небольших квартир в спальных районах города.

Но вскоре Ольга выходит замуж и вместе с супругом и его малолетним сыном от первого брака уезжает в Канаду. Там они все теперь и живут. Ольга осуществила мечту отца о большой семье, и у неё, кроме приёмного, ещё своих четверо ребят.

Отец мой, Виктор Казаков

В 1954 году моему отцу от Кировского завода, где он работал, дают долгожданную комнату, и из Автова мы переезжаем в новый дом. Он находился недалеко от завода в Огородном переулке.

Мой отец, Казаков Виктор Иванович, родился в Москве в 1925 году. Рос он крепким и шустрым мальчишкой. У его родителей, отца Ивана Григорьевича и матери Александры Ивановны Казаковых, было в живых трое сыновей, (четвёртый Витя умер в младенчестве). В честь него и назвали моего отца Виктором. Старшего брата звали Павел, а среднего Иван. Мой был младшим. Жили они на улице Осипенко, недалеко от центра. Их квартира находилась на первом этаже и была частью каких-то производственных помещений, поэтому даже полы в ней были каменные. У бабушки Саши по этой причине всегда мёрзли ноги, и она и летом и зимой ходила дома в валенках. Моего отца в детстве забрала к себе его бабушка, которая жила в пригороде Москвы. У неё был огород, козы. Бабушка, видно, отца любила и баловала. В 8 лет Витю отдали в школу, но учиться он не любил. Часто за баловство его выгоняли в коридор. Про себя он часто говорил впоследствии:

- Я закончил три класса и коридор.

Он был большой озорник, мой папа. Раз его отец, выйдя из ворот своего дома, увидел сына сидящим в помойном бачке. Иван Григорьевич нахмурился. Помойку только что покрасили и вылезти из неё, не измазавшись, было трудно. Сын тарасил на него испуганно глаза.

- Выпрыгнуть обратно сможешь? – вдруг спросил отец.

Ни слова не говоря, Витя высоко подпрыгнул, и, не запачкав штанов, выскочил из помойки.

- Ну, спортсменом будешь, - только и сказал отец.

Виктор действительно стал спортсменом. Но сначала была война. Старший брат Павел уже воевал, а младшему шёл лишь семнадцатый год. Но в 1942 году, когда обстановка стала особенно сложной, прибавив год, шел на фронт и Виктор. Его перебросили на ленин-

градский фронт. В боях за город отец был ранен. А после войны Виктор служил в ленинградском военном округе, и его пригласили играть за ЦСКА. Потом он уволился в запас и устроился слесарем на Кировский завод. Работая на заводе, он выступал за футбольную команду "Кировец". В это время он познакомился с моей матерью. Молодые зарегистрировали свой брак и переехали к бабушке Ане в Автово, родилась я. Вскоре отцу предоставили комнату в новом доме, и мы втроём отделились от Дамбитов. Отца, как лучшего игрока, пригласили в команду мастеров, и он играл в составе сборной СССР по хоккею с шайбой. В это время ему присвоили звание Заслуженный мастер спорта. Отцу довелось участвовать во многих ответственных матчах. Как вратарь хоккейной сборной Союза, представлял он нашу страну и на зарубежной арене. Был знаком со многими выдающимися спортсменами того времени, например Виктором Набутовым, отцом известного комментатора Кирилла Набутова. Отец стоял в воротах очень долго. Его даже сорокалетним спортсменом приглашают играть в различные отечественные клубы. Так в начале 60-х он выступал за хоккейную команду «Сибирь». Очень хорошо помню эту поездку в Новосибирск. Это было в конце 1962 года. Моей сестрёнке Лене ещё не было и года, когда отца пригласили перебраться из Ленинграда в Новосибирск. Отец уговорил мать ехать вместе с ним. Бабушка Аня в это время переехала из Автово к нам на Огородный переулок и приглядывала за комнатой, чтобы нас оттуда не выписали, пока отец был в командировке в Сибири. Тогда было строго: чуть что, и лишишься комнаты и ленинградской прописки. А мать этого не хотела, она предполагала, что эта командировка отца будет недолгой. Я тогда ходила в 3-й класс. Для оформления договора отец уехал намного раньше, а к нам в Ленинград прибыл их администратор Эдик. Он помог маме упаковать и отправить вещи. Был отправлен малой скоростью даже телевизор, видно отец собирался обосноваться в Сибири надолго. Мы с мамой, сестрой Леной и Эдиком в начале декабря вылетели в Новосибирск. Летели долго, с остановкой в городе Омске. В новосибирском аэропорту нас встречали, как

правительственную делегацию. Посадили в автобус и отвезли на новую квартиру. Она находилась в новом пятиэтажном доме недалеко от Академгородка. Там располагался и стадион команды «Сибирь». Зима в Сибири снежная и суровая. Пока мы ехали до дому по обеим сторонам дороги высились необыкновенно высокие сугробы. Столько снега в Ленинграде я никогда не видела. И снег был белый, чистый, скрипучий, по нему можно было запросто бегать в валенках без калош, не то, что в мокром Питере. Наша двухкомнатная квартира разместилась на четвёртом этаже. В подвале дома каждому жильцу было выделено место для хранения дров, потому что газ в дома тогда ещё не подвели. В домах, правда, было паровое отопление и электричество, но варили обед на обычных железных плитах. В магазинах в то время продуктов было мало, за молоком выстраивались длиннющие очереди. Поэтому отцу как ведущему игроку давали дополнительный паёк. Туда входили мясо, молоко, яйца. Обычно отец сам отоваривался, а когда ему было некогда, то посылали меня. Помню себя в долгополой шубе, валенках и ушанке, постоянно сползающей на лоб. Я бреду среди сугробов по улице. В одной руке у меня бидон с молоком, в другой – сетка с продуктами. Прохожие пытаются мне помочь, но я никому не доверяю. К нам домой приходят друзья отца. Особенно часто нас посещает Эдик. Он любитель покушать, и матери, чтобы всех накормить, приходится весь день готовить, а мне бегать в подвал за дровами. Учусь я в местной школе. Когда я пришла в класс, то за неимением места меня посадили сначала за учительский стол. Как сейчас помню, писали мы диктант, и все сделали ошибку в слове Ленинград. Только я одна написала правильно. Ну, мне ли не знать, как пишется название родного города! Спустя некоторое время, группу, где я училась, расформировали. Я из класса "А" перешла в класс "Б". Тут возмутились мальчишки из класса "А". Все они оказались заядлыми болельщиками, и им было лестно, что дочка знаменитого вратаря учится у них в классе. Выйдя после уроков на улицу, я увидела двух парней. Они перегородили мне дорогу. Сначала я не догадывалась, почему они ко мне пристали, но потом всё

объяснилось. Претензии ребят казались мне смешными, но как потом оказалось совсем небезобидными. Мои объяснения о том, что перевод произошёл не по моей воле, ребята даже не хотели слушать. Вопрос они ставили ребром: или я возвращаюсь, или меня поколотят. Теперь мне приходилось долго задерживаться после уроков, чтобы избежать встречи с этими фанатами. Я ничего не говорила матери, потому что у неё и так было полно проблем. Лена, моя годовалая сестрёнка заболела воспалением лёгких, и мать неотлучно была прикована к её постели. Так незаметно пролетела зима. Весна наступила как-то неожиданно. Мгновенно растаяли казавшиеся незабываемыми сугробы. В один из тёплых апрельских дней нас приняли в пионеры. Я прочла книжки Сергея Баруздина “Светлана – пионерка” и Юрия Сальникова ”Шестиклассники” и чувствовала себя какой-то повзрослевшей.

Мать, получая от бабушки слёзные письма, всё чаще заговаривала с отцом об отъезде в Ленинград. Отец потихоньку сдавался. Он уже не кричал на мать сердито:

- Хочешь, по шпалам иди!

Вскоре решили однозначно:

- Уезжаем!

А мне было чего-то жаль. То ли за зиму я сроднилась с местными ребятами, то ли суровая Сибирь так растрогала моё сердце. Оно, наверно, чувствовало, что где-то недалеко за Алтайским хребтом зреет моё счастье.

Прощай, Сибирь!

Перед отъездом отец вдруг купил резиновую лодку. Мы с Алёнкой раскладывали её слабо надутую на полу в комнате и играли в пароход. Я думала, что на это она только и годна. Но однажды:

- Трум-гум-гум. Труба зовёт!

Мы уезжаем на Обское море. Так в простонародье именовалось водохранилище на реке Обь. С полной выкладкой, с рюкзаком и котелком едем мы на море ранним июньским утром. Насколько глаз хватает, раскинулась водная гладь. Песчаный берег и вывороченные с корнем вековые сосны. И жара прямо как на юге. В песке можно яйцо испечь. Бежишь, бывало, по нестерпимо горячему песку,

то и дело загребая ногой воду. Она обжигает, потому что в противоположность песку – холодная, как лёд. Одну из коряг мать покрывает одеялом, и устраивает импровизированный шалаш. Там в тени укладывают спать Алёнку. Отец надувает резиновую лодку и при этом улыбается во весь рот. Вскоре он торжественно отчаливает от берега. Я хотела бы тоже прокатиться в лодке, но отец сказал, что сначала он сам испытает судно. Проходит пять минут, всё хорошо, счастливый отец радостно взмахивает вёслами. Вдруг, какая-то секунда и отец исчезает из поля моего зрения. Я не могу понять, что произошло. А это, оказывается, лодка, предательски брыкнув носом и совершив кульбит, переворачивается. Я вижу барахтающегося в воде отца, хватающего уплывающие вёсла и удочки. Папа выволакивает на берег резиновую лодку, выливает из неё воду. Он снова укладывает на дно вещи и уже с серьёзным видом отчаливает, но ненадолго: упрямая посудина вновь переворачивается. Все последующие попытки отца удержаться на плаву оканчиваются неудачей. Тогда забросив лодку, он уходит с берега. Но у самого берега рыба ловится плохо. Всё-таки ему удаётся поймать несколько окуньков. Мать разводит костёр и варит в котелке уху. В последующие дни мы с отцом идём на лодочную станцию, находящуюся неподалёку. Отец берёт напрокат обычную лодку и уходит теперь с неё. Я тем временем обследую окрестности, забираюсь на крутой берег, весь заросший кустами шиповника. Пытаюсь собрать букет из его алых цветов, мучаюсь, оцарапываю себе пальцы, но в трясущемся автобусе лепестки облетают. Последнюю ночь перед отъездом, мы остаёмся на квартире папиного друга, военного. Выясняется, что его сын, оказывается мой одноклассник, но я его почему-то не помню. В доме, котором мы остаёмся ночевать, никого сейчас нет, кроме старушки матери. Я дивлюсь множеству книг. Достую свою любимую, ”Старика Хоттабыча”, и зачитываюсь до полуночи. Рано утром за нами приходит такси, и мы уезжаем на вокзал. На этот раз мы едем на поезде. В дороге мы находимся несколько дней. Алёнке, по просьбе матери, приносят манную кашу. А я неотрывно смотрю в окно. Впервые я увидела тогда,

как необъятна наша Родина. За окнами мелькают поля и перелески, реки и озёра. Своей особой широтой поражает Волга. Одна из самых долгих - остановка в Казани. Разгуливая по перрону, едим диковинное, вдвое больше ленинградского, казанское эскимо.

Жизнь на Огородном переулке

А бабушка Аня тем временем жила в нашей комнате на Огородном переулке, исправно платила за квартиру, подрабатывая где придётся. Одно время она устроилась упаковщицей. Ей приходилось фасовать даже новогодние подарки. По мне это была наверно самая приятная миссия. Укладываешь в пакет сладости и думаешь о том, как обрадуется ребёнок, когда его откроет. Но вот, летом 63-го года мы вернулись в Ленинград, к себе на Огородный, в коммунальную квартиру, на втором этаже, и жизнь потекла по проторенному руслу. Отец заканчивает высшие курсы при институте физической культуры имени П. Ф. Лесгафта, получает диплом и устраивается на работу тренером. Кроме нас на Огородном переулке проживали ещё две семьи - Копоревы и Харичевы. Дядя Толя Харичев работал на Кировском заводе, в горячем цеху, а Тётя Маруся в бухгалтерии. У них было двое ребят: старший - Вова, мой ровесник, и младшая - Таня. Жили они в угловой комнате, она была самой светлой в квартире. Когда напротив построили дом, то ко всем соседям, кроме них, свет стал попадать только вскользь. У Харичевых же солнце светило почти до полудня. Дядя Толя был полным, тихим и почти совершенно лысым. Вероятно за причёску отец звал его Ульянов. Я сначала не понимала, почему Ульянов, ведь дядя Толя Харичев. И только повзрослев сообразила почему. В то время сравнивать простого сталевара с вождём было делом рискованным, но отец любил рисковать. Рисковал жизнью на фронте, рисковал, играя в хоккей, никогда не надевая маску. Однажды отец с мамой ещё молодые возвращались откуда-то очень поздно. К ним в трамвай ввалились какие-то хулиганы и стали приставать к пассажирам, угрожая им. Отец схватил одного за шиворот и на полном ходу выкинул из вагона (тогда двери не были автоматиче-

скими). Вторым молодчик выпрыгнул за ним. Раздался свисток постового. Трамвай остановился. Когда подошёл милиционер и спросил, почему выкинули гражданина, все пассажиры сказали:

- Так ему и надо.

Милиционер закрыл дверь и сказал:

- Проезжайте.

Отец всё привык делать в последний момент. Даже уезжая с командой на сборы, он не торопился. До отхода поезда, бывало, минута осталась, а он только идёт. Все говорили:

- Вон Казаков идёт, сейчас поедет.

И действительно, стоило ему только вскочить на подножку, как состав трогался.

Тётя Маруся Харичева, дяди Толина супруга, была дочерью священника. Медлительна и близорука, она по большей части сидела в комнате и читала. Готовить она не любила. На кухне всем заправлял дядя Толя. Помню, как в фартуке, толкаясь среди других хозяек, он, причмокивая и облизывая пальцы, всегда что-то перемешивал или поджаривал. Тётя Маруся изредка появлялась, приказывая мужу сделать то-то и то-то. Я думала, что дядя Толя вообще не умеет сердиться. Но однажды он вдруг, напившись пьяным, вывалился из своей комнаты в коридор с топором в руках и погнался за тётей Марусей. Она завизжала и кинулась в холодную прихожую. Тогда отец схватил разъярённого дядю Толю за руки и вырвал у него топор, приговаривая:

- Ну что ты, успокойся, будет тебе.

И дядя Толя тут же успокоился и позволил отвести себя в комнату.

Другая семья, Копоревых, жила в самой маленькой комнате. Дядя Лёша работал слесарем на Кировском заводе. Дом вообще был подведомственный этому предприятию, поэтому многие работники завода получили здесь жильё. Дяди Лёшина жена, тётя Зина, была чистюлей. Всегда до блеска натёртый, сиял в её комнатке паркет, везде белели покрывала и вышитые салфетки. Их сын Виктор ходил в один класс с Вовой Харичевым. Дядя Лёша был ещё тише дяди Толи. В хозяйственных делах он почти не участвовал, а по большей части сидел где-нибудь в уголке, в кухне, на табуретке и курил папироску. Он был так тих и настолько сливался с общим тоном, что мож-

но было войти в кухню и его не заметить. И только неизменное “Ёлки!” да редкое покашливание выдавали его присутствие. Копоревы приехали в Ленинград из области. Привыкшая к свежему воздуху тётя Зина не смогла работать в горячем цеху. Она сразу же заболела, (у неё была скрытая форма туберкулёза). После лечения, она устроилась дворником на завод “Волна”, где к тому времени работал тренером мой отец, куда после школы пришла и я. Мы частенько с ней встречались и разговаривали. Вообще все соседи были дружны между собой и после того, как переехали в новые квартиры. Продолжали встречаться, переписываться и перезваниваться. Виктор Копарев так и не женился. Он вернулся из армии инвалидом и после смерти родителей продолжал жить в полученной ими квартирке. Последнее время вместе с ним жила племянница, приехавшая в Питер учиться.

Володя Харичев ушёл из жизни совсем молодым. Он страдал высокой степенью близорукости, но очки стеснялся носить. В следствие этого попал под машину. В последнее время он сошёлся с какой-то артисткой из варьете. Он жил с ней и её маленькой дочкой от первого брака. Готовил, стирал, прибирал, ходил за ребёнком. Вероятно, он сильно любил эту женщину. Вот так несуразно сложилась его судьба. Его сестра Татьяна долго не выходила замуж. Ей нравился какой-то хирург, но тот был женат. И она ждала, пока его ребёнок не достигнет совершеннолетия. Тогда Татьянин хирург, наконец, разошёлся с первой женой и женился на ней. У них вскоре родился сын, теперь уже ставший взрослым. Тётя Маруся Харичева намного пережила дядю Толю. Он умер почти сразу, выйдя на пенсию. Она же дожила до 80-летнего возраста. С её смертью у меня не возникает тягостных воспоминаний. Всё-таки она была человеком лёгким.

- Бог дал, Бог взял, - говорила она.

Во дворе играют дети

Двор на Огородном переулке я вспомнила не случайно. Тогда в середине 60-х годов 20-го столетия ленинградские дворы были полны детворы. Причём дошкольники часто гуляли сами по себе, без присмотра родителей. У нас

на Огородном, например, если подбиралась такая команда из пяти-шести человек детей, то тут же затевали игру в мяч, классики или прятки. Дети собирались разного возраста. Были среди них и побольше и совсем маленькие. Я часто выходила во двор со своей младшей сестрой Леной. На порядок старше таких же, как сестра, дошкольников, я в их группе была вроде руководителя. Я оберегала маленьких, старалась им подыграть. Среди детей были совсем мелкие, например Рита из соседней парадной. Но эта хрупкая, ростом меньше других детей, девочка, оказывается не по возрасту серьёзной и рассудительной.

На все вопросы отвечает чётко, с вызовом. Я понимаю, что это уже почти взрослый человек, со своим характером, которому палец в рот не клади. Поэтому Риту Сергеевичу, наверно, и взяли сниматься в фильме, поставленном по мотивам книги Драгунского “Денискины рассказы”. Она очень похожа на героиню фильма, фактически она там играет саму себя.

- Я индейка, - бесшабашно говорила про себя Рита, выкрашенная проказником Денисом в коричневую краску.

В качестве этакой беззаботной девочки, приглянулась Рита и другому режиссёру, Аян Шахмалиевой, снявшей фильм “Странные взрослые”, по одноимённой повести Аркадия Минчковского. Посмотрев фильм, становится ясно, почему на роль Джульетты-Тони выбрали Риту. Она органично вписывается в эту картину. Заводная, своевольная, самостоятельная, но в то же время маленькая и хрупкая Рита как нельзя лучше подходит к этой роли девочки из детского дома. Она сама выбрала себе отца и ходила за ним, пока он не обратил на неё внимание. По сценарию Рябиковы, удочерившие Тоню, живут в коммунальной квартире. Девочка из привычного ей детского мира, попадает в странный мир взрослых, где свои законы и порядки. Здесь охраняются старые вещи, которые всем мешают и никому не нужны, здесь стоят игрушки, и в них никто не играет, здесь ничего нельзя брать без разрешения. С точки зрения взрослых – всё правильно. Но в этот замкнутый, закрытый мир нет доступа свежего воздуха. С приходом Тони всё меняется. В непроницаемом мире коммунальной кварти-

ры появляется новая жизнь. Она будоражит и ломает существующие перегородки. Под её напором изменяются и люди, они становятся лучше, добрее. Приёмного отца Тони, Рябикова, играет Лев Дуров. Вообще актёрский ансамбль фильма замечателен. Соседей по коммунальной квартире сыграли З. Герд, А. Демьяненко, Е. Ханаева, А. Мещерякова и др. Выясняется, что с Аркадием Минчковским, написавшим сценарий, я тоже давно знакома. Его повестями и рассказами мы просто зачитывались в детстве. Его повесть "Десять дней одни втроём" стала настольной книгой для всех детей нашей семьи на многие годы. Написанная автором в начале 60-х годов 20 века, она и по сей день актуальна. История, изображённая в ней смешна и поучительна не только для детей, но и для многих взрослых. Сюжет незатейлив: мать уехала по делу, а на даче с детьми на 10 дней остался отец семейства. Их неустроенный быт, занятия и весёлые приключения во время материнского отсутствия описаны автором со знанием дела. Возможно автор и сам находился в похожей ситуации. Но о том, что рисунки выполнены самим автором, я обратила внимание много позже. Только совсем недавно я узнала, что первая профессия Минчковского - театральный художник. Он с успехом оформлял драматические спектакли ещё в довоенное время. Им созданы декорации к спектаклю "Дама-невидимка" Кальдерона и к "Недорослю" Фонвизина. Графике Минчковский учился у знаменитого Ореста Верейского и у прекрасного иллюстратора детских книг В.В. Лебедева. Когда узнаёшь об этом, то становишься понятным откуда та лёгкость, то изящество рисунка, тот юмор, доходящий до шаржа, до гротеска. Книга не раз была переиздана, но без авторских рисунков, а жаль. Последующие редакции сильно проигрывают. Ни с чем не сравнить ту первую весёлую книжку, в простом бумажном переплёте, зачитанную детьми до дыр.

Из Огородного переулка мы уехали в начале 70-х и больше с Ритой не встречались. Но с актрисой Маргаритой Сергеевой знакомы по её работам в кино. Рита стала профессиональной артисткой. Лучшие её работы – обиженные, страдающие героини. Из взрослых ролей она запомнилась в фильме "За пре-

красных дам", где вновь снялась в звёздном ансамбле. Александр Абдулов, Александр Панкратов-Чёрный и наша Рита Сергеевичева с Огородного переулка.

С Аркадием Минчковским я не расстаюсь никогда. Недавно прочла его документальную книгу "Повесть о моём Ленинграде". Много нового узнала о детстве писателя, о его семье, о встречах его со знаменитыми деятелями театра: режиссёрами, артистами, художниками. Как перепутаны жизненные пути. Вроде бы незнакомый человек, писатель с которым ни разу не пришлось встретиться, а стал для меня родным человеком, учителем. В своём творчестве я не только подражаю Минчковскому, но стараюсь постепенно выработать свой стиль.

Моя дипломная работа была посвящена журналу "Костёр". Это детский журнал, редактором которого одно время был известный поэт и писатель Владимир Торопыгин. Судьбы Аркадия Минчковского и Владимира Торопыгина не однажды пересеклись. Минчковский был другом Владимира. После безвременного ухода Торопыгина, Аркадий Миронович пишет вступительную статью к его повести "Первая половина", в которой отзывается о нём как об удивительном писателе и редакторе, о прекрасном человеке, так неожиданно ушедшем из жизни. Готовясь к диплому и перечитывая блокадные номера журнала "Костёр", (это было одним из изданий не прекращавшим работу и во время войны), я познакомилась с писателями и художниками этого издания. Здесь печатали свои рассказы Михаил Зощенко и Леонид Пантелеев. Иллюстрировали журнал Н. Тырса, О. Верейский, Л. Лебедев. А когда в блокаду в редакционной команде журнала осталось лишь трое, решено было выйти в эфир и передавать звуковую версию журнала по радио.

- Говорит Ленинград! В эфире детский журнал "Костёр"! - слышался голос бессменного блокадного диктора Марии Григорьевны Петровой.

А моя мама с дядей Адиком, оставаясь в блокадном городе, прикинув к репродуктору, слушали новые рассказы и стихи, выступления фронтовиков и своих сверстников.

Да! Пути Господни неисповедимы.

Лемпи КАРЗОВА-ГОЛОВИНА

Забыть невозможно

Дорогой мамочке посвящается

О войне уже много написано. Я хочу рассказать не о героях, а о простых людях, о детях, которым пришлось столкнуться со страшной действительностью лицом к лицу, пережить ужасы войны, голод, страдания. Они смотрели на мир детскими глазами и принимали взрослые решения.

* * *

*Седая женщина подходит
К родным, возлюбленным местам.
Кругом кресты, среди них всё бродит,
Остановилась у куста.*

*Вот сердцу милая Волхонка.
Когда-то здесь ее был дом.
Тогда она была девчонка,
С детьми играла босиком.*

*Виднелась кирха из окошка.
Тропинка на Кирхгоф вела.
Она туда ходила крошкой.
Прекрасна церковь та была!*

*Сейчас вершина опустела,
И деревенок прежних нет.
Вся местность тут осиротела.
Остался в памяти лишь след...*

Ольга стояла на обочине Волхонского шоссе и всматривалась вдаль. Взгляд ее был направлен в сторону горы Туутари. Весенние солнечные лучи согревали женщину, но легкий майский ветерок сбивал густые, поседевшие, аккуратно уложенные пряди волос, как бы пытаясь ее растормошить и унести в прошлое. Небесного цвета глаза Ольги наполнялись слезами. В мыслях проносились картины из ее жизни. Она запомнила всё и не может забыть до сих пор.

Южное кладбище. А раньше здесь находилась маленькая деревенька, в которой она родилась. Но весной тысяча девятьсот соро-

кового года всем жителям этой деревни дали указание освободить местность. Разрешили строиться в Горелово. Ольга вспомнила то тяжелое время, когда дом пришлось разобрать и заново строить в другом месте на свои средства. Кроме нее и старшего брата у мачехи было еще двое своих детей. Наконец закончилась стройка. Дом уже не был таким большим, как раньше, потому что часть его продали в связи с нехваткой денег. Не успели обжиться, началась война.

Женщины в деревне плакали, причитали. По поведению взрослых Ольга поняла, что наступило ужасное время. Она смотрела раньше фильмы про Буденного и представляла войну такой, какой видела в кино. На экране скакала конница с криками: «Ура!» Ребятишки, смотревшие фильм, дружно подхватывали: «Ура!». Кричала вместе с ними и Ольга. Девочка частенько поглядывала в окно. «Не скачет ли конница. Может надо уже бежать в укрытие?» - думала она. Ей казалось, что от войны можно убежать, спрятаться. Но пока было спокойно. Мачеха уходила на дежурство, Ольга оставалась дома с младшими детьми.

Однажды ранним утром эту тишину прервал страшный гул. Все в ужасе проснулись. Казалось небо и земля дрожит. Дети выскочили с кроватей и побежали босиком на улицу. Ревели самолеты. Малыши прижимались от страха к старшей сестре. Она обхватила братишку и сестренку руками. Дети дрожали и плакали. К ним бежала испуганная мать с дежурства:

- Живы, слава Богу! - выдохнула она с облегчением, увидев детей.

Ольга поняла, что эта война совсем не такая, какую она представляла по фильмам. Детям пришлось пережить первое испытание. Потом бомбежки были часто. Немецкие самолеты Ольга узнавала по звуку.

Вспомнилось ей и то, как летом тысяча

девятьсот сорок первого года привозили в Горелово ленинградцев рыть окопы. После тяжелой работы люди отдыхали у них в доме. Уставшие работники ложились прямо на пол. У мачехи в это время начались роды, в доме не было места, и она пошла рожать в хлев, как Мария Иисуса.

*Люди здесь окопы роют.
Прибыли из Ленинграда.
Жутко самолеты воют.
Женщине рожать же надо!*

*Наработались, устали.
Дом наполнился народом.
На пол в ряд ложиться стали.
Бедная! Уж скоро роды!*

*В хлев пошла ты, как Мария,
В угол постелила сена.
Ну, держись, страна! Россия!!!
Ты поднимешься с колена!*

*Тут соседка прибегает:
«Люди, что же вы лежите?
Женщина в хлеву рожает!
Быстро дом освободите!»*

*Стоны! Крики! Боли муки!
Все родные в ожиданье,
Вдруг другие слышат звуки,
Плач рожденного создания.*

*Переполнены все счастьем.
Новый Человек родился!
Вмиг забыты все ненастья.
Только б враг не появился.*

*Что же ждет тебя, бедняжка?
Хочется всем людям верить,
Что не будет слишком тяжело...
Враг войдет ведь в эти двери.*

Соседка Катерина, принимавшая роды, позвала детей:

- Идите скорей сюда, посмотрите, какой у вас братик родился.

Детишки быстро соскочили со своих мест и побежали к младенцу. Они с любопытством

рассматривали маленького, хорошенького ребеночка, завернутого плотно в пеленки. Он шевелил ротиком и делал гримасы.

Пятилетний белобрысый Валька весело засмеялся:

- Какой он смешной!

Трехлетняя Лилия с интересом смотрела на ребенка. Она была похожа на маленького прекрасного ангелочка с белокурыми вьющимися волосами. В ее больших голубых глазах было столько нежности.

- Тоже белоголовый, - произнесла, улыбаясь, Ольга, невольно потрогав свою темную, густую шевелюру. Ей всегда хотелось иметь светлые волосы.

Сердца ребятешек наполнились радостью, братишка им понравился. Так появился на свет Витя, пятый ребенок в семье, перед самым приходом немцев, но он ничего этого не знал. В этот момент никто не думал о войне. Страхи, которые пережили, забылись. Все были переполнены счастьем рождения нового человека.

Но радоваться долго не пришлось. Бомбежки всё учащались. Разве может забыть Ольга, как она тряслась от холода и страха в окопе. Лилия и Валька плакали. Мать прижимала новорожденного младенца к груди, накрывая его собой. Стрельба продолжалась долго. Было жутко, ведь бомба могла угодить в окоп в любой момент. Вдруг наступила подозрительная тишина. Через некоторое время возле окопа раздалась немецкая речь:

- Рус! Ком, ком! - немцы с автоматами приказывали всем выходить.

Так жители Горелово оказались на оккупированной территории...

* * *

Старший брат Ольги, Вильо, в это время жил у своей тети в деревне Кискино, расположенной за Волхонским шоссе, недалеко от Ленинграда. Тетя Соня часто брала к себе племянника или племянницу. Вильо любил гостить у тети. Она напоминала ему маму, такой же разрез глаз, светлые волосы. Он был очень похож на свою тетю. Единственный сын Софии служил в Красной Армии.

Как и все жители деревни, София уходила

каждый день рыть окопы. Тогда ей и пришло страшное известие о гибели сына. Горе сломило ее. Она еле дошла до дома, упала в комнате на колени и зарыдала. Отчаявшаяся женщина плакала и кричала стоя на коленях:

- Боже! Забери меня! Зачем мне теперь жить! Если ты отнял у меня моего мальчика, возьми и меня!

Сбившиеся волосы Софии непослушно спадали на плечи. Вильо пытался ее успокоить, поднять с колен. Но в потускневших от горя серых глазах тети он увидел отрешенность. Она не слышала или не хотела слышать племянника. Лишь на третий день смогли Софию увести на работу, рассчитывая, что там она отвлечется от мрачных мыслей.

*Мать упала на колени!
Похоронка ей пришла.
Молодое поколение.
Сколько смерть их унесла!*

*Боже! Господи, за что же!
Крик, рыданье и мольба.
Ей никто уж не поможет.
Очень страшная судьба.*

*Причитала трое суток.
Ну, зачем теперь ей жить?
Враг не медлит, в мире жутко.
Увели окопы рыть.*

*Горе, голод и работа...
Лишь надежда в ней жила,
Вдруг сын жив, ошибся кто-то.
Вера выжить помогла.*

*Сын пришел, во сне лишь только.
Руки тянет мать в слезах.
«Мам, не плачь, ты знаешь, сколько
Чистых, юных в небесах!» -*

*Так сказал, ввысь улета
И оставив ей печаль.
Мать, молитву вслед читая,
Провожала сына вдаль.*

Немцы стремительно продвигались. Около деревни Кискино шли сильные бои. Во вре-

мя обстрела все жители прятались в большом окопе, вырытом на окраине деревни. Вильо со своим товарищем находился у края окопа. Он ждал, когда стихнет стрельба, чтоб сбежать домой и захватить что-нибудь съестного.

*Деревню Кискино бомбят.
Уже который час подряд
В окопе жители сидят.
Здесь много женщин и ребят.
Они спасались кто в чем мог,
Крича, моля: «Спаси нас, Бог!»
Как трудно детям в страхе жить
Они хотят и есть, и пить.
Остались дома хлеб, вода.
Везде огонь, кругом беда!
В окопе рядом слышим вдруг
Ужасный крик, мой ранен друг,
И нечем мальчику помочь.
Пронзила боль, терпеть невмочь!
Затишье. К дому побегу,
Быть может чем-то, помогу.
Нужны бинты, питье, еда...
Когда закончат бой? Когда?
Корова на земле лежит,
Глядит в глаза, слеза бежит,
Как будто взглядом говорит:
«Зачем народ то зло творит?
За что земля, сады в огне?!
Должны вы, люди, быть умней!»
Ну что животному сказать?
Уж взрывы вновь! Скорей! Бежать!
Я не успел, наш дом горит!!!
Одежда, паспорт, сухари!!!
Назад, в окоп! Совсем пустой!
Стрельба! Ложись! Ползком! Не стой!
Добрался до своих ни с чем,
Зачем старанья все? Зачем?
Все стихло вдруг и тишина...
Вдали чужая речь слышна.
Мы слышим: «Хэндэ хох!» и «Шнэль!»
Видна фашистская шинель.
С окопа вышли, немец гнал.
Что ждет народ? Никто не знал...*

Вильо не успел добежать, дом сгорел со всеми документами, с вещами. Тетя Соня с племянником отправились в сторону горы Тутари в поисках пристанища...

* * *

В Горелово тоже было нелегко. Магазины уже не работали. Запасы заканчивались, так как все средства ушли на стройку. Ели свою картошку, овощи, выращенные в маленьком огороде. Ходили за капустой, которую дети называли «хряпой», на ближайшие поля. Но это надо было делать осторожно, потому что там была надпись: «Кто пойдет – расстрел!» Оставалась одна надежда, на корову. Но почему судьба распорядилась так? Выбор немцев пал именно на их дом. Они увели корову у многодетной семьи. Начался страшный голод.

У матери от переживаний закончилось молоко. Маленькому Вите варили суп-пюре на воде из картошки и капустных листьев. Ребенок слабел с каждым днем. У него не хватало сил плакать, он только пищал, как котенок. Витя умер первым. Его похоронили в маленькой коробочке на Гореловском кладбище.

Мать бродила по дорогам в надежде найти в снегу какое-нибудь околешнее животное, чтобы этим накормить семью. Ольга ходила с полевой сумкой в соседние деревни просить милостыню. Сначала люди что-то давали, кто картошечку даст, кто лепешечку. К вечеру девочка возвращалась с промысла домой уставшая, но кое-что приносила. Вильо, узнав о тяжелом положении своей семьи, вернулся домой и стал, как и Ольга, ходить по деревням. Уходили далеко, потому что около Ленинграда все жили впроголодь. Однажды Ольга каталась по полу от болей в животе, когда не выдержала мучившего ее голода и попробовала кусок прессованного корма для скота, который ей дали в одной деревне.

Веселый подвижный Валька уже не смеялся. Глаза нежного ангелочка Лилии были печальны. Она смотрела на дверь и повторяла:

- Когда же Ольга придет?

Она знала, что сестренка всегда что-нибудь ей принесет. Сначала обессиленные дети ходили на кухню, придерживаясь за стенку, в надежде найти там что-нибудь, поесть. Потом они только лежали на кровати и кричали:

- Кушать! Кушать дайте!

Утром мать сварила суп из «хряпы» на воде.

- Неси брату скорей, - сказала она Ольге, подавая тарелку, - а то он всю ночь просил есть.

Девочка взяла тарелку и направилась к братишке:

- Валька! Вставай кушать. Всю ночь спать не давал.

Мальчик молчал. Ольга потормошила ребенка:

- Вставай, вставай! Чего спишь теперь!

Но братик не просыпался. Девочка вернулась с тарелкой обратно.

- Мама, он спит.

Мать догадалась, почему сын не просыпается. Она подошла к нему и очень быстро вернулась.

- Он уснул навечно, - промолвила женщина и обессилено опустилась на пол...

Вальку похоронили рядом с Витей на том же кладбище.

Ольга тоже очень ослабла. Она решила просить помощи у родственников, которые жили за горой Туутари. Шла долго пешком от деревни к деревне, плутала. Просилась к людям переночевать, ее пускали, даже кормили. Наконец Ольга увидела знакомый дом. Она с трудом поднялась по ступенькам, толкнула дверь, открывающуюся вовнутрь, прошла по коридору, а другую дверь не хватило сил открыть, так как она открывалась наружу.

- Открывайте! - пыталась крикнуть девочка слабым голосом.

- Кто-то там пищит в коридоре, надо посмотреть, - дверь открыла бабушка, ютившаяся в это время у родных, потому что ее дом сгорел. Она так и охнула, увидев внучку:

- Ольга, неужели это ты?

Ее действительно трудно было узнать. Девочка была похожа на маленькую, высокую старушку. Вглядываясь в ее изможденное, грязное лицо, видя ввалившиеся щеки, потускневшие, усталые глаза, сразу можно было представить, что пришлось пережить этому ребенку. Ольгу вымыли, переодели в чистую одежду, накормили, уложили спать на печку.

- Наверно, я в рай попала, - подумала девочка и сразу уснула.

Ольга пожила у родственников две недели, немного окрепла. Варили щи на воде, жидкий овсяный кисель, пекли лепешки из овсяной муки и картофельных очисток. Картошку уже сэкономили. Загостились, пришло время возвращаться домой. Бабушка отправилась провожать внучку. С собой им дали ведерко картошки. Они его положили на санки и отправились в путь.

Когда подходили к дому, вышла соседка:

- А ты чего, Ольга, пришла сюда? Ваших никого уже нет. Лилия умерла, мама умерла. Где Вильо, не знаю. Ушел куда-то.

Дело было к ночи, бабушка с внучкой переночевали, а утром не знали, что делать. Сидели у окна и горевали. Неожиданно они увидели Вильо. Мальчик, заметив родные лица, улыбнулся. Глаза засияли от радости.

- Боже ты мой! Сам уже на мартышку похож, а еще улыбается, - произнесла бабушка прослезившись.

Много горя пришлось пережить, но все были рады этой встрече. Вильо долго рассказывал бабушке и Ольге, что здесь произошло, как ходил в поисках еды в дальние деревни. Когда он вернулся, чтоб покормить маленькую сестренку, Лилия лежала неподвижно. Мальчик простить себе не мог, что не взял сестру с собой. Она уже, конечно, не ходила, но он думал, что надо было положить ее на санки и увезти из этого дома. Мать не вернулась домой, ее люди нашли мертвой на дороге. Вильо, похоронив мачеху и сестренку, отправился бродить по деревням. Но душа его вела опять домой в надежде встретить Ольгу. Вот они и опять вместе.

Вильо, как старший мужчина в семье, принял решение покинуть дом, где их ждала голодная смерть. Он слышал, что в Эстонии нет такого голода, как здесь у Ленинграда. Бабушка, благословив детей, отправилась искать приют у своих родственников.

На следующий день Вильо сварил картошку, дети поели. Оставшуюся картошку и кое-что из одежды они сложили в холщовые мешочки, перекинули их через плечо и отправились в путь. По дороге им встретилась знакомая женщина:

- А вы куда, дети, идете? А знаете, хоть,

где эта Эстония?

- Там, - сказал мальчик, показывая рукой в правильном направлении.

Дети продолжали путь, а женщина смотрела им вслед, покачивая головой. Это был январь тысяча девятьсот сорок второго года.

*Мать варит похлебку из «хряпы»,
И голод везде, и развал...
Не нравится вам этот запах?
А суп ведь от смерти спасал.*

*Мальши не дождался здесь супа,
Остался на веки во сне.
Но первым братишка был трупом,
Прожив всего несколько дней.*

*Как могут держать только ноги
Людей после страшной беды?
Их мать умерла на дороге,
Нигде не достала еды.*

*Сестренка навечно уснула,
И также ушел их отец.
Вдруг мысль в голове промелькнула:
Семье наступает конец!*

*Но, нет, не конец!!! Еще двое!!!
Осталось лишь двое детей!
И дети решили, что стоит
Пуститься им в бурю страстей.*

*Протившись с родными местами,
Детишки отправились в путь.
Шли долго ребята лесами.
Обратно нельзя повернуть!*

Был лютый мороз. Дорога тяжелая. У Ольги тоскливо ныло сердце. Она думала о малышах, хотелось плакать. Слеза потекла по щеке и застыла. Девочка поняла – плакать нельзя. Ольга вспомнила песню и запела, чтоб отвлечься от грустных мыслей. Вильо стал ей подпевать. Они пели о том, как дети идут по пустой дороге, дома не видно, путь предстоит длинный, и только прекрасный ангел их охраняет. Так брат с сестрой шли и пели, от пения становилось легче.

Когда стемнело, они стали проситься на

ночлег. В то время много было нищих и бродяг. Детей впустили в дом. Хозяйка кинула им на пол старое пальто. Путники там и разместились. Поели картошку, взятую из дома, и запили горячим кипятком, который им дали. Ольга уснула сразу, а Вильо не мог заснуть. Он думал о сестре. Мальчик понял, что ей не дойти до Эстонии. Ольга ослабла, дорога трудная, еды нет. Она погибнет в пути, но как ей это сказать, чтоб не обидеть, он не знал.

Утром он все-таки решился поговорить с ней.

- Нет, Ольга, ты не сможешь дойти до Эстонии. Нас двоих никто не возьмет. Иди ты одна к родственникам, обязательно найди бабушку. Может, одну тебя и прокормят.

Ольга сразу согласилась, брату видней, он же старший. Вильо проводил сестренку до конца деревни:

- Давай прощаемся. Может, больше не увидимся.

Дети обнялись и разошлись в разные стороны. Вильо пошел в Эстонию, а Ольга отправилась в сторону Можайской горы искать деревню Пиккола.

Девочка очень устала, пока нашла бабушку. Та со слезами на глазах растирала белые, замерзшие пальчики внучки. Ольгу оставили, отогрели, накормили чем Бог послал и уложили спать. Некоторое время бабушка с внучкой скитались по родственникам, но долго их держать не могли, лишнего куска в этих местах не было ни у кого. Приют они нашли в Гатчине, в конюшне. Там жили люди, оставшиеся без крова. Спали на соломе, обогревались своим дыханием. Люди убирали снег за котелок похлебки. Ольга никогда не сможет забыть, как она обессиленная останавливалась, чтобы передохнуть, а немец бил палкой по котелку, который был к ней привязан, и кричал:

- Арбайтэн!

Бабушка видела, как Ольга тает на глазах. Она поняла, что долго девочка здесь не выдержит. Люди посоветовали ей обратиться в комендатуру, которая подбирала сирот и устраивала в детские дома. Так Ольга попала в детский дом в Гатчине. Бабушка оставила внучку с облегченной душой:

- Ну, Ольга, теперь ты будешь жить! А Вильо, бедный, наверно лежит на обочине доро-

ги. Разве он дошел до Эстонии!

Ольга больше никогда не видела бабушку. В детском доме было лучше, чем в конюшне, но голод мучил всегда. Весной детей отправили в Балтийск, а оттуда в лагерь Клоога.

Ребята в том лагере жили.

Название имел лагерь Клоога.

Сиротками дети те были.

Детишек таких было много.

Здесь голод, и тиф, и чесотка,

И много другой тут заразы,

И ты уж совсем не красотка,

Тебя ведь узнаешь не сразу.

Ах, если б был рядом братишка!

Пайком бы ты с ним поделилась.

Но где твой любимый мальчишка?

В тяжелом пути с ним протислась.

Ребятам так хочется кушать.

Детишкам же надо расти.

Немецкие б речи не слушать,

Но им никуда не уйти.

* * *

Вильо шел от деревни к деревне, вечерами просился на ночлег. Он навсегда запомнил, как фашист швырнул его с лестницы за то, что он посмел попросить у него картофельные очистки. Мальчишка кубарем летел вниз. Он стиснул зубы от боли и обиды, потом встал и пошел вперед, чтобы жить. Когда парнишка дошел до Кингисеппа, на пальцах ног не было ногтей, ноги стерты. Он лежал на снегу, сил не было, потом поднялся и пошел дальше. А впереди тоже были лагеря...

В лагере судьба снова свела ненадолго брата и сестру, но вскоре они расстались. В то время эстонцы частенько искали дешевую рабочую силу в лагерях. Так Вильо попал в батраки к эстонцу. Позже там оказалась и Ольга. Работа была тяжелая, но в этом доме ее хоть откормили. Деревянные колодки и лагерное платье она сменила на обычную обувь и одежду.

Однажды выполняя не интересное, скучное для нее поручение хозяина, она вспомнила, как с гореловскими девчонками разучи-

вала русские частушки, и ей захотелось петь и плясать:

- Встала баба на носок,
А потом на пятку,
Стала русского плясать,
А затем впрысядку...

Настроение поднялось. Ольга пела и приплясывала, забыв обо всем на свете, пока с криками не прибежал хозяин...

*Январь. Ушла от смерти в жуткий холод,
За Ленинградом схоронив родных.
Прошла болезни, лагеря и голод,
Да много горя, мук, невзгод земных.*

*Ты чудом выжила в кошмаре жутком,
Теперь слегка окрепла, ожила
И ловишь жизни каждую минутку.
Минутка радости ведь так мала!*

*Вдали ты, вспомнив чудную частушку,
В задорной пляске запеваешь вслух.
Когда? Откуда в финскую девчушку
Впитался тот веселый русский дух?*

*Жила, росла ты вместе с тем народом,
Резвилась и играла с детворой.
Пришел фашист, отнял у всех свободу...
Вернуться в детство хочется порой.*

*В тот миг забыла обо всем на свете,
Погибших братьев и сестру свою.
В войну взрослеют очень быстро дети,
Но иногда забудутся, поют.*

* * *

После войны у Вильо появилась возможность проезжать мимо Горелово. Ему очень захотелось побывать в тех местах, где жила его семья. Когда мальчик подходил ближе, ноги задрожали от волнения. Дома не было, он был разобран на строительные нужды. На земле валялась маленькая детская кроватка, напоминавшая о прошлой жизни...

*Стоишь у родного порога.
Кругом необычная тишь.
Дрожишь от волненья немного,
Нет стен, потолков и нет крыши.*

*Никто не живет по соседству.
Кроватка лежит в стороне.
В тоске вспоминаешь ты детство.
Увидеть родных бы во сне!!!*

Были тяжелые, долгие годы скитаний по чужим местам. Но все-таки через много лет ветер судьбы вернул Ольгу на родину. А Вильо навсегда остался на чужбине. Иногда он приезжал к сестре в гости. Особенно в старости ему хотелось побывать в родных краях, может быть, в последний раз.

*С годами Родина их тянет,
Чтоб вспомнить близких, помолчать.
К себе земля родная манит,
Как их звала когда-то мать.*

* * *

Ольга стояла на обочине Волхонского шоссе и всматривалась вдаль... Потом проезжая мимо речки Койровка, ей вспомнилась школа в деревне Койрово, куда они с Вильо ходили по Волхонке пешком. Дальше ее путь лежал в Горелово. Каждый год 9 Мая Ольга ездила туда, стояла на берегу реки Дудергофка, на том месте, где был их дом. Затем она шла на Гореловское кладбище и зажигала свечу в память о погибшей семье.

*Дудергофка протекает.
Берег, склон, изгиб крутой.
Мама это место знает.
Только дом стоит чужой.*

*Вспоминается ей детство,
Как жила ее семья.
Память – вот и все наследство...
Постою в тиши с ней я.*

*На кладбище в День Победы
Зажигает мать свечу.
Здесь оставлены все беды...
Дрожь в губах, в слезах молчу.*

*Свечка памяти пусть светит,
И молитва ввысь лети!!!
Вы когда-то были дети,
В небеса ушли пути!*

Валентин ВОРОШИЛОВ

Страсти профессора Назирова

А.А. Назиров

Люди становятся тупыми, когда перестают быть охваченными страстью, - утверждал Гельвеций. Ничто великое в мире не совершается без страсти, - полагал Гегель. А Бердяев считал, что мысль есть страсть.

Живопись, поэзия, философия. Анатолий Эзелевич Назиров - очарованный пленник этих страстей.

Он рисовал маслом портреты своих одноклассников и родных, в тринадцать лет написал поэму, а в шестнадцать увлёкся тайнами пространства и времени. Стал размышлять над тем, какой должна быть теоретическая физика после Альберта Эйнштейна.

Методологический прогноз, предложенный в его студенческой работе «Нестационарность топологии Вселенной», отмеченной дипломом и медалью Всесоюзного конкурса научных студенческих работ 1972 года в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, состоял в следующем: в физике принять принцип нестационарной топологии, а в математике – негомеоморфные преобразования, допускающие взаимосвязь изменяющихся топологических свойств. Защита кандидатской, а затем и докторской диссертаций.

Его избирают действительным членом Петровской академии наук и искусств, Санкт-Петербургской академии истории науки и техники и Академии русской словесности и

изящных искусств имени Г. Р. Державина, а также членом Российского Межрегионального Союза писателей.

Последняя выборная должность вполне закономерна. Его стихи философичны и образны. А рифма, как правило, изысканна. Вот как он пишет о природе: «В зной душа набросить тучу-шалы/ На литые небеса готова»; об осени: «Юная рыжая дама по имени Осень/ Робко стучала рукою в перчатке золотой»; о городском фонаре: «Он плотно закусил куском сырого мрака/ И делится теперь с весёлою зарёй»; о жизни: «И летят дни мои россыпью /И то яд, а то росы пьют...»

Назиров – один из учредителей философско-поэтического альманаха «Эйдос», печатается в писательском журнале «Невский альманах», в 1993 году издает философскую поэму «Заратустра», в которой предпринял смелую попытку переосмыслить и выразить в стихотворной форме одно из сложнейших произведений Ф. Ницше «Так говорил Заратустра». И здесь поэт прибегает к образности:

*Охмуряет небо осень,
Вытекая, как в печи,
Средь угрюмой чащи сосен
Из туманов калачи.
Завлекает вечер чащу,
Заволакивая сном.
Льёт сапфировая чаша
Свет рубиновым вином.
Натянула туча-сватья –
Сны заката горячи –
На рубиновое платье
Плащ агатовой ночи.*

В одной из его поэтических книжек есть стихотворение «Дочери», которое закачивается так:

*Ко мне тогда вернётся счастье,
Когда счастливой будешь ты.*

Ольга Анатольевна, дочь, опубликовала лишь два стихотворения (в детстве, под отцовской редакцией), но любит литературу, преподаёт её в школе. А любовь к философии? Может быть, она перейдёт к внучке - Ксении.

«Философия науки», вышедшая в Санкт-Петербурге в 2004 году - пятая научная книга, написанная Назировым (она переиздавалась трижды). В монографии автор очерчивает ши-

рокий круг проблем современной науки, таких её отраслей, как биология и медицина, физика, логика, математика и техника, исследует соотношение философии и науки в контексте культуры, основания современной физики, рассматривает философию как внутрикультурное явление, а науку как внутрифилософское. Впервые учитывается роль мистики в становлении мышления в культуре, которое проходит этапы: поэтизации, риторики, грамматики, логики и математики. В работе систематизированы методологические концепции формирования научной теории, вскрывается роль неклассической логики и теории топосов (раздел современной математики) в решении проблем современного естествознания.

А за последние десять лет под редакцией А. Э. Назирова было издано шесть сборников научных трудов: «Современные проблемы социальной философии и культурологии», «Контексты культуры», «Поэтика Ницше», «Философия науки: перспективы развития» (выпуски 1-3). Добавим к этому ряд учебных пособий, научные статьи в различных изданиях, в том числе в журнале «Теория и практика сервиса». Весьма интересны и статьи, написанные в соавторстве с О.В. Маслиевой, выполненные на стыке философии, литературоведения и лингвистики: «Метафизика Достоевского», опубликованная в альманахе «Достоевский и мировая культура» (№27, 2010) и «Языковой код современной поэзии» - в «Сборнике трудов тринадцатой конференции АРСИИ им. Г.Р. Державина» (2014).

Внушительны успехи и на поэтическом направлении. В 2001 году в Санкт-Петербурге вышел поэтический сборник А. Э. Назирова «Галерея». В 2014 году в Санкт-Петербурге появилось «Изваянье сновидений», состоящее из ярких и проникновенных стихотворений и поэм автора. В 2011 и 2014 годах в Канаде (и на русском и на английском) выходят три книги Назирова: две книги стихов и третья - поэма «Заратустра». Книга его стихотворений и поэм «Изваянье сновидений» вышла в научном издании Йоркского университета (Торонто, Канада) в переводе И. Жаворонкова, под редакцией профессора Дж. Вудсворта.

И как в далёкой юности, не иссякает поток наград – этих свидетельств признанных успехов Анатолия Эзелевича. От родного вуза – диплом за первое место в конкурсе на лучшее учебное пособие («Человек и его потребности»), почётная грамота – «За плодотворную трудовую деятельность и активную гражданско-патриотическую работу со

студенческой молодёжью»; от Философского общества Санкт-Петербурга – диплом за книгу «Философия науки»; от Академии русской словесности и изящных искусств – орден «Польза честь и слава», медали «За заслуги в культуре и искусстве», «За заслуги в научной деятельности», Ф. М. Достоевского («За красоту, гуманизм и справедливость») и диплом «За вклад в русскую поэзию»...

Назирова не забывает свою малую Родину – Красноуральск. «Рдеют городские перелески листьями, впитавшими металл», - пишет он о городе красного уральского металла. В последний раз он был здесь 14 июля 2014 года: в библиотеке Дворца культуры «Металлург» встретился с участниками местного поэтического клуба «Вдохновение». Собранным Назирова представила Надежда Петранцева – с детства жили на одной улице и учились в красноуральской школе № 7.

Нельзя не сказать добрые слова о характере Анатолия Эзелевича. Он – коммуникабелен, любит пошутить и с преподавателями, и со студентами.

Он бескорыстен и охотно помогает людям. Так, аспиранту кафедры А.Н. Пекарскому выделял деньги из собственной зарплаты на оплату коммерческого обучения. Или помог доценту Е. Н. Касьяновой в связи с рождением ребёнка. На свои средства устраивает фуршеты для участников межвузовских научных «круглых столов», которые любит организовывать для обсуждения актуальных проблем современной философии науки.

Он верен своему коллективу. Два года назад по недоразумению был уволен с должности заведующего кафедрой философии (уехал читать лекции в Израиль в университете Тель-Авива, согласовав свою командировку с проректором, но не известил ректора). Назиров мог бы уйти в другой вуз, но остался работать на четверть ставки профессора. И даже приобретенный им для кафедры вместительный холодильник не забрал домой. Только через год справедливость восторжествовала, и Анатолий Эзелевич вновь возглавил кафедру.

...От интенсивной научной и поэтической деятельности Назирова не отвлекает спорт: настольный теннис и шахматы.

Первого мая Назирову - шестьдесят пять. Свой юбилей он встречает с юношеским оптимизмом, полный планов и энергии по реализации этих планов. Новые стихи и новые научные философские изыскания. Профессор по-прежнему в плену своих страстей. И это прекрасно!

Елена САКС

Русский инженер предсказал гибель «Титаника»

Кавалер ордена Св. Анны и Св. Станислава, приговорённый к каторге и помилованный самим Николаем II со словами: «Нам талантливые люди нужны»; «смертник», чьё имя Сталин лично внёс в список лауреатов Государственной Сталинской премии; убеждённый демократ и «враг народа», занимавший высокие посты при коммунистах; человек, предсказавший гибель «Непотопляемого» и начало Второй Мировой Войны после заключения знаменитого Пакта о ненападении; крупный учёный, чьё имя почти незнакомо соотечественникам...

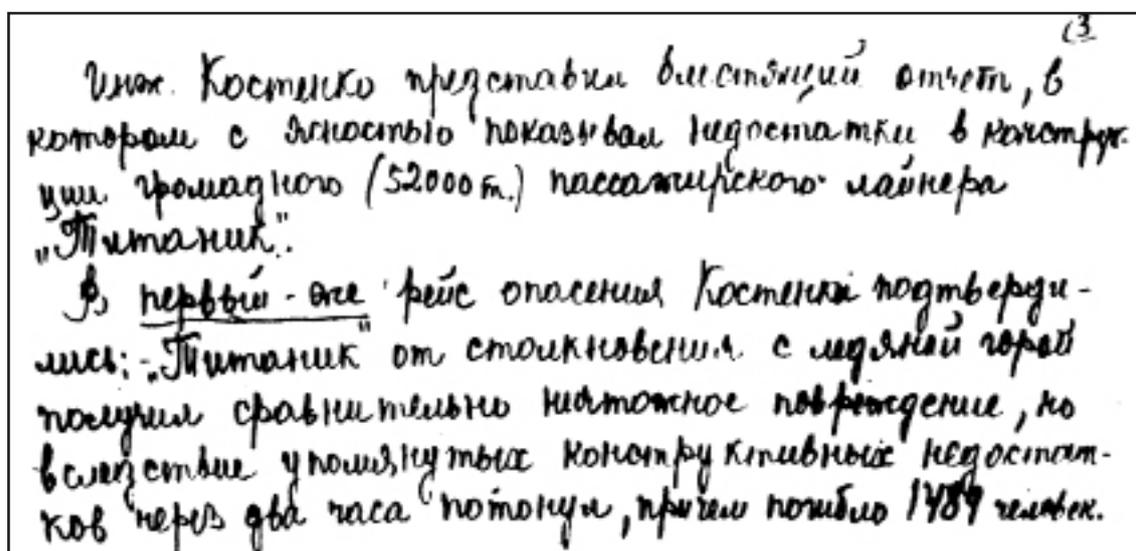
В рассказе кораблестроителя Василия Ивановича Якушева, достойного ученика этого легендарного человека, шла речь не о гадании на кофейной гуще, а о научно обоснованном прогнозе как следствии дара инженерного предвидения и уникальной эрудиции — об одном лишь эпизоде его выдающейся судьбы.

Итак...

Корабельный инженер Владимир Полиевктович Костенко родился под Полтавой 8 сентября 1881 года в семье врача и учительницы. В 1904 году с золотой медалью закончив Морское инженерное училище в Кронштадте, Владимир был произведён в младшие помощники судостроителя, а затем назначен кора-

бельным инженером на броненосец «Орёл», вместе с которым он попал в плен во время Русско-Японской войны. Уникальные записи В.П. Костенко о Цусимском сражении были впервые опубликованы флагманским артиллеристом Манильской эскадры флота США Р.Уайтом в журнале Морской академии «Протоколы Военно-Морского Института Соединённых Штатов» (апрель 1906), а позднее — в книге В.П. Костенко «На “Орле” в Цусиме». Известный английский историк Д. Вествуд назвал этот труд “непревзойденным исследованием (Цусимского) сражения” (“Свидетели Цусимы”, 1970).

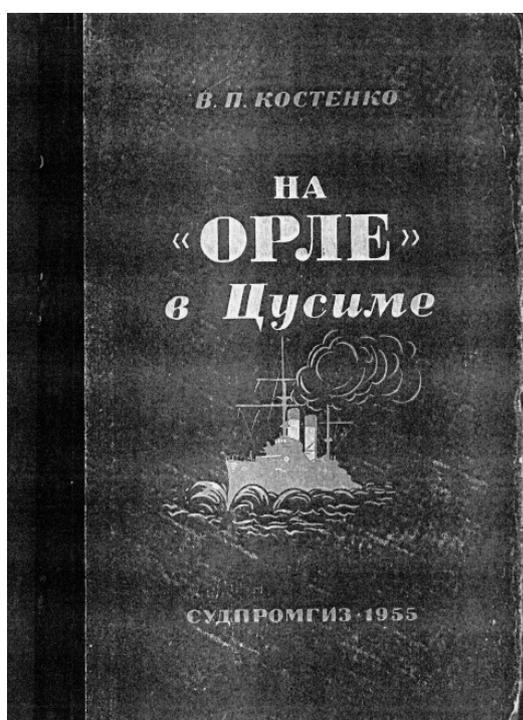
В июле 1907 года В.П. Костенко командировали в Барроу (Англия) наблюдающим за постройкой броненосного крейсера «Рюрик» на фирму Виккерс. В 1909 году, за три года до рокового рейса «Титаника», состоялась вторая командировка В.П. Костенко в Англию в качестве младшего руководителя практики слушателей Морской Академии. Ознакомившись с чертежами и деревянными моделями «трансатлантиков» «Титаник» и «Олимпик», он указал Председателю совета директоров-распорядителей верфи «Харлэнд энд Вулф» Александру Карлэйлу на грубые ошибки в системе непотопляемости этих гигантов: по-

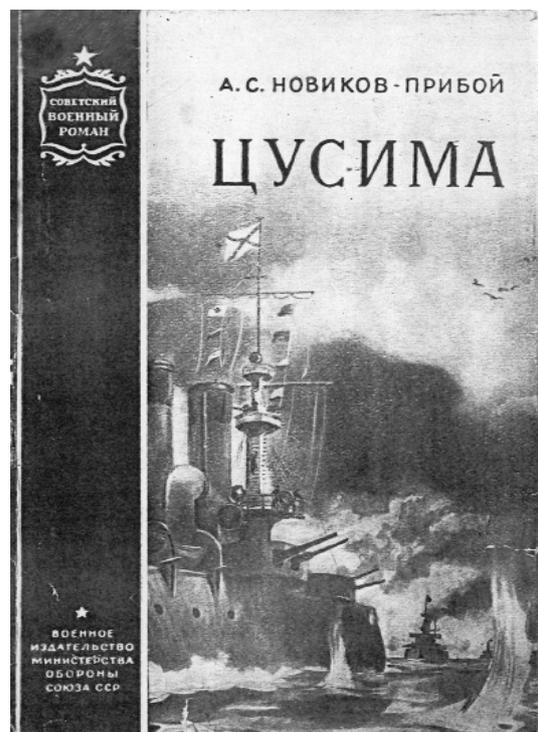
Академик Крылов о Титанике (Архив РАН)

перечные переборки не были доведены до водонепроницаемой палубы, все палубы прорезались широкими сходами и люками, а внутреннее дно было проникаемым. «Поймите, - убеждал Костенко, - одна небольшая пробоина — и «Титаника» не станет!» Но «продвинутые» англичане проигнорировали мнение «русских теоретиков»...

Грандиозная кинолента Д. Камерона достоверно отражает механизм катастрофы. Понятно, что никакая конструкция не могла спасти корабль от аварии, однако её исход мог быть иным. И это уже тогда подтверждала практика российского военного судостроения: например, броненосец «Орёл», на котором после Цусимского боя не осталось живого места,

уцелел благодаря применённой В.П. Костенко «Теории непотопляемости», разработанной всемирно известным учёным, одним из основоположников классической теории кораблестроения, академиком АН СССР Алексеем Николаевичем Крыловым. «Инженер Костенко, — пишет А.Н. Крылов, — представил блестящий отчёт, в котором с ясностью показывал недостатки в конструкции громадного... пассажирского лайнера «Титаник». В первый же рейс опасения Костенко подтвердились: «Титаник» от столкновения с ледяной горой получил сравнительно ничтожное повреждение, но вследствие упомянутых конструк-

тивных недостатков через два часа потонул». (Архивы РАН).

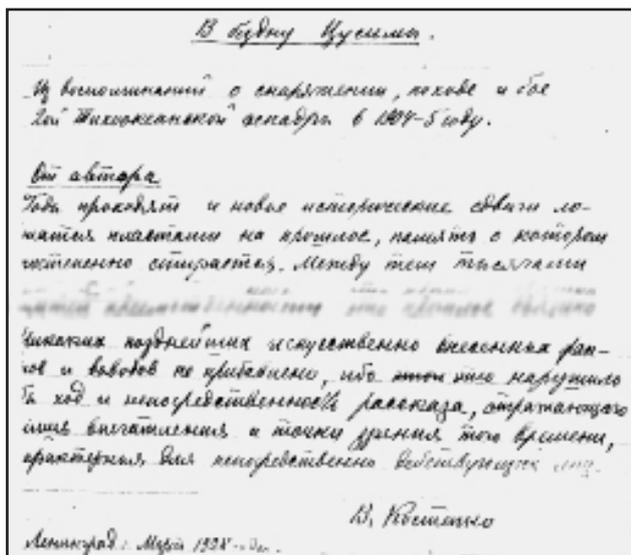
Вклад В.П. Костенко в отечественное и мировое судостроение и российскую оборонную промышленность неоценим. Только за 1912—17 гг. им было спроектировано и построено более 150 кораблей и судов. Он был первым строителем первого в мире подводного минного заградителя «Краб» по проекту М.П. Налётова, а в 30-х — главным разработчиком судостроительных заводов в Комсомольске-на-Амуре и Северодвинске. Проект завода на Амуре опередил практику проектирования и строительства судостроительных предприятий Японии, Западной Европы и США на 30 лет, а его выбор площадки для Северодвинского завода повлиял на ход Великой Отечественной войны.

Первые залпы Цусимского сражения.
Рис. В. Костенко

Бой за «Цусиму» или История рукописи о Цусимском сражении

«Рукописи не горят»? Смотря какие. Великие рукописи не горят просто потому, что всегда найдутся люди, которые их спасут и сохраняют для потомков.

Рукопись В. Костенко

Имя этого человека однажды уже упоминалось в газете «Русь» (№3-2000) в связи с предысторией гибели легендарного «Титаника». Тема данного рассказа историко-литературная. Речь пойдет о том, как дошла до нас правда о Цусимском сражении и об истинном авторстве знаменитой эпопеи «Цусима». Владимир Полиевктович Костенко, единственный корабельный инженер, выживший в Цусимском бою, оставил уникальную летопись печально известной Тихоокеанской кампании 2-й русской эскадры в Русско-Японской войне – летопись, вошедшую в основу известного романа, в котором он сам выведен под именем инженера Васильева. Этого героя полюбили читатели и, как пишет автор, без него роман бы не состоялся.

Но прежде чем коснуться драматических фактов «биографии» рукописи - немного о личности ее автора.

Талантливый инженер-кораблестроитель, ученый, которого высоко ценил академик А.Н.Крылов, В.П.Костенко был, кроме того, человеком светским и пользовался большим успехом в обществе. Это был интересный со-

беседник, эрудит, и, кроме того, блестящий рассказчик. Костенко обладал хорошим литературным слогом, говорил очень увлекательно и по существу. Недаром в революционных кругах он носил подпольную кличку Цицерон, а друзья звали его Иоанном Златоустом. Получивший прекрасное образование, Владимир Полиевктович владел несколькими иностранными языками, свободно знал поэзию Золотого века, любил Есенина, играл на рояле, великолепно рисовал. (Схемы и рисунки, ясно иллюстрирующие исходное построение эскадры, развитие боя и повреждения кораблей делали цусимские дневники Костенко особенно ценным историческим документом.) В тетрадах, исписанных и «разрисованных» им в заключении в Петропавловской крепости, имеется обширный список философской, духовной, научно-технической, художественной литературы на русском, английском, французском, немецком языках, которая по его просьбе доставлялась в камеру. Поражает скорость, с какой она были прочитана.

О том, что Костенко был человеком не чисто логического, «понятийного» склада, но образного, и даже поэтического мироощущения, говорят хотя бы его дневниковые записи, сделанные по пути из Японского плена и впервые опубликованные только в 2000 году. Возвращаться пришлось через США, Великобританию, Францию, Швейцарию и Австро-Венгрию. В своих путевых заметках он оставил красочные описания природных достопримечательностей, меткие и непосредственные замечания о картинных галереях, театрах, научных и художественных выставках, которые по возможности посещал. Бытовые подробности, впечатления от экономической, социальной, политической и культурной атмосферы складываются в достаточно полную картину мест и событий. И все это – помимо темы судостроения, непосредственно интересовавшей Владимира Полиевктовича. Кстати, литературные способности Костенко унаследовала его дочь Наталья Владимировна, чьи лаконичные и содержательные воспоминания

об отце были опубликованы без дополнительного редактирования.

Судьба дневников В.П.Костенко была трудной и захватывающей.

Первые цусимские заметки появились в форме писем домой и тетрадей. Впервые они были кратко опубликованы с разрешения Костенко в апреле 1906 года в США флагманским артиллеристом Манильской эскадры флота США Робертом Уайтом под заглавием «С русской эскадрой у Цусимы». (Журнал Морской академии «Протоколы Военно-Морского Института Соединенных Штатов».) Подписал статью сам Р.Уайт.

Огласке дневников Костенко мешала его политическая активность. Костенко принадлежал к элитной военной группе социал-революционеров (Вера Фигнер, Полн. Собр. Соч., М., 1932г., т.III, гл.23), дружил с известным народовольцем Русселем (Судзиловским). Его дневники являлись доказательством того, что главной причиной поражения русской эскадры стало не техническое несовершенство русских кораблей, но ошибочная тактика царского командования, точнее - адмирала З.П.Рожественского. Вот почему адмирал не был заинтересован в появлении «главного свидетеля» и дневников в России и, припомнив ему дружбу с Русселем, Рожественский «посоветовал» Костенко не показываться на родине. В своих воспоминаниях Костенко пишет, как Руссель предостерегал его о возможном аресте рукописи при въезде в Россию, как в Швейцарии литератор Лазарев предложил ему оставить у себя на сохранение копию дневников и как удалось провезти бумагу через российскую таможню. В 1906 году начальник Морского Технического комитета генерал-лейтенант С.К.Ратник, оценивший важность наблюдений инженера Костенко для флота России, поставил его доклад о причинах разгрома русской эскадры для публичного заслушивания всем руководящим и командным составом и судостроительным руководством флота в Главном Морском Штабе. Кроме Костенко некому было ответить на вопрос, в какой мере технические недостатки русских кораблей могли быть признаны основной причиной поражения эскадры.

Отец Костенко, земский врач Полиевкт Иванович, систематизировал письма и дневники сына и в 1906 году оформил их в солид-

ный самиздатовский двухтомник, однако цензура того времени не допустила его к печати. В 1918 году рукопись начали публиковать в «Вестнике Южных дорог» под заглавием «От Кронштадта до Цусимы. На броненосце «Орел» во второй Тихоокеанской эскадре». Но вскоре «Вестник» прекратил свое существование.

Определенно, рукописям Костенко не везло. В 1928 году его исторические мемуары были уже отрецензированы и готовы к печати под названием «В бездну Цусимы. Воспоминания моряка В.П.Костенко». (Каталог Московского товарищества писателей.) Но автора арестовали и приговорили к расстрелу в июле следующего года. На свидании с женой, чувствуя безнадежность своего положения, он дал устное согласие на продажу рукописи А.С.Новикову-Прибою. Ксения Александровна, будучи в тяжелом материальном положении с малолетним сыном на руках, воспользовалась

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

О Толстом — современники.

Валерий Брюсов — Автобиографические записки, письма, воспоминания современников и отзывы критики. Составил Н. Ашукин.

И. Гершензон — Роман А. И. Герцена с Н. А. Огаревым.

И. Гершензон — Роман Н. П. Огарева с Мари Сетерленд.

И. Гершензон — Роман дочери Герцена Анны с Шарлоттой Астурио.

Н. Беллюсов — Литературная Москва. Воспоминания.

В. Костенко — В бездну Цусимы. Воспоминания моряка.

С. Обручев — На Персею по полярным морям. Очерки путешествий.

С. Сергеев-Целский — Печаль полей. Повести.

— Орел и решка. Повести.

— Донная мина. Повести.

— Бабаев. Роман.

И. Рукавишников — Проклятый род. Роман с вступительной статьей П. С. Когана.

Ф. Каминин — Судьба моей жены. Роман.

выгодным предложением Новикова-Прибоя. Так Костенко лишился авторских прав на эту рукопись. Однако ни Новиков-Прибой, ни Ксения Александровна не знали, что отец Владимира Полиевктовича, которого после ареста сына лишили пенсии, в 1929 году тайно сдал дубликат рукописи в Белгородский краеведческий музей. Узнав об этом, Новиков-Прибой приезжал в Белгород, проверял подлинность материалов и тщетно просил отдать их ему.

До исторической эпопеи «Цусима» (1932-35гг.) и до использования материалов Костенко у А.С. Новикова-Прибоя в 1931 году вышла небольшая книга собственных воспоминаний о Цусиме под названием «Бегство». Новиков-Прибой служил на «Орле» баталером, был другом и боевым товарищем Костенко, участником революционной организации на корабле. Интересно, что Костенко сам вдохновлял Новикова-Прибоя на написание фундаментальной книги о Цусимском сражении, но молодому писателю не хватало материала, многое было утеряно. Роман «Цусима» прославил Алексея Силыча и по праву считается лучшим его произведением. Но Владимир Полиевтович никогда не упрекал Новикова-Прибоя, поскольку одно упоминание имени опального Костенко могло погубить это уникальное историческое свидетельство. С Новиковым-Прибоем у Костенко сохранились ровные, дружеские отношения, он часто бывал в его доме в Москве, где, кстати, познакомился со своей третьей женой, вдовой писателя П.Ширяева Татьяной Николаевной Кокушкиной.

После освобождения, в 1936 году Костенко пытался издать свои мемуары под новым названием – «Последняя ставка». Были опубликованы 1-я и 2-я части в журнале «Новый мир», а в 1937 г. – отрывки из 3-й части в журнале «Краснофлотец». А.С. Новиков-Прибой писал Костенко, что он в восторге от статей в «Новом мире». И вновь дальнейшая публикация была прекращена, на сей раз - по непонятным причинам.

В 1940 году Костенко договорился об издании своей книги в полном объеме в новом Военно-морском издательстве. Но... в начале 1941 года он был в третий раз арестован и отправлен в Златоустовскую тюрьму. Квартира инженера была опечатана НКВД. Началась Великая Отечественная.

... Во время блокады в Ленинграде за сохранность имущества поручиться никто не мог - бомбежки, мародерство. Архив Костенко, его научные работы и неопубликованный рукописный текст 1928г. могли запросто пойти на растопку... И вот вечером, несмотря на воздушную тревогу и попытки родственников отговорить ее от рискованного шага, дочь Костенко Наталья вскрывает опечатанный кабинет отца. Дождавшись конца бомбежки, она собирает рукописные труды и ночью по талому Невскому льду на санках перевозит архив

в свой дом. В июле 1942 года Райфинотдел дознался, что Наталья скрыла сведения об аресте отца и незаконно проникла в его квартиру. Против нее было возбуждено уголовное дело. Спасло ее только неожиданное освобождение и приезд отца прямо в зал суда.

В сентябре 1942 года В.П.Костенко с Натальей предстояло на военном самолете эвакуироваться в Омск. Разрешено было взять с собой всего по 16 кг багажа. Костенко, истощенный и больной, взял с собой только рукописи, на возражения дочери отвечая, что без них ему «лучше совсем не жить».

В 1955 году, будучи уже тяжело больным, несмотря на запреты врачей, В.П.Костенко сам редактировал первое издание своей книги. Вышла она с небольшими сокращениями всего за несколько недель до его смерти, в конце 1955 года, в издательстве «Судпромгиз» под названием «На «Орле» в Цусиме». Известный английский историк Д. Вествуд назвал эту книгу «непревзойденным техническим исследованием сражения». («Свидетели Цусимы», 1970.) Перед выходом этой книги к Костенко приезжала вдова А.С. Новикова-Прибоя, Мария Людвиговна, и просила отказаться от публикации, так как сходство двух произведений было бы слишком очевидным. Вместе с тем еще в 1934 году сам Новиков-Прибой горячо рекомендовал некоему издательству опубликовать книгу Костенко и даже выразил желание написать к ней предисловие.

Вот уже много лет близких В.П.Костенко, его последователей и учеников тревожит вопрос правомочности и степень заимствования его материалов Новиковым-Прибоем. Продажа рукописи - фактически семейной реликвии - в 1928 году была воспринята родственниками очень болезненно. О.И.Осыкова, литературовед из Белгорода, защищала диссертацию по проблеме типизации в романе Новикова-Прибоя «Цусима». (Материалы научно-методической конференции», Белгород, 1970.) Проведя сравнительный анализ материалов Костенко и текста романа Новикова-Прибоя, Ольга Ивановна пришла к выводу, что, наряду с его собственным и частично переработанным текстом Владимира Полиевтовича, «в романе есть полное заимствование из книги Костенко». В настоящее время многие выступают за то, чтобы восстановить историческую справедливость, т.е. чтобы при переиздании книги «Цусима» значилось две

фамилии. Родственники Новикова-Прибоя против такого двойного авторства. Их нужно понять. Алексей Силыч приобрел авторские права на рукопись на законных основаниях; при создании первой книги и последовавших изданий им была проведена большая исследовательская и литературная работа; наконец, книга нашла своих читателей. Когда это стало возможным, в более поздних изданиях «Цусимы» Новиков-Прибой благодарил Костенко за огромный вклад в создание романа. Другое дело – крайние обстоятельства, вынудившие Костенко отдать буквально часть своей жизни. Наверное, самым правильным будет, без обид и обвинений опубликовать собственный труд героя Цусимы, плод почти полувековой работы, а там, как говорил Владимир Полиевктович, «пусть читатель сам разбирается, кто с кого списывал».

Материалы из семейного архива В.П.Костенко. Некоторые материалы публикуются впервые.

Главная женщина инженера Костенко

*Памяти удивительной женщины,
красивого и доброго человека -
Натальи Владимировны Костенко*

Сама Наталья Владимировна, дочь Владимира Полиевктовича, никогда бы так о себе не сказала по причине редкой скромности, но это правда. В жизни Владимира Костенко, в судьбе его научного наследия, она сыграла, пожалуй, главную роль.

Меня покорила та откровенность и непосредственность, добрый юмор, с какими она рассказывала о невероятных событиях жизни своей семьи. Такую роскошь может позволить себе только человек с чистой душой.

Настоящее интервью - это продолжение серии публикаций о кораблестроителе Владимире Костенко («Русский инженер предсказал гибель «Титаника» и «Бой за "Цусиму" или история рукописи о Цусимском сражении»).

Интервью публикуется впервые, хотя записано оно было более десяти лет назад. В данной беседе меня чисто по-женски интере-

*Н.В. Костенко
с фотопортретом
отца*

совала семейная жизнь Владимира Полиевктовича, а порой - самые прозаические бытовые моменты... Позднее мне показалось, что для публикации в данной статье слишком много личного, сокровенного. Но с другой стороны, оно являет нам образец чистых до самоотвержения отношений близких людей.

- Наталья Владимировна, влияет ли личная жизнь на деятельность такого крупного ученого, каким был ваш отец?

- Личная жизнь, точнее, жена играет колоссальную роль в судьбе учёного. Дети - в меньшей степени. Когда я обижалась, что папа так мало уделяет нам внимания, он говорил: «Детьми должна заниматься жена, а если я окунусь в бытовую жизнь, я не смогу решать крупные научные проблемы».

- А жены, их ведь было три, не так ли? Они не обижались на недостаток внимания?

- Вы знаете, нет. Во-первых, они были людьми другого поколения. Они понимали, что для мужчины важна работа. И потом, папа был чрезвычайно деликатным человеком, очень мягким, и в быту, и по отношению к женщине. Интересный момент был в нашей семье. Мы, дети, между собой иногда ссорились. Папа как-то шёл мимо нашей комнаты из кабинета и увидел, что мы дерёмся. Миша стал оправдываться, мол, это девчонки виноваты. Папа взял брата за руку и сказал: «Миша, запомни на всю жизнь: ты мальчик, будущий мужчина. Ни при каких обстоятельствах ты не имеешь права обидеть женщину. Нет тебе ни-

*Наталья
Костенко*

какого оправдания». И наказал его – посадил в кладовку. Кладовка была тёмная, нам стало жалко брата. Мы с сестрой Лёлей (Еленой Владимировной Костенко - Е.С.) потихоньку пробрались к кладовке и зовем Мишу. Молчание. Снова зовем: «Мишенька!». Ответа нет. «Мишенька, тебе здесь очень страшно?» А он: «Идите к чёрту!» Я на всю жизнь запомнила, как папа сумел деликатно объяснить, что даже если девочка не права, нужно отойти, доказать свою правоту каким-то другим способом, а не распускать руки.

- Скажите, отец был светским человеком или человеком науки, таким «учёным сухарём»?

- Он всегда пользовался большим успехом в обществе, потому что был очень интересным собеседником. Как рассказывала жена папиного брата, Михаила Полиевктovichа, Академика, как мы его называем, когда папа что-нибудь рассказывал, то все замолкали и слушали. Кроме того, он прекрасно играл на рояле, знал несколько иностранных языков, великолепно рисовал, блестяще знал поэзию Золотого века.

- Из поэтов кого-то особенно любил?

- Да, он любил поэзию Есенина, Блока. Из прозаиков - Чехова.

- Наверное, у женщин Владимир Полиевктovich пользовался успехом?

- Действительно, он был внешне очень привлекателен.

- Судя по фотографиям, импозантный был мужчина, одет с иголочки. Интересно, ему покупали костюмы или шили на заказ?

- У папы была нестандартная фигура - он

был невысокого роста, поэтому для него одежду шили специально.

- Не было ли какого-нибудь необычного поступка, когда женщина необычайно помогла вашему отцу в его деятельности?

- Да, и этим человеком была первая супруга, моя мама, Софья Михайловна Волкова. Пожалуй, вся её жизнь была посвящена ему и его идеям. Дочь статского советника, бывшего предводителя дворянства Старо-Оскольского уезда Михаила Федоровича Волкова, она закончила Смольнинский институт, затем историко-философский факультет при женских Бестужевских курсах. Интересовалась политикой. Отец принадлежал к военноморской организации левых эсеров, а мама, по некоторым данным, - к партии меньшевиков.

- То есть ваша мама была очень передовой женщиной, пожалуй, даже не только для того, но и для сегодняшнего времени.

- Вы знаете, папа неоднократно просил её руки, но мама отказывала, говорила, что ей сначала надо получить высшее образование, а потом идти замуж.

- Совсем как в наши дни!

- Да, но когда 1910 году за революционную деятельность его приговорили к каторге, она сразу согласилась на брак. Между прочим, на руку и сердце папы была ещё одна «соискательница» - некая революционерка Соловьева, она была влюблена в папу и под видом невесты приходила к нему на свидание

*Владимир
Костенко
с отцом
Полиевкт
Ивановичем*

Метрическая запись о женитьбе В.П. Костенко

в Петропавловскую крепость. Надзиратели еще шутили, что вот, мол, очередная невеста к Костенко пожаловала. И, кстати, после приговора суда, папа задумался, на ком же ему жениться. Видимо, он считал, что Соловьёва была человеком более приспособленным к суровым условиям ссылки. Дедушка был против женитьбы на Соловьёвой и специально приехал из Белгорода, чтобы повлиять на неё.

- Я слышала, что ваши родители венчались в Петропавловской крепости, в церкви

Дома предварительного заключения. Это правда?

- Совершенно верно. Церковь в Петропавловке предназначалась для царственных особ. А для заключённых существовала церковь при Доме предварительного заключения, на третьем этаже. 27 июля 1911 года папу на черной карете вывезли в Дом предварительного заключения, а мама как свободная гражданка пришла туда с дедушкой для церемонии бракосочетания. Судебная коллегия осудила папу на шесть лет каторги, и мама была готова, как декабристка, ехать за ним. Но благодаря ходатайству А.Н. Крылова и морского министра И.К. Григоровича, благодаря военным и инженерным заслугам отца, Николай II даровал ему помилование, правда, с лишением военных прав, поэтому поступить в Военно-Морскую Академию при Политехническом институте он не смог. Тогда Григорович и Крылов направили его на Николаевские коммерческие заводы, поскольку оставаться в Петербурге на государственной военно-морской работе папе не разрешили. В Николаеве он

Время.	Название книги	Автор	Цена в р.
<u>Дом Предварительного Заключения. 8-22 апр. 1910г.</u>			
8-16 апр.	La dame de Monsoreau	Dumas	760р.
8-14 апр.	Популярная астрономия	Клишиардон	120р.
14-17 апр.	16 лет в Сибири	Дейч	190р.
16-20 апр.	Madame Bovary	Justave Flaubert	470р.
17-22 апр.	Без дома	Сенкевич	306р.
20-21 апр.	Принцесса Мален	Метерлинк	120р.
21-22 апр.	Жизнь жизни	Кнут Ташеу	135р.
<u>Петропавловская крепость, Трубецкой бастион.</u>			
23-26 апр.	Трубецкой Государственный строй Англии	Слоу	268р.
26-4 мая	Waverley	Sir Walter Scott	760р.
26 апр-6 июня	Общественная астрономия	Хандрикова	546р.
28 апр-20 мая	Политическая история франц. революции	Слоу	867р.
5 мая-7 мая	La fille Elisa	Edmond de Sencourt	221р.
7-11 мая	Fair maid of Perth	Sir Walter Scott	393р.
12-23 мая	The fortunes of Nigel	Sir Walter Scott	510р.
20-23 мая	Очерки философии права	Петражицкий	138р.
24 мая 10 июня	Современный капитализм	Зайбарг т I	624р.

Книги, прочитанные В. Костенко в Трубецком бастионе Петропавловской крепости

стал главным инженером всех коммерческих судостроительных предприятий под общим названием «Судостроительная контора». Все броненосное строительство в Николаеве шло за подписью отца. Потом началась революция. Папа тогда активно занимался политической деятельностью, имел подпольную кличку «Цицерон».

- Расскажите об этом подробнее.

- Дело в том, что он нам тогда об этом не рассказывал. О политической деятельности отца мы знаем только из официальных источников. О нём, в частности, пишет знаменитая революционерка Вера Фигнер. Известно, что отец вышел из партии эсеров до 1917 года и с тех пор оставался беспартийным, целиком ушел в практическую работу на заводе, в изобретательство. Хотя его дядя Михаил Полиевктович - доцент, позднее академик - угро-варивал его бросить это опасное, связанное с арестами дело и заняться наукой, преподаванием. В Николаеве папу вскоре избрали городским главой, а так как город переходил из рук в руки петлюровцев, красных, белых, то как городского главу все они по очереди его сажали. Я помню, как меня девочкой приводили на свидание с ним в тюрьму. Судьба мамы тогда была очень тяжелой. Когда начался голод, мама организовывала помощь нуждающимся.

- Гуманитарную помощь, как это теперь называется.

- Да. После смерти мамы отец получил письмо-соболезнование, в котором маму благодарят за самоотверженную заботу о рабочих заводах. Письмо подписали 149 человек. Мама умерла в 1920 году от скоротечной чахотки. Отец вышел из тюрьмы всего за неделю до её смерти.

- Кто заботился о вас после смерти мамы?

- Няня Мария Евграфовна Журавлёва. До последних дней её жизни мы относились к ней, как к родной матери.

- Прочитав несколько страниц из переписки ваших родителей до свадьбы, я была поражена той целомудренностью и чистотой их отношений. То, о чём писали друг другу эти влюблённые, какую полемику они вели, сейчас кажется невыносимым. Для иллюстрации всего одна цитата из письма

мамы в авторской редакции: «Родной мой, голубонько любимый, ты указываешь в своих письмах на сходство, кот. между нами есть и придаёшь оч. малое значение различию; я же указываю, что и различие между нами велико. Мне кажется, что главная разница заключается во взгляде на значение экономического фактора в развитии истории; отсюда вытекает взгляд на значен. личности в истории и, мне кажется, также отчасти на аграрный вопрос...»! Правда, ваш отец больше говорит о чувствах, нежели о политике и экономических проблемах России, и просит её быть внимательнее к нему, откровеннее. Наталья Владимировна, как вы, дети, реагировали на вторичную женитьбу отца на Ксении Александровне Меранвиль де Сент-Клер?

- Откровенно говоря, Михаил ненавидел мачеху. У неё был свой ребенок, наш сводный брат Александр, Адик, и нами она совершенно не занималась, мы росли как трава в поле. С нами жила сестра Ксении Александровны, Елизавета, и поскольку с математикой у неё всё было в порядке, в отличие от Ксении Александровны, то деньгами распоряжалась она и фактически была экономкой в семье, и единственный способ экономии отражался на нашей детской еде.

- Отец всех вас материально обеспечивал?

- Да. Он занимал высокие должности, кстати, не будучи членом партии. В 1922 году он стал начальником Управления промышленности Высшего совета народного хозяйства Украины. А в 1924 году председатель ВСНХ СССР Дзержинский перевёл папу из Харькова в Питер на должность члена правления по технической части «Судотреста». В 1928 году он стал заместителем управляющего и председателем технического совета ленинградского Судопроекта. Отец имел высокий оклад. Несмотря на то, что наш дядя был доцентом, папа получал втрое больше него - 600 рублей. Но тем не менее, даже в школе обращали внимание на то, как бедно мы одеты. В школе я устроилась помогать в столовой, за что мне с сестрой давали бесплатные обеды.

- А что же отец?

- Он много работал, а мы никогда не жаловались. И потом, он любил её. Она была очень

хороша собой, играла в самодеятельном театре. Есть фотография Ксении Александровны в роли гоголевской мачехи. Для нас такой она была и в жизни. Когда в 1941 году папу арестовали по делу Судотреста, он сказал своему другу Андрею Григорьевичу Яцевичу, архитектору и известному пушкинисту (он был одиноким вдовцом): «Андрей, если вы почувствуете, что я невозвратим - женитесь на Ксении и никогда ее не оставляйте». Так и случилось. Боясь принудительной эвакуации как жены арестованного, - а из Ленинграда никто не хотел уезжать, никто не верил, что наступит такое страшное время, - она стала фактической женой Яцевича и прописалась в его коммунальной квартире. Но жить продолжали в квартире Костенко. Ксения Александровна умерла у меня на руках во время Блокады. А перед смертью сказала: «Я умираю, а всё-таки я красивая».

- В какой-то степени арест спас отца от голодной смерти в Блокаду?

- Если бы отец был в Ленинграде, он не допустил бы такого положения и спас бы семью... Писать открыто за пределы города о смерти ленинградцев тогда не разрешалось, поэтому я отправила отцу телеграмму: «Ксения, Андрей, Лиза уехали к Александру». (Адик умер от тифа в 1930 году.) Получив это известие, папа рыдал...

- Как вы думаете, Ксения Александровна по-своему любила отца?

- Да, конечно. Когда папу в очередной раз арестовали, она носила ему передачи, писала Сталину письма с просьбой освободить отца. Но она была сложным человеком. После освобождения из Соловецкого лагеря отец хотел забрать нас от дяди Миши, но мачеха поставила отцу ультиматум: «Или я или твои дети». Её ошибка была в том, что она вышла замуж за человека с тремя детьми.

- Скажите, откуда у вашей мачехи фамилия Меранвиль де Сент-Клер? Она французженка по происхождению?

- Её родители были французскими евреями, жили в Белгороде. Ксения Александровна была двенадцатым ребёнком в семье. Она, её сестра Лиза и брат Андрей учились в той же Белгородской классической гимназии, что и папа. Отец закончил гимназию блестяще, а брат Ксении Александровны наоборот.

Елизавета также получила золотую медаль и два-три года учила Мишу, будущего членкора Российской академии наук, математике и русскому языку, готовила его к школе. Тогда время было тяжелое, Миша не смог сразу поступить в школу. Тётя Лиза была женой профессора Хованского в Харькове. Удивительно, что Ксения Александровна даже не знала таблицу умножения и очень беспокоилась, чтобы Адик не унаследовал её математические «неспособности». Зато она обладала хорошим литературным слогом. Вместе с Андреем Яцевичем они начали писать книгу пьес о Грибоедове.

- По-французски она говорила?

- Да, она и её сестра свободно изъяснялись по-французски.

- Ксения Александровна, наверное, очень за собой следила?

- А ей больше нечего было делать. В доме было две домработницы: нянька у Адика и общая домработница. Занималась она только собой, злоупотребляла косметикой, делала специальную гимнастику, у нее даже были какие-то танцевальные приспособления. Отец создал своей семье все условия для нормальной жизни. У нас была очень большая, пятикомнатная квартира на Кировском (Каменноостровском - Е.С.) проспекте. Вся квартира занимала около 210 квадратных метров.

- Прекрасные апартаменты!

- Отец говорил так: «Я большой процент своей жизни провел на четырех квадратных метрах с привинченной «парашей», но на свободе я привык жить в культурных условиях». Мачеха очень опекала сына, до абсурда, что его и сгубило. После школы, перед тем как зайти к нему в комнату, я должна была хорошенько вымыться, переодеться. Еду Адик тоже готовили отдельно. На улице водили за ручку, чтобы, не дай Бог, он не контактировал с другими детьми. Мальчик ни с кем не общался и очень радовался, когда я приходила. Кончилось тем, что у ребёнка был настолько низкий иммунитет, что когда после коллективизации вся голодная Украина пошла по городам и началась эпидемия брюшного тифа, он заболел и умер в пятилетнем возрасте. Адика с рождения вел врач Маслов, ассистент знаменитого в Ленинграде детского врача Турнера. И несмотря на ежемесячные осмотры, ребё-

нок заразился. В то время дядя забрал нас с братом к себе, сестру взяли к себе родственники из Москвы. Чтобы избежать заражения, мы тщательно мыли руки, хлеб обжигали на керосинках. Видимо няня не уследила. Ирина Францевна, которую наняла Ксения Александровна, была почти светской дамой – она работала няней в доме князя Оболенского. Моей мачехе это очень льстило.

- Как вы считаете, Ксения Александровна была достойна вашего отца?

- Конечно, нет.

- Почему же отец был с ней?

- Наверное, верил ей. Она была очень кокетлива с мужчинами, и им это нравилось. Но я считаю, что в ней было много фальши, неискренности. Это был её третий или четвертый брак. Отец тогда считался видным мужем, талантливый, перспективным.

- Мама была совершенно другой женщиной?

- Абсолютно. В ней не было никакой хитрости. Она была прямым, открытым, высокоинтеллектуальным человеком. А мачеха... Я даже не знаю, закончила ли она школу. Сильно краситься в то время было неприлично, а Ксения Александровна красила и глаза и брови. Папе, наоборот, это нравилось. Когда она умерла, я собралась выбрасывать ее косметику, а папа говорит: «Напрасно выкидываешь. Может, тебе пригодится». Но я этого не любила. Возможно, как женщина я что-то потеряла, потому что презирала в мачехе фальшь и никогда не стремилась выгодно выйти замуж, но я ни о чём не жалею. Я ценю в людях честность и принципиальность.

- Кто была третья супруга Владимира Полиевктовича?

- Татьяна Николаевна Кокушкина, вдова писателя Ширяева. Папа познакомился с ней ещё до войны в Москве, в доме писателя Новикова-Прибоя.

- Владимиру Полиевктовичу было тогда уже 64 года. Как вы думаете, зачем отец женился в третий раз? И откуда у него были эмоциональные силы кого-то любить после потери двух любимых женщин?

- Я тогда не понимала, зачем ему это надо. А сейчас считаю, что папа поступил правильно. Он как-то сказал: «Жить жизнью детей я

не привык». У него должна была быть своя жизнь. Папа и Татьяна Николаевна лучше подходили друг другу по возрасту, лучше понимали друг друга. Каждый день ходили в театры, культурно развлекались.

- Вот молодец! Ваш отец вообще отличался непосредственностью и в суждениях и в поступках. И как сложились отношения со второй мачехой?

- Татьяна Николаевна меня ненавидела.

- ?

- Так всегда бывает. Дело в том, что она чувствовала, что папа меня очень любил, и сильно ревновала. Папа был благодарен мне за то, что я под риском смерти спасла его архив и имущество. Иначе во время блокады люди разворовали бы всю квартиру, сожгли бы книги и архив, как, например, получилось у моего мужа. Он был архитектором в папиной организации ГСПИ-2, эвакуированной в Омск, и к его возвращению в Ленинград в квартире ничего не осталось. У папы же сохранилась вся обстановка. После того как умерла мачеха, отца парализовало, я повезла его на лечение на знаменитом радоновом курорте в Белокурихе, а потом выхаживала его у себя в Ленинграде. (И кстати, ответственное правительственное задание по выбору площадки для нового судостроительного завода он выполнял ещё не полностью выздоровевшим.) Из-за Татьяны Николаевны я потеряла свою жилплощадь в квартире отца. Она была москвичкой и периодически приезжала в Ленинград, а я жила в коммуналке у мужа, имея свою комнату с обстановкой у папы на улице Добролюбова. Шел 44-й год. Узнав, что я не прописана у мужа, домоуправление потребовало, чтобы я немедленно прописалась - больше трех дней без прописки в военное время оставаться было нельзя. А я берегла свою площадь у папы. Папа жил у меня в коммуналке, ему необходим был уход, а Татьяна Николаевна приезжала к нему, и это приходилось скрывать. Пришлось прописаться у мужа. И впоследствии, когда у всех были отдельные квартиры, мой муж ничего не мог сделать, чтобы получить отдельную площадь, даже хлопотал через Союз архитекторов. Считалось, что двух комнат в 40 метров в коммуналке достаточно, и на улучшение нас не ставили.

Н.В. Костенко с автором статьи

Если бы у меня была своя площадь, то я могла бы путем обмена делать с ней все что угодно. Но когда папа захотел меня прописать к себе, вторая мачеха ни за что не разрешила этого делать, чтобы в случае смерти отца я не могла претендовать на его имущество. Так и получилось. Мачеха унаследовала всю обстановку, которую я с таким риском сохранила для отца. Во время блокады перевозить все имущество, нанимать грузовые машины, грузчиков, выгружать эти вещи, тащить на второй этаж – сейчас это кажется чудом. Сколько нужно было энергии! Вот почему я говорю, что в жизни папы я была хорошим ломовым извозчиком. А ведь до войны у меня была вторая группа инвалидности. Говорят, что я по натуре очень инициативная. Но если бы я не была такой, я бы погибла. Жена дядиного соседа, академика Долобко, часто говорила: «Наташа, что ты такое всё возишь, всё достаешь?». А я возила дрова для нашей чугунки, собирала обломки из разрушенных домов, продавала вещи. Когда жена и дочь Долобко собрались уезжать, она попросила меня сдать вещи в комиссионный магазин. За каждую поездку расплачивалась стаканом варенья. У нее были большие довоенные запасы. Чтобы не умереть, я все время чем-то занималась. После смерти мачехи я стала хозяйкой всех носильных вещей и за вырученные от продажи носильных вещей деньги – в Блокаду они очень ценились – начала перевозить папину обстановку. В первую очередь я продавала вещи Яцевича. На похороны мачехи ушел его костюм. Все квартиры пришлось оплачивать тоже мне. За квартиры никто не платил, и во время войны это разрешалось – хлебные карточки давали. (В блокаду за коммерческим хлебом в Ленинграде надо

было стоять сутки.) Но карточку мачехи мне не выдали, так как она была прописана у Яцевича, а жила в папиной квартире, на тот момент она уже слегла и не вставала. Мне пришлось оплатить их квартиру. А когда собралась вывозить вещи с Декабристов, управдом тоже сказала: «Сначала оплати квартиру». Мебель была полностью разборной. Я сама разобрала и собрала всю мебель. Папа потом удивлялся, как я, женщина, умудрилась это сделать.

- Что вам помогло?

- Понимаете, я считала, что мой отец слишком много незаслуженно страдал, что мой долг был помочь ему, обеспечить нормальные условия для жизни, сохранить его труды для потомков, о ком он всегда заботился. Вера в высшую справедливость придавала мне сил. Поэтому всё, что я делала, было для меня совершенно естественным.

- Скажите, а девичью фамилию вы оставили тоже из любви к отцу?

- Так получилось по вполне прозаической причине. Поскольку замуж я вышла в эвакуации в Омске, то чтобы взять фамилию мужа, мне пришлось бы поменять ленинградский паспорт на омский и, следовательно, потерять площадь в Ленинграде.

- Вы ведь относительно поздно вышли замуж, Наталья Владимировна?

- Мне было почти 28 лет. Я вышла замуж тогда, когда встретила достойного человека. Мой муж Евгений Генидзе - талантливый архитектор - был дважды репрессирован. Это нас духовно роднило.

- А как вы познакомились с будущим мужем?

- Сначала я познакомилась с его матерью, которой помогала в эвакуации ещё до приезда Жени в Омск. Интересно, что русско-грузинские браки в семье Жени - это своего рода традиция.

- Я знаю, что ваш сын Кирилл Евгеньевич взял фамилию своего отца.

- Да, Кирилл сказал, что Костенко много, а Генидзе - один!

- Наталья Владимировна, вы уже упоминали о дедушке по линии матери. Расскажите, пожалуйста, немного о своих прапрадедках со стороны отца.

- Мой прадедушка по линии отца Иван Костенко был священником. Двое его детей-

офицеров после революции эмигрировали в Америку. Третий сын, Михаил Иванович, брат Полиевкта Ивановича – отца Владимира Костенко, стал военным генерал-прокурором Порт-Артура и был убит жителями во время революции.

- Ученик Владимира Полиевктовича, Василий Иванович Якушев, всегда поражался тому, что столько переживший человек никогда не унывал, не жаловался на судьбу. Может быть, сказывалась суровая «закалка»?

- Я приведу такой показательный пример из его тюремной жизни. В 1929 году отца приговорили к расстрелу. Передачи разрешалось приносить строго в определенные дни по записи, которая велась по алфавиту. Я помню, как подростком носила передачи отцу, а за мной в длинной очереди стояла мадам Кирпичёва. За какую-либо провинность осужденному в передачах отказывали. Сначала отец сидел в одиночке, потом его перевели в камеру с академиком, крупным инженером-мостовиком, инженером-генералом Нилом Львовичем Кирпичёвым, и ещё двумя учёными. Те трое были в отчаянии. А папа к тому времени имел большой опыт тюремной жизни, знал систему перестукивания и научился владеть собой. Он предложил своим сокамерникам устроить религиозный диспут на тему «Есть ли Бог?». Каждый должен был выступать за или против. Сначала папа убеждал, что Бог существу-

ет (он хорошо знал Библию), потом доказывал противоположную точку зрения и делал это настолько веско и аргументированно, что остальные не могли понять, что он думает на самом деле.

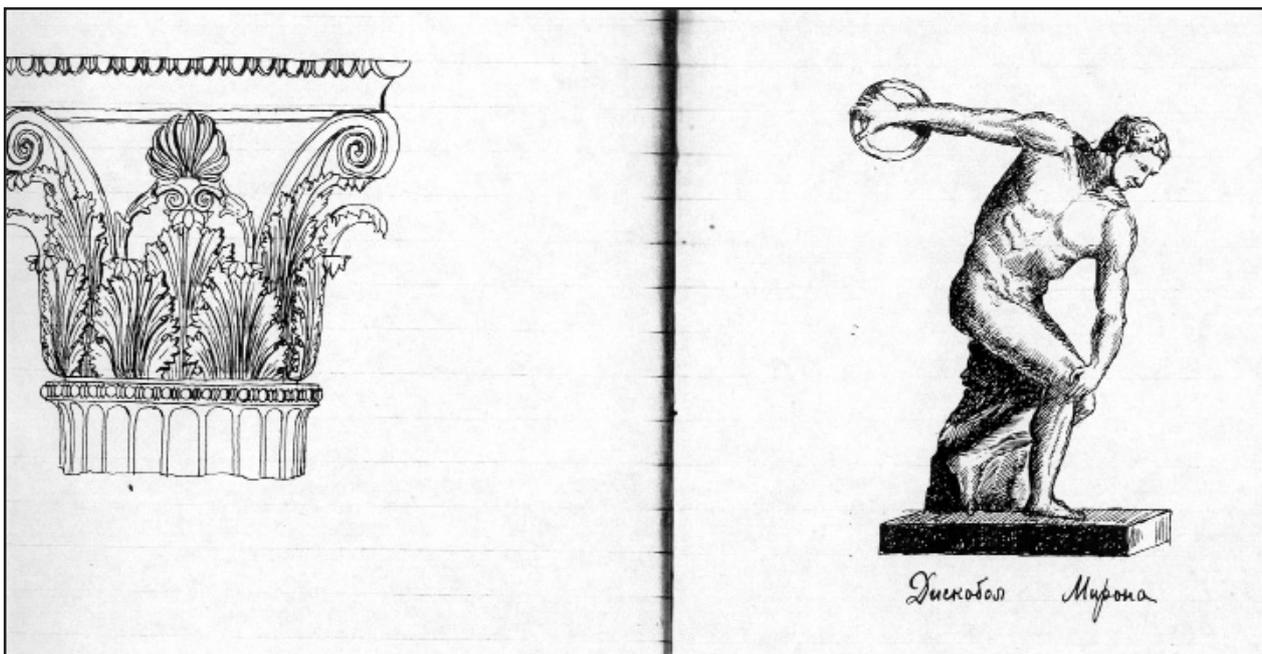
- Отец верил в Бога?

- Он говорил, что он не атеист, но не верит в церковные обряды. Верил в нечто высшее. Когда умер наш сводный брат пятилетний Адик, папа находился в Харьковском Доме предварительного заключения. Я очень любила Адика, это был очень ласковый, красивый и умный ребёнок. Я сообщила отцу о смерти сына, и отец написал мне замечательные слова: «Человек легко воспринимает как неизбежность смерть окружающих его людей, не близких ему, но не смерть своего родного, с кем он жил, кого любил и с кем делил радости и невзгоды. Мысль не может осознать тайну его небытия»...

- Насколько я знаю, вам неоднократно поступали предложения о передаче архива отца в Главный военно-морской архив. Вы думали об этом?

- Дело в том, что если материалы попадут в архив или музей, то доступ читателей к ним будет ограничен. А моя задача - как можно шире знакомить людей с жизнью и деятельностью отца.

- С этим трудно не согласиться! Спасибо вам за то, что уделили мне время.

Рисунки В.П. Костенко, сделанные в Трубецком бастионе Петропавловской крепости

ЛЮБОВЬ ОРЕЛОВИЧ

Святая к музыке любовь

(2015 год – год 50-летия создания Детской хоровой студии «Дубна»)

*Над Волгой стоит в подмосковном лесу
Город физиков, город учёных.
Он прячет свою молодую красу
В душистых сосновых колоннах.
Дубна, Дубна – золотая сосна!
Дубна, Дубна – голубая волна!*

Эта простая детская песенка, написанная полвека назад Георгием Струве на слова московского поэта Виктора Викторова, стала на долгие годы гимном Детской хоровой студии «Дубна».

Наш город знают во всём мире как международный научный центр, Мекку физиков, жемчужину Подмосковья. Но Дубна также известный поющий город России: пятьдесят лет назад он запел с Ольгой Ионовой так, что вскоре заявил о себе во всём мире! И поёт до сих пор!

Ольга Николаевна Ионова... В Дубне нет человека, который бы не знал её имени. Она при жизни сумела стать легендой, научив петь каждого третьего жителя города. За плечами у неё – большая и яркая жизнь, а впереди ожидают серьёзные и значительные юбилеи. Но самым главным, Золотым, своим юбилеем она считает тот, который уже наступил: ровно полвека назад, в знаковом 1965 году, она создала Детскую хоровую студию «Дубна», где, верная старым петербургским традициям, начала прививать своим юным подопечным любовь к классической музыке, вовлекая их в прекрасный мир искусства и воспитывая тем самым городскую элиту. За все годы Ольга Николаевна ни разу не изменила своей профессии, своим идеалам, своей мечте! И ни разу не пожалела о том, что когда-то в юности смело шагнула на непроторённую тропинку, ставшую её единственной и главной дорогой в жизни.

Известно, что первой детской хоровой студией в Советском Союзе была «Пионерия» во главе с Георгием Александровичем Струве, созданная им в 1959 году в Подмосковье. Именно тот коллектив – лауреат премии Ле-

нинское комсомола – оказал большую помощь в создании подобной студии в Дубне в 1965 году, а затем и в её развитии.

«Мне думается, музыка – это остров сокровищ, доступный всем. Хор – как инструмент со многими голосами. Он может выразить еле слышное эхо человеческих переживаний, ликование победы или величие бессмертия человеческой души» – эти слова принадлежат народному артисту РСФСР, композитору, хормейстеру, дирижёру, педагогу, общественному деятелю, создателю уникальной системы массового обучения музыке и хоровому пению Георгию Струве, который был влюблён в хоровое искусство и вознёс его на невероятную высоту. Георгий Струве, ученик Дмитрия Борисовича Кабалевского и продолжатель его деятельности по всеобщему музыкальному воспитанию детей, стал признанным лидером в деле возрождения детской певческой культуры в стране.

А продолжателем хоровых традиций Георгия Струве и его последователем считает себя Ольга Николаевна Ионова. После окончания ленинградского музыкально-педагогического училища в 1955 году она приехала в наш город и стала работать учительницей пения в школе. Молодой город дышал тогда одной наукой, всюду шли разговоры о новых направлениях физики. На первом плане в школьной программе было преподавание точных предметов. Молодая учительница пения почувствовала, что следовало бы установить баланс между изучением физики и эстетическим воспитанием школьников, а для этого было недостаточно усвоения только школьной программы. Тогда и возник школьный хор. Потом второй, третий...

Прошло десять лет кропотливого труда Ольги Николаевны, прежде чем на улицах Дубны появились красочные объявления о приёме в Детскую хоровую студию.

Создавая из школьного хора известный на всю страну дружный певческий коллектив, насчитывающий несколько сотен детей,

О.Н. Ионова так определяла тогда задачи студии: «Хоровая студия является новой формой массового музыкального воспитания, цель которой - дать детям общее музыкальное образование и практические навыки, необходимые для последующей общественно-полезной и музыкальной деятельности, а также подготовить их к дальнейшей учёбе». Она вспоминает: «Поначалу я полностью копировала систему студийной организации Струве, и даже качество звука. Но длилось это недолго, потому что у каждого хора, как и у каждого человека, должен быть свой голос. В результате мы добились такой лёгкости, невесомости звука, который стал нашей отличительной чертой, и которой ни у кого не было».

Вскоре друзьями студии стали такие выдающиеся советские хормейстеры, как Д.Б. Кабалевский, В.Г. Соколов, С.О. Дунаевский, И.М. Усова. Все эти люди стояли у истока создания всеобщего музыкального образования в Советском Союзе, были одержимы прекрасной идеей введения музыки в обязательную учебную программу, они создали в нашей стране оригинальную систему музыкально-эстетического воспитания подрастающего поколения. Жизнь свела их вместе и привела в наш подмосковный городок, в котором появилась своя Хоровая Империя. С их помощью Ольга Николаевна Ионова, в буквальном смысле, совершила со своей студией победоносное хоровое шествие по планете.

Уже через год после своего рождения Детская хоровая студия «Дубна» выступила в составе сводного хора Московской области на фестивале искусств во Дворце съездов; в 1967 году стала лауреатом фестиваля самодеятельного искусства Московской области; с 1975 года по опыту Прибалтики начала проводить Праздники пионеров и школьников на стадионе Дубны, который превращался на время праздников в певческое поле; в 1976 году была награждена премией комсомола Подмосковья; в 1980 году приняла участие в Олимпиаде-80; в 1983 году студии было присвоено высокое звание лауреата премии Ленинского комсомола. Самым ярким в калейдоскопе 1985 года стало участие ДХС «Дубна» в культурной программе XII Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Москве.

Дубна превратилась в место проведения

семинаров, на которые со всех уголков страны съезжались руководители десятков детских коллективов, чтобы познакомиться со студийной формой работы, а затем развезти этот опыт по своим городам. Как когда-то Дубна училась у «Пионерии», так через несколько лет с момента создания ДХС у неё стали перенимать опыт другие города, в которых появлялись всё новые и новые студии, для которых «Дубна» стала творческой лабораторией. Каждый раз, приезжая в наш город на такие семинары или праздники студии, Дмитрий Борисович Кабалевский заканчивал выступление одной и той же фразой: «Дубна может гордиться своей "Дубной"!»

В 1991 году, помня об опыте частных школ Японии, куда она ездила на международную конференцию, Ольга Николаевна создала первую в Подмосковье альтернативную общеобразовательную школу «Гармония», затем музыкальный колледж, на базе которого появился Центр музыкального образования.

ДХС «Дубна» вела огромную концертную деятельность и побывала более чем в ста странах мира. Главным отличительным признаком нашего знаменитого хорового коллектива, определяющим её творческое лицо, всегда был интернациональный характер, сложившийся в связи с условиями жизни и творчества: Дубна – город, в котором живут и работают люди, приехавшие из разных уголков планеты. И естественно, что в репертуаре студии с самого начала наряду с русской и западной классикой появились песни народов мира, которые исполнялись на языке оригинала.

Один из основных наставников студии профессор Московской консерватории Владислав Геннадьевич Соколов, учитель В.Н. Минина, так рассказывал о своей дружбе с ДХС «Дубна»: «Я наблюдал жизнь этого коллектива с первых дней его основания. Здесь всё налицо: отличная организация жизни студии, прекрасные результаты. Ребята умом и сердцем понимают, что такое хоровое искусство, что значит – петь вместе. Прекрасно, что в таком известном центре научной мысли вырос столь прекрасный цветок, который ещё более оттеняет значение работы учёных разных стран мира».

Поистине исторической датой в культур-

ной жизни Дубны стало 29 января 2000 года, которое считается у нас днём рождения дубненской Оперы. Речь идёт о рождении Детского оперного театра, созданного Ольгой Николаевной вместе с её дочерью Алёной Львовной Ионовой, которую она считает своей самой талантливой ученицей. Уже через год Королева оперной сцены Любовь Казарновская дала театру своё имя и взяла его под свой патронаж, оценив работу юных певцов: «Детский оперный театр – это потрясающая идея! Она уникальна! Нигде нет такого театра, где дети и подростки пели бы столь серьёзные произведения! Думаю, что подобного театра нет ни в России, ни в одной другой стране!»

Многие выдающиеся люди повлияли на звёздную судьбу Детской хоровой студии «Дубна», окружив её заботой и светом своего таланта, но одного человека Ольга Николаевна выделяет из этого созвездия, считая своим главным учителем. Им для неё стал её земляк, выдающийся хормейстер эпохи, художественный руководитель и главный дирижёр Московского Государственного Академического Камерного Хора Владимир Николаевич Минин.

Пройдя сам школу хорового пения у великого А.В. Свешникова, Владимир Николаевич Минин всегда прекрасно понимал, что «детей можно научить музыке одним способом: увлекая их». Именно об этом вспоминает Ольга Николаевна, когда говорит о своём учителе.

Она увидела его ещё в Новосибирске, где была в начале 70-х годов прошлого века с очередными гастролями своей студии, а Минин в те годы возглавлял там кафедру хорового дирижирования в консерватории. Спустя годы Владимир Николаевич стал педагогом Ольги Николаевны в МЗПИ - Московском заочном педагогическом институте. К сожалению (а может быть, к счастью), в консерватории, где она мечтала учиться, не было заочного отделения.

Минин тогда приехал по приглашению в Москву и стал работать ректором института им. Гнесиных, заодно занимаясь с заочниками пединститута. Ольга Николаевна утверждает: «Я сама выбрала Минина: узнала о его приезде, пошла в деканат и сказала, что хочу учиться у него. И училась пять лет! Безумно боялась его тогда, до дрожи в коленках. Это

происходило оттого, что он для меня был Небожителем, которого я очень уважала. Какой это пример был для молодых педагогов – как и чему нужно учить! Как везде изучают произведение? Запоминают музыкальную схему, списывают из учебника аннотацию... Минин же о каждом композиторе рассказывал, как о своём личном друге. Обладая феноменальной памятью и даром рассказчика, он погружал слушателя лекции в глубочайшие бездны музыки и времени: когда создавалось произведение, кто его написал. Этот опыт общения с Владимиром Николаевичем потом помог мне находить нужную интонацию в общении с детьми».

Детская хоровая студия «Дубна» на протяжении многих лет меняла свои формы и направления работы. В настоящее время наш город гордится Детской хоровой школой мальчиков и юношей, которую возглавляет ученица О.Н. Ионовой Ольга Ивановна Миронова, продолжая её хоровые традиции. На базе этого коллектива в последние годы в Дубне успешно проходят международные фестивали «Звучат мальчишек голоса», на которые в качестве почётного гостя приезжает и В.Н. Минин.

...У Ольги Николаевны много различных высоких наград. Она является Заслуженным работником культуры РСФСР, Ветераном атомной энергетики и промышленности, Отличником народного просвещения, Почётным гражданином Дубны. И всё же наградой, которую она получила в Год культуры в родном городе, она дорожит более всего - в 2014 году за большой вклад в российскую культуру она была избрана Почётным членом АРСИИ им. Г.Р. Державина и награждена Орденом Екатерины Великой I степени.

Славные хоровые традиции великих российских мастеров нашей страны продолжают жить в Дубне, воспитывая для будущего всё новые и новые поколения поющих детей, объединённых чистой и светлой любовью к музыке, которая, несомненно, спасёт мир!

*На разных наречьях Дубна говорит.
Народ её светел и дружен.
Когда другу вход в твоё сердце открыт,
Тебе переводчик не нужен!
Дубна, Дубна – золотая сосна!
Дубна, Дубна – голубая волна!*

Алексей ВОРОНОВ

Уголок России на берегу Дуная

Ранней весной 1945 года Советский Союз был уже полностью освобождён от немецко-фашистских захватчиков – однако в Европе наши войска по-прежнему вели ожесточённые бои. Если на западном фронте немецкие дивизии и полки нередко сдавались американцам или англичанам практически без боя, то на восточном фронте сражения шли на всём его протяжении, от Балтики до Черного моря. Сегодня в Европе многие не очень-то любят вспоминать о той войне – но забыть о мужестве и героизме Красной Армии, спасшей мир от фашизма, невозможно до тех пор, пока в Берлине возвышается памятник советскому солдату со спасённой им девочкой на руках, в Пловдиве над горой стоит легендарный Алёша, а в центре Вены возносится к небу обелиск в честь советских воинов-освободителей. И, наконец, памятниками нашим воинам служат спасённые ими от уничтожения картины Дрезденской галереи, соборы старого Кракова и другие бесценные памятники истории и культуры, об одном из которых – наш сегодняшний рассказ.

В центре Будапешта, почти у самого Дуная, на площади Петефи стоит Успенский собор, внешне очень похожий на католические церкви Венгрии, с двумя башнями-колокольнями, симметрично расположенными по краям здания, над главным входом. Правда, башня над ним всего одна – вторую уничтожило войной. Но стоит приоткрыв дверь, войти в храм – и в ту же минуту возникает такое чувство, как будто из центра Европы попадаешь куда-нибудь в Смоленск, Ярославль или Великий Устюг. Настолько в нём всё привычное, родное – и резной многоярусный иконостас, и знакомые с детства лики святых. Ничего удивительного – мы в одном из самых старинных православных храмов Венгрии, основанном ещё в те времена, когда ещё никакого Будапешта и в помине не было.

На протяжении нескольких столетий стояли на берегах Дуная два отдельных горо-

да – королевская, аристократическая Буда на правом и купеческий Пешт на левом (объединение этих городов состоялось лишь во второй половине XIX века, после того как был построен каменный мост, соединивший оба берега). В многонациональном и многоконфессиональном Пеште была и православная церковь, принадлежавшая сербской общине. Однако в XVIII веке в город переселилось немало греческих и македоно-валахских торговцев. Сначала они посещали богослужения в сербской церкви Пешта, однако со временем их число значительно возросло. Во второй половине столетия специально для них в сербской церкви начали совершать богослужения на греческом языке – как правило, такие службы проходили во второе воскресенье каждого месяца. Но этого приезжим торговцам было недостаточно, и они решили построить свою церковь.

С 1785 года более 600 греков и македоно-валахов в течение нескольких лет добивались у городских властей разрешения на постройку храма. После того как разрешение было получено, греческие купцы выкупили у ордена пиаритов земельный участок близ Дуная, где в 1790 году началось строительство православного храма по проекту архитектора Йозефа Юнга. Поскольку территория нынешней Венгрии в то время входила в состав Австрии, то православные храмы в ней строились внешне неотличимыми от католических церквей. В этом нетрудно убедиться, взглянув на православные храмы того времени, и поныне красующиеся в Эгере, Мишкольце, Сентэндре (*в переводе с венгерского – «Город святого Андрея», бывший когда-то духовной столицей венгерских православных сербов, в котором и сегодня сохранилось немало великолепных храмов, а также открыт Музей православной культуры Венгрии – авт.*). Не стал исключением и собор в Будапеште, главный престол которого в 1801 году освятил в честь Успения Пресвятой Богородицы сербский епископ Дионисий Попович. В 1797-1800 гг. резчик по дереву Николаос Иоанну (Янкович) Талидо-

рос поставил и украсил резьбой иконостас собора. Тогда же, на рубеже XVIII и XIX веков, венский иконописец Антон Кухельмейстер получил заказ написать иконы для храма. В 1809 году собор был в основном завершён, за исключением двух башен, которые были достроены лишь в 1871 году по проекту архитектора Миклоша Ибла.

Во время Великой Отечественной войны многие города с многовековой историей - Великий Новгород, Киев, Минск, Варшава - в результате боёв превращались в огромные груды развалин. Не стал исключением и Будапешт, за который фашистские войска дрались с исключительным упорством, поскольку взятие этого города открывало Советской Армии прямой путь на Вену, Прагу и Берлин. То, что Успенский собор хоть и пострадал в этой бойне, лишившись рухнувшей от взрыва южной башни, но всё же уцелел, было настоящим чудом. Уже в 1946 году началось восстановление его фасадов - однако храм в то время даже на праздничных службах был полупустым.

Дело в том, что основатели прихода - греки и македоно-валахи - к началу XX века уже полностью ассимилировались в новой для них стране, освоив венгерский язык и венгерскую культуру, приняв венгерское гражданство. Однако до 1949 года все богослужения в Успенском соборе совершались исключительно на греческом языке. Он был непонятен большинству прихожан, и храм в ближайшее время мог совсем обезлюдеть.

Только с 1949 году, когда храм перешёл в юрисдикцию Московской Патриархии, в нём начали совершать богослужения на венгерском языке, благодаря чему значительно увеличилось число прихожан. Продолжались и реставрационные работы - в 1953 году фасад Успенского собора был заново оштукатурен, а к 1972 году его наружный вид, за исключением южной башни, был полностью восстановлен. Ремонт внутреннего убранства храма был сделан в 1991-1996 годах.

Почти 50 лет после перехода в юрисдикцию Московской Патриархии богослужения в Успенском соборе совершались только на венгерском языке, и лишь изредка - на греческом (в основном, по просьбе студентов из Греции и Кипра). Только в марте 2002 года, благодаря усилиям наших соотечественников, прожива-

ющих в Будапеште, был основан русский православный приход Святой Троицы, после чего богослужения в соборе начали совершаться поочередно служителями двух приходов, на венгерском и церковнославянском языках. Произошло это вскоре после того, как новым архиереем Венско-Будапештской епархии стал епископ Иларион (Алфеев) (с 2009 года - митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних связей Русской православной церкви - авт.). Для россиян, постоянно живущих в Венгрии, появление собственного православного храма играло очень важную роль, поскольку многие из них чувствовали себя в католической стране не совсем «своими» - как по национальности, так и по вероисповеданию. Однако была ещё одна, не менее важная причина, по которой новообразованный русский приход очень быстро стал подлинным духовным центром всей русскоязычной Венгрии.

Сегодня мы уже прекрасно понимаем, что именно тогда, в 2000-е годы, фактически началась новая битва за Россию, не прекращающаяся и сегодня. После развала страны и стремительной деградации значительной части её населения в 1990-е годы, многие зарубежные политики предрекали ей скорый и неминуемый конец. Многочисленные таблоидные издания из всех сил стремились представить Россию отсталой «бандитской» страной, а её народ - жалким сбродом пьяниц и дегенератов. И появившиеся в то время новые «островки» русской церкви за рубежом, вызывали у русофобов яростную ненависть, поскольку они красноречивее любых аргументов свидетельствовали о неисчерпаемости духовного и культурного потенциала нашей страны и её народа. Скорее всего, именно по этой причине, в начале 2000-х гг. появились некие «деятели» (имён которых мы называть не будем, чтобы не делать им лишней рекламы), вознамерившиеся реквизировать храм у Русской православной церкви как якобы «незаконно» захваченный ею после Второй мировой войны. Однако попытка уничтожить русский приход в самом зародыше бесславно провалилась - городской суд Будапешта даже не принял дело к рассмотрению, посчитав аргументы истцов неубедительными и бездоказательными.

За сравнительно небольшой срок своего существования, приход Святой Троицы стал весьма многочисленным и продолжает расти. Благодаря неутомимой пастырской энергии и духовной самоотдаче настоятеля отца Сергия (в миру Билку Роланда), приходом была создана епархиальная библиотека духовной литературы (что особенно важно для страны, где до недавнего времени не было возможности купить православную литературу на русском языке), постоянно организуются паломнические поездки к святыням России и Европы. Каждую пятницу в Успенском соборе служится молебен святому Сергию Радонежскому – небесному покровителю Русской православной церкви и русской земли. А в 2003 году тогдашний министр иностранных дел России Игорь Иванов во время визита в Будапешт подарил Успенскому собору образ святого Серафима Саровского, написанный специально к 100-летию его прославления в лике святых. Уже этот факт свидетельствует о том, какую заметную роль играют сегодня за рубежом православные храмы, общины которых объединяют практически весь цвет русского зарубежья.

Сегодня, в самый разгар антироссийских санкций со стороны Запада, Венгрия остаётся одной из немногих европейских стран, правительство и народ которой не спешат «задрать штаны, бежать за США» -

наоборот, выступают за дальнейшее сближение с Россией. Сам по себе этот факт весьма удивителен, если вспомнить, сколь драматично складывались отношения между двумя странами за прошедшие полвека. Но историческая память русского и венгерского народов намного выше недавних обид – она заботливо оберегает наше духовное и культурное братство, пресекая многочисленные посягательства политических «временщиков». Сегодня русскому народу вновь, уже который раз за тысячу лет, приходится отстаивать своё право на существование - на этот раз в «постмодернистском» мире, который кое-кому давно не терпится перекроить под так называемые «демократические лекала», изготовленные на берегах Гудзона и Потомака. Однако, как бы трудно нам сегодня не приходилось, мы верим в то, что наше дело правое – а, значит, победа рано или поздно будет за нами. Как и прежде в многовековой русской истории, нам помогают и дарят веру многочисленные молитвы, возносящиеся в русских храмах во всех концах необъятной Земли. И удивительно современно звучат сейчас слова русского офицера Василия Кульчицкого, сказанные им в самом начале XX века, в преддверии великих смут и потрясений: «Тот, кто никого не боится, гораздо сильнее того, которого все боятся».

Валентина ФЁДОРОВА

Эстетическое созерцание слова

Литератор - создатель государства. Без своих предшественников, без культурной подпитки литераторы не достигнут высоких духовных ценностей культурного уровня. А так же без богатого опыта, работы над собой не обойтись.

Бывает без учёной степени, но какой опыт!

В настоящее время всё это превращается в простейшие понятия. Сложность и глубина мысли исчезают. В наш быт всё больше втискивается виртуальный мир со своими низкими понятиями, искажением русского языка. Порою вульгарным языком понижается уровень слова.

Поэзия - это искусство образного выражения в слове, художественные произведения, написаны они прозой или стихами, но относятся к поэзии.

Аристотель под поэзией понимал искусство поэтического мышления, а поэты в те времена были мудрецами, врачевателями (целителями), пророками.

Мы говорим много и каждый день. Но говоримое нами проходит мимо нас. Мы никогда не задумываемся над тем, каким умом построен наш собственный русский язык. Но если взглянуть глубже, наши слова изучая, находим в нём мудрость самой земли. Восприятие духовной красоты в полной мере присуще простому, открытому, русскому чистому языку. Слова сыплются золотым дождём.

Оптинский старец Амвросий любил повторять: «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено -там ни одного». Во времена Аристотеля единственной и универсальной наукой о литературе была поэтика. Мир, как впрочем, и человек, с одной стороны, запрограммирован прошлыми причинами, а с другой открыт для различных новых процессов и возможностей.

По мере развития литературы и научных знаний требовался новый подход и даже новые научные дисциплины. Предмет современной поэтики как области филологического знания - это теоретическая поэтика, представленная для студентов высших учебных заведений. Кроме того, выпускается много других

изданий с основами теории литературы, соответствующих государственному образовательному стандарту.

Практической поэтики же ни как самостоятельной научной дисциплины, ни как раздела теоретической или исторической поэтики не существует.

Постараемся исследовать взаимодействие слова в малом контексте одного предложения. При этом мы знаем, что слово несёт целый «пучок значений». («Понятие «Пучок значений» ввёл в науку Н.Я. Марр»), и сейчас оно широко употребляется в языкознании.

В научной речи словом называется и лексема, и речевое высказывание (М.М. Бахтин говорит о «слове автора» и «слове героя») и жанровые особенности высказывания («риторическое слово», «публицистическое слово»). Словом именуется Логос («В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», Иоанн 1:1).

По многим причинам лингвистические словари и справочники понятию «слово» предпочитают понятие «Лексема» т.е. языковая единица, обладающая самостоятельным лексическим значением.

С одной стороны, это действительно так: чтение любого письменного текста убеждает нас в том, что Слово и Лексема - синонимы. С другой стороны, письменные тексты свидетельствуют, что важную роль могут играть такие отрезки текста, которые нельзя назвать ни словом, ни лексемой.

Простой пример. Повесть Н.В. Гоголя «Колыска» начинается фразой: «Городок Б. очень повеселел, когда в нём начал стоять *** кавалерийский полк». Букву «Б» с точкой нельзя назвать ни словом, ни лексемой хотя бы потому, что она не обладает самостоятельным лексическим значением. Знак *** нельзя назвать ни словом, ни лексемой, потому что он даже и не буква. Попробуем убрать эти не слова и не лексемы из гоголевской фразы («Городок очень повеселел, когда в нём начал стоять кавалерийский полк») и она потеряет всю свою игривость (игровую сложность).

«Городок» и «Кавалерийский полк», ли-

шившись указания на утаённость имени («Б.» и ***), обезличивается и теряет свою единственную индивидуальность, («ибо всяко имя предмета всегда предписывает ему то или иное свойство» - А.Ф. Лосев).

Гоголевский «городок» и «кавалерийский полк», претендуют на имя: на индивидуальность и неповторимость. Одновременно знаки «Б.» и «***» играют роль мнимого имени, создают некую интригу, намёк на пикантную историю. Повествователь засекречивает подлинные имена, атмосферу провинциальной жизни - всё это было бы невозможно без «Б.» и «***», которые лингвист не называет ни словами, ни лексемами. Вот почему в поэтике слова, под «словом» будем понимать минимальный сегмент письменного текста, отграниченный от других сегментов текста пробелами.

Но это классический пример. Давайте перейдём к современной практической поэтике словосочетаний, от простого к сложному. Представим осень. Дерево стоит с одним листом (остальные облетели). И вот этот лист падает на землю. Мы сразу представляем как он плавно, колыхаясь по воздуху, покачиваясь, летит на землю. Но если мы заменим слово «падает» на слово «упал», сразу представляется его кончина (т. е. смерть). Без всяких эмоций возбуждающих воображение. Для того чтобы уточнить значение слова, мы обращаемся к словарю. Словарь - контекст «рукотворный», созданный специально для того, чтобы определить основные значения слов. Речевое высказывание - продукт человеческого мышления, т. е. такой контекст, который позволяет передать информацию с помощью, определённым образом, организованных слов. Следует обращать внимание на сочетание слов в контексте. Так, можно привести ещё пример из одного стихотворения. Автор попросил проверить его содержание: «...А помнишь в нашем парке шумный ресторан?..»

Слово «шумный» - сразу представляем множество людей, распивают пиво, публика разнообразная, кругом грязь. По изречению классиков, тогда можно написать хорошее стихотворение, пока его не перепишешь и не перечитаешь семь раз. Заменяю слово «шумный» на слово «тихий». Сразу другой эффект. Представлена реальность. Ресторан с почтенной публикой, тихий разговор, кругом уют, чистота. Тихо звучит классическая музыка.

Таким образом, каждое слово реализует своё значение только в контексте, т. е. в зависимости какие слова его окружают и какие связи между ними устанавливаются.

Вот другой пример, из классической художественной литературы («Загадки пушкинского текста и словаря»): «... и после ей наедине / давать уроки в тишине» («Евгений Онегин», 1, XI, 13-14).

Вынесенные в заглавие этой заметки строки завершают подробное описание освоенного и творчески развитого Онегиным «Научно-технического» комплекса «Науки страсти нежной»; которому посвящены строфы X и XI первой главы романа. По высказываниям литераторов, исследователи, комментаторы странным образом либо вообще обходят весь материал своим вниманием (Бродский 1950; 64-65, Лотман 1983; 136), либо ограничиваются частными замечаниями о мелочах (Набоков 1998; 123-124). Между тем Пушкин, очень мудро, именно здесь даёт нам в руки один из ключей к тайне души Онегина, совершенно недвусмысленно и ясно говоря о сугубо главных чертах характера всех его «любовных» упражнений, в которых ни в сердце, ни даже, что особенно важно, плоть не принимала ни малейшего участия!

Указанное двестише раскрывает содержание ключевой фразы о его ранней способности «лицемерить». Этот глагол не случайно поставлен в ударную конечную позицию в первой строке строфы X, которая завершена столь значимыми словами в онегинском взоре, «блистанием послушною слезой». В этом гениальном определении «послушная» - вся суть онегинского любовного «лицемерия», всех его тактических приёмов, за которыми нет ничего кроме точного, взвешенного, обдуманного до последней детали и абсолютно холодного расчёта. По этому поводу высказывался Вульф: «У Онегина не было даже той холодной чувственности» (А.Н. Вульф 1999:65).

Только расчёт и игра ума, о которой писал Вяземский: «Будь наши истины не сказки... не тенета ближних ласки. И чувства не игра ума...» (П.А.Вяземский. На Новый 1828 год).

Единственной целью Онегина было одно: Добиться тайного свидания.../И после ей наедине/Давать уроки в тишине/ (1,XI)

Какие же уроки стоят за этими завершающими, любовный микросюжет. Набоков

убеждён, что эти уроки - «конечно любовные уроки». Привязываясь к словам: «... наедине ... в тишине», какую любовь имеет в виду Набоков? Низкий и грубый эрос? Однако такое понимание абсолютно не совместимо с тем целостным образом Онегина, который встаёт перед нами со страниц посвящённого ему романа: как навязывает ему Набоков, совершенно не совместимы с его «благородством души», с его «гордостью» и «прямою честью».

Пушкинский текст не даёт для такого понимания никаких оснований, тем более решительно сопротивляется этому. Можно верить или не верить обращённым к Татьяне словами Онегина о том, что он «любит её любовью брата» (иль может быть ещё сильнее). Для читателя Пушкин исключает всякую возможность понимать эти «любовные уроки» по Набокову. Открывает как уроки «любви» в лучшем, высоком и чистом значении.

По выходе романа «Евгений Онегин» было много критики. Говорят, что учитель А.С. Пушкина, В.А. Жуковский, журил его, говоря: «Когда же ты, Пушкин, научишься писать стихи?». Под настоящими стихами Жуковский имел в виду гекзаметры и многосложные стихи (четырёх, пяти и более сложные стихи). Но Пушкин так и не научился их писать. (Я нашла среди его творчества два, но, возможно, есть и больше). А.С.Пушкин - великий русский художник, несший высоко русское слово. Величию его не повредила критика Булгарина. Критиков было много, но имена их никто не запомнил. А весь мир высоко ценит творчество Великого, Гениального поэта А.С. Пушкина. Как мы видим, источником смыслообразования, предопределяя множественность интерпретаций, во многом определяет понимание текста.

Критика должна быть справедливой - это общепризнано. Но, пожалуй, главное в науке нет и не должно быть одной, «правильной», точки зрения. Наука живёт только в диалоге, в сложном воздействии разных подходов, понимания и толкований явлений. Как отметил Белинский: «Критика всегда ответственна тем явлениям, о которых судит; поэтому она есть сознание действительности. Подразумевается, что критика - художественное сознание, так же как и литература».

Подобный взгляд на природу и назначение литературной критики высказывал Н.В. Го-

голь: «Критика, основанная на глубоком вкусе и уме, критика высокого таланта имеет равное достоинство со всяким оригинальным творением: в ней виден разбираемый писатель, в ней виден ещё более сам разбирающий. Критика, начертанная талантом, переживает эфемерность журнального существования».

Именно такова наша классическая критика, при всех её неизбежных метаниях, открытом субъективизме и понятных ошибках оставившая после себя устойчивую, жизнеспособную традицию.

Эта классическая традиция и определяет, в основном, развитие современной литературной критики, помогая ей осваивать новые явления и находить правильную дорогу в реально меняющемся мире текущей литературы. Критика и творчество неразлучны. Сегодня это слабое место в нашей литературе. Критика невозможна без смелости, энергии личных мнений и заблуждений.

На протяжении всех исторических периодов книги просвещали, были носителями художественных, духовно-нравственных ценностей. Об уважении к опыту накопленному в веках, Валентин Варес в своём стихотворении «Пролог. Летопись потерь...» пишет: О, мысли книжной глубина,/Как предисловие к прозрению...

Сейчас поменялось качественное содержание книг. Кому-то очень интересно снижение уровня интеллекта граждан. Пропагандируя материальные потребности «успешных людей», переступая моральные нравы, меняя в корне существующий мир человека, этого вполне можно достигнуть. В наступивший духовный кризис уничтожаются чистые образы.

Все эти годы нам навязывают героевпсихбольных, шизофреников, будто списанных специально из учебников по психиатрии.

Свидетельство этому – то, что мало критики не только авторских произведений, но и спектаклей. К примеру, второй раз на сцене в нашем городе появляется спектакль «Русское варенье» в Театре Сатиры на Василеостровском (21.05.2012 и 03 — 04.09.2012), по мотивам «Вишневого сада» А.П.Чехова. Автор Людмила Удицкая сарказмом прошла по классике. Явное унижение русского народа и неуважение к России... Была одна статья, (пусть меня простят, если я что-то пропустила), в ней говорилось о кассовости, а о сарказме ни

слова. Постановщики, очевидно хотят выбиться в лучшие из театров. Театр свой бюджет поправил. А какой нанесён моральный ущерб?! Некоторые посетители, поняв замысел - ушли. Кассовость - это не всё, важна идея. Где же идеология, патриотизм?

Воспитание патриотизма должно засесть в душе так глубоко, чтобы исходило на уровне сияния света. Тьма, приближаясь к свету, просто разбивается и уничтожается.

Вот так писатель должен отражать в своих литературных трудах идею патриотизма.

В нашей стране герои были всегда. Вспомнить хотя бы фильм «А зори здесь тихие», где все герои - образ русского человека, подлинное отражение силы духа. Они не только из литературной классики, но есть и сейчас. Полюбуйтесь. Утром рано, вечером в час пик у метро - людские потоки в десятки рядов. Это и есть наши герои сегодняшнего дня.

Недостатки, возведённые в ранг достоинств, есть в каждой стране, даже самой маленькой. А кто же в России всё возводит? Летает в космос? Строит корабли?

Время перестройки закончилось. Наступил период стабилизации в стране.

Порою кажется, нет сейчас достаточно подлинной литературы, а значит, нет и литературной критики. Канет в прошлое постмодернистское безвременье, заменившее подлинную творческую критику с оглядкой на мнение влиятельных, т. е. денежных, превративших её в службу. Да, стало меньше подлинной критики.

Критика - это феномен искусства. Сейчас самое время: зрители, читатели, литераторы должны восстать против несовершенной литературы, иначе больших писателей может не возникнуть. Это моя философская концепция. Энергия критического суждения играет важную роль в духовной культуре и общественной жизни России. Культура - это условие существования нормального человека. Но критику никто не отменял. А время и место литературной критики в России остаётся прежним: «Она есть строгий и обстоятельный комментарий к литературе, который вносит в неё недостающее, исправляет неправильно сказанное, осуждает и отбрасывает ложное, и всё это - на основании сравнения её содержания с живой текущей действительностью, как понимает её критик». Она постоянно присутствует в работах Российского Межрегионального Союза

Писателей и Академии Русской Словесности и Изысканных Искусств им. Г.Р. Державина. Это можно проследить в недавно вышедшем Сборнике «Петербургские встречи» (2013 г.). Имя петербургского поэта Евгения Павловича Раевского, председателя Правления РМСП и президента АРСИИ им Г.Р.Державина, известно не только в России, но и за её пределами.

Сборник не просто интересен сам по себе, но и представляет характерное явление - попытку соединить традиционное академическое литературоведение с современной критикой, новыми веяниями в текущей литературе. С удивительной оригинальностью и лёгкостью стиля приводятся критические и публицистические статьи. Критика в Сборнике даёт направление ходу мыслей для глубокого понимания. Размышления о вечных ценностях в литературе дают им как отрицательную, так и положительную оценку. В критических замечаниях обоснованно и смело аналируются произведения авторов. Раскрывается психологическая структура личностей. Философские мысли о событиях, отражённых в стихах, автор сборника подчинил движению мысли.

Следует иметь в виду, что и современная наука литературоведения должна жить только в диалоге, в сложном взаимодействии разных подходов и пониманий.

Приведу пример. В театре БДТ вторая, вновь выстроенная сцена (на Крестовском острове), здание очень красивое и снаружи и внутри, современное, состоялся спектакль по Шекспиру: «Мера за меру». Тема и проблемы того времени (четырнадцатый век) те же самые, что и сегодня, но только экипировка другая.

Действительно, «нерасторжима связь времён, мы все наследники друг друга».

Убеждаемся всё больше, что качество жизни и духовной и материальной передаётся от поколения к поколению. Уместно упомянуть высказывание А.С.Пушкина, его завет: «Безнравственно забвенье предков!». Для этого на территории России, для единства России необходимо единое образование во всех регионах для поднятия общего культурного уровня.

Терпение, мудрость, образование выведут в дальнейшем из создавшейся трудной ситуации в стране.

Пока жив писатель, жива нация, жива страна. Когда погибнет писатель - погибнет культура. А с нею и всё остальное.

Proza

СЕРГЕЙ ПСАРЁВ

Страсти грибной охоты

Утро. На платформе станции «Удельная» собираются заспанные пассажиры. По большей части все это дачники, любители сбора грибов и ягод. Приятный голос диктора объявляет о прибытии поездов и начавшейся компании по борьбе с безбилетными пассажирами. Подошел электропоезд на Выборг и все стараются одновременно втиснуться через открывшиеся двери. Состав плавно трогается. В проходах вагонов суতোлка. Двигутся пассажиры, размещаются корзинки, рюкзаки и тележки с сумками. Все делается по-дружески и взаимному согласию. Это добродушный мир людей на короткое время освободившихся от городских забот...

- Не будете ли так любезны, барышня... хм... снять эту симпатичную корзинку с моей головы...

- Охотно, сударь. Теперь вам удобно?

- Не сочтите меня любопытным: песик, которого вы мне сейчас посадили на колени, шпиц? Можно я дам ему кусочек колбасы...

Бегущая строка над входом торопливо отсчитывала время. Озерки, Шувалово, Парголово... За окном вагона окраины города постепенно сменились на залитые утренним солнцем поля и перелески.

Для отставного военного Васильчикова осенние поездки за грибами стали многолетней установившейся традицией. Отменить их ничего не могло, разве чрезвычайные обстоятельства и стихийные бедствия. За чертой лета грибная пора проходила быстро, можно было просто не успеть. Тогда у Васильчикова возникало ощущение чего-то безнадежно утраченного. Весь год после этого казался ему прожитым зря. Правда, сейчас с погодой везло. Бабье лето начиналось уже по второму кругу...

В его увлечении не было азарта многих других сборщиков даров леса, которых в такие дни охватывала грибная лихорадка. Это,

когда поход за грибами превращался в соревнование. Нет, он тоже не был лишен некоторого тщеславия. Полновесная корзинка белых грибов, украшенная листьями папоротника и восхищенные взгляды попутчиц, приятно согревали сердце старого ветерана.

Правда, особых усилий для этого он никогда не прикладывал. Все получалось как-то само собой. Особенно, если принимать во внимание, что у него, как и у многих опытных грибников, имелись свои заветные места в лесу... Был у него и еще один секрет. Два года назад возле станции продал ему грибную корзинку старый крестьянин с Западной Украины по имени Лесь. Васильчиков над ним тогда еще подшучивал...

- Не соберу грибов - верну тебе эту корзинку сегодня же обратно...

Лесь спорить не стал, согласился. Надо же товар как-то продать, нельзя домой ехать с пустыми руками. Тут с любой прихотью питерских согласишься... Только в спину уже уходящему Васильчикову, перекрестил свою красивую корзинку. Обратный тот вернулся довольный, доверху грибов в нее набрал. Потом они еще и выпили вместе у магазина, за удачу. С тех самых пор так и повелось...

К сезонным поездкам за город Васильчиков всегда готовился обстоятельно и с особой тщательностью. Сегодня на нем было хорошо подогнанный по фигуре комбинезон и резиновые сапоги. Экипировку дополняли рюкзак и заветная плетеная корзинка. Васильчиков, по своей армейской привычке, чисто выбрит, от него исходил приятный запах утренней свежести и табака. Вся его невысокая, ладная фигура перед очередной встречей с лесом наполнялась нетерпением, подобно сжатой пружине.

Через полтора часа Васильчиков с нескрываемым волнением уже входил в лес. Вначале следовало идти быстрее. Ближе к станции

грибов почти не было. Гуляющие жители поселка их подчистую выкашивали. Все же он и здесь часто останавливался: больно красиво вокруг. Гранит валунов, лишайники и редкие рыжие стволы сосен скоро сменила тень вековых елей. В листве берез все больше пробивалось осеннего золотого цвета. Вот и первые найденные им грибы, плотные и сбитые белые крепыши.

Извлеченный из-под корней ели подосиновик, удивил Васильчикова своей длинной ножкой. Извилист и долог был его путь наверх... Ну кто же из ботаников определил такие грибы низшим классом рядом со мхами и лишайниками? Конечно, они не растения и не животные. Грибы - особые существа природы, наделенные душой. Они умеют вести нас по лесу, прятаться и выглядывать, дразнить и смеяться. Это дети богов, ведь никто их не сеет, не сажает. Грибы рождаются сами собой, в самых непредсказуемых местах. У них есть голова и ноги. Если внимательно присмотреться, то и глаза найти можно. Даром, что ли старичок-лесовик принимает именно этот привлекательный образ?

Васильчиков с особым наслаждением городского человека вдыхал полной грудью запахи леса, сдобренные прелой горечью упавших осенних листьев. На него накатило состояние покоя от общения с лесом. Незаметно для себя, он теперь двигался по лесу кругами, словно по неведомому лесному лабиринту. Мысли его потекли медленно, как хорошая домашняя сметана, а потом исчезли совсем, оставляя возможность простого созерцания сменяющихся картин осеннего леса. В этом молчаливом общении для него было много интересного. Казалось, что окружающая природа каждый раз открывала ему свою книгу с удивительными, неизвестными ранее страницами...

Он вспомнил, как однажды в лесу набрел на заброшенный финский хутор. Полуразрушенные кирпичные и деревянные постройки некогда процветавшего хозяйства давно проросли ельником и березняком, от чего можно было легко пройти мимо них, ничего не заметив. Через провалившуюся покрытую мхом крышу на него смотрело серое небо. Он тогда

еще долго бродил вокруг, заглядывал в заколоченные окна, пытаясь увидеть осколки чужей неизвестной ему жизни. В одном месте Васильчиков даже разглядел на красной черепице, нацарапанное по-фински женское имя и крохотное сердечко... Воображение живо нарисовало ему историю жизни неизвестных молодых людей. Над человеческой мыслью время не властно. Его можно было остановить, вернуть и оживить события...

Светловолосый юноша размахисто работая вилами, забрасывал сено в темный чердачный проем сарая. Вроде и высоко, метра три, но у него все получалось быстро и ловко...

Теперь он, оглянувшись по сторонам, поднялся туда сам по лестнице и размаху упал в пахучий ворох луговых трав. Здесь, под самой крышей, было тепло и сухо, приятно тянуло сквозняком. Где-то внизу фыркали лошади...

- Айна, милая, ты где?

- Я здесь, мой единственный. Господи, как я долго ждала тебя сегодня. Мне кажется, что прошла целая вечность...

- Отец только сейчас уехал. Зато теперь его не будет до самого вечера.

- Никуда больше не отпущу тебя, слышишь? Ты мой, только мой...

В глубине сваленного сена свет мешался с тенью, их руки и тела сплетались во встречном порыве, губы сливались в поцелуе. Долгое ожидание часто добавляло им желания и страсти...

Васильчиков бережно положил тяжелую черепицу на землю и пошел дальше через лес. Он еще когда-нибудь вернется сюда, пусть все здесь останется, как было...

А еще неподалеку от этого хутора в лесу находился странный пансионат для престарелых. Пройдя через брешь в штaketнике, Васильчиков оказался на игровой площадке, где сушилось застиранное серое белье. Рядом стояло несколько крашенных деревянных жилых бараков, административный корпус и столовая, от которой исходил кисловатый запах квашеной капусты. Похоже, что когда-то здесь был детский пионерский лагерь. Осталось что-то неуловимо знакомое из другого, безвозвратно потерянного времени...

Теперь у корпуса на лавочке сидели двое

худых стариков в больничных халатах. Оба они смотрели в одну точку с безразличным видом. Взгляд в никуда... Потом один из них вытащил расческу, аккуратно вытер ее грязным носовым платком и, приложив к ней листок бумаги, довольно ловко сыграл какую-то забавную мелодию. Заметив Васильчикова, старик неодобрительно покачал головой:

*Ты ль это, Вальсингам? Ты ль самый тот,
Кто три тому недели на коленях
Труп матери, рыдая, обнимал
И с воплем бился над ее могилой?*

Голос его неожиданно возвысился до крика, а потом сорвался на шипение и свист. У Васильчикова мороз пробежал по коже от такого прочтения известных пушкинских строк. Он поспешил покинуть неприятное место. Старик рассмеялся ему вслед беззубым, как черная яма, ртом...

Откуда-то из барака послышался шум и чей-то раздраженный голос ...

- Это вам не колония строгого режима, а частное учреждение. Здесь никого насильно не держат. Я не буду опять менять постель, противная старуха! Ты мне надоела, от тебя отказались даже родственники...

Рябина в этом году выбросила тяжелые гроздья крупных ягод. Будто кровью брызнуло в осеннем лесу. Знающие люди говорили, что это к холодной зиме.

Скоро поверхность под ногами Васильчикова перестала быть ровной. Впереди пошли поросшие мхом ямы-воронки, какие-то полужасыпанные ходы, складывавшиеся в неровные зигзаги. Это были шрамы земли, оставленные войной в этих местах. Время, как могло, уже залечило их, сгладило, но опытный взгляд легко угадывал следы разрывов бомб и снарядов, линию переднего края окопавшейся пехоты. Кажется, вот здесь была оборудована пулеметная огневая точка. По краям еще сохранилась истлевшая, иссеченная осколками деревянная обшивка окопа. Вот он, сектор обстрела огневой точки. Васильчиков встал на место бойца-пулеметчика. Наверное, с той стороны двигался противник и на него отсюда смотрели через прицел... Здесь истребляли

друг друга с неистовой яростью, полагая это не убийством, а своим долгом и воинским ремеслом, облаченным в форму выполнения боевого приказа. Земля в наказание боже не открывала сражавшимся ворота ада. Напротив, она покорно принимала их всех, повзводно, одного за другим в свое бездонное лоно, откуда уже было не суждено вернуться, никому. Для жизни дважды не рождаются на белом свете. Все они полегли рядом: защитники своей земли и те, кто пришел сюда ее завоевывать...

В какой-то момент почва под ногами показалась Васильчикову страшной, живой субстанцией, состоящей из невидимых ему искалеченных безоболочных тел. Каждый новый шаг отзывался в нем ощущением чужой боли. Он ступал осторожно, словно боялся потревожить чей-то сон, оцепенение или услышать стон...

Все же здесь, скорее всего, уже поработали поисковые отряды. Вон, какое мемориальное кладбище появилось в центре поселка у самой станции. На каменных плитах с длинными списками захороненных положили простреленные каски. Более семисот человек в этих братских могилах. Там вместе похоронены участники Зимней войны с финнами и Великой Отечественной. Им теперь хватило малого участка земли, общей могилы. Всем, перечисленным поименно и оставшимся неизвестными. Васильчиков ходил там, читал и неожиданно для самого себя подумал, что на месте этого старшего политрука, военкома части Чайковского Якова Моисеевича, погибшего в боях с белофиннами 28 февраля 1940 года, мог оказаться он сам, если бы жил в то время. Армейская каска на его могиле была аккуратно простреляна, прямо в лоб. Наверное, снайпер из укрытия работал...

Васильчиков вспомнил, как один из участников такого поискового отряда опубликовал в социальных сетях свое фото на фоне извлеченных из земли останков немецких солдат. Похоже, полагал, что этим он совершил патристический поступок. Ничего, кроме чувства омерзения, это у Васильчикова не вызвало. Солдат-фронтвик по отношению к другому солдату, даже врагу, так не поступил бы. Все

под одним Богом ходим, а презрение к смерти и ненависть к противнику лучше было продемонстрировать в боевой обстановке... Похоже, что такая необычная и серьезная работа требовала от своих участников не только особых моральных качеств, но и здоровой, устойчивой психики. Не каждому это по плечу...

Вокруг стояла удивительная тишина, лишь изредка прерывавшаяся голосами леса. Было слышно даже падение сухого листа за несколько шагов. Тишина, такая привычная для мирного времени, но пугающая своей неизвестностью в боевой обстановке. Ведь в ней никогда не знаешь, откуда к тебе могла прийти новая опасность.

Васильчиков поднял заметно потяжелевшую корзину с грибами и пошел дальше через лес. Теперь он подумал, что хорошо было бы пристроить такой груз за спиной, чтобы освободить руки, как это всегда у него получалось в армейском снаряжении. Там все было продуманно до мелочей и не мешало на марше. Здесь любому сборщику грибов или ягод не помешал хороший плетеный кузов за плечами. Теперь в его голову настойчиво лезли поэтические строчки для детей Николая Гладкова...

*Сто грибов в лесу найдем,
Обойдем полянку.
В кузовок мы не возьмем
Бледную поганку!
Мы обшарим все дубы,
Елки и осинки
И хорошие грибы
Соберем в корзинки.*

Этот милый стишок действительно сильно привязался. Все потому, что белых грибов ему попадалось все больше и больше. Прямо заповедные места открылись. Кажется, уже и класть больше некуда. Полна его корзина отборными белыми грибами, один к одному. Он никогда раньше не видел в лесу такого изобилия.

Васильчиков заметил, что лисички возле него образовали странный грибной круг, будто хоровод водили... В диаметре он составлял не менее десяти метров. Он вспомнил, что такие

круги в народе называют ведьмиными. Считалось, что в их середине на шабаш собирались ведьмы и колдуны. А еще говорили, что там обязательно закопан волшебный клад. Только откопать его не получится, пока не натрешь глаза разрыв-травой. Эту траву тоже еще нужно было найти в период цветения в ночь на Ивана Купала. В такую чепуху он не верил и решительно шагнул через грибную проплешину. Погода изменилась прямо на глазах, словно кто-то ее потревожил. Неожиданно стал натягивать желтоватый туман, хотя еще пять минут ничего этого не предвещало и светило яркое солнце. Казалось, что внезапно наступили сумерки. Ориентироваться в лесу становилось все труднее. Этот туман таял каким-то странным образом, от его запаха немного кружилась голова...

Потом Васильчиков вышел на бетонную дорогу. Ему показалось, что так он скорее выйдет к поселку. Было похоже, что по этой дороге уже давно никто не ездил. Туман стал заметно реже, будто он перешел какую-то границу...

Через четверть часа Васильчиков оказался возле КПП какой-то странной воинской части. Вокруг не одной души, какое-то всеобщее запустение. Открытые въездные ворота со звездами, периметр ограждения с колючей проволокой и вышками для часовых. На стене штаба части потускневший лозунг все еще напоминал о конституционном долге граждан Союза ССР по защите социалистического Отечества. Рядом располагался казарменный городок, залитый асфальтом строевой плац. Через многочисленные трещины к солнцу пробивалась зеленая трава. Немного подальше начиналась техническая позиция с надежно защищенными ангарами. Со стороны они напоминали поросшие травой курганы. Там когда-то находилась на хранении грозная ракетная техника. Теперь все они были открыты и пусты. Получалась довольно грустная картинка о недавнем прошлом некогда могучей ядерной сверхдержавы.

Можно было подумать, что весь личный состав войсковой части вместе со своей грозной техникой внезапно выехал по тревоге и больше не вернулся.

С нескрываемым интересом он бродил по пустым сооружениям и вспоминал свое прошлое инженера-испытателя космической техники. Теперь все это казалось ему бесконечно далеким и одновременно будило воспоминания, самые приятные сердцу. В его жизни было совершено немало глупостей и ошибок, но так устроена память, что она избирательно сохранила только самое лучшее. Как на христианской исповеди, где тебе отпускались совершенные грехи за искреннее покаяние. Прощение позволяло забывать многое плохое и снова грешить. Зато многие подлости и жизненные трагедии, спустя время, уже не казались такими значительными. Память тоже прощала многое, иначе можно было бы просто сойти с ума. Люди не ангелы, они живут на земле...

Скоро Васильчиков оказался у защищенного командного пункта. Подземные сооружения под толстым слоем бетона и прочной стали даже сейчас производили сильное впечатление. За открытой тяжелой стальной дверью начинались ступеньки, которые вели вниз, в многочисленные помещения, находившиеся глубоко под землей. Туда же змеями тянулись кабельные линии каналов связи и энергоснабжения, опускались кожуха вентиляционных шахт. Снизу тянуло вечным холодом подземелья и сыростью...

Тишина – это всегда ожидание неизвестного. Его не покидало странное ощущение, что за ним кто-то внимательно наблюдал со стороны. Неожиданно за спиной Васильчиков услышал странный скрежет. Он оглянулся, но никого не увидел.

«Что это было, ветер? Но разве он мог передвинуть такие тяжелые стальные двери? – Васильчиков терялся в догадках. - Странное и неприятное место...».

Он в сердцах пнул ногой валявшуюся рядом противогазную коробку, разом взорвав застоявшуюся предательскую тишину...

Теперь он ясно слышал шаги за своей спиной. Шаги были четкие и уверенные, будто кто-то отрабатывал строевые упражнения на плацу. Васильчиков повернулся, делая одновременно шаг в сторону и, неловко поскользнулся на битом стекле...

«Тоже мне, Рембо нашелся, - подумал он о себе с раздражением. - Как корова на льду или ногой в салат попал...».

Со стороны штаба к нему приближался лейтенант с красной повязкой на руке.

«Здесь, оказывается, еще и дежурство несут, - усмехнулся он. – Вот так вяпался... Этот задержит, точно задержит. Главное в таких случаях сохранять самообладание и не терять уверенности».

У лейтенанта холодные злые глаза и задиристый волевой подбородок. Он был мал ростом, шейка совсем тоненькая. Это последнее особенно бросалось в глаза из-за широкого воротника форменной рубашки. Зато все остальное у лейтенанта было в плюсе и четко подогнано по форме. Сапоги на больших каблуках, добавлявшие ему пару-тройку сантиметров роста, сверкали зеркальным блеском. «Когда я вырасту и стану великаном...» Этот, наверняка, службист и рубака. Идет – шаг чеканит. Такие люди часто компенсировали свою физическую слабость и маленький рост рвением в службе, постоянно доказывали свою состоятельность во всех гранях человеческого таланта. Это как расплата за прежние детские обиды, проблемы в отношениях с девушками, превратившаяся в “комплекс маленького человека”.

Незнакомый лейтенант вызывал у него скрытое чувство симпатии. Он будто себя увидел в далекой юности. Васильчиков тоже не отличался большим ростом в кругу своих друзей и сослуживцев. Все это было хорошо знакомо ему самому...

- Дежурный по части Стрельников, - подчеркнуто вежливо представился лейтенант, приложив руку к козырьку.

В отработанном движении его воинского приветствия сквозила изящность и умелая небрежность хорошего строевого офицера.

«Наверное, не один день тренировался перед зеркалом, подлец, - подумал о нем Васильчиков и улыбнулся. - Умеет производить нужное впечатление...»

Теперь глаза лейтенанта превратились в узкие холодные щелочки и уже не сулили Васильчикову ничего хорошего. Похоже, заметил его улыбку...

- Объясните цель вашего прибытия. Как вы вообще проникли на территорию воинской части? Прошу предъявить ваши документы.

- Я не проникал, а просто прошел сюда. У вас же на КПП никого нет, - попытался объяснить Васильчиков.

Свои документы он все же нехотя протянул лейтенанту. Похоже, что без этого ситуация уже разрешиться не могла. Дежурный внимательно изучил его документы и тут же спрятал их в карман, не обращая внимания на возражения Васильчикова. Лицо лейтенанта быстро покрылось красными пятнами...

- Да что вы мне такое говорите? У нас на КПП никого нет... Следуйте за мной...

Васильчиков поплелся следом за дежурным к воротам части. Он все же надеялся, что это нелепое недоразумение быстро разъяснится. Каково же было его удивление, когда в помещении контрольно-пропускного пункта он увидел скучающего сержанта с черными петличками ракетчика. Там же находились пульт сигнализации и телефонные аппараты. Правда, такое оборудование он видел в армии лет тридцать пять-сорок назад. Он мог поклясться кому угодно, что ничего этого здесь не было еще полчаса назад. Лейтенант облегченно выдохнул и с упреком посмотрел на Васильчикова.

- Сержант Яценюк, вы пропускали здесь этого человека?

- Товарищ лейтенант, да я его первый раз вижу, никто у меня без пропуска не проходил, - сержант довольно искусно изобразил обиженного. - Вы ж меня знаете, чтобы я... Вот, когда вы вчера вечером проходили через КПП с ефрейтором Демидовой из строевой части...

- Ладно, Яценюк, потом разберемся. Ремень свой подтяните.

Сержант нехотя оторвал свой зад от стула и обозначил подтягивание поясного ремня. Лейтенант Стрельников уже не обращал на него внимания, и принялся звонить в штаб части.

- Товарищ подполковник, тут у нас происшествие: задержал подозрительного человека на территории части. Не знаю, как здесь оказался... Находился у запасного командного пункта и документы у него какие-то странные...

Васильчиков грустно посмотрел через решетку окна дежурки. Там теперь кипела самая обычная, знакомая ему жизнь войсковой части. На территорию въезжали армейские грузовые автомашины с тентом, приспособленные под перевозку личного состава. От казарменного городка шел строй солдат. Слышалась песня, тоже ему очень знакомая...

*У солдата выходной, пуговицы в ряд
Ярче солнечного дня золотом горят.
Часовые на посту, в городе весна,
Проводи нас до ворот,
Товарищ старшина, товарищ старшина.*

Через четверть часа Васильчикова доставили в штаб. Седой грузный полковник - командир части, слушать его не стал. Только взглядом суровым сверкнул из-под насупленных бровей. Конечно, не его дело разбираться с каким-то грибником. Для такого начальника «полковник» часто уже не звание, а диагноз. Этот, наверное, даже когда с женой спал, всегда помнил о своем высоком служебном положении. Его сразу передали офицеру особого отдела. Похоже, дело принимало самый серьезный оборот. Майор из особого отдела смотрел на него с нескрываемым любопытством. Он внимательно выслушал объяснения Васильчикова. К слову, свой рассказ Васильчиков повторял уже трижды, с одинаковым успехом...

- Значит, говорите, что грибы собирали на территории нашей части? Очень интересно... Да, корзинка у вас есть, но это скорее для прикрытия. А ведь мы давно за вами наблюдали. Как разведчик разведчику... Вы плохо работаете, Васильчиков, или как вас там называют, на самом деле...

- В каком смысле называют? - не понял майора Васильчиков.

- Бросьте прикидываться, на кого работаете и с какой целью были заброшены в СССР?

- Вы по моей части сильно ошибаетесь, товарищ майор. Я пенсионер и сам когда-то служил в армии, имею воинское звание подполковника.

- Я вам не товарищ, Васильчиков. Комбинезон на вас импортный, заграничный. Наши

люди в такой одежде по грибы не ходят. У вас изъято портативное приемно-передающее устройство.

- Это обыкновенный мобильный телефон...

- По нашим сведениям вы являетесь агентом иностранной разведки. По-русски говорите свободно, хотя и с украинским акцентом. Вы из украинских националистов, тех у кого отцы и старшие братья ушли к оуновцам. Вот, вам и сказать нечего! Все говорит против вас.

- Простите, но мне совершенно не в чем признаваться, я сказал правду, - голос у Васильчикова предательски задрожал.

Он почувствовал, что катастрофически быстро отупел от сыпавшихся на него вопросов и нелепых обвинений. Еще немного и Васильчиков признался бы, что готовил террористический акт, являлся агентом ЦРУ, Моссад и британской разведки МИ-6 одновременно.

- У вас есть шанс сохранить себе жизнь, если будете сотрудничать с нами. Это зачтется при вынесении приговора суда. Не нужно упорствовать, вы полностью изблещены и проиграли. Про нашу «Шпалерку» вам там рассказывали? Нам нужны ваши связи и явки. Кого знаете в нашей части, и кто вам помог проникнуть на ее территорию?

Васильчиков понял, что этому майору очень нужно добиться его признания. Именно ему и сейчас, в этом кабинете. Глядишь, еще одну звездочку на погоны или орден на грудь. Особист явно оказывал давление на психику и запугивал. Как же объяснить ему, что он не вражеский агент и не сумасшедший?

Майор задумчиво ходил по кабинету. Это был первый такой случай в служебной практике. Перед ним настоящий агент империалистической разведки, задержанный при его непосредственном участии. Да, это был реальный шанс выбраться из этого захолустья в «Большой дом» на Литейном проспекте, в Ленинград... Правда, этот шпион не совсем обычный. Что-то здесь действительно не складывалось.

Наконец майор уселся в кресло и закурил. Все показалось ему странным. Точнее, майор вообще ничего не понимал, а уже известное, не укладывалось в голове. Этот задержанный

почему-то не вызывал у него внутреннего отторжения. К слову говоря, майор всегда доверял своей профессиональной интуиции работника госбезопасности, а она его никогда не подводила. Этот задержанный не был похож на окружающих, как любой иностранец или перебежчик. Проспект Карла Маркса в Ленинграде он по-старому называл Большим Сампсониевским, в карманах у него обнаружили сигареты Winston странной петербургской табачной фабрики Петро. Все это уже ни в какие рамки не лезло...

- Можно сигарету? У меня все вещи отобрали, - попросил Васильчиков.

- Берите, - майор вздохнул и пододвинул Васильчикову свою пачку Беломора фабрики Урицкого. - Я такие курю. Нет, плохо за кордоном стали работать. Нас за людей совсем считать перестали. Вам сделали любопытнейшие липовые документы. Это пенсионное удостоверение было выдано военным комиссариатом города Санкт-Петербурга в 1997 году. Нет в СССР такого города. Вернее, он был когда-то в Российской империи, но его еще в 1914 году переименовали в Петроград. Теперь этот город много лет носит имя великого Ленина. Похоже на Западе с этим до сих пор смириться не могут. Но даже это не самое главное. Сейчас у нас 1978 год. Вы хотите мне что-нибудь объяснить, гость из будущего? Может у нас в ваше время и советской власти в стране не будет? Вы сами-то во все это верите? Какой сейчас год по-вашему?

Теперь Васильчиков понял все. Ему здесь никто не верил, ни одному его слову. Он и сам еще не верил в реальность происходящего. Наконец Васильчиков решился рассказать все...

- Сейчас 2014 год, сентябрь... Простите, но страна у нас теперь действительно другая, с Петербургом. Нет даже вашей табачной фабрики имени Урицкого и многого другого. Можете считать, что я начал сотрудничать с вами и стал давать признательные показания...

Васильчиков рассказывал уже второй час, периодически отвечая на вопросы майора особого отдела. Тот внимательно слушал его, ничего не записывая, много курил...

- Что же, вот так, просто рухнул наш Союз и вы даже не сопротивлялись? Народ, партия

- это же монолит, сплав. Мы в войну с фашизмом выстояли и победили... Как же вы могли? Двадцать миллионов жизней положили... Вам всем когда-нибудь предъявят счет за все это, будет суд совести. Что вы расскажете потом своим детям и внукам?

- Сейчас говорят уже о двадцати семи миллионах погибших... Положим, не мы сдавали страну, а ее продажная партийная верхушка, хотевшая жить еще лучше. Так же, как не вы отстояли страну в Великой Отечественной. Это наши отцы и деды сделали. Вы тоже уже другие, только еще не понимаете этого.

- Ну, и как вам теперь там живется, в новой маленькой России?

- А знаете, довольно нормально. Только каждый старается жить для себя.

- Значит за границу ездите, на мир смотрите. Импортные шмотки покупаете, жрете их продукты, виски разные... Так? Вот за все это вы Родину свою и продали. А кто у вас президент? Он теперь так называется? Как в Америке...

- Президент из ваших, из чекистов. Вроде, тоже жалеет, что страна развалилась. Он питерский. Родители у него блокадники и похоронены на Серафимовском кладбище. Старший брат умер от голода в блокаду. Такое остается на всю жизнь. Президент тоже все это понимает, но повернуть идущий большой корабль не так просто. Если честно, то многие уже не хотят этого. Зато теперь вы в своем 1978 знаете, куда придет наша страна, еще можете успеть что-то сделать. Еще не поздно... Иначе много крови потом будет. Она и сейчас льется на Украине.

- Кто же там воюет?

- На Украине идет гражданская война. Юго-восток защищает право сохранить свою русскую идентичность, с фашистами воюет.

- Вы сошли с ума...

- Мне тоже иногда кажется, что это дурной, затянувшийся сон. К сожалению, все правда.

- Скажите, а крейсер Аврора еще стоит на своем месте?

- Да, все так же, на своей вечной стоянке у Петроградской набережной. Недавно Аврора ушла в кронштадтский док на ремонт, но это

без обмана. Она обязательно вернется, весь город провожал ее.

- Тогда еще не все потеряно, - майор впервые улыбнулся...

Васильчиков все так же сидел возле заброшенного запасного командного пункта. Вокруг никого не было. Он старательно записывал пришедшие ему в голову мысли. Получался неплохой интригующий рассказ для нового журнала. Вот только роль главного героя, как спасителя Отечества, показалась ему немного надуманной. Чего не сделаешь для привлечения внимания любимого читателя... Уместнее было подумать, что можно сделать для своей страны...

«Хорошо, когда такая прогулка прибавляется не только грибами в корзинке, но и новыми строчками в блокноте», - подумал Васильчиков. Он уже давно так жил. С того самого момента, когда почувствовал, что у него в жизни на все отпущен свой лимит времени. Каждый день ему было нужно непременно делать что-то полезное. С этого времени Васильчиков всегда торопился жить.

Он снова решительно зашагал через лес. Васильчикову показалось, что впереди постепенно нарастал шум. Он повеселел и даже прибавил шагу. Неожиданно для себя Васильчиков услышал приближавшийся сверлящий звук. Потом над его головой словно лопнул воздух, а от грохота разом заложило уши. Где-то впереди сильно трянуло землю, комья ее полетели вверх. От испуга Васильчиков даже присел, и это уже не было фантазией его воображения. Сомнений не было: где-то совсем рядом били из артиллерийских орудий настоящими боевыми снарядами. Через несколько минут перед ним открылось огромное пространство свободное от леса. Вся его поверхность была вспахана могучей гусеничной техникой. Только в эти борозды не бросали зерно, нечего не сеяли. По этому полю мчались танки, преодолевали препятствия и стреляли на ходу из своих длинных башенных орудий. Цепью бежала пехота и тоже куда-то стреляла. В своей современной экипировке солдаты были похожи на управляемых роботов из кинофильма о войне миров. Васильчиков невольно

вспомнил полянку в лесу, где и семьдесят лет спустя не рос лес. Страшное, расстрельное было это место... Тогда он подумал, что на этом учебном полигоне тоже вряд ли что-то вырастет. Не дадут, посчитают такое дурным знаком и признаком преступного безделья. Здесь же тоже все по-настоящему, всерьез решались тактические задачи боя, только потерь не было. Потери были условными, а разбитые мишени - это не погибшие солдаты, их легко заменить на новые.

Васильчиков мысленно представил себе, как за этим боем по монитору наблюдал невидимый ему Верховный Главнокомандующий страны. Он мог находиться сейчас на большом противолодочном корабле где-нибудь... в Черном море. Вот Верховный одобрительно кивнул министру обороны, звездному генералу с лицом Чингисхана. Генерал спокоен, у него сейчас все шло по плану. Может он в этот момент думал, как его великий предок одним движением руки поднимал многотысячные орды кочевников, и тогда на сотни верст вокруг содрогалась земля под их быстрыми копытами... На этих учениях тоже задействовали много людей. Вложенные миллиарды рублей превращались в огневую мощь. Больше ста тысяч военнослужащих, десятки войсковых частей от Калининграда до Курильской гряды по тревоге выдвигались в позиционные районы. В воздух подняли тяжелые транспортные самолеты. Сотни десантников бросались из их люков и, приземлившись среди ледяного безмолвия просторов Арктики, сразу вступали в бой. Они брали под защиту богатства нефтеносного континентального шельфа в Северном Ледовитом океане. В этот раз угроза исходила от вымышленного государства Миссури. Покидая стальные корпуса атомных субмарин, из океанских глубин стартовали межконтинентальные баллистические ракеты. Они точно поражали заданные цели на Камчатке, а бравые командиры радостно докладывали о успешном выполнении боевых задач.

Здесь снова играли в большую войну, потому что у России никогда не было других, более надежных союзников, чем ее армия и флот. Это горький, но хорошо усвоенный урок русской истории. Васильчикову показалось,

что страна уже сражалась против сил объединенной коалиции всего остального мира...

Офицер из оцепления внимательно проверил документы и не слишком любезно выпроводил его за пределы территории полигона. Он не спорил. Зато теперь ему хорошо известна дорога к станции...

У самого края леса Васильчиков встретил старушку в зеленой старого покрова кофте и длинном красном платье. Голова у нее была повязана белым платочком, словно у богомолки. Она неторопливо ковыряла длинной палкой среди листьев под деревом. В ее корзинке лежало всего несколько штук разных грибов и пучок какой-то травы.

- А ну-ка, покажи, чего сегодня нашел? Много грибов, почти все белые... Какой молодец! Далеко, на самый полигон ходил? Туда же сейчас не пускают... Вот эти, ты сразу замаринуй, а белые посушить надо. Знаешь, какой у тебя зимой супчик получится? - старушка кивнула Васильчикову, как хорошему знакомому и пошла дальше...

Вагон пригородной электрички всех уравнивал. Места здесь общие и часто общим получался начатый кем-то разговор. Васильчиков уютно устроился со своей корзинкой у самого окна и в разговоре не участвовал. До него только долетали обрывки отдельных фраз, но потом он все же прислушался. Интересно стало...

Канонаду на полигоне слышали многие, поэтому больше вспоминали войну. Наверное, нет другой, более сильной памяти в нашем Отечестве. Никто не знал сколько лет еще должно было пройти, чтобы стерлись шрамы войны не только на земле, но и в душах людей, ленинградцев.

- В Подпорожье приехали, со Славянска... Да, беженцы, война, - вздыхая, печально говорил тихий женский голос. - Приняли хорошо, одежду, продукты на первое время дали, с работой помогли. Мир не без добрых людей... Не думала, что вот так придется на старости лет все начинать... Это как поле на новом месте засеять. Не знаешь, что вырастет...

- Раньше я работал технологом на станкостроительном, на «Ильиче», - рассказывал рядом бородатый старик. - Его еще знают как за-

вод Этвала... Так у нас там была книга памяти со списками наших заводских, которые были призваны в РККА и не вернулись с фронта. Их там 173 человека, потом еще список погибших в годы блокады. Это еще 110 рабочих, инженеров и служащих. Книгу потом несколько раз уточняли, все фамилии новые дописывали. Теперь нашего завода давно уже нет, а эта книга осталась на проходной для памяти. Идут мимо люди и читают. Своих родственников, родных ищут...

Потом заговорила женщина: «Была у меня учительница, Анна Ивановна. Она в Ленинграде всю блокаду пережила, а жить здесь потом не смогла. Всех родных похоронила. Для нее это уже не город с домами и улицами, а

одно большое кладбище. Идет по улице и все вспоминает, где и кто на ней умер в блокаду. Кто-то под бомбежку попал, а другой шел и упал от голода или просто присел и замерз... Ничего забыть не может. Смотреть на это - душа рвется. Уехала она потом к родным, в деревню... Вот такая история получилась с нашей памятью...»

Ей никто не ответил, замолчали... На следующей станции вошли новые пассажиры и все опять заговорили о грибах.

Время снова бежало вперед: Шувалово, Озерки, Удельная... С пассажирами электрички в город приходили лесные грибные запахи и осенняя свежесть...

Русская Венера

Лесная сказка

*Мы с березами от одного общего корня.
Приходит день и превращаемся
в зеленый шум, где играют наши внуки...*

Верно раньше сказывали старые люди, что охота пуще неволи. Потянуло меня однажды в лес на лыжную прогулку. Тут себя превозмочь невозможно, даже пытаться не стоило. Не дождался подходящего времени. Прошедшая январская оттепель изрядно растопила снег и остатки его высушили наступившие крещенские морозы.

Лахтинский разлив, известное место лыжных прогулок, сковал крепкий лед. Только снега на нем и горсти не собрать. Свернул в ближайший березовый лес, что сразу за речкой начинался. Здесь снега осталось много, катилось легко, даже без лыжни.

Покружив по лесу, скоро заметил свежий лисий след. Если его знать, то с другим никогда не спутаешь. Мысленно представил себе все это как приглашение к скорой встрече и поспешил по звериному следу. Идти так всегда получалось интересно. Словно книгу лесную читал...

Минут через двадцать след потерялся в густых прибрежных зарослях. Отпустила меня лисица: завела в непроходимую чащу,

наигралась и бросила. Попрощалась она со мной. Чего же другого можно было ждать от такой рыжей проказницы?

Следовало оставить это ненадежное занятие и быстрее выбираться из непролазных зарослей. Вот только не тут-то было. Ветки прочно удерживали меня за куртку и не давали двигаться в другом направлении. Тонкая рябина больно хлестнула по щеке, а лыжи намертво застревали в частокле березняка. Пришлось подчиниться судьбе, развернуться и идти прежним направлением.

Скоро передо мной открылась ровная заснеженная поляна. Вот тут я увидел, куда вывел меня петляющий звериный след. В пяти шагах от меня стояла береза. Точнее, все то, что от нее осталось после прошедшей в этих местах страшной бури. Это была часть ее израненного, обнаженного ствола с развернутой в виде цветка корой. Обломок ствола представлял собой ясно выраженную женскую фигуру. Пожалуй, даже не всю, а только ее часть, без рук и головы. В этой фигуре было столько застенчивой грации, что глаз не от-

вести. Ее березовая кора показалась мне спадавшим покрывалом. Словно дрожа от робости и ожидания, опустила береза свои белые одежды, перешагнула через них и осталась стоять нагая. Легко угадывалась обнаженная грудь, округлые бедра с уходящими треугольником складками живота и длинные, слегка согнутые в коленях ноги. Повернулась она к малиновому солнцу в морозной дымке, да так и замерла...

Всегда говорил себе, что если ожидать чуда, то непременно его увидишь. Увидишь его там, где другие проходили мимо, ничего не заметив. Все это не было миражом и плодом моей творческой фантазии. Кое-как сделал несколько снимков на свой старенький телефон. Так, больше для памяти. Захотелось все это потом детально и достоверно нарисовать дома.

Это же была настоящая лесная Венера. Очень она получалась похожей на известный мне античный образ. Только не из гладкого мертвого мрамора, а теплого древесного ствола со всеми его изъянами. Едва я коснулся его, как под моими пальцами затрепетала живая плоть, способная страдать, плакать и истекать кровью...

Нет, это была совсем не Венера. Скорее всего, Прасковья или Авдотья, Аграфена или даже Настасья Филипповна. Наша, русская красавица. Через все континенты пройдешь, а краше такой не встретишь на всем белом свете. Она очарует и околдует тебя, потом хмельной отравой голову не зальешь. За такую красоту последнее отдашь, жизни своей жалко не будет.

Придя домой, сразу же принялся рисовать свою березу. Долго не получалось. До трех часов ночи бился, пока на бумаге у меня не проступили знакомые черты. Уснул, даже свет лампы не погасил, сил больше не осталось.

Под утро приснилась мне моя береза девицей в расшитом белом сарафане. Будто хлопотала она на кухне, щи постные готовила. Запах я вам скажу: ничего этого лучше на свете уже не бывало. Такие щи для мужчины могла приготовить только любимая женщина.

Вроде, будила она меня, говорила, что пора вставать, а я все проснуться никак не

мог. Знал, что если бы глаза открыл, то все волшебство разом исчезло.

Все пытался во сне угадать эту красавицу. Помнил, что у нее были светлые волосы. Золотом они отливали, словно солнце ей на голову корону примерило. Глаза у этой девицы с хитринкой были, цвета воды в лесном болоте. А главное, даже голос ее показался удивительно знакомым, словно ручеек меж камней журчал.

Она смеялась и снова расталкивала меня. Потом угомонилась и положила голову на мою грудь. Тогда почувствовал, что левой рукой обнимаю ее. Ложе наше опять стало белым снегом, а потолок ветвями мохнатых елей...

Конечно, когда окончательно проснулся, никого рядом уже не было. На мольберте оставался мой незаконченный рисунок с изломанным стволом вчерашней березы...

Вот только не поверите... На моей холостяцкой кухне было непривычно прибрано, а на плите стояли заботливо укутанные полотенцем ароматные, горячие ленинградские щи...

Потерянный мир

Не скрою, что ближайших выходных ожидал с большим нетерпением. Найденную березу я теперь мысленно называл Юнтоловской Девой по имени лесного заказника, в котором она выросла. Все боялся, что любое другое человеческое имя могло как-то нежелательно повлиять на ее судьбу и дальнейшие события. Мой сон не забылся, а странным образом превратился в воспоминания реальных событий. С волнением ожидал нашей новой встречи...

Наконец наступила долгожданная суббота, и мы с моим другом Антти Ватаненом отправились на лыжах в лес. Антти, крепкий еще, краснолицый мужчина с низким сиплым голосом. Он страстный фотограф и большой любитель леса. Моему эмоциональному рассказу о загадочной березе поверил сразу и загорелся желанием увидеть это лесное чудо. У него был с собой приличный фотоаппарат с зеркальной фотокамерой и хорошим разрешением, позволявшей снимать до пяти кадров в секунду. Качественная съемка в лесу в этот

раз нам была обеспечена.

Искать долго по лесу не пришлось. Уходя в прошлый раз, я разорвал свой синий платок и пометил это место ленточкой. Другую такую же ленту завязал на ветке осины при выходе из леса. Еще хорошо запомнил, что справа от этого места находилось целое кладбище поваленных деревьев, а слева - хорошо натоптанная тропинка рыбаков в сторону озера.

Мы все же покружили по лесу некоторое время, пока не нашли заветную березу. Может, потому что в этот раз не было лисьих следов на нашем пути, но скорее из-за того, что ночью в лесу выпал обильный снег. Долго искали брод, так как в реку пришло много воды с Финского залива, и она встала вдоль берегов вязкой желтой лентой.

Свою березу я увидел, как только вышли на поляну. Она стояла покрытая снегом, словно белым покрывалом. Будто стыдливо прятала наготу от чужих глаз. Уже тогда почувствовал что-то недоброе.

Бросив лыжи, сразу подошел к березе. У меня сильно забило сердце. Казалось, что его стук было слышно при мертвом лесном молчании. Словно спала моя березка неподвижным сном. Даже ее фигура теперь не обозначалась под снежной простыней. Только по возвышениям было видно, что это она. Осторожно коснулся ствола, расчищая снег. Мои руки неожиданно ушли в пустоту, тела у нее больше не было. Оставались одни выгоревшие черные уголья, еще как-то державшие истончившийся остаток ствола.

Теперь все стало понятно. Здесь, прямо под деревом, недавно разводили костер. Это место кому-то показалось удобным или его выбрали специально. Рядом в снегу валялись две пустые бутылки и мятые пластиковые стаканчики. Выпавший снег до поры спрятал всю эту печальную историю. Она вроде все еще стояла здесь, только прежней девушки-березы уже не было. Сохранившийся кончик ее ноги теперь показался мне застывшим и мертвым...

Мы оба молчали, всякое желание сфотографировать на этом месте сразу пропало.

- Удивительно дело, - подумал я с горечью. - Одним для счастья достаточно тихой радости, умения замечать красоту и любоваться.

Другим для собственного веселья непременно хотелось поглядеть на чужие страдания. Она же была живая... Эти люди сожгли березу, так удивительно похожую на женщину. Словно ее обвинили в колдовстве, в наведении порчи или чумы, как когда-то делали в просвещенной Европе. Наверное, эти люди сами никогда не испытывали чувства к женщине дальше простой физиологии. Тогда все они глубоко несчастны, но способны творить большое зло.

Настоящую любовь чувствуют, как особую энергию, на кончиках пальцев. Из этого рождается желание творить прекрасное...

- У вас говорят, что красота спасет мир, - сказал Антти. - Это не совсем так. Красота сама не меньше нуждается в защите. Эти люди не могли не понимать, что делали. Такое совсем не нормально. Ты же знаешь, я финн и живу в Швеции, но мне нравится Петербург. Наверное, потому что раньше провел здесь много времени и теперь у меня есть русская жена Варвара. Она хорошая помощница и красивая женщина. Варвара часто ездит в Петербург. Ей это нужно, она же русская. Там ее подруги, есть какое-то свое прошлое. В такие моменты становится особенно страшно. Каждый раз, когда Варвара уезжает в Россию, я начинаю думать, что она оттуда уже не вернется.

Только вы, русские, не можете оборвать свою связь с родиной. Я знаю шесть языков и поэтому везде чувствую себя одинаково свободно, гражданином всего мира. Живу там, где хочется, где у меня хорошо идет бизнес. Это бизнес делает наш мир таким.

Мне всегда интересно читать русскую классику: Толстого, Достоевского, Чехова. Наверное, пытаюсь лучше понять ваш характер. У Достоевского есть любопытный персонаж в романе "Братья Карамазовы" - лакей Смердяков. Он там говорит, что в 1812 году пришло нашествие Наполеона и хорошо, чтобы они Россию покорили. «Умная нация покорила глупую и присоединила ее к себе». Тогда бы здесь были европейские порядки. Он признался, что Россию ненавидит. Сегодня Смердяков сказал бы вам, что нужно было сдать Ленинград немцам. Пили бы сейчас хорошее

баварское пиво. У нас такого нет и быть не может, даже в объединенной Европе.

Объясни, почему у вас так? Молчишь? Значит, тоже не знаешь. Потому что это он, Смердяков, пил здесь водку и сжег твою березу. Этот лакей все ненавидит, потому что здесь унижен и не свободен. Он пытается заявить о себе, что тоже на все имеет право. В общем, делает все странным, диким образом. Это уже совсем другая свобода...

Вы очень умная нация, у вас великая страна, но жить хорошо никогда не будете. Прости, если я говорю тебе что-то не так...

В этих словах Антти была какая-то своя правда. Наверное, он об этом много думал. Я ему ничего не ответил. С Федором Михайловичем Достоевским спорить не хотелось. Особенно, когда его цитировал гражданин другой страны. Много веков назад по нашей просьбе оттуда уже приходили варяги, чтобы «княжить и владеть нами». Теперь их предки жили в России и по всей Европе. В той самой независимой Европе, где все уже давно равнялось по ординарному уровню американских стандартов жизни...

К слову, мне довелось видеть его Варвару. Ухоженная и стройная женщина. Варваре никак нельзя было дать ее пенсионного возраста. У нее короткая модная стрижка светлых волос и васильковые глаза чистой, незамутненной воды. Сразу обратил внимание на здоровый цвет лица, на фоне которого многие местные барышни без их привычного «тональника» показались бы «детьми подземелья». Мы тогда вместе сидели в кафе и ели с Варварой мороженое, одно на двоих, по диетическим соображениям. Пломбир в шариках, а на нем было нарисовано шоколадом сердечко. Вот это сердечко мы и разделили пополам, под коньяк...

Антти сидел рядом и пил красное сухое вино, которому всегда отдавал предпочтение перед любыми крепкими напитками. Его он мог потреблять в любых количествах. Антти пил уже третий бокал и все смотрел на свою Варвару печальными, бесконечно влюбленными глазами. Варвара что-то беззаботно рассказывала о жизни в Швеции, тоске по Питеру и безобразных русских продуктах, от которых

она совершенно отвыкла.

Мне тогда показалось, что в Варваре осталось совсем мало русского. Она даже слова теперь произносила с некоторым акцентом...

В тот день мы много выпили и снова спорили о нашей прекрасной стране, а я все думал, что теперь мне непременно нужно закончить рисунок своей Юнтоловской Девы. В России всегда должно что-то оставаться от ее прошлого. Иначе завтра нас просто не будет...

Аллея

С той поры прошло много дней. Зима не хотя уступила дорогу весне. Потом на невские берега спустилось короткое северное лето с его робким, переменчивым теплом и светлыми ночами. Слово нежный ангел с небес поселился на городских крышах. Только не выходила у меня из головы эта зимняя история. Часто бродил один, все надеялся, что когда-нибудь опять встречу свою тихую девушку-березку. Нет, не встретил ее больше... Кто знает, где и когда это могло произойти...

Наверное, такие встречи загадывались на небесах, чтобы потом проходить через всю жизнь. Эти женщины становились для нас единственными и черты их напрасно искали в каждой незнакомке - они больше не повторялись.

Не поверите, но я вспомнил эту женщину, ту самую, что пригрезилась мне во сне после встречи с лесным чудом...

Было это давно, в моем детстве. Стоял жаркий полдень, тянуло в тень на траву под старые раскидистые клены. Я, совсем еще мальчишка, застыл в немом восторге. Прямо на меня по тенистой аллее медленно двигалась молодая женщина. Нет, она не шла, а плыла по воздуху в своем длинном белом платье. Подобно ожившему мраморному чуду, сошедшему со своего пьедестала. Она все ближе и ближе... Легкая и воздушная, высокая и стройная. Ее молодое тело казалось прекрасным, тяжелые косы были уложены короной на голове. Незнакомка шла в лучах солнечного света, словно в потоке падающих небесных лепестков. Слово невидимые цветы осыпали ее сверху...

Я стоял, разинув рот, совсем рядом, в нескольких шагах. Ясно видел, как поднималась и дышала ее грудь в открытом свободном платье, видел маленькую темную родинку на ее шее. Каждая черточка ее лица была чиста и благородна, взгляд прекрасных глаз необычайно нежен.

Вот она остановилась возле меня с улыбкой, послышался ее удивительный, подобный журчащему ручейку голос:

- Какой смешной и милый мальчик. Где же твоя мама? Или ты уже большой и гуляешь один?

В то время я был уже учеником третьего класса и конечно считал себя достаточно взрослым. От волнения совершенно потерялся и даже не узнал своего голоса, его просто не было. Меня всего затянуло каким-то сиреневым туманом. Сердце было готово выскочить из груди, глаза заполнились слезами. В этот момент она протянула мне свой цветок. С его запахом я ощутил тонкое благоухание, исходившее от ее платья. Потом я узнал, что это называлось ароматом женщины и в дальнейшем, всегда искал его. Именно он, а совсем не чрезмерная открытость и напускная раскованность волновали меня более всего...

Тогда мы еще говорили о каких-то пустяках. Теперь, кажется, что она, как опытная женщина, легко поняла мое состояние. Прекрасная незнакомка с доброй улыбкой отпу-

стила меня, глянув на свои маленькие часы, выполненные в форме изящного браслета.

Она протянула мне руку, как взрослому юноше и сказала своим волшебным голосом:

- До свидания, молодой человек. Мне было приятно общаться с вами...

Все это прозвучало, как благословение свыше. Благословение всему самому прекрасному, что могло быть на этом свете: моей юности, солнцу, цветам и даже воде в Фонтанке. Потом она исчезла, исчезла, как сказочная фея в тени аллеи Летнего сада...

Подошло время и я вступил в настоящую взрослую жизнь, в которой случалось немало постыдного и грязного. Однако, благодарен своей судьбе, что начало ее у меня было именно таким.

Подаренный ею цветок долго хранился у меня. Со временем он высох совершенно и потемнел, но мне все еще чудилось, что я слышал его удивительный, тонкий запах...

С тех пор я живу с тайной внутренней радостью, потому что на мою долю выпало редкое счастье на мгновение испытать такое чистое и светлое чувство, истинную любовь, в которой заключается самое прекрасное: целомудрие, молодость и божественная поэзия.

Всю свою жизнь буду бесконечно искать красоту окружающего мира, чтобы потом открывать ее людям...

НИНА ОЗЕРОВА

Портрет

(Продолжение, начало в №10)

Леночка впервые увидела жилище художника. Солнце освещало единственную комнату. Из окна был виден розоватый закат и залив, сливавшийся с небом.

Вдоль стены стояла полированного дерева модная «стенка» (так называли в те времена корпусную мебель), у окна большой письменный стол. На его пространстве только хозяин мог безошибочно ориентироваться и находить нужную вещь и работать за ним. Это был настоящий «художественный беспорядок». У другой стены стоял диван, торшер и кресло у стола. На стеллажах множество книг, журналов и прочее... И картины везде, где было место и даже там, где места не было вовсе. И непостижимым образом как-то умещались фото-принадлежности и много всего такого, что так необходимо в работе художника и фотографа. Это было его царство, его «святая святых». Но было заметно, что ни одна женская рука не хозяйничала здесь и не наводила свой порядок. Все указывало на то, что это жилище холостяка.

Пока он готовил чай на маленькой кухне, Леночка разглядывала все вокруг и, вдруг, заметила журнал на польском языке. Полистав его, наткнулась на фотографию Сергея - он среди уличных художников рисует кого-то. За чаем он рассказал, что во время отпуска, ездил в Варшаву к знакомым и поработал там уличным художником. Это был для него интересный опыт.

Потом он рассказывал ей о себе и показывал свои работы - она разглядывала его. Сергей молодой мужчина, невысокого роста, крепкого сложения, на первый взгляд, был не в «ее вкусе». Но это только на первый взгляд. А человека, к которому она пришла одна впервые, что являлось, как и вся эта история со знакомством, явным исключением для нее, она разглядывала очень пристально. Лицо его было оригинально – тонкий прямой нос, зе-

ленные глаза, глубокие, как колодец, с какой-то спрятанной на дне печалью... Умное лицо, трагическое, загадочное и притягивающее своей тайной. Сильные, но изящные для мужчины руки, разворачивали перед Леночкой листы ватмана с рисунками, эскизами, показывали картины на подрамниках... Это были городские пейзажи и множество портретов в карандаше, акварели, в основном женских. Ей было очень интересно. Все это произвело на нее впечатление.

Потом, когда они разговорились, и она, стоя у письменного стола спиной к окну, вдруг сняла очки, он воскликнул: «Какие у тебя глаза! Русалочьи! Я это заметил еще в трамвае, когда ехал с тобой в одном вагоне в день нашей встречи. И специально вышел на твоей остановке за тобой, чтобы познакомиться». «Да, - сказала она, - что даже смутил меня тогда!».

Леночке, как и любой женщине, были приятны комплименты по поводу ее внешности. Она знала, что производит впечатление, и не только он, художник, но и другие мужчины говорили ей приятные слова...

Время первой необычной встречи пролетело незаметно. Было уже поздно. Они договорились созвониться. Сергей собирался нарисовать портрет Леночки. Провожая ее, он держал ее под руку, и они шли, разговаривая между собой, как старые знакомые. То ли от того, что в личных делах у нее был кризис, или по какой-то другой причине, или просто по-человечески, она почувствовала симпатию к этому художнику и какое-то доверие, и расставаться ей не хотелось...

Но время шло. Прошел ноябрь. Обещанного звонка так и не было. Она заметила, что ее женское самолюбие было слегка задето... И после долгих размышлений и сомнений она, наконец-то, решила первая позвонить художнику. Он был очень рад услышать ее и

долго извинялся, что не позвонил сам. На самом деле все было очень просто. Сергей был очень занят подготовкой своих фоторабот к выставке в институте, где он преподавал «Искусство художественной фотографии». Они опять договорились о встрече. Леночка с тайным трепетом дождалась этого дня. Вопрос о том, что надеть, какое платье, решил сам собой. Она остановила свой выбор на новом платье, которое недавно сшила ей мама. Надо сказать, что у них с мамой было совместное творчество: Леночка придумывала и рисовала фасон будущего «шедевра», а мама делала выкройку и шила очередной наряд. Итак, выбранное платье было очень эффектное – в сине-белую клетку, длинный рукав, круглый воротничок по горло, лиф, застегивающийся на красивые пуговицы, широкий пояс перехватывал талию и трехъярусная юбка. Все детали платья отделаны узким белым кружевом... Образ дополняли ее пышные кудри, а на ножках греческие ботильоны на высоких каблуках. Она уже знала, какой эффект производит в этом платье, так как была в нем не только у друзей и на работе, а даже в Мариинском театре, на генеральной репетиции оперного спектакля, куда была приглашена знакомой певицей Ольгой С.

Было уже начало декабря, зима еще не наступила и погода была по-осеннему теплая. Когда Леночка подходила к трамвайному кольцу, где Сергей ждал ее, пошел мокрый снег, покрывая все вокруг белым прозрачным покрывалом. Его глаза светились радостью и взяв ее под руку (как быстро прошли полтора месяца), он повел ее к себе. И опять стремительный лифт вознес их на восьмой этаж...

В маленькой прихожей его квартиры, помогая ей снять пальто, Сергей воскликнул, разглядывая ее: «Какое платье, шикарный образ! Сегодня ты куколка! Прихорашивайся, не буду тебе мешать». Поправив прическу и войдя в комнату, она увидела, что на этюднике приколот кнопками лист ватмана. Он усадил ее в кресло, направив свет на ее лицо, и сеанс начался...

Леночка вспомнила все подробности того необычного вечера. Как она была напряжена от того, что он пристально разглядывая ее,

уже рисовал... И она сама стала разглядывать его – он был собран и сосредоточен. Ей было интересно наблюдать за ним. Когда первые минуты скованности прошли, незаметно завязался разговор. Сама не замечая как, она рассказывает ему все о себе, о своей жизни...

Два часа пролетели незаметно и он вдруг сказал: «На сегодня хватит. Ты устала. Позировать непросто. Это не фотографироваться. Но, когда-нибудь я сделаю твое фото. Ты очень фотогенична! Обещаю!». Потом они пили чай на кухне. Чай, приготовленный Сергеем, был очень вкусный, с ароматом каких-то трав, тихо разговаривали обо всем и уходить ей очень не хотелось... Какое-то волшебство тепла и уюта этой маленькой квартиры окутало ее.

И Леночке казалось, что невидимые нити из ее души протягиваются к его душе, там зацепляются за невидимый крючок и опять устремляются к ней. Непрошенная и внезапная, как наваждение, симпатия к этому едва знакомому человеку охватила ее. Леночке уже очень хотелось нравиться ему, и она уже тайно ревновала его ко всем нарисованным им женщинам...

И опять он пошел провожать ее, и опять они шли под руку и разговаривали, как старые друзья. За несколько сеансов портрет был готов. Она придирчиво разглядывала его. Все ей нравилось. Но подбородок, по ее мнению, получился с выражением какой-то едва уловимой скорби. Сергей очень точно изобразил ее лицо, даже разговаривая с ней во время сеанса. «Это я сама виновата, - подумала она, и не смогла скрыть свою досаду, что и отразилось на лице. Не надо было рассказывать Сергею о НЕМ».

Обратившись к Сергею, она сказала: «Убери эту скорбь! Я себе такой не нравлюсь. Не надо мне этого реализма. Я хочу остаться на портрете красивой и счастливой, как на фотографиях». А надо добавить, что Леночка очень любила фотографироваться. В семейном архиве хранились ее детские фото. На одном – она в два года с большой куклой в яслях, на другом - она в три года в плюшевом пальтишке и красивом капоре с веткой винограда в маленькой ручке... На оборотной сто-

роне папиным каллиграфическим почерком надпись: «Леночка и виноград!!».

Она хранила свои черно-белые фото и любовалась удачными снимками, где она красивая, нарядная и довольная жизнью. Пусть, думала она, когда-нибудь, разглядывая эти снимки, дети или внуки будут восхищаться, но не жалеть ее. Она и жила так, постоянно доказывая себе и окружающим, что она красивая, хорошая, добрая, порядочная...

«Леночка! - голос Сергея вывел ее из задумчивости. - Ты мне напомнила даму из Петербургской повести Гоголя – «Портрет», которой не понравилось лицо ее дочери, написанное художником Чертковым и она попросила убрать кое-что на портрете. В результате чего лицо приобрело холодно-идеальное выражение и лишилось индивидуальности... Но дамы остались довольны! Но, не будем ссориться. Сейчас я все исправлю, насколько это возможно».

Он выполнил ее просьбу и теперь от лица ее на портрете веяло беззаботностью... Леночка даже не догадывалась, что чувствовал Сергей, выслушивая ее недовольство по поводу выражения лица. Он всегда очень болезненно реагировал на любые замечания в свой адрес. Он художник - ему виднее... Но у него хватило такта и выдержки не подать

виду, что это его задело, сказав: «Но я полагаю, что лучше немножко горчинки на холсте или бумаге, чем в жизни!».

«А теперь, Сергей, ты напомнил мне героев Оскара Уайльда. Я ведь не Дориан Грей. Надеюсь, моя жизнь не отразится кошмаром в будущем на портрете?!».

«Леночка! Успокойся, не огорчайся по пустякам и не нервничай! У тебя будет все хорошо! Я тебя понимаю и очень сочувствую. У тебя все будет хорошо, повторил он. Ты когда-нибудь вспомнишь и мои слова. Ты знаешь, я стал замечать, что у девушек и женщин, которых я рисовал, все в жизни наладилось самым лучшим образом, если до этого были проблемы в личной жизни. Некоторые из них мне об этом сообщали».

«Да ты просто волшебник какой-то», - подумала Леночка.

«Вы все красавицы, - продолжал Сергей, - но ведь красота и внешняя и внутренняя дается не всегда во благо...Очень часто, как испытание... Не каждая выдерживает... Портрет твой я пока оставлю у себя. Он мне понадобится для выставки моих живописных работ, которую устраивает мой друг художник - галерист. Выставка закончится, и я тебе его подарю.

Продолжение следует

МАРИНА КАМЕНЕВА

Миссия

Стук в дверь заставил Андрея отложить все бумаги и устало сказать: «Войдите». Впрочем, он и так уже знал, кто за дверью, но в душе теплилась надежда, что он ошибается. Дверь медленно, со скрипом, приоткрылась, и в щелке показалось лицо его помощника – Илья.

- Андрей Семенович, нам пора, - почти по-заговорщицки прошептал Илья.

Андрей только кивнул и опять повернулся к бумагам, раскиданным по столу. Он в очередной раз пытался написать речь, которую должен произнести на международном форуме через неделю. Но слова все не шли.

Илья за дверью переминался с ноги на ногу, давая своему шефу понять, что нужно выходить. Андрей тяжело поднялся со стула и вышел из кабинета. Его помощник радостно подскочил, бросился вперед по коридору, надеясь, что Андрей Семенович поспешит за ним следом. И действительно, Андрей шел также быстро, как и помощник. «Если не хочешь что-то делать, то сделай это побыстрее» - этой мудрости научила его жизнь, и Андрей постоянно убеждался в ее правдивости. Чем быстрее он начнет эту эпопею, тем быстрее все кончится.

Вот и тяжелая дубовая дверь кабинета с табличкой, выкрашенной в три цвета: белый, синий, красный. Илья, чуть поднатужившись, потянул бронзовую массивную ручку на себя и приоткрыл дверь. За ней, в ярко-освещенном кабинете, находилась секретарь. Она, конечно, ждала прихода Андрея Семеновича, и поэтому лишь кивнула в сторону другой двери, словно близнец похожей на ту, через которую они только что вошли. Илья быстренько подскочил к секретарю, облокотился на ее стол, и они принялись о чем-то болтать, старательно делая вид, что их совершенно не интересует предстоящий разговор двух начальников. Андрей ухватился, уже сам, за очередную бронзовую ручку и открыл дверь. За ней было темно, по-крайней мере, так показалось Андрею. Он зашел внутрь, и тяжелая дверь затворилась.

- А, Андрей Семенович, проходи, - голос

шел из глубины кабинета. Андрей присмотрелся и увидел человека, сидящего за массивным темного дерева столом. Поверхность стола была так сильно отполирована, что блеснула в неярком, сумеречном свете, лившемся из окна. На столе горела лишь одна лампа, покрытая темным абажуром, ее свет совершенно не охватывал лица начальника, а словно тонкий блин лежал на поверхности стола.

- Садись, садись. Разговор есть, - повторил начальник и Андрей подошел к крайнему стулу, стоящему неподалеку и уселся. Начальник усмехнулся, но ничего не сказал. Он сам, вот невероятно, встал и подошел ближе к Андрею Семеновичу.

- Что же, Андрей, - сказал начальник и погрузился в кресло, стоящее напротив гостя, - вот и пришло наше время. На международном форуме мы должны выступить так, будто это в последний раз. Хотя, по сути, это и будет наш последний раз.

Пока начальник говорил, Андрей рассматривал его лицо, плохо различимое в неясном свете угасающего дня и неверном электрическом. Глаза начальника были очень усталыми, мрачные тени пролегли под ними, делая его схожим с каким-то смертельно больным человеком. «Совсем заработался старик, - подумал Андрей. – Все мы заработались. И ради чего? Призрачного шанса?»

- Что ж, ты готов? Все бумаги подготовил? Думаю, это будет очень трудное противостояние, но наш Роскосмос должен понять, что участие КЦР просто необходимо. Пусть миссия на Лунные станции провалилась, но эта – на Марс - должна выгореть. И мы, специалисты нашего центра, должны быть в первых рядах.

Андрей лишь кивал в ответ. Что он мог сказать? Все в КЦР прекрасно знали, что эта миссия на Марс, в марсианский город, созданный людьми еще 15 лет назад, и теперь активно заселяющийся, была особенно важной. Потеря Лунных станций была для КЦР ударом под дых, но все же они оправились, чтобы

одержат победу на Марсе. В противном случае для КЦР будет все кончено.

- Что молчишь? - спросил начальник Андрея.

- А?... - протянул Андрей. - Нет, ничего. Думаю.

Андрей встал и подошел к окну. За ним стремительно темнело, ночь брала свои права. В вышине висел круглый диск луны. Там, в одном из многочисленных лунных морей спрятались белые крыши станций, в которых жили люди. Андрей представил, какой вид у них сейчас из окна: огромная зелено-голубая земля, окутанная дымкой облаков, - за такой вид можно многое отдать. Но сам Андрей никогда не был на Луне. Вообще-то он никогда не был в космосе, хотя имел полное право на один экскурсионный полет на орбиту.

«Если дело выгорит, то я полечу на Марс», - размышлял Андрей. Отсюда, из окна, он не видел маленькой красной точки, но знал, что и на ней есть люди.

- Мы должны выиграть, - голос начальника был тихим, но властным. В этом шепоте чувствовалась сила. Андрей не имел права подвести КЦР.

Начальник положил руку ему на плечо и немного постоял у окна. Потом, со вздохом, подошел к своему кожаному креслу и шумно уселся на мягкую подушку сидения. Андрей понял, что разговор окончен. Зачем было нужно вызывать его к себе ради этого минутного разговора? Впрочем, он был опытным работником и знал, что порой пары минут достаточно, чтобы понять ход мыслей и душевные порывы человека. На него, Соколова Андрея Семеновича, была сделана основная ставка, и он оправдывает эти ожидания, по крайней мере пока.

Зайдя в свой кабинет, Андрей не стал возвращаться к бумагам. Его мысли металась, и он понимал, что уже не сможет приступить к написанию доклада. Надо отложить все до завтра. Поспать.

Андрей взял куртку со стула и пошел к выходу.

В гараже его уже ждала машина. Очередное преимущество не последнего человека в КЦР. Водитель открыл ему дверь, и Андрей залез внутрь салона, в котором пахло дорогими сигарами. Сам Андрей не курил, но быв-

ший владелец авто, большой начальник из Роскосмоса, просто обожал кубинские сигары, которые уже трудно достать. Ведь Куба давно перевела свою экономику на иные рельсы, и космические полеты стали основной статьей доходов в кубинском бюджете. Много, что знал Андрей, изживало себя и на смену приходили иные вещи, не трогавшие его сердца. В свои сорок пять лет Андрей все еще помнил вкус ирландского виски, хотя самой Ирландии, как государства уже давно не существовало, а отличное оливковое масло, которое его отец привозил из Греции, полностью исчезло, как и многочисленные греческие острова, подбушующими водами Средиземного моря.

Пока за окном машины проплывали городские кварталы, Андрей почти заснул. Короткое попискивание парктроника вывело его из сна.

- Приехали, Андрей Семенович, - произнес водитель, глядя на пассажира в зеркало заднего вида. Дверь автоматически открылась, выпуская Андрея. Медленно, словно во сне, он вышел под бетонные своды подземного гаража.

Мужчина прошел к лифту и поднялся на свой этаж. Все это он делал словно на автопилоте, не задумываясь. Вот его дверь с серебряной табличкой с номером 124.

Андрей полез в верхний карман рубашки, куда по привычке клал ключ-карту от квартиры. Но не смог нащупать там тонкую пластинку. Вспомнив, что засунул ее в карман куртки, он пошарил там и наконец вытащил ключ. Пискнув, электронный замок открыл дверь, выпуская жильца. Он так устал, что засыпал на ходу. Еле дойдя до кровати, он просто рухнул на покрывало и почти сразу заснул.

Утро началось со звонка. Андрей ненавидел эти видео звонки, потому что они вечно заставляли его врасплох - не бритым и не причёсанным. Но не ответить он не мог. Звонили из пресс-центра.

- Андрей Семенович. Мы уже говорили с вами по поводу вашего доклада на международном форуме. Скажите, готова ли ваша речь? Когда мы сможем ознакомиться с основными тезисами доклада? - на Андрея смотрела милая девушка лет 30. Это была Оксана. Она уже в который раз звонила ему, все выпытывая насчет доклада. Как она ему надоела. Ее звонки,

как специально, сделаны с утра, когда он так уязвим перед ее нападками. Мозг, толком не проснувшись, отказывался работать в полную силу. Андрей понимал, что Оксана прекрасно отдает себе отчет, какое воздействие оказывают ее звонки на него, и находила в этом некое удовольствие. Вот и сейчас она терпеливо ждала его ответа, мило улыбаясь, рассматривая его заспанное лицо и мятую одежду.

- Я еще работаю над докладом, - Андрей как мог, попытался вложить в голос больше стали и уверенности. Он бросил взгляд в зеркало, но увидел только взъерошенные волосы и усталое лицо. Вряд ли Оксана отстанет.

- Но форум уже через неделю, а прессе необходимо подготовить ряд вопросов, касающихся вашего доклада. Какова позиция КЦР в отношении Марса?

- Я не могу сейчас комментировать ваш вопрос. Позже, - Андрей попытался, как мог, уйти от ответа.

- Но, Андрей Семенович, вы должны понимать, что доклад должен быть предоставлен прессе не менее чем за 5 дней до форума, - голос Оксаны был несколько ироничным. Она даже улыбнулась.

- Да, я понимаю это, - Андрей уже начал злиться, - я сделаю все возможное, чтобы выполнить все в указанные сроки.

«Да отстань же ты», - в раздражении подумал он.

- И все же, как КЦР будет защищать свои интересы перед Роскосмосом? Насколько нам известно, Роскосмос не видит возможным удовлетворить претензии КЦР относительно миссии на Марс. Кубинцы, Китай и другие лидеры в космической программе явно не горят желанием посылать на Марс таких людей, как сотрудники КЦР. После провала вашей миссии на Лунные станции, на что вы рассчитываете?

Андрей уже хотел ответить, зло и бестактно, но вдруг остановился и задумался.

- Оксана, я не помню, чтобы вы просили меня об интервью, и, как я уже сказал, доклад будет готов в срок и пресса сможет с ним ознакомиться. Других комментариев вы не дожждетесь. Всего доброго, - он выключил видеотелефон со вздохом облегчения. За секунду до этого он заметил изменившееся от неудовольствия лицо пресс-секретаря. «Ничего, ты справишь-

ся», - сказал себе Андрей по пути в ванную.

Весь день был забит под завязку столь неотложными и важными делами, что даже думать о докладе у Андрея не было возможности. Только поздним вечером, по пути домой, всматриваясь в городские кварталы, Андрей подумал, что надо бы приступить к докладу, учитывая, что уже завтра вечером нужно отослать наброски в пресс-центр форума.

Дома, не ложась в кровать, Андрей прошел к столу, заваленному бумагами и разгреб себе чистое место. Установив ноутбук, Андрей открыл чистый лист и замер. О чем писать? Мужчина бросил взгляд на газеты, лежащие на столе.

Многие абзацы статей выделены маркером, многие – подчеркнуты и снабжены дописанными от руки комментариями. Вот фото Лунной станции, которая была открыта для ученых около 40 лет назад. «Луна – для науки» - называлась статья. В ней с непримиримой уверенностью говорилось, что новый космический мир создан для ученых и только для них. Никакой религии, никакой политики. Люди ужасно боялись создать на Луне колонию, которая бы заявила о своих правах и потребовала бы независимости от Земли. Поэтому было решено создать на Луне огромный исследовательский центр, не подчиняющийся ни одному политику на Земле. А, как известно, большинство ученых атеисты, поэтому на Луне не было места для церквей или храмов. Только голая наука. КЦР в тот раз проиграл свою борьбу. Андрей не участвовал в силу малолетства в том споре, но его отец был сотрудником КЦР и поэтому о многом знал не понаслышке. В статье про это было сказано: «Несомненно, на космическом форуме было принято важнейшее решение о том, что КЦР (Космический Центр Религий) не будет участвовать в жизни Лунных станций. Ученые, которые будут жить и работать на Луне, не нуждаются в том, чтобы их жизнь и работу контролировали внешние силы. Наш девиз: никакой политики, никакой религии, только наука. Это величайший прорыв в человеческом сознании, ранее ограниченном рамками этих псевдо наук. Безусловно, это большой удар по имиджу КЦР, который теряет свои позиции. Решение космического форума дало нам всем понять, что прогресс двигает только

наука».

Андрей прочитал этот текст еще раз, чтобы понять, что руководило теми, сорокалетней давности, людьми. Он понимал, что в чем-то решение форума было верным. Ведь исследователи не нуждались в ограничении своих действий. Они руководствовались лишь непреложными научными законами и теориями.

Еще одна газета, уже почти столетней давности, описывающая события тех далеких времен, когда человек впервые полетел в космос. Андрей прекрасно знал имя первого космонавта Земли – Юрий Алексеевич Гагарин. Этот человек был поводом гордости не только для Андрея, но и для всей его страны.

Лунные станции – были еще одним поводом гордости Андрея за родину. Великие умы создали легкие скафандры, в которых сейчас ученые исследуют Луну и Марс. И всех этих людей Андрей знает лично, ведь они вместе учились в Международном Университете Аэрокосмического приборостроения, который находится в Санкт-Петербурге. Андрей частенько ходил мимо родной альма-матер, когда у него выдавался свободный день, благо жил недалеко. Взгляд Андрея упал на фразу: «Гагарин, когда летал в космосе, Бога не видел». Эту фразу растиражировали все, кто мог. Даже на форуме по Лунным станциям она прозвучала, будто после Гагарина в космосе больше никого не было. Это был один из веских доводов в пользу того, чтобы сделать Лунные станции атеистическими, недостижимыми для религий Земли.

Еще одна газета, вышедшая в марте 2058 года, именно тогда, когда началась масштабная подготовка миссии на Марс. Вернее, в первый марсианский город. Основные здания научных лабораторий и прочих исследовательских, жилых корпусов были готовы к приему поселенцев; составлены списки ученых, которые войдут в первую волну исследователей Марса. Пришло время задуматься о иной стороне жизни ученых, не научной. Ведь эти люди не всегда будут заниматься наукой, не только Марс будет доминировать в их сознании. После ошеломительных находок марсохода «Веритас», который был запущен с космодрома «Светлый», после того, как «Кюриосити» потерял управление и был сломан после падения в марсианскую пропасть, при-

шло время задуматься о том, откуда пришли сами люди.

Ведь версия, что жизнь на Земле зародилась благодаря Марсу, не только не умерла, но и была подкреплена археологическими находками марсианской культуры, в чем-то отдаленно похожей на древнюю Шумерскую культуру Земли. Глава КЦР увидел в тех находках шанс сделать свой центр необходимым элементом в исследованиях. «Без веры не может быть человека. Она – тот костыль, на который мы все опираемся, когда идем вперед. Прогресс двигает не только наука, но и вера ученых. Без понимания верований древних марсиан нам никогда не познать их жизни. КЦР станет тем оплотом, той поддержкой, которую только может оказать человек человеку». Его речь была так зажигательна и эмоциональна, что мир людей разделился на два лагеря. Одни за то, чтобы миссия на Марс была аналогична Лунным станциям, другие – чтобы первый марсианский город людей Земли имел все возможности, доступные на родной планете, в том числе религиозные возможности. И вот, на международном космическом форуме должны решить окончательно, можно ли на Марс принести свои мировоззрения и верования и какие. Безусловно, каждый человек, даже ученый, имеет свои взгляды на веру, но они не должны преобладать над наукой, которая была приоритетом. Миссия на Марс была последним шансом КЦР принести свои догмы на эту красную планету, стать частью жизни землян на иной планете, возможно, руководить ими. Это понимали как сами участники форума, так и сотрудники КЦР. Андрей знал, что среди представителей стран – участниц форума есть множество людей, являющихся истинными христианами, мусульманами, буддистами. Именно на их чувства и собирался давить как сам Андрей, так и все КЦР в его лице.

Через четыре дня, когда до форума остались сутки, Андрей вновь зашел в темный кабинет директора КЦР. Ничего не изменилось, все так же неясно горела лампа на столе, те же очертания темных стульев и стола в центре, только на этот раз начальник стоял у окна. Он развернулся в сторону Андрея, когда тот вошел в кабинет.

- А, Андрей Семенович, прошу, садись, -

он указал рукой на одно из мягких кресел, - что ж, я читал твой доклад. Недурно. Верю, ты сделал все что мог. Если и это не поможет, то я не знаю, что тогда.

Лицо начальника было радостным. Его глаза, темные, словно два метеорита, все же лучились сейчас весельем, а губы постоянно растягивались в улыбку.

- Итак, друг мой. Возможно, что уже в будущем году ты будешь встречать Рождество Христово не на Земле, а на Марсе. Позволь поздравить тебя.

- Думаю, что это слишком поспешно. Ведь доклад еще не до конца готов, и форум не принял решения. Возможно, мы все проиграем.

- Не думаю, что стоит отчаиваться. Доклад сделан с душой и знанием проблемы. Если дело выгорит, то именно ты будешь нашим миссионером православия на Марсе.

Андрей вздохнул. Он знал, что если доклад поддержат и КЦР позволят послать своих представителей с учеными на Марс, то одним из таких первопроходцев будет он. Вся его жизнь была принесена в жертву ради этой победы. Хотел ли он сам лететь, никого, впрочем, не интересовало.

С самого раннего утра весь мир будто наполнился ожиданием и предвкушением. Андрею не спалось накануне форума, он вновь и вновь прокручивал в голове отдельные абзацы своего доклада. Странно, этот многостраничный документ готовил не только он один, но именно его голос должен прозвучать с трибуны. Взгляд его упал на вешалку с костюмом, отглаженным и безупречно чистым. Черная бабочка, как дань классике и приверженности традициям, белоснежная рубашка и идеально начищенные ботинки. Андрей пытался представить себя в этих одеждах, но чувствовал себя лишь безликим солдатом в форме. Главное не его вид, а его слова.

Машина поехала по набережной Невы, и Андрей в очередной раз бросил взгляд на прекрасный вид, открывающийся у Дворцового моста. Многие здания были закрыты строительными лесами, за темными деревьями Летнего сада белели античные статуи, в очередной раз прибывшие с реконструкции. Вдалеке, за домами, виднелся сияющий, покрытый позолотой, купол Исаакиевского собора. Андрей был благодарен водителю, что он по-

ехал по верху, а не стал спускаться в подводный туннель, проходящий под Невой на Васильевский остров. Там, под темной толщей воды ничего, кроме бетонных стен и тусклого желтого света не видно. Здесь же открывается целый мир.

Вот и здание выставочного комплекса «Гавань». Когда-то, несколько лет назад, здесь был пассажирский порт и у причалов выстраивались огромные яхты и белоснежные теплоходы, но после постройки нового современного порта под Ломоносовым старый переоборудовали под выставочный центр всемирного масштаба. Он занимал огромную площадь и миллионы различных мероприятий могли одновременно проводиться под его крышей. На этот раз, судя по очереди цветных флагов стран-участниц, встречающей гостей, почти весь комплекс был отдан под космический форум. Андрей заметил на площадке перед зданием центра металлические скульптуры космонавтов, ракет и прочих вещей, олицетворяющих космос. В вышине, под порывами ветра, развевались на флагштоках флаги: сине-бело-красный на первом месте, как флаг страны-хозяйки форума и лидера в космической сфере, затем ярко-красный с желтыми звездами – флаг Китая, кубинский бело-синий с красной звездой, чем-то похожий на флаг Америки, и, конечно, японский, с одиноким красным солнцем на белоснежном поле. Тысячи других, ярких и цветных флагов множества других стран, которые принимали участие или внесли посильный вклад в космические программы. Миссия на Марс, первый город людей на иной планете – это было делом всего мира.

Уже несколько утомительных минут Андрей Семенович ждал, когда же, наконец, глава КЦР представит его перед многочисленной публикой, освещенной яркими вспышками фото- и телекамер, с неумолчным стрекотанием телефонов и бликованием ноутбуков и планшетов. Наконец, словно сквозь сон, он услышал свое имя, усиленное десятками микрофонов. Все камеры, находящиеся в зале, тут же были повернуты в его сторону, и он почти утонул в ослепительном блеске их всевидящих объективов. Пройдя по рядам, Андрей выбрался на невысокую сцену, на которой находился постамент с микрофоном.

Краем глаза Андрей видел себя в мониторах, развешенных по стенам. Он понимал, что его лицо, с мелкими капельками пота на лбу, сейчас увеличено в тысячи раз, чтобы все гости форума смогли разглядеть его получше. От этой мысли ему лишь стало еще хуже, он с трудом сглотнул, потянулся было к стакану с водой, стоящему рядом, но передумал, вообразив, как будет выглядеть его трясущаяся рука на мониторах. Нажатием сенсорной кнопки на планшете Андрей открыл файл, в котором хранилась речь его доклада. Перед его глазами вспыхнули буквы. Первые секунды они казались Андрею Семеновичу иероглифами, непонятными и бессмысленными. Но потом буквы стали складываться в слова, а те в предложения. Так полилась его речь.

Андрей говорил о космосе, о том, каким огромным шагом для человечества стал первый полет человека на орбиту, первая высадка на Луну, первый марсоход на Марсе. Миссия на Венеру, запланированная на ближайшее десятилетие, робот-вездеход на Европе, астрономические обсерватории на орбите Марса, а затем и Венеры, позволяющие разглядеть удаленные уголки Вселенной – все эти будущие проекты, безусловно, необходимы для развития человечества. Возможно, что человек, как вид, пришел на Землю из космоса. Сама Вселенная стала ему матерью. Но именно вера, именно духовный, внутренний мир определил человека в тот вид, в котором он находится.

Да, религия не всегда была истинным проводником человечества. Порой она, словно Сусанин, заводила людей в болото суеверий, анархии и мракобесия. Но истинная вера, не ограниченная ничем, кроме совести человека, навсегда останется в душе каждого человека.

«Мы обязаны пронести наш дух, наш внутренний мир сквозь пространство и время. Невозможно быть полностью атеистом, ведь человек без веры – это ничто. Для ученого его вера, его Бог – это результат его долгих лабораторных и иных исканий. Невозможно найти Бога, принять его, если его уже нет внутри каждого из нас. У человечества множество богов, но, в конечном итоге, мы подчиняемся лишь единственному, тому, кто обитает внутри нашего сознания. Мы называем это душой. Пути души настолько сложны и неясны, что никогда не знаешь, куда заведут они нас. Сей-

час, когда человечество вырывается за пределы своей планеты, на которой долгое время мы были хозяевами, и устремляется в безграничное путешествие, мы должны сохранить себя такими, какими нас сделала наша Земля. Мы – физическое воплощение энергии звезд, и духовное – своей планеты. Сейчас, когда человечество претендует на новую Землю, заявляет свои права на Солнечную систему, очень важно руководствоваться не только понятиями о физической жизни и потребностях человечества, но и духовными ценностями. Мы обязаны пронести свой внутренний мир через время, сохранив его неизменным. Наш центр не претендует на установку догм и свода правил, по которым должно жить иноземное человечество на Марсе или Венере, но мы предлагаем опору и поддержку там, где ее не смогут дать лабораторные опыты. Становясь ученым, человек все же остается собой. И мы обязаны сохранить эту область нашей жизни, ту часть, что определяет нас – как людей с Земли.

Религия всегда была фундаментом, на котором строилась человеческая жизнь. Подумайте, ведь благодаря вере мы формируем свод своих внутренних правил и мыслей, которые и строят нашу жизнь именно такой. Ведь без веры человек не может установить свой путь, проложить его среди хаоса жизни. Называйте эту веру Богом, или Буддой, или Аллахом, но главная цель этой веры одна – направлять человека к истине. Эти невидимые регуляторы позволили нам не разжечь огонь Третьей мировой войны, а сохранить мир и жизнь. И не последнюю роль здесь сыграла вера. Наш центр обязан донести ее до самых удаленных глубин Вселенной, чтобы человечество, а возможно и иные люди из иных миров смогли удержать этот мир не только в своей душе, но и в реальности».

Тишины не было. Все потонуло в овациях.

Через полгода Андрей в последний раз смотрел на свою планету, огромный голубой шар, висящий над головой. Этот космический порт на Луне был первым этапом его стремительного и долгожданного полета на Марс. Мужчина понимал, что с Марса он увидит лишь сияющую голубую звездочку в небе, но вера в то, что именно на ней его родной дом,

МАКАР АЛПАТОВ

По просьбе Ветки

*(Повесть-воспоминание о блокадном мальчишке,
который так никогда в жизни и не наелся досыта)*

Вообще-то родители назвали её редко встречающимся у нас именем Виолетта, но в раннем детстве я ещё не мог знать вердиевскую «Травиату» и переживать за её героиню; понимать, что маленькая Виола-Виолетта – значит, скрипочка - и я придумал ей имя попроще - Ветка. Она быстро к нему привыкла и, когда её спрашивали: «Девочка, как тебя зовут?» - отвечала: «Вета!». «Света?» - обычно уточняли, но она твёрдо повторяла: «Вета! Ну а ласкательно – Веточка...». С тех пор прошло почти три четверти столетия...

...И вот Виолетта Сергеевна лежала на больничной койке в Госпитале и плакала:

- Я прошу тебя мне помочь. Такого сходства просто так не может быть. Это – знак свыше. Уж больно многое совпадает.

- Ты всегда была мнительной фантазёркой. Вспомни, сначала ты утверждала, что Георгий – моё отражение, а когда в театр пришёл Гриша, стала уверять, что и он похож на меня. Ну, про Георгия, - пока тот не стал прятать лицо в небритости или в бороде с усами а ля Николай Второй, ещё как-то можно согласиться. Это, понятно–моё, ты бы ещё Даню приплела, но Гриша?..

- А я и теперь в этом уверена - такой же, как ты - маленький, ангелочек с чистым детским голосом, как ручеёк; стройный, улыбчивый, даже движения твои...

- Он уж вырос – и скорее обаятельный чертёнок и хитрюга...

- Да ты себя вспомни!

- Брось. Но вот с Ростиком ты явно переборщила. И в какое положение ты ставишь меня? Ходишь на все их концерты, ну, хорошо, фотографируешь – это не возбраняется. Шастаешь по его странице в Интернете, рассматриваешь его снимки – это просто неудобно, я даже вынужден был временно его убрать из друзей - он мог подумать, что это я, но ты и тут нашла выход. А твоя придумка по поводу

того, чтобы снять его в кино – думаешь, я не понял, что ты просто хотела с ним познакомиться, используя свою подругу на Ленфильме?

- Но ты видел: мальчишка, которого взяли из Вагановки, сыграл гораздо хуже, чем бы он смог.

- Это твоё мнение. Он всё равно не стал бы сниматься, у них были гастролы в Америке.

- Ты виноват – не смог настоять, убедить.

- Я для него - чужой человек. Попытался, но его не отпустили даже в офис на собеседование. Твоя просьба привести его в театр Музкомедии на спектакль, посидеть с ним рядом, чтобы пообщаться, тоже не увенчалась успехом. Он учится в школе, загружен работой в танцевальном ансамбле, у негом – гастролы, конкурсы, частые выступления, да и я, как тебе известно, занят до предела – у меня Театр, студенты, много ещё дел и исполнять твои прихоти совершенно нет времени.

- Конечно, я теперь на пенсии – дурью маюсь, даже болеть могу, но я перед ним виновата, мне так хочется его приласкать, погладить по голове, обнять и попросить прощения.

- Ты с ума сошла! Чем ты перед ним виновата? Он тебя и в глаза-то никогда не видел. У него своя жизнь и зачем его нагружать твоим прошлым?

- Не забывай, что и твоим тоже. Я знаю, что это он, наш Ростик.

- Ну ты даёшь! Я не хочу, чтобы вокруг думали, что мы с тобой оба сбежали из психушки, тем более что, видимо, чем-то смущаю этого парнишку - ещё бы, у нас 60 лет разница в возрасте. Он вежлив, хорошо воспитан, с праздниками не забывает поздравить или поблагодарить, спасибо сказать; с моей точки зрения, творчески способный, лауреатства вот завоевал.

- Неужели тебе не хочется вспомнить, что у тебя был друг как две капли воды похожий

на него?

- Ну, насчёт похожести двух капель воды вопрос спорный, а моего и твоего друга уже давно нет на земле и надо ли беречь старые раны?

- А может, он послан нам, чтобы мы не забывали себя? Поговори с ним. Расскажи о нашем детстве, юности, о дружбе, попроси его продолжить путь Ростика, раз он уже так многого добился из того, о чём наш друг мечтал. Как в песне поётся - «за себя и за того парня».

- Мне кажется, я не смогу.

- Тогда напиши обо всём этом. И дай ему прочесть.

- Ты думаешь, у меня получится, и это будет интересно людям?

- Я ведь читала всё, что ты написал – мне нравится - и в тебя всегда верила и верю. Напиши по моей просьбе. По просьбе Ветки, которой ты придумал имя и которая тебя любила всю свою жизнь, хоть тебе и было всё равно. И начни так: 75 лет назад – а стало быть, незадолго до начала Великой Отечественной войны и Ленинградской блокады родились на берегу Невы за Невской заставой в разные месяцы – весной, летом и поздней осенью трое друзей – девочка и два парня...

- Не обещаю... - пришло время прощаться.

Я вышел из Госпиталя и, проходя по нынешнему Володарскому мосту, вспомнил его былой облик. Мой взгляд перелетел, как невский порывистый ветер, через деревья Куракиной дачи на Троицкое поле, я снова стал маленьким мальчиком и – не удивляйтесь! - вдруг заплакал... Давно не было слёз...

...А тут перед концертом театра «Родом из блокады» ко мне подошла старая седая женщина, одетая во всё чёрное, и протянула мне стихи неизвестного автора о выгнанной из дома старушке, попросив написать музыку. Я торопился на репетицию, но незнакомка показалась мне похожей на маму моего друга детства Ростика, и почудилось, что она о чём-то хочет сказать, спросить и не решается. Эта мистика больно ударила по истрёпанным, истраченным нервам.

Через месяц Ветку предали земле на клад-

бище, где похоронены все наши родные и близкие, где была и могила Ростика, где рано или поздно окажусь и я. Внучка Виолетты Сергеевны передала мне её прощальную записку - моя подруга детства повторяла свою просьбу написать о нас в свете последних неожиданно случившихся событий, настаивая, что это мой долг. Родители учили меня никому и никогда не быть должным, кроме Родины – скажете, пафос! - не знаю. И я решился на повесть «По просьбе Ветки...».

Итак, мы начинаем! Слышите, как красиво прозвучала верхняя нота в прологе! Спрашиваете – почему Мы? Да, Мы с Веткой и Ростиком – соавторы, хоть её уже нет на земле, да и Ростик, ушедший в 14 лет, с нами рядом – всегда! Магическая цифра – три!

Начинаю, как просила моя подруга: 75 лет назад на берегу Невы за Невской заставой родились трое друзей - девочка и два мальчика. Все мы появились на свет в одном роддоме напротив будущей Веткиной школы на нынешнем проспекте Обуховской Обороны. Меня принимала та же акушерка, что и мою маму, - тётя Сима - и, когда я заорал благим матом от удара по попке, известила: «Певец будет!». Мы трое подружились ещё в яслях - что называется, на одних горшках сидели, из одних рожков молочко посасывали и в детский сад перешли в одночасье в одну круглосуточную группу. И, наверное, всё у нас могло бы быть, как у людей, но грянули война, потом блокада Ленинграда, хотя мы, дети, до конца это сразу не осознали - для нас, малышей, обычная жизнь продолжалась, мы поначалу не могли оценить - произошло что-то страшное, катастрофическое.

Мы трое жили в Первом Городке на Троицком поле – 4 трёхэтажных дома в виде прямоугольника: А и Б - коротенькие, В и Г - подлиннее – 4 плюс 4 подъезда - посередине в арке с одной стороны – ЖАКТ, по нынешнему, жилконтора, с другой - красный уголок, рядом наш детский сад, - там моя мама всю блокаду проработала воспитательницей. Внутри – двор, где и деревья росли аллеей, и газоны с травой и цветами, обрамлённые кустами, и площадка, где можно было погулять, побегать да и в футбол погонять, и даже горка, с кото-

рой зимой катались на салазках да и просто так. Ростик почему-то там часто разбивал нос и прочие части тела, нас с Веткой миновала чаша сия, впрочем, поревев для приличия, он скоро забывал об этом, и мы продолжали свои детские игры. Мы жили в доме литер «В» - в 1-й парадной Ветка - на 2-м этаже, Ростик - во второй - на первом, а я - в 3-ей, тоже на первом в квартире № 51 - практически через стенку с Ростиком. С самого раннего детства я твёрдо усвоил свои имя, фамилию да и адрес: Троицкое поле, Первый городок, дом литер «В», квартира, как я утверждал тогда по-детски, пять-один. И мои друзья от меня в этом вопросе тоже не отставали. Мы были обычными детьми с питерской окраины, только мы с Веткой любили петь, а Ростик - танцевать. Правда, в детском саду все и пели, и плясали, и стихи читали - вообще, наши воспитатели - Зинаида Кирилловна да и моя мама занимали нас творчеством, чтобы отвлечь от того, что происходило в холодящем голодающем блокадном городе и поначалу им это удавалось. Потом нас становилось всё меньше и меньше - умирали дети и взрослые, кто-то уезжал в эвакуацию - рядом были завод «Большевик», завод-800 им. Ворошилова, карточная фабрика и другие предприятия, там работали наши родные. До войны у всех были отцы и матери, а у некоторых - бабушки, дедушки, дяди и тётки, братья и сёстры - близкие люди. Скоро почти все мужчины ушли на фронт. Их заменили наши мамы, которые в ту пору были совсем молодыми, даже юными. Судите сами: мама Ростика, тетя Галя, родила его в 18 лет, у тети Веры Ветка появилась после 19, да и моя мама от неё не отстала и, хотя была чуть постарше их, выглядела совсем девочкой, при этом росточка была небольшого и худенькая - об этом рассказывают фотографии. У тети Гали, кроме Ростика, никого не было - они жили одни в маленькой комнатке в коммуналке, она работала дворником, хорошо работала, любила и знала своё дело - всегда говорила: чистота - залог здоровья! - и даже в блокаду умудрялась содержать свой участок на уровне. Я жил с мамой и бабушкой, а вот у Ветки родственников сначала было много, но только женщины - они все работали в несколько смен на военных за-

водах, всегда валились с ног от потери сил и часто умирали (первой стала её мама), пока Ветка не осталась только с младшей сестрой своей мамы тёткой Тамарой - её знали все, ещё бы! - она работала в магазине. Они занимали целую трёхкомнатную квартиру, мы к ним не ходили, боялись их - усталых и сердитых. Мы обитали и играли у нас с Ростиком. Первый этаж - удобно для детей - летом вообще можно и в окошко влезать, минуя двери. Каждая из мам подкармливала нас, как могла - я уже не помню вкуса дуранды или лепёшек из козеина, который мы воспринимали как нечто связанное с козой-дерезой. На самом деле это какой-то клей, но вкус так называемого омлета Веткиной мамы до сих пор в моей памяти. Из чего она его творила, один Бог знает. Моя мама была специалисткой по супам: умела варить суп из топора, как тогда шутили, а тётка Галя особо запомнилась мне бутербродами - когда был хлеб, посыпанный солью и с мелко нарезанными кольцами репчатого лука - объедение! Конечно, голод был лютой, а голод ещё пуще, мы промерзали буквально до костей, до озноба, такого ощущения я не испытывал больше никогда в жизни - надо, чтоб не забывали: в то время не было парового отопления - только печное, и газа не было - еду готовили на керосинках, потом на примусах и керогазах - на общей кухне у каждой семьи был свой стол - реже на электроплитках: с электричеством было сложно, да и спирали быстро приходили в негодность, использовали и буржуйки. И холодильников не было. Зато были подвалы - на каждую квартиру выделялась определённая часть помещения, оно закрывалось на свой замок - там хранились дрова, разная утварь, к примеру, детская коляска, санки, лыжи, коньки, велосипед, самокат и, конечно, пищевые запасы - у кого что: соленья, копченья, маринады, овощи, картошка. Малышня боялась подвалов: о них ходила дурная слава, а некоторых непослушных детишек ими активно пугали. Наша троица больше лазала по верхам - чердаки и крыши прельщали - в подвалах было темно, холодно и жутко, и почему-то особенно хотелось есть. Когда сгорели Бадаевские склады, поползли слухи, что город обречён, их распространяли всякие

шпионы, диверсанты, сигнальщики, паникёры, которых нещадно ловили, и даже дети помогали в этом взрослым. Ничего – ещё оставались другие склады, да и запасы у горожан. Много лет спустя, когда я уже лауреатом был на гастролях в Европе, на пресс-конференции зачитали письмо немки из Гамбурга, которая писала мужу, служившему в частях блокировавших наш город, что не понимает ленинградцев, которые упрямо не сдаются. Я не стал комментировать – не те были времена. Сказал коротко: она, возможно, поняла бы, почему и как мы победили, если бы её дети оказались в положении моих сверстников и на себя бы примерили холод и голод осаждённого города-Героя Ленинграда над вольной Невой, но в детском саду нас согревали и кормили: утром какая-то каша и отвар вроде чая, потом нас вели гулять, если погода позволяла, а нет, так мы слушали чёрную тарелку радио, кроме метронома, звучала музыка, Ростик панически боялся сирены, сообщающей о налёте или обстреле и зовущей в бомбоубежище; потом был обед – так называемый «нетовый суп из манных круп», видимо, от слова «нет» – пустой; второе – чаще с пюре, и даже нечто похожее на компот или кисель - говорят, запасы ревеня нашей начальницы Анны Павловны были главным компонентом (а если попадалась косточка кураги, сливы или ещё какого фрукта - её сладко сосали по очереди и не один день, в финале раскалывали и честно делили на три части), потом мы спали - тихий час; вставали – играли: казаки-разбойники, прятки, жмурки, чехарда – надо было двигаться! Или был музыкальный час - учили песни и стихи – дальше ещё ужин с остатками завтрака и обеда и снова на боковую. В пищу шло всё: и верхки и корешки - попробуйте отвар липовых, берёзовых или других вкусных и полезных листьев или хвою! Хороши сосна и ёлочка - это при необходимости может вполне заменить супчик, лишь бы был горяченьким... А корнеплоды и их ботва? У наших с Ростиком мам были специально выделенные огородные участки на Сортировке у железной дороги. Мы ходили туда напрямую через «Картонные домики» и Еврейское кладбище, хоть было и страшно, особенно темными днями. У

Веткиных родных этого почему-то не было. Мы таскали своей подружке в подарок юные зачатки морковки, брюквы или картофеляину – всё это съедалось в сыром виде, а однажды мы с Ростиком сгрызли на грядке аж до самой кочерыжки совсем молодые кочашки капусты. Наши мордашки были в земле - мамы одновременно и смеялись, и ругались: ведь кочан мог вырасти большим и послужить многим. Кстати, нашим мамам с лопатами в руках приходилось защищать свои посевы картошки и других овощей от обезумевших голодных мародёров - каких-то страшных старух, похожих на выходцев с того света – вампиров. Ели и цветы - о, роза, дивный деликатес! И листву, и всякую зелень, зимой даже обычную траву с корнями.

Неожиданно вдруг вспомнилось - не удивляйтесь! Как-то уже после войны в июне был день рождения тёти Гали. Гостей было немного – наша неразлучная троица, её подруга и моя мама. Ждали с работы и моего отца. (Тётя Галя всегда благодарила папу, что тот помогает Ростикку заниматься радиотехникой - мы-то с Веткой к этому абсолютно были равнодушны, а они быстро нашли общий язык и по каким-то схемам чего-то там собирали, впоследствии это оказалось телевизором, между прочим, первым во всём районе – во народе сбегалось!). Уже были готовы её фирменные хлебцы с маслом, солью и луком; купленные в филипповской булочной на Станционной белые саечки, посыпанные сахаром; как было решено до прибытия отца соорудить блокадный салат. Наша троица вышла на охоту за зеленухой. Через минут 20 мы принесли молодые листья одуванчиков, подорожников, сныти, крапивы, заячьей капусты, щавеля - всё, что нашли - далеко ходить не пришлось. Ростик слыл специалистом по мелкой нарезке - аккуратный и ловкий парнишка был и выполнил свою миссию безукоризненно, но наши мамы заявили: сегодня можно и улучшить! - посыпали нарезанное не только солью, но добавили лимонной кислоты, залили настоящим кубанским подсолнечным маслом, капнули яблочного уксуса, положили ещё каких-то специй. И несмотря на главное блюдо стола тёти Гали, её непревзойдённое азу, сами пони-

маете, по-татарски; почти блокадный салат из подножных трав имел самый горячий успех, все, включая пришедшего с работы папу, восхищались: «Вкуснота! Лепота!!!»

Что там США верещат про санкции? Да мы на подножном корме, как вегетарианцы, будем ещё здоровее! До сих пор обожаю, буду обожать и есть этот неповторимый салат, жаль уже рядом нет никого из моих сотрапезников, они бы подтвердили и поддержали от души, поверьте! Кстати, мама рассказывала, что в блокаду у знакомых мы ели котлетки из собачины, биточки из кошатины, каких-то маленьких птичек и рыбок, в обуховском лесу добывали всяких разных зверюшек и даже лис, волков. Бывало, перепадало, угощали и кониной - я этого не помню, но своего кота Цыгана мы сохранили – это был верный друг и товарищ - я написал о нём свои первые стихи, и мы с Ростиком декламировали их ещё в детском саду. Чёрный, с белой манишкой на груди и такими же перчатками на лапках, он за день переходил мне дорогу многократно, но приносил только счастье. Кот был моей единственной игрушкой в блокаду - он позволял мне себя одевать в телогрейку и катать на железном грузовичке - деревянный спалили в печке-буржуйке, чтобы согреться, а когда кот принёс мне свою добычу - мышку, чтоб поделиться и предлагал её съесть, я полюбил его ещё больше, хотя до ужаса боялся крыс и мышей. Цыган почему-то особо отличал меня и Ростика, а Ветку не признавал и даже пару раз цапнул, хотя никогда не был агрессивным. Кот ушёл навсегда, когда в дом вернулся с войны мой отец. Мудрый Ростик сказал: уступил место хозяину! Как мы переживали и плакали по своему другу! А стихи опубликованы, их, на удивление автору, со сцены читают дети, сам слышал и радовался.

Я не смогу, не хочу и не буду подробно рассказывать вам о блокаде, когда маме пришлось дважды вытаскивать меня с того света из лап дистрофии, когда Ростик чуть не умер от кровавого поноса, а Ветка едва не утонула в Неве, поскользнувшись, когда набирала воду в ведро; когда поганый фашистский самолёт, летевший бомбить военный завод «Большевик» и попавший при помощи наших прожектори-

стов в вилку и в обстрел зенитчиков, сбросил бомбу на жилые дома, которая разорвалась перед нашими окнами, и воздушная волна выбила окна, а нас с Ростиком на первом этаже вырвала из кроваток в сорокаградусный мороз, поразив осколками стекла, и мамы снова спасали нас; как нас с Ростиком чуть не съели, и потом мы втроём видели показательный расстрел семьи людоедов, которых мы знали, как своих соседей - они, сойдя с ума от голода, не пожалели и собственного ребёнка. Хочу заметить - это был единичный случай в тогда Володарском районе Ленинграда. Моей целью не является повествование о блокаде, мне надо поведать вам о жизни Ростика, хоть это происходит через мои личные ощущения, и я невольно тяну одеяло воспоминаний на себя. Но скажи мне, кто твой друг, и ты можешь легко понять всё остальное. О тех страшных днях и без меня немало написано, да и наше поколение больше знает про всё это из поздних рассказов старших, и уж больно много неправды всплывает, когда кто-то пытается утвердиться в звании «Житель блокадного Ленинграда» – чаще таковым не являясь, и желаемое пытается выдать за действительность. Сам я твёрдо помню всего несколько эпизодов того времени - главный из которых, когда над нами летит самолёт, а мама бросает меня в снег и, закрывая собой, молится: «Господи! Только б не попал!». А вот у очаровательной доброй Ветки, как она сама считала, всё прошло без особого урона для неё самой - однако, отец не вернулся с войны, мама, тёти и старшие сёстры не пережили фашистской осады – ей лучше знать, я ей не судья! Впрочем, всех нас троих берёт Бог, как она говорила тогда во время игры в дочки-матери, где мы с ней были папой с мамой, а маленький худющий Ростик нашим сыном - он в войну стал совсем тихим и казался меньше ростом, много болел. Нас тогда всех остригли, чтобы не завшиветь. Ветка смотрелась, как парнишка - нас было не отличить друг от друга. Она не жалела волос, говорила, так легче: косички не надо заплетать, а нам с Ростиком было жаль расставаться с шевелюрами, у него были локоны. И ещё расскажу, как нас водили на концерты в госпиталь, где потом была наша с Ростиком школа

- там меня назвали «юный артист», а вообще артистом впервые меня назвала мама - это подробно описано в моём рассказе «Дебют», а потом уважительно называл Ростик, а Ветка издевалась: артист с погорелого театра. В госпитале после фильма - это была «Музыкальная история» с Лемешевым - меня ставили на табурет на фоне киноэкрана из простыней и я читал раненым стихи и пел «Играй, мой баян», за что получал вознаграждение едой и сладостями и всегда делился с Веткой и Ростиком, понимая детским сердцем уже тогда, что они оба для меня ростки истинной дружбы. Мы выжили потому, что наши матери да и мы сами всё делили поровну, во всём помогали, поддерживали друг друга. В 42-м умерла моя бабушка – мамина мама, Елизавета Петровна – она подкармливала нашу троицу из того, что было ей положено, когда не видели взрослые. Она тоже помогла нам выжить. Потери были и в семьях моих закадычных друзей, но самое важное, что с фронта вернулся только мой отец, а Ветка и Ростик осиротели.

Мы помним День Победы. В своих книгах, статьях, в интервью на Родине и за рубежом я не раз рассказывал, как в День 9-го мая 1945 года провёл свой первый публичный концерт на восстановленной после снятия блокады горке в Первом Городке на Троицком поле. Артисты запаздывали - столько концертов в такой Праздник! - и меня выпустили занимать публику. Я выдал на-гора, всё что знал, а потом мне поручили провести концерт и объявлять номера профессиональных артистов и я ни разу не ошибся, ничего не перепутал, за что впервые в жизни получил денежное вознаграждение – гонорар. Ростик болел тогда, и мы кутили с Веткой вдвоём: и мороженое ели, и газировку пили, но мам своих и Ростика, конечно, тоже не забыли: наш сладкоежка был щедро одарён конфетами и, хоть переживал, что не смог видеть концерта и слышать - микрофонов тогда и в помине не было - утешился, прошуршав фантиками, которые он любил собирать, разглаживать и копить в специально предназначенной для этого баночке.

Кончилась война, и нам с Ростиком предстояло готовиться к школе, что почти разлучало нас с Веткой - мальчики и девочки учились

в то время отдельно...

Уже не могли пошутить: пришла Ветка с Ростиком, со своим хвостиком...

Послевоенные школьные годы - чудесные, а для нашей троицы уж точно удались - с музыкой, танцами, песнями - ещё в первом классе учительницей пения Валентиной Васильевной мы, мальчишки, были отмечены не только в школьной самодеятельности, но и определены для занятий в коллективы Дома культуры имени Ленина, она и там преподавала. Я - в хор, и вскоре стал солистом, туда пришла и Ветка из своей женской школы, а Ростик - в хореографический, где быстро заметно преуспел, обогнал всех нас, был одним из первачей и его особенно отличали и хвалили. А мы-то как за него радовались! Так что наша дружба пока продолжала держаться силою творчества. Ростик ожил и стал крепчать на глазах, болел меньше да и некогда было, хотя почему-то упрямо не рос вверх и выглядел совсем маленьким, но, надо признаться, удаленьким, а вот мы с Веткой, особенно она, заметно подросли. Сегодня с высоты прожитых лет память рисует Ростика на редкость обаятельным - тогда я на это не обращал внимания - он был прекрасно сложен и особенно отличался своей улыбкой, которой в тяжкие блокадные дни просто не было. Когда он плясал, у него так горели глазищи, что он заражал своим темпераментом зрителей - знатоки убеждали: знатный артист вырастет. Ну, а о нашей Ветке и говорить нечего: она в любом возрасте была удивительно хороша собой, непонятно, как я этого не замечал. Ростик говорил: сладкая Веточка, глаз не оторвать. Я ехидничал: оторва, значит. Он взрывался: сейчас как дам! Как поздно стало понятно, что он любил её до самозабвения и остался верен навсегда. В школе мы учились, как все - для него камнями преткновения были, как для многих из нас, русский язык, а потом - французский, любимым предметом стала математика, и не удивительно: у нас был замечательный учитель, фронтовик Кондрат Сазонович Гавура. Он первое время приходил на уроки в застиранной гимнастёрке, знал свой предмет блистательно, и даже я, равнодушный к математике, уважая его, старался не позориться

и заставлял себя, как мог, проникнуться этой дисциплиной. Был у нас и Фараон - учитель истории, он же директор школы, тоже фронтовик, и тоже в линиялой гимнастёрке - его почему-то многие боялись, но Ростик твердил: «Это хороший мужик. Так надо. А то все расхулиганятся». А вот учительницу французского языка не любили дружно, пуще всех Ростик - на дух не переносил. Её фамилия была Гордеева, и она подписывалась в дневниках «Горе», чем и была для нас. О покойных нельзя говорить плохо, но вот не любили и всё тут - сама виновата. Мне-то было полегче: после войны в Ленинград приехала моя бабушка, папина мама, знавшая все основные европейские языки, французским владевшая не хуже русского. Меня она научила, пыталась учить и Ростика, который ей был симпатичен, но у того не оказалось способностей к иностранным языкам, хотя язвительно замечу: свои балетные термины, заимствованные из французского, он усвоил на всю жизнь, а вот артикля во французском слове «кот» так и не научился правильно произносить, обзывая бедное животное с берегов Сены по-русски «Лёша», а что ударение надо ставить строго на последнем слоге, так и не воспринял, но это не мешало ему хорошо танцевать, поверьте! Философ Ростик доставал свою маму: «Знаешь, как по-французски будет галстук? Кровать! - он задыхался от смеха. - В общем, «кот на кровати», тоже самое, что «Лёшин галстук» - умора!». Я сквозь дикое ржание поправлял: «Не кровать, а лё кроват!». Но кот на кровати производил таки впечатление, у Ветки живот болел от хохота. Так и повелось: он списывал у меня русский и французский, я у него арифметику, потом алгебру и геометрию - устраивались, как могли. Ведь ещё плюсовались внешкольные - музыка: сольфеджио, гармония, фортепиано. На рояле лучше нас всех играла Ветка, а как она училась в школе, мы так толком никогда и не знали - на второй год не оставалась и ладно. Да если честно, мы не так уж и интересовались, тем более что когда нас соединили с девочками, Ветка осталась в своей школе, и мы по-прежнему встречались на занятиях и спевках в Доме культуры; бывало, ходили вместе в кино, ездили в центр в театры, но

это редко. Вскоре я перешёл заниматься в хор Дворца пионеров к знаменитой теперь Марии Фёдоровне Заринской, и мы стали встречаться реже, особенно с Веткой. С Ростиком мы продолжали учиться вместе и дружить: придумывали всякие каверзы «французенке» - то, наловив шестерых котов, принесли их в класс ещё до первого урока и, связав бедных животных, заодно приделали длинные верёвки к их хвостам и засунули их в последние парты, а когда наша училка задала свой традиционный вопрос по-французски: «Кто отсутствует?» - разом дёрнули и отпустили верёвки. Коты взвыли диким мявом, а «французенка» пулей вылетела из класса от страха - нас чуть из школы не выгнали, но Фараон вступился, спас. В другой раз, узнав, что она не любит и боится лягушек, мы поймали маленького лягушонка и засунули ей в чернильницу. Тогда на столе у учителя стоял здоровый чернильный прибор с тяжёлой крышкой - таких, как сейчас, автоматических ручек ещё не было и в помине, писали вставочками с перьями, макая их в чернильницы. Когда она, взяв ручку и задав криминальный вопрос: «Кто отсутствует?», чтобы отметить в журнале - мы с Ростиком, естественно, и отсутствовали - открыла чернильницу, ошавевший лягушонок выпрыгнул прямо на классный журнал, а она... Не буду пугать вас тем, что было дальше. Но нас-то не было - а кто лягушонок подсунул, поди дознайся, даже наши ябедники не были в курсе. Думали на нас, но не определили, хоть следствие вёл сам Фараон, который, когда узнал про эту историю, говорят, ржал не меньше нас с Ростиком. И, сами понимаете, я ещё не про все наши художества вам рассказываю. Мы были обычными детьми - мотали уроки, прогуливали. Бывало, что и дрались. В школе учились ребята из Обухово - мы для них были городские - «гогочки» - маменькины сынки, а когда возгорались конфликты, было принято «стыкаться» за школой «до первой кровянки», которая и выявляла победителя, а побеждённый был обязан признать поражение. И вот однажды пришлось стыкаться мне - не надо быть Шерлоком Холмсом, чтоб догадаться, кто был моим секундантом. Мне хорошо досталось, врать не буду, даже слёзы

злости и обиды потекли, но, когда у противника был разбит нос в кровь, он не признал этого (за что потом был осуждён и своими, и нашими), а в порыве драки, призвал друзей на помощь. Их было больше и мы с Ростиком продолжили бой, став спина к спине, хорошо ещё, что парень из нашего класса сообщил рвануть в Первый городок за подмогой, а то нас отлупили бы по первому номеру, но, как вы уже правильно догадались, победила дружба. Конечно, мы помирились, не сразу, правда, – я не говорю про свои синяки и шишки, про сломанный носик моего тогда совсем юного ровесника-оппонента, который потом стал достаточно известным спортсменом, но у Ростика на всю оставшуюся жизнь остался на лбу шрам. Спорт Ростик не любил, как Ветка считала: боялся за свои ноги, но когда я играл за детскую футбольную команду завода «Большевик», где работал моя дядя и играл за взрослых, мои друзья приходили за меня поболеть, и Ростик тоже. А уж за родимый «Зенит», который ещё до окончания войны завоевал Кубок СССР, переживали от души, как, впрочем, я и сейчас...

В саду «Спартак» у Невы или на Гонках у Рыбацком – мы обычно купались.

Уже в апреле открывали купальный сезон и поначалу, когда были ещё совсем малыши, купались голышом - до чего ж чистое целомудренное наше поколение! – мыслей не возникало о чём-то скабрезном – мы ценили свою дружбу. Ростик больше любил позагорать, полежать кверху попой и однажды, уже когда мы были постарше и заплыли с Веткой далеко, он спас ребёнка. Самого процесса мы не могли видеть, но, когда услышали крики, саженками рванули к берегу. На руках у смущённого Ростика был пацанёнок лет 6-7, он, горько плача, повторял нашему другу, которому самому тогда было не так уж много лет: «Дядя! Дядя!» - что нас очень рассмешило. Ростик даже не оценил, что сделал: «Подумаешь, он закричал, я вытащил, крепкий парнишка, как клещ впился, до сих пор не оторвать». – «Ты человеку жизнь спас», - гордо сказала Ветка. К тому времени наш друг уже был известен за Невской заставой, как участник многих праздничных концертов. Я ещё не вошёл в силу. В

апреле перед 5-летием Дня Победы наш педагог Валентина Васильевна приготовила и разрешила мой первый сольный концерт в Малом зале ДК им. Ленина – мама сшила мне какой-то, с моей точки зрения, идиотский сценический наряд и галстук-киску из того же материала, что и рубашка, а Ветке с Ростиком понравилось. Зал был полный, пел я много – русские, советские, итальянские песни, с Веткой дуэтом «Вижу чудное приволье» - после этой песни Ростик преподнёс Ветке цветы. «Подхалим», - прошептал я, он ответил: «Тебе в другой раз». Наш концерт глянулся какому-то начальнику, и мне было предложено спеть пару военных песен на районном вечере уже в Большом зале ДК им. Ленина на Празднике 9-го Мая! Тот концерт превратился в громовой успех моего друга, Ветка солировала с хором, я спел «Случайный вальс» и «Плясовую» - не забывайте, у меня тогда был детский высокий дискант - и это не так легко представить, а Ростик танцевал в Казачьей красноармейской пляске, что вызвало бурю аплодисментов, но, что творилось после матросского танца «Яблочко» словами передать невозможно – зал буквально заревел от восторга да и сам солист был явно счастлив и кланялся от души, но не тут-то было – пришлось бисировать. Тётя Галя и моя мама плакали, а Ветка выглядела так, как будто это она сама так сплясала. «Этот вечер мы не забудем никогда!» - твердили мы друг другу, но сейчас, кроме меня, его некому вспомнить... Ростик тогда ещё написал Ветке стихи, которые у него всегда были странными, взрослыми - начинал за здравие, а дальше... Мне запомнилось: «Когда я в пляске огневой лечу навстречу зрительному залу, я вижу только образ твой, прости ты это мне, нахалу!» - и дальше, как он рад для неё плясать. Вот ещё примеры его стихотворчества, из того, что задержалось в памяти: «Красивая девочка Вета, как Золушка в сказке, одета!», «Маме любимой я задал вопрос: почему у меня такой маленький нос?» или, когда мы лазали по чердакам по вечерам, где он был предводителем-первопроходцем: «Мои два серых глаза-фонаря светили нам во тьме не зря!» - в нём жил поэтический дар. Ростик вообще на людях не отличался разго-

ворчивостью, но когда мы были в своём кругу, мог разойтись не на шутку - и анекдотец рассказать, и частушку спеть. Вот парочка его любимых анекдотов, которые он рассказывал в лицах, меняя голоса и с актёрским мастерством перевоплощения. Едут в трамвае девушка и парень. Он: «Простите, вам не надоело стоять на моей ноге?» – Она: «А вам что - на следующей выходить?» Или про отца (своего он так и не узнал по-настоящему, вдумайтесь в эту ностальгию). Отец наказывает, лупит сына – тот: «Папа, я ни в чём не виноват! За что?» Отец: «Было бы за что – убил бы! А это так, на будущее». Ростик любой услышанный анекдот переделывал на свой лад. А как он смешил нас придуманными словечками! «К Ветке страшный (вместо старший) брат пришёл» - мы просто помирали со смеху. «Скоро в Бабкин сад пойдём (парк им. Бабушкина) – там открывают колесо оборзения» - это «колесо оборзения» (вместо, как понимаете, оборзения) прицепилось ко мне навсегда. А ещё мы втроём часто пикировались:

- Если ты - Ветка, значит, я – сук, - начал он.

- Ну, какой сук? Ты маленький, - ехидничал я, - выходит, сучок или сучонок...

- А Ветка тогда, кто?

- Но-но, не очень-то, сучки стоеросовые, - вступала наша подружка.

Заканчивалось всё примирительным хохотом Ветки и «сучков».

На сцене мы, мужики, здорово потели, градом с нас лилось, но вот что удивительно: от меня потом несло за версту – Ветка успокаивала: «Мужик должен быть чуть красивее чёрта, и от него должно обязательно вонять козлом!», - а от Ростика всегда исходил непонятный специфический ароматный запах: выяснилось, что тётя Галя мыла его каким-то особым мылом – она говорила название, но я точно не запомнил – ланолиновое, что ли? Моя мама пыталась и мне всучить такое, не помогало. В то время был теперь забытый фильм, где что-то рассказывалось про меченого родинкой и якобы это считалось признаком особой дворянской крови – у Ростика на щеке была маленькая родинка и не одна, он этим гордился, а у нас с Веткой лица были чи-

стые, особенно у неё – такой цвет ланит, что диву давались. Она, как всегда, доставала Ростика:

- Да где у тебя родинка, и не видать? Хочешь, подкрашу чёрным карандашом, чтоб заметнее была? Будешь настоящий балетный! Тот, конечно, сердился.

Для того, чтобы было понятно, какой Ростик настоящий друг, расскажу случай, который меня потряс. Хор Дворца пионеров пел в Малом зале филармонии им. Глинки. Тогда совсем молодой, ещё студент, в будущем один из самых известных наших композиторов Андрей Петров написал Пионерскую сюиту, и Мария Фёдоровна Заринская приготовила с нами хоровую партию – сохранилась даже фотография. Ветка заболела, и её не пустили, а Ростик пешком пришёл из-за Невской заставы от самого Троицкого поля в центр города на Невский проспект, чтобы меня поддержать - вы представляете себе это расстояние? – Мы с мамой в блокаду ходили к её сестре на улицу Марата - это длилось несколько часов. А у моего друга не оказалось денег на трамвай, который тогда ходил по Невскому – за кампанию он мог бы и «зайцем» проехать и на «колбасе», но один стеснялся.

- Как же ты пришёл? - удивлялся я.

На что последовал ответ:

-Я же обещал. И мы теперь пионеры - сюита наша общая.

Действительно, на нас троих почти одновременно надели красные шёлковые галстуки, чем мы гордились.

Ну и я ходил на все его выступления в ДК Ленина и Крупской, в Парк Бабушкина летом и на другие площадки, чаще с Веткой. Он завоёвывал лауреатские звания на конкурсах и фестивалях, я пока был в тени да и у меня уже приближалась мутация – ломка детского голоса. Порешили, что Ростика надо отдавать в хореографическое училище, чтоб он стал профессионалом, а Ветку и меня учить петь классику. Но для моих друзей детства ничему из этого не суждено было сбыться...

5 марта 1953 года умер Сталин. Плакали все, но Ростик переживал как-то по-особенному горько – это произвело на него огромное впечатление – он всё спрашивал:

«Что и как будет дальше?» - не верил, что жизнь после Сталина может продолжаться. А через год в это же время не стало и нашего друга. Он умер во сне, и никто точно не знал, 5-го поздно вечером или в ночь на 6-е марта. Сгорел быстро. Говорили для нас тогда странное: последствия блокады, он был ребёнком, который после голода так и не смог никогда досыта наесться. На похоронах на нашем кладбище в Обухово его любимый учитель Кондрат Сазонович сказал, что его убили немцы, лишили нас талантливого артиста, который мог завоевать мировое признание. Ветка ненавидела немцев и в наших спорах никак не хотела меня понять. Я убеждал, что плохих народов не может быть на земле – плохие люди есть в любой нации, но как же Бах, Бетховен, Брамс, как же наследие Гёте, Гейне, Шиллера, Маннов, Ремарка...

- Ты ещё Вагнера приведи в пример, - сердилась она.

- А Моцарт твой любимый? – возражал я.

- Моцарт не немец. Он для всех, - парировала она, и мне так и не удалось её переубедить. - Ленинград никогда не простит немцев – ни отцов, ни детей.

О Ростике выяснились совершенно невероятные подробности – он оказался по метрикам никакой ни Ростик, а Рустам – конечно, мы бы узнали это позже при выдаче паспортов, но он не дожил до паспорта. У нас в классе вообще все подписывали тетради, как хотели. Генка, например: «Тетрадь по алгебре Зверева Геня» - вот Кондрат Сазонович смеялся. Да и мне не особо нравилось, как меня называли - так что из того? И мама Ростика тётя Галя носила красивое имя Галия – фамилию я не запомнил, знаю, что в ней было два «л» - вроде, Галлиуллина – могу ошибаться, а по национальности была татаркой. Но мы тогда не различали национальностей – и даже не понимали, чем они отличаются – вот было счастливое время! Посмешу вас: ещё в классе пятом кто-то из ребят спросил у нас:

- А вы знаете, что ваш Аркашка – еврей?

Я в ответ:

- А это что такое?

А Ростик с его хулиганской простотой:

- А это не заразное?

Ей-богу, не вру, так и было. Его отца - дядю Диму - я видел, он, бывало, забирал нас из детсада вместе, когда матери были заняты, потом у них на стене в комнате висела его фотография в военной форме - я к ней привык, но что я, малой, мог о нём знать: работал на заводе «Большевик», ушёл на фронт, погиб смертью храбрых, мои родители говорили о нём уважительно – не пил, не курил, добрый был.

Смерть друга выбила меня из жизненной колеи настолько, что я впервые потерял голос - не только певческий, но и разговорный, потом это повторялось, когда уходили самые близкие – папа, мама, жена... А к лету судьба распорядилась так, что мы переехали жить на Невский проспект, поменялись: отцу было так ближе к работе. И Троицкое поле медленно, но верно начало уходить из моей жизни. Мама Ростика летом, пока мы были на даче в Разливе, куда-то уехала, мы даже как следует не попрощались. В первое время я в марте ездил на могилу друга и там встречался с Веткой, а потом колесо жизненной круговерти завертело мою актёрскую судьбу - я уехал из родного города, жил, учился, работал в Тбилиси, в Москве, в Одессе – объездил всю нашу страну, потом поколесил по миру. Когда женился, надо было содержать семью. Нет, я периодически наезжал в Ленинград, навещал родителей, были у меня тут выступления на концертах, на радио и ТВ, пел я в театре и даже как-то съездил на Троицкое поле, которое совсем не узнал. Ветка переехала, и я потерял с ней связь. Окончательно я вернулся только в 1968-м году и снова гастрольная жизнь захлестнула и заставляла редко бывать дома. В 1987-м году меня пригласили на вечер встречи выпускников нашей школы – ещё были живы и Кондрат Сазонович, и наш Фараон, и несколько учителей из параллельных классов - там я снова увиделся с Веткой и узнал много интересного из того, что случилось за прошедшие годы. Мы решили сходить на могилу к Ростик, хотя захоронения и раковины давно уже не было. Ветке сказали, что если могила долго не посещается, её ликвидируют - там стояла железная ограда, окружающая кладбище, но мы знали место – и от души поплакали,

вспомнив юные годы. Наша дружба с Веткой, нельзя сказать, что полностью восстановилась, но получила новый виток общения: мы даже в концертах встречались – она продолжала петь в хоре все эти годы, а мне пришла идея организовать театр «Родом из блокады» и снова я утонул в творческой деятельности. Но этого уже другая тема – я хотел рассказать вам о своём друге детства Ростике, и совершенно неожиданно эта эпопея получила непредсказуемое развитие, благодаря Ветке, которая, уйдя на пенсию, смогла ходить на многие выступления театра, где я стал художественным руководителем. Она знала всех моих учеников и в Консерватории, и в Университете культуры и искусств, многим симпатизировала, но была яркой приверженкой пения Георгия Новицкого и не пропускала ни одного его выступления в городе, ни на наших концертах, ни в театре Музкомедии, ни в Рождественно или в Гатчине и даже в Москву в Колонный зал Дома Союзов съездила - я вот не смог, а она захотела и осуществила своё желание. Вы удивитесь, но он стал для неё, кем-то вроде Ростика. Ветка была доброжелательным критиком и даже в каком-то смысле помощником - она, кстати, продолжала и свои выступления в хоре, но у нас получалось мало совпадений по времени: мы обычно начинаем в 15 часов, а у них концерты, как правило, бывали позже. Потом в её вокальное сердце вошёл Гриша Калайда. Она была им покорена - действительно, своеобразный юный артист, не зря признанный и приглубленный таким высочайшим профессионалом, как Александра Пахмутова. Оба они казались Ветке моим продолжением и она, захлёбываясь, муссировала эту тему до умопомрачения, что, признаюсь, круто меня сердило и мы с ней схватывались, как в годы детства. Потом я решил не продолжать полемику и убеждать её в своей правоте, больше того, это начало в определённой степени забавлять и даже улучшать настроение. Всё, что называется, устаканилось, и её мистические хохмы перестали меня раздражать.

И вот однажды... Но нет – стоп! Лучше начать по-другому. Так случилось, что судьба связала меня с питерским БКЗ «Октябрьский». С момента его открытия – я спел уже в первом

концерте для строителей этого блистательного зала и с тех пор долгие годы имел счастье работать на этой славной сцене. Об этом можно было бы написать целый музыкальный роман – сохранились программки и афиши, но чаще я вспоминаю не только концерты «Очарование романса», вечер 300-летия Флота России, популярный музыкальный цикл для детей «Азбука от А до Я», а главное - спектакль «Рыцари свободы», посвящённый 150-летию восстания декабристов, где я был не только помощником режиссёра-постановщика О. Аверьянова, но и играл две важные актёрские роли. Вот тогда я впервые познакомился с ансамблем танца «Юный Ленинградец» и был покорён его исполнением. 40 лет прошло с той поры, а моё восхищение этим коллективом остаётся верным и неизменным. Когда был создан театр «Родом из блокады», я, естественно, обратился к ним за помощью и вот уже более 20 лет «Юный ленинградец», который широко известен в нашем городе, по всей стране и далеко за рубежом, украшает своим искусством наши выступления, за что зрители безмерно благодарны. В этом коллективе замечательные педагоги и воспитанники - ансамбль побеждает практически во всех творческих соревнованиях, в которых участвует - а с его художественным руководителем С.С. Иоффе меня связывает многолетняя личная дружба. Я мог бы ещё много хорошего написать о «ЮНЛЕНе» - так они себя называют, но надо возвращаться к моему повествованию.

И вот однажды – года так три назад Ветка долго дождалась меня после выступления и, увидев, сообщила заговорщицким шёпотом:

- Ты видел его?

- Кого? Ну, кто ещё опять на меня похож?

- Да не похож. Это серьёзнее гораздо, - и она протянула мне фотографию, - вот. Это кто?

На старом снимке был наш Ростик с памятного концерта, где он плясал «Яблочко».

- Ростик, понятно.

- А сегодня кто танцевал Тимонию на сцене?

(Поясню в скобках: «Тимоня» - это танец в русском стиле из репертуара ансамбля «Юный Ленинградец».)

- Рустам.

- Это наш Ростик!

- Да ты что? Мы похоронили Ростика столько лет назад...

- А он снова пляшет. Он вернулся, - Ветка заплакала.

- Так. Я устал, а тебе надо срочно к врачу. Ошизела на старости лет.

- Да ты присмотришь. Надень очки...

Надо сказать, что на сцену я выхожу без очков, а вижу в последнее время всё хуже. Ветка заронила червь сомнения – мне с самого первого знакомства тот маленький танцовщик кого-то напоминал, но в работе сразу некогда всего осмыслить, и я быстро об этом забывал. А тут...

По сему поводу Ветка стала меня доставать значительно сильнее, чем по похожести Гоши и Гриши – буквально, проходу не давала. Начала ходить на все их концерты, где бы они ни проходили. Фотографировала на телефон, её научила внучка. Незаметно ждала маленького танцовщика после выступлений чтобы посмотреть на него поближе, но подходить к нему не решалась, умоляла меня, чтобы он участвовал в каждом концерте – я, разумеется, не мог влиять – что давали и на том спасибо! Чего она только не придумывала, чтобы хоть как-то соприкоснуться с ним – хорошо парень ни о чём не догадывался.

В то время я вёл программу «Форум» на канале «Ваше Общественное Теле-видение». И конечно рассказывал о Театре «Родом из блокады» - у меня в гостях побывали многие артисты и руководители коллективов, принимавших участие в наших выступлениях и среди них София Иоффе – художественный руководитель «ЮНЛЕНА» - в первый раз она взяла с собой в эфир девочку-танцовщицу, а в другой раз - двух мальчишек, только вернувшихся из гастролей по США – Яна и нашего Рустама. По дороге на телевидение я познакомился с отцом Рустама – он мне показался довольно молчаливым и каким-то напряжённым, с мамой я виделся ещё в Капелле, но поговорить толком не удалось – вёл концерт. В эфире Рустама понесло – он, как сказала Софья Семёновна, раскрепостился и выглядел, тут уже по словам Ветки, естественно и очаровательно.

А вот дальше – я пережил шок. После передачи я благодарил участников – поцеловал С.С. Иоффе, пожал руку Яну, и, наклонившись к маленькому ростом Рустаму, чтобы сделать тоже самое, вдруг увидел у него на щеке на том же месте, что у Ростика, маленькую родинку – или мне показалось? – и вообще, в этот день он действительно был здорово похож на друга моего детства. Меня бросило в жар - я быстро проводил гостей, а сам влился в диван, отсыхал и такие идиотские мысли роились в моей буйной голове, что я не рискну вам их передать. Ветке я ничего не сказал. Она тут же переписала для себя сидишку с передачей и просматривала своего новоявленного Ростика бесчисленное количество раз...

- Так, давай сопоставим факты, все «за» и «против», - попросила Ветка. - Итак, они оба родились в один день – 10 ноября.

- Ну, и что из того? Мало ли совпадений? Но учти – Рустам через 60 лет.

- Их обоих зовут – Рустамами.

- И это может быть совпадением.

- У них инициалы одинаковые – РДГ или ГРД - как расшифровать?

- А никак. Я особо и не задумывался.

- У них у обоих шрамы на лбу – на том же месте.

- Вон и у меня шрам есть. Что из того? Что это доказывает?

- У нашего Ростика – отец русский, мама татарка. У Рустама – наоборот. Значит, наш Ростик больше татарин, чем Рустам. Национальность - по матери.

- Вот ты и попала – значит, Ростик – наш, а Рустам?

- Не придирайся. И они оба любят танцы, а в Морском – один к одному.

- Но мало ли людей на земле любят танцы? – представляю, что было бы, если б я решился сказать ей о показавшейся (или нет?) родинке.

- Нынешний Рустам не просто так появился в нашей жизни. Вот в тебе память живёт о родителях и жёнах твоих покойных и живых, о детях и внуках, теперь уже о правнучке, и забыл ты совсем, что у нас – малых - был классический жизненный треугольник, хотя мы, как дети, об этом и не догадывались. Ростик

любил меня, я, как дура, - тебя, ты этого не видел или не хотел видеть, у тебя была Зиночка. Ты виноват передо мной, я - перед Ростиком. Вот Ростик и родился снова, чтобы напомнить нам с тобой о прошлом.

- Ветка, да что толку? Мы с тобой уже старики, да и не верю я в реинкарнацию, перевоплощение уже ушедшего в ныне здравствующего. Вот скоро помрём, встретимся там с Ростиком, я ему надаю по шее и спрошу, на кой чёрт ему всё это понадобилось, или мы к старости с ума сдвинулись. Вот ты мне объясни - зачем ты хочешь, чтобы я всё рассказал нынешнему Рустаму? Думаешь, у парня своих забот нет? К чему?

- Он проживёт долго - я загадала. Я так боялась, чтобы с ним ничего плохого не случилось в марте...

- Да на фиг ему повторять судьбу Ростика? Он-сам по себе. Ты его не знаешь и не можешь знать. Каким он вырастет: хорошим или нехорошим? Мы с тобой никогда этого не узнаем. Мы из прошлого века - не забудь! - даже из его первой половины! Внешне Рустам, вроде, похож на Ростика, а внутренне? Современный, что неудивительно - двадцать первое столетие - у них всё другое: взгляды на жизнь, ценности, понятие о чести, нравственности.

- А я хочу, чтобы он был очень хорошим человеком и сделал бы всё так, как хотел наш Ростик.

- Хотеть не вредно. Да и зачем ему задумываться о Ростике?

- Потому что, он и есть наш Ростик - только сегодня.

- Ну, вот снова - здорово! Опять ты за своё.

- Я всегда останусь при своём мнении, а ты - как хочешь.

- Уже ничего не хочу, надоело спорить, устал - поеду домой...

...На могиле Виолетты Сергеевны белел снег, куда нехотя легли мои красные гвоздики и неожиданно сломавшаяся по дороге еловая лапа. На кладбище - никого. Я говорил с ней через наш обуховский ветер:

- Я написал повесть, моя сломанная Веточка, исполнил твою последнюю просьбу. Не мне судить, что и как получилось. Я - не пи-

сатель, вечно только учусь у жизни. Писалось трудно. Со слезами. Ты знаешь, я никогда не был раньше сентиментальным - постарел, видать... Не возражай! Перечитал несколько раз - показалось, написано сумбурно, нервно и много лишнего - да, явно не скульптор Роден, отсекай ненужное мне не дано... Наступило какое-то опустошение. Прости, что не разглядел твою любовь, и ты на всю жизнь осталась мне только другом - не знаю даже, что важнее? Как ты хотела, я передам это нынешнему Рустаму ещё до публикации. Не знаю, прочтёт ли он из любопытства или выбросит на помойку, даст ли прочесть своим родным и приятелям? Это не зависит от меня, да и вообще - не моё дело. От тебя пожелаю ему долгой и счастливой творческой жизни... В общем, жди. Скоро, Бог даст, свидимся... И Ростика предупреди...

...Надеюсь, понятно, дорогой читатель, что в нашей дружной блокадной троице с Троицкого поля за Невской заставой все были фантазёрами и, заражаясь друг от друга, говоря сегодняшним языком, приколистами. Лично я продолжал строго не верить в реинкарнацию - превращение своего друга детства Ростика в нынешнего Рустама, но через пару недель после похорон Ветки мне позвонила директор нашего театра Людмила Ивановна Демидова и сообщила, что надо прослушать юную внучку блокадников, которая приготовила песни военных лет и готова выступить у нас. Мы приехали к ним на базу, зашли в зал, сели и стали внимательно изучать список предложенного репертуара.

- Можно начинать? - спросили со сцены.

Я поднял голову и оторопел... Вы правильно поняли, проницательный читатель, на сцене стояла готовая петь живая девочка Ветка из моего блокадного прошлого. Я потрянул головой - видение не исчезло. Она запела... Веткиным голосом, и я снова оказался в детстве, как будто бы время остановилось для меня навсегда. Это было 14 февраля 2015 года в День всех влюблённых...

*Повесть закончена 14 февраля 2015 года
- в День всех влюблённых.*

ЛЕВ ГОРЯНИН

Пролог к роману «Непобедимый македонец»

Великую богиню Геру разбудил неистовый вой, свист, исступленные выкрики немалой хмельной компании, громыхающий звук, издаваемый тимпанами (1), бубнами, барабанами, тамбуринами, множеством флейт и свирелями. Казалось, что вся окрестность колыхнется от этого буйного веселья. Оргия, охваченная безумием со священными символами бога с жезлами, увенчанными сосновыми шишками и увитыми плющом, неспешно двигалась по гористой местности древнего Парнаса, пританцовывая, размахивая руками и кривляясь. В бешеной пляске вокруг бога вина и веселья Диониса (2) бесновалась орава. Это были нимфы с разрисованными смешными лицами и козлоногие сатиры, опоясанные живыми змеями. Одеты они были в маскарадные костюмы, в шкуры диких животных, либо вообще нагие. На головах танцующих красовались венки из листьев и гроздей винограда. Среди них находились обнаженные земные парни с хвостами и рогами от жертвенных животных. В руках они держали короткие копья, которыми потрясали во время пляски. С ними служительницы Вакха обязаны были в течение всей ночи вступать в любовную связь. Молодые люди изображали Демонов-соблазнитель и Силенов - духов плодородия. Они не только не стыдились выставлять свою наготу напоказ, но по-разному стремились подчеркнуть особо привлекательные стороны частей своего тела. Все они в экстазе откидывали назад головы и их кудрявые черные волосы колыхались из стороны в сторону, очаровывая нимф. Многие танцоры плясали, держа в руках пылающие угли. При этом кисти их рук, благодаря ворожке, не обжигались.

Услышав разудалые песни беззаботной веселой ватаги, громкие звуки, манящие к себе, к ним спешили присоединиться и другие боги. Даже старый мудрый Силен, воспитатель

Вакха, радетель нравственных отношений, не удержался, сошел со своего смиренного осла и примкнул к озорной, прыгающей веренице захмелевших участников празднества. Молодое виноградное вино лилось рекой. Каждый желающий весельчак черпал его из огромной бочки, установленной на триумфальной колеснице и с большим наслаждением пил предлагаемый чудный напиток, дабы разбудить в себе буйство ликующего восторга да ввести свой разум в состояние безудержной радости. Колесницу везла, постоянно огрызаясь, свора тигров и леопардов, а управлял ею козел. Она, не отставая, следовала за процессией. Звери своим диким видом прекрасно вписались в эту безумствующую толпу.

Возмущенная Гера с великим трудом растолкала спящего Зевса.

- Угомони своего сына. Весь божественный Олимп он поднял на ноги. Его вакханалии, проходящие с завидным постоянством, доводят всех до полного сумасшествия. Не усмиришь его, так разбужу Гефеста. Он вмиг наденет на него цепи железные.

- Ты следи за словами, которые безудержно срываются с уст твоих. Не ровен час, дождешься ты, что я выйду к тебе во всем божественном обличи. Громом и молнией сотрясу я Олимп, и великий гнев мой испепелит тебя, как не раз было с теми, которые вертели под моими ногами, как псы безродные! - недовольно произнес грозный муж, сверкнув глазами в ее сторону.

- Этим ты вызовешь гнев детей своих, а их, почитай, почти весь Олимп, и они станут моими защитниками. Одновременно со всеми сил у тебя не хватит бороться. Так что, не боюсь я твоих угроз, тем более, знаю о твоих связях амурных с Семелой - дочерью фиванского царя Кадма, да и не только с ней. И мне, как богине семейного счастья, не подобает

видеть распутство собственного мужа. По твоей вине Семела сделалась матерью Диониса. Правда и поплатилась за это жизнью, но что было, то было, - смело парировала Гера, демонстрируя свой твердый и ершистый характер. - Не угомонишь этого необузданного наглеца, опозорю тебя на весь Олимп.

Это заявление Геры подействовало на Зевса отрезвляюще. Он тяжело поднялся на ноги, божественной волей приблизил к себе Вакха, но увидев добродушное улыбающееся прекрасное лицо сына, сам развеселился. Однако желание своей жены все-таки исполнил. Главный бог Олимпа только шевельнул пальцем, как вся свита Диониса и примкнувшие к нему любители празднования оказались на земле. Нимфы, боясь ярости Зевса, заняли свои места в созвездии Тельца и осветили веселому богу дорогу в темной земной ночи. Они больше думали о себе, чем о боге веселья, поскольку очень хотели увидеть продолжение начавшейся истерии. Любопытные звезды тоже не сводили глаз с этой оживленной братии и для яркости света подкрутили фитили в своих лампадах, озаряя ночь светло-голубым оттенком. Нисколько не смутившись, сатиры во главе с Вакхом продолжили веселье уже среди смертных. Здесь количество участников сразу удвоилось, ежели не утроилось. К праздничной компании пристроились менады, земные танцовщицы близлежащих селений, бесчисленные толпы мужчин и дев, ушедших из семьи ради предстоящей улады, которую они находили, увлекаясь танцем. На это время они морально дичали и полностью забывали о человеческой природе. Народ с блаженством отдался своему любимому радостному настроению, надеясь в ласковых объятиях менад, в обществе Вакха, под действием хмельного зелья забыть свои тяжелые будни. Люди появлялись большими толпами, отовсюду. Они быстро присоединялись к этому веселому обществу и тут же включались в бесшабашную пляску. По дороге, среди высоких деревьев, обвитых плющом и виноградными лозами, триумфальная колесница с вином, переезжая попадающие на пути мелкие речки, заваливалась на бок. Тут же образовывалась свалка из полупьяных сатиров, пытающихся поднять ее. Но их усилия были

напрасны. Сладу среди них не было. Колесницу вытаскивали и вновь ставили на колеса подбежавшие мужички, еще не успевшие, как должно, приложиться к бочке, утешающей их душу. Шествие продолжало свое движение.

Зевс с улыбкой на устах с высот Олимпа наблюдал за вакханалией, набирающей силу. Он увидел одну из неопишуемых красавиц, коя, подобно вихрю влетела в движущуюся толпу и подключилась к буйному веселью. Вот она уже в кругу пляшущих менад и беззаботных сатиров. Ее возбуждали звуки гремящей какофонии. Музыкальные инструменты грохотали во всю мощь. Девой овладел безрассудный танец. В руках у нее извивались змеи. Вино вскружило ей голову. Воспаленная страстями прекрасная танцовщица выполняла немислимые движения в пляске. Еще мгновение и безудержные чувства девицы были доведены до состояния эйфории. Шальное выражение глаз прелестной юной героини говорило лишь о том, что она вся во власти бога веселья Диониса и уже впала в транс. Демонические силы овладевали ею все с новой и новой силой. Зевс всмотрелся в девушку. «Так это же Миртала, дочь эфирского царя Неоптолема I и жена Филиппа из рода Аргеадов. Но какой несравненной красотой наделена эта достойная царица! Ей бы следовало родиться богиней, а не земной смертной.

- Ты на кого засмотрелся? - обратилась Гера к мужу, внимательно разглядывая место, к которому проявил интерес Зевс. - Ах, вот оно что? Увидел красавицу? Тебе ли думать о ней? Я знаю ее, это Олимпиада. Род она свой ведет от Ахилла. Ты знаешь, что воспитанный мудрым кентавром Хироном, Ахилл, выкормленный внутренностями львов, медведей и вепрей, отличался от своих сверстников воинственным характером. Так вот, этот свой неумный нрав он сумел передать эфирскому царю, а от него, отца ее, твердый характер перешел к Олимпиаде.

- Ошибаешься, Гера. Это Миртала. Присмотришься к ней повнимательнее.

- Нет, Зевс, это ты отстал от быстро меняющейся череды событий. Только в девичестве она носила имя, которое ты называешь. Но после того как взял ее в жены Филипп,

она приняла имя Олимпиады в честь своего супруга, когда, на гонках колесниц в Иллирии он достиг славной победы! Ему рукоплескала вся Македония.

Зевс с удивлением посмотрел на свою жену, но не возразил. «Может быть и так, может быть. Похоже, что у тебя самые последние сведения. Только от этого она не стала хуже. От смены имени красота ее не убавилась, так и осталась она желанной не только для меня, но и для всех других богов, - рассуждал громовержец, укоряя себя в медлительности. - Как же я раньше прошел мимо нее? Уж на этот раз я не упущу тебя, милая, красавица моя неземная, несмотря на твою безграничную любовь к Филиппу. Надо же, так полюбила человека, что даже ради него дерзнула сменить свое превосходное имя. Что ж, Олимпиада, так Олимпиада. Награжу я тебя божественным семенем. И будет у тебя достойный сын, равного ему не найдется ни одного человека во всей вселенной».

В это время новая танцовщица, искусительница Зевса, ступила на меховой палас, мастерски выполненный из шкуры жертвенного козла. Он придал ей космическую энергию, и она продолжила бешеный танец в шальном забытьи, впадая в гипнотическое состояние. Мудрый Силен увидел эту молодую танцовщицу в момент, когда она вступила на порог высшего наслаждения. Несмотря на его солидный возраст и достойное поведение, у него разыграло сердце и перехватило дух. Молодое упругое тело красавицы влекло его к ней с невероятной силой. Он зацепился руками за ветку дерева, раскачался и уже на обратном махе схватил ее. Девица не ожидала подвоха с его стороны и, оказавшись в объятиях этого чудища, яростно оказывала сопротивление. Зевс, увидев это с вершины горы, взревел. Жадный взгляд ненасытного сильного пола и дикий возглас не остались без внимания всевидящей, ревнивой Геры. Чтобы оградить мужа от очередной жертвы любви, она поспешила направить на царевну дождевое облако. Сильный ливень обрушился на землю. Это обстоятельство не изменило решение всемогущего бога. Зевс резво пролетел вниз, обогнал опустошенную от потери дождевой воды тучку и оказал-

ся рядом с Олимпиадой, зажатой в объятиях похотливого Силен. Миг, и мудрый старец очутился на противоположном берегу речки, а отчаявшаяся и лишенная сил от долгого сопротивления Олимпиада угодила в железные объятия главного бога Олимпа. В безотчетном состоянии в своих грезах она шагнула в вечное блаженство. Перед ее сознанием проплывали райские кущи, весело заливались птицы со сказочным оперением, соловьи улаждали ее слух великолепными руладами. Она утопала в различных цветах и наслаждалась их удивительными запахами. Даже шум низвергающего водопада перерастал в нежные душевные мелодии. Небеса были разукрашены во все цвета радуги. Солнце сияло, но жары не было. Слабый ветерок ласкал ее тело. Звери невероятной красоты подходили вплотную к ней, но она их не боялась. Все они радостно приветствовали ее появление. Красавица испытала мощный неукротимый прилив энергии. Он затмил ее разум, и она надолго оказалась на вершине амурных чувств. Трудно сказать, сколько времени Олимпиада находилась в объятиях и во власти Зевса. Оно для них оставалось, но исполнилось то, что, так или иначе, должно было исполниться.

Вся в неге, счастливая избранница главного бога Олимпа очнулась. Она несколько удивилась, обнаружив возле себя мужа. Филипп спал крепким сном и даже не подозревал, что несколько мгновений назад случилось с его женой. Она поспешно встала и в волнении подошла к окну. Олимпиада увидела, как удалялось шумное шествие Диониса. Вакханалия продолжала шествовать по дороге, обожествленной богом веселья. Появилась у нее мысль подключиться к этому шествию, но сил исполнить это мимолетное желание не оказалось. «Значит, все это было явью, а не сном, - подумала Олимпиада. - А может быть, я и сейчас еще сплю? Нет, такие реальные ощущения не могут быть во сне. Это свершилось на самом деле, да будет так! С богами не поспоришь. Зевс знал, кого выбрать!»

- Филипп, дорогой, очнись быстрее, ты проспал самое любопытное и не менее удивительное - это то, что произошло со мною в эту ночь.

Олимпиада еще не могла опомниться от приятных ощущений.

- Что с тобой могло содеяться, милая? - потягиваясь спросонья, молвил муж. - Ты под надежной охраной моих телохранителей.

- Охрана бессильна против воли богов. Здесь был сам великий Зевс. Поздравляю тебя. Ты будешь иметь сына полубога и назовем его Александром, то есть, Защитником людей.

- Что?! Ты посмела преступить супружескую верность? Я так тебя понял?

Филипп был взбешен. Он широкими шагами мерил опочивальню, бросая на взволнованную Олимпиаду уничтожающие взгляды.

- Успокойся, кто дерзнул бы перечить самому богу? Или ты хочешь быть испепеленным его молниями? Не ошибись со своими решениями. Теперь я под неусыпным взором и опекой самого могущественного владыки мира. Но это не повлияет на наши отношения. Я по-прежнему твоя обожающая тебя жена.

Олимпиада мило улыбнулась и нежно обняла своего ненаглядного и такого же любимого, как и до встречи с Зевсом, Филиппа. «Какой у меня муж ревнивец! Я и не подозревала, что он может быть таким. Как он не понимает, что к богу ревновать нельзя. Мы не вправе противиться его даже малым желаниям. Но он и с богом не хочет поделить меня! А может быть это хорошо? Как ему объяснить, что все мы подвластны капризам этих высших неземных существ и жизнь наша зависит от их отношения к нам? Тем более, речь идет о самом всемогущем боге Олимпа», - думала ласковая царица, но вторично доказывать свою правоту остереглась.

- Как нам было хорошо на острове Самофраки (3), где я впервые встретил тебя. Ты помнишь свое участие на празднике богини Кибелы (4) - матери богов? Там мы вместе совершали культовый ритуал в святилище. Как ты зарделась, когда впервые увидела меня. В то время ты была еще девочкой, но какой! Уже тогда ты расцвела во всю свою красу. Не было тебе равных среди своих сверстниц. А уже через несколько лет я назвал тебя своей женой. Это Эгейское море и остров посреди бушующих волн до сих пор не покидают моего сознания. Прекрасные воспоминания всег-

да наполняли меня великой любовью к тебе. И ты все это вычеркнула из жизни своим недобрым поступком. Как ты могла?

Филипп задержал свой взгляд на жене, пытаясь понять ее мысли. Она вся сияла, видно еще была под впечатлением телесной близости с богом. Ее состояние вновь подняло в нем бурю негодования. Сердце защемила горечь непоправимого случая. Впервые он не почувствовал любовного влечения к ней.

Олимпиада вдруг остро ощутила его равнодушие. Она всей душой хотела остановить нарастающее раздражение Филиппа и в интонацию слов вложила все свои чувства невыносимой любви к мужу.

- А что изменилось сейчас? Или твоя любовь ко мне уже иссякла? Я по-прежнему та же и полна любви к тебе.

Слова жены прошли мимо сознания Филиппа, будто их и не было. Он находился под влиянием бога Антероса, внушившего ему ненависть к любящей половине.

- Замолчи, неверная. Вряд ли я смогу смириться со случившимся несчастьем! Ты переступила границы дозволенного! - Филипп задохнулся от негодования.

- Это, скажи мне, когда в Спарте кричали на женщин? Ты попираешь наши законы! Никогда не забывай, что я дочь эпирского царя и не привыкла к такому тону. Остепенись. Ты в этот раз оказался неправ. И о каком несчастье ты говоришь, Филипп? Ты самый счастливый человек в нашем царстве! Многие бы хотели, да не могут похвалиться тем, что имеют сына-полубога! Ведь Зевс выбрал меня из тысячи мне подобных женщин! Гордись этим! Отныне ты смело сможешь завоевать весь мир! Боги не позволят сыну нашему погибнуть! Он станет неуязвимым в битвах! Потом, не забывай, что мы прожили вместе два года, а детей у нас не было!

Олимпиада уже почувствовала, что последние слова, сказанные ею, не следовало бы произносить. Она вдруг поняла, что теряет для себя Филиппа. У нее как-то сразу прошел гнев на мужа. Теперь она вновь готова была забыть неожиданную размолвку и быть прежней, любящей женой. Какое хрупкое чувство - любовь. Даже одно брошенное сгоряча, не-

обдуманное слово или грубый недостойный поступок может безвозвратно разбить этот прекрасный дорогой сосуд, и уже невозможно будет восстановить его никакими посулами.

- Не кори меня этим.

- Думаю, что боги готовили меня для Зевса, - спокойно произнесла она. - Вот теперь у нас точно будут общие дети. Так что, радуйся. Надобно сходить в храм Диониса - Ленеон, да принести жертву богу веселья, благодаря которому и увидел меня громовержец.

Последнюю фразу она произнесла мирно, показывая тем самым, что невольные распри

закончены и наступил период взаимопониманий. Но, не желая этого, она вновь подлила масло в потухающий, было, огонь, напомнив ему о Зевсе, и в душе у Филиппа пламень обиды вспыхнул с новой силой. Именно поэтому муж ее не сумел пойти на перемирие, хотя по интонации жены понял, что она готова к восстановлению былых отношений. Теперь он твердо знал, что никогда не сможет смириться с тем, что случилось этой ночью. Не помогло скрепить семью и рождение Александра (5), а затем, и дочери Клеопатры (6).

(1) *Тимпаны* - литавры.

(2) *Дионис* с фригийского языка переводится, как «сын Зевса». («Дио» - «Зевс», «инос» - юноша).

(3) *Остров Самофраки* расположен на северо-востоке Эгейского моря между островами Лимнос, Имброс и Тасос. Название острова означает «высокая Фракия» и произошло оно от древнегреческого слова «самос» - высокий.

(4) *Богиня Кибела* - прародительница богов, могущественная защитница мореплавателей.

(5) *Александр* родился 21 июля 356 года до н. э. в столице Пелла (Македония).

(6) *Клеопатра* (род. в 354 г. до н. э.). Она была выдана замуж за Александра - царя горного балканского царства «Эпир» и через 5 лет овдовела, после чего погибла при загадочных обстоятельствах.

ЕВГЕНИЯ МАРЧЕНКО

Я с просьбой обращаюсь к Небу

Сегодня я еду отдыхать в Турцию. Хлопоты, связанные с перелетом впереди. Путевка, паспорт, документы - в сумочке. Багаж готов к перемещению через таможенную.

Вам хочется знать, кто я такая? Я поэтесса с тремя образованиями и огромным количеством интересов, необычным жизненным опытом и скорым днем рожденья. Я решила посетить Средиземное побережье Турции - Анталию и Сидэ.

За свою жизнь мне пришлось прочитать столько великолепных книг, что хочется узнать, действительно ли так устроен мир, как его описывают. И таковы ли люди в этом мире, как их нарисовало перо художника?

Вот как все начиналось. В аэропорту Пулково 1 в 24 часа ночи наблюдалось Вавилонское столпотворение. Шум, гам, где регистрация полета, неизвестно.

После тщетных поисков дежурный указал на лестницу 2-го этажа. Народ в России необычайно терпелив: страдают молча и ждут, ждут, ждут. Многие едут отдыхать с маленькими детьми.

Вот и очередь на сдачу багажа, а я одета в теплый кожаный плащ и розового цвета шляпу с полями. 7 сентября 2012 года. Осень. В помещении жарко. Долго стоим с документами и ручной кладью: печати, билеты, контроль, досмотр.

Распрощалась с провожающими. Мою шляпу, плащ, сумки пришлось поставить на движущуюся ленту. Моя обувь, носочки, а заодно подмышки и торс были обследованы и одобрены.

Кажется весь народ решил отдыхать в Анталии в этом году. Первые знакомства показали, что люди едут отдыхать в Турцию семьями от фирмы «Пегас». Мне повезло! В самолете я одна из первых. Боинг - уютный и прохладный, заполнился до отказа туристами. Три с лишним часа полета оказались скорее приятными, чем нет. При виртуозном взлете

и посадке самолета раздавались благодарные аплодисменты. Прибыли в Анталию в 6 часов утра. Большой круглый зал аэропорта поразил тишиной, свободой и размерами. Кажется, это один из самых больших аэропортов в мире.

Огромные движущиеся ленты вскоре вывезли мой багаж. Замечательный маленький автобус рейсом на Сидэ ждал меня на улице.

Всего пять попутчиков с детьми. В отель Сидэ Миами Бич я одна. Детки ведут себя изумительно. Им объяснили, что они едут к морю.

Раннее утро. 21 градус тепла. Красота! По обе стороны дороги южные постройки. За окнами мелькают пальмы. Вдалеке видны голубые горы. Встретил нас в аэропорту гид-переводчик турецкого происхождения. Как интересно наблюдать за людьми из других стран. Очень вежливы и обаятельны водитель и гид. Они шутят всю дорогу. Почему-то интересуются не трясло ли самолет? И не был бы пилот в подпитии? Они назвали свои имена, которые звучат непривычно резко.

В 7.30 утра турецкий провожатый высадил меня в моем отеле. Отель показался мне райским турецким чудом: 2-х этажный с лестницами, цветами, террасами, а главное - бассейном с сине-голубой водой. На главной террасе под крышей из цветов - ресторан.

Утро, меня сразу же накормили завтраком - шведский стол - все включено. Мне очень здесь понравилось. Я позвонила по мобильнику брату домой в Петергоф. В небольшом кабинете рядом с ресепшн кто-то появился, он с нетерпением перебирал документы прибывших.

Пока расселение не началось, мне пришлось познакомиться с Гёкханом - ночным дежурным, а так же с горничной Зейнеб. Гёкхан знал чуть-чуть по английски, а Зейнеб понимала только по-турецки. Вскоре Гёкхан подхватил мои вещи, Зейнеб с ключом от моего номера повела меня на нижнюю террасу

с сентябрьскими садовыми цветами по экзотической территории. Возле каждого номера я заметила балкончик с креслом для отдыха и оградкой для сушки полотенец и купальников. Рядом с моим номером - сосед африканец с супругой - белокожей женщиной раскуривали трубки. На противоположной стороне слышалась русская речь - 2 русских женщины и девочка сушили полотенца.

Большую часть моего номера занимала двухспальная кровать, рядом зеркальная тумба, шкаф, холодильник, наверху телевизор.

Я сразу отправилась в душ, где целых двадцать минут простояла под сильными, упругими и чуть прохладными струями воды. Потрясающе чистая, завернутая в полотенце, без одежды, я упала в белую шелковую постель и сладко заснула, ощущая себя счастливой и здоровой.

Проснулась я к обеду. После него отправилась к морю. Слева от входа в отель дорожка. Она застроена палатками с украшениями, сувенирами, одеждой и уходит под горку к морю. Всего 70 метров вниз и я на широкой морской набережной. Пляж вдоль всего побережья уставлен шезлонгами с большими белыми зонтиками. Кругом раздаются голоса отдыхающих со всех стран мира. Я нашла загорающих из своего отеля. Одно место под зонтиком было свободно. Слышна отовсюду немецкая, польская, турецкая речь. Я лежала и с удовольствием наслаждалась виртуозным английским разговором молодого турка с русской красавицей. Загорающие постепенно уходили и возвращались счастливые и мокрые из морской пены, ложились на топчаны, устланные полотенцами и потихоньку дремали.

Здравствуй, море! Чудесное песчаное дно, без единого камешка, напоминало, что это морское побережье предназначено для счастливого отдыха.

Теплые волны спеленали меня в легкий кокон, который парил и качался на ласковых волнах. Солнечная дорожка ослепляла и восхищала наблюдателей. Она пересекала все морское пространство от гор, далеко в море, до самого берега. Я чувствовала себя победительницей. Счастливое удовлетворение и необычайный покой захватили дыхание. Я

окуналась в волны снова и снова и думала, что море - это огромное ласковое существо - загадочное и притягательное. В первый день нужно быть осторожной с огненно-горячим турецким солнцем. +39 градусов тепла.

Легкое платьице, мокрые волосы под шляпкой - все подсказывало, что я только что вышла из воды. Теперь время познакомиться с окружающими лавочками и конечно с обычаями местных обитателей. Продается мороженое из козьего молока. 10 открыток с видами Сидэ стоят 1 доллар. На большом рынке продают футболки и платья. Здесь же бижутерия и специи для приготовления восточных блюд. До сих пор я почти ничего не знала о турках.

Я зашла в лавку сувениров, где 50-летний продавец турецкого происхождения терпеливо сообщал мне цены своих товаров, на которые я обращала внимание. Здесь были красивые кружки с символикой турецкого знамени, вазы удивительной формы и размеров из металла и стекла различных оттенков. Я взяла в руки «лампу Алладина».

«Алладин» - произнес улыбающийся турок. «Царевна Будур!» - ответила я, припоминая героев сказки. Мы расстались, довольные тем, что нашли общий язык. Еще 5 минут разбирали цены и ценность ламп и экзотических светильников.

Я прошла еще чуть-чуть по дороге к отелю и увидела прекрасные парео, развивающиеся на ветру около следующей палатки. Особенно мне понравилось парео ярко-зеленого цвета. Продавец был смугл, с голубыми глазами и бородой, молод и привлекателен. Увидев меня, юноша заулыбался и сообщил мне, что я смогу все купить за полцены, потому что я очень красивая. Я попросила зеленое парео. Он сказал, что если я к тому же «сэкси», он готов отдать мне все, что я захочу. Я засмеялась - показала на голове корону и по-английски сообщила юноше, что я «квин» («королева») и этим все сказано, а что «сэкси» так это тоже «ДА». Он протянул мне зеленое парео и еще раз смущенно произнес: «Я сэкси». Я ответила, что очень рада, но ничего не могу поделать.

Потешаясь в душе над этим смешным и милым горе-сэкси продавцом, я добралась до

основного входа в отель, где сидела русская молодая женщина с ярко-синими глазами. Она была моим гидом и представилась: «Айс», что значит лед в переводе с английского. Видимо это ее псевдоним, как я поняла позже, столь загадочно неприступно и гордо она держалась среди любопытных туристов. Хорошо, что с ней я могла наконец обсудить все по-русски.

Из многих туристических путешествий по Турции, я выбрала поездку в Анталию, прогулку на пароходе по Средиземному морю и купание в водопадах.

После ужина я никак не могла справиться с дверным замком. Пришлось лечь спать с открытой дверью. Еще не были подключены кондиционер, телевизор, телефон и холодильник. Я почувствовала, что в номере душно и открыла дверь. Когда я погасила свет, то испытала жутковатый холодок и легкие опасения по поводу моих документов в сейфе и открытых дверей на ночь. Первый день удивил, утомил и запомнился своим экзотическим настроением. «Что же будет завтра?» - думала я, засыпая.

Утром я проспала завтрак, валялась и нежилась в кровати до тех пор, пока меня не потревожила горничная Зейнеб. Сразу после нее явился электрик с диким страшноватым лицом. Он показал, как закрыть дверь, приподняв ручку вверх, и я вдруг научилась закрывать замок. Он ни слова не понимал по-русски и ни слова по-английски. К тому же он ехидно улыбался, показывая свои белые зубы и я стала его побаиваться.

После обеда и дозы солнечных лучей, полученных мной во время загораения у бассейна, я отправилась в приемную на ресепшн. Это единственное место, где тихо и прохладно как в холодильнике.

Юноша из Египта пришел сюда с ноутбуком, и русская красавица с чемоданами собиралась к отъезду домой. С ними по-английски беседу вел юноша Арди, который сменил Гёкхана утром. 23-летний Арди был эмоционален, пылок и привлекателен необычайно.

Я рассказала Арди, что сочиняю стихи по-русски, что я всю жизнь любила учиться, что приехала в Турцию впервые из Санкт-Петербурга и мне очень импонирует англий-

ская практика речи.

Арди закончил университет в Стамбуле. Это его родной город и нет ничего красивее, больше и интереснее Стамбула.

Он восхищенно уговаривал нас, что если бы мы тоже увидели, каков Стамбул, то были бы очень удивлены. Юноша покраснелся, глаза у него горели. Я спросила, кто у него остался дома? Осталась дома мама, которую он боготворит и обожает больше всего на свете.

«А как же мама отпустила Вас так далеко?» - поинтересовалась я. Юноша загрустил и поведал, что ему очень трудно, но он не намерен сдаваться. «У Вас усталый вид!» - не унималась я. На глазах у Арди появились слезы - он, наверное, вспоминал свою маму.

В разговор вступил Мика. Он просил меня прочитать по-русски свои стихи.

Январь
(сонет)

*Красавица зима. Богато мехом
Укрыты все деревья, все дома.
И выстужена ветром тишина...
На лужах лед, звенящий детским смехом.
Довериться, скажи, каким утехам?
Жесток мороз и далека весна,
Вновь юный день и снова не до сна,
А новый год дорога к новым вехам,
Январь волнует, чудная природа,
Укрась и мой наряд в начале года!
Искрящимся мгновеньем околдуй,
Шаль серебристую набрось на плечи,
Пусть будет страстно-вьюзен и доверчив
Морозный, зимний, снежный поцелуй.*

Только я перевела последние строки для Арди и Мики, как из кабинета директора появился турецкий «мачо» с флаконом восточных ароматов. Потягиваясь от неподвижной работы за столом и явно заинтригованный общей беседой, он решил наконец показаться нам во всей красе. Высокий, стройный, нарядный, таким предстал передо мной восточного вида молодой мужчина лет 37-ми.

«Мечтала я о таком парфюме», - проговорила я, ощутив запах дорогих духов. Он зау-

лыбался и стал заглядывать мне в глаза. «А о таком мужчине вы не мечтали?» - говорил его вид. Я спросила его имя. «Сэйфи», - ответил незнакомец.

«Пойдемте выпьем чашечку чая», - предложил он тоном, не терпящим раздумий.

Он пригласил меня за деревенский столик на террасе возле бани (хамам) на открытом воздухе в тени и только для особ, приближенных к нему - директору. За столом кроме меня и Сэйфи сидела русская девушка Саша. Она обучала Сэйфи русскому языку.

Сэйфи предлагал мне виноград и чай. Я отказалась от винограда, и он очень удивился. «А что же вы любите?» - поинтересовался он.

Больше всего я любила вишню, о чем и сообщила моему новому знакомому. Думала он не поймет, что такое вишня, так как не знала, что по-турецки «вишня» это то же, что и по-русски «вишня». Сэйфи на миг задумался, будто собирался поразить меня чем-то позже.

И поразил. На следующий год весь ресторан был уставлен вишнями.

Сэйфи спросил меня о Санкт-Петербурге.

«Я из Петергофа - это самый красивый город - столица фонтанов».

«Я никогда не был в Санкт-Петербурге, - с грустью произнес Сэйфи и добавил: - Милиция меня туда не пустит».

«А как же жена Ваша, отсутит?»

«Да вот Саша моя жена. Саша, ты отпустишь меня? - и добавил: - У нас пятеро детей».

Он закурил и пошел поздороваться с Айси, которая только что пришла на встречу с русскими туристами.

Из хамاما выходили распаренные туристы, завернутые в махровые полотенца.

Саша была смущена и готова провалиться сквозь землю. На вид ей недавно исполнилось 20 лет. Она была похожа на серенькую очень худую кошечку, только что вышедшую из подросткового возраста. Не похоже, чтобы у нее были дети. И я спросила, правда ли, что она жена директора.

Она ответила, что это Сэйфи так шутит.

«С добрым утром», - приветствовал нас Сэйфи, возвращаясь к столику и улыбаясь очень хитро.

«На дворе уже 16 часов!» - отметила я. «Сэйфи выучил пока только «С добрым утром», даже если день или вечер», - рассказала Саша. При этом она захохотала, назвала Сэйфи «дурачком» и, как капризная принцесса, попросила: «Сэйфи принеси мне пирожное, я хочу пирожное».

На поступившую просьбу Сэйфи никак не отреагировал, чем, видимо, обидел Сашу до глубины души. Я посмотрела на Сэйфи с любопытством. Он любит юмор, обаятелен, иногда строг и серьезен, артистичен. Я рассмеялась - его черного цвета ботиночки, были вычищены до зеркального блеска. Тонкие щиколотки говорили о знатности происхождения, а узенькие носочки ботинок, что Сэйфи щеголь и повеса. Смеясь, я предложила ему вместо зеркала глядеться в свои туфли. Он так артистично стал изображать, как смотрится в свой ботинок, потом схватился за голову и начал смешно повторять: «Сэйфи дрянь, дрянь, дрянь».

Это было так смешно, что все кто были за столиками, пошли хохотать восвояси.

Я констатировала, что «жизнь - это театр, а мы в ней актеры» как говорил Шекспир. Сэйфи был согласен со мной как никогда.

Зашел разговор о Боге и о религии. «Мне кажется, что для всех один Бог на Земле, хоть и разные религии. Зачем же ссориться и ненавидеть друг друга?» - высказала я свое мнение. Сэйфи кивнул мне и сделался серьезным.

Я поняла, что ему интересно с нами, но скоро должен был начаться субботний вечер отдыха «турецкая ночь». Было необходимо переодеться в вечерние наряды, прийти в себя, провести свой номер.

Я стала собираться. «С добрым утром», - попрощался со мной Сэйфи.

В своем номере я обнаружила следы чего-то тайного пребывания. Заработал кондиционер и телевизор. Я заглянула в сейф - документы на месте.

На ужин все пришли особенно нарядно одетыми. Ко мне за столик подседа девушка лет 16-ти, Ирина.

После ужина шоу началось. В ресторане все места были заняты. Людей из разных стран очаровал вид, открывавшийся с верхней

террасы на нижнюю с бассейнами, подсвеченными голубыми огнями. Всех интриговало название «Турецкая ночь». Раздался шум барабанов, вой каких-то гудящих инструментов - национальная турецкая музыка напоминала психическую атаку. Было больно барабанным перепонкам от громких звуков и вой волынок.

Среди этого шума и грохота вышли танцевать турецкие юноши в национальных костюмах. Полуобнаженная танцовщица зазывала Сэйфи на танец. Он отказался и был вынужден запихнуть в ее лифчик пачку денег. Танцовщица кружилась, двигая бедрами и плечами в восточном вкусе. Фурор своим танцем вызвала 8-летняя девочка - дочь русской, живущей в номере напротив моего. Малышка была шикарно одета и дала фору турецким танцовщицам. «Девочка - вундеркинд»- подумала я. Ее звали Лидочка, а ее мама и тетя тоже присели за мой столик. Мы заказали кофе и кусочки торта. Беседа о Сидэ продолжалась далеко за полночь. Татьяна и Людмила - воспитатели юной танцовщицы, из Барнаула, прибыли сюда несколько дней тому назад. Ирочка путешествовала одна. Это была ее первая поездка в Турцию. Она с восторгом говорила, как чудесно здесь провела неделю. Сегодня день ее отъезда. Я подарила Ирочке зонтик на память, чтобы ей было сухо и тепло всегда.

Гости всего мира разговаривая по-английски, встречались, знакомились, расставались как на палубе судьбоносного корабля, где сталкиваются характеры, амбиции, жизненные кредо. Сперва это дружеский порыв понять и принять другой язык, другую культуру. Это так заманчиво - дружба и взаимопонимание.

У меня в номере в эту ночь начались проблемы с освещением. Лампочка. до сих пор работавшая хорошо, больше не включалась, зато сами собой включились настенные бра. Я заметила, что форточка приоткрыта, а уголок, куда вставляется электронная карта с ключами светится ярко красным светом. Под утро я вставала, чтобы вставить карточку с ключом в светящееся окошечко, как показала мне Зейнеб.

Странная музыка и шорох раздавались с улицы. Я заглянула за занавеску и обомле-

ла... Около номера 408 напротив и чуть левее, юноши, стоя на стульях, под музыку изображали «морские звезды», раскинув руки и ноги в стороны. Они странно двигались и что-то напевали. Мне было не видно, что происходит в №408, но там горел свет. Я закрыла занавеску, опасаясь, что меня могут увидеть. И в эту минуту послышались звуки мусульманской музыки, призывающей верующих к молитве. Это было настолько тревожно и странно. Я вспомнила, что рядом с отелем находится действующая мечеть, которую мы проезжали на автобусе. В 6 утра сверху, где расположен ресторан, доносились звуки, говорящие о скором завтраке и о том, что персонал уже приступил к своим обязанностям. Я немного успокоилась этим и заснула.

Что может быть лучше раннего похода к бассейну. Голубая вода сводит с ума. Я спустилась по железной лестнице прямо в воду... Сладко заныло охлажденное тело, сердце быстро забилось от неожиданного удовольствия. Я поплыла по поверхности очень пресной и очень прохладной воды.

После купания я увидела сухощавую блондинку на соседнем лежаке. Мы улыбнулись друг другу. Она спросила, говорю ли я по-немецки? «Нет», - ответила я. Она ни слова не понимала по-английски. Я достала блокнот и ручку. Она написала в блокноте свое имя Гуд Рун по-немецки. Вскоре мы общались жестами, рисунками, словами языков всего мира, по-немецки и по-английски, и по-русски. Нам было так весело и интересно! Плескаться в бассейне так здорово! В баре можно было брать бесплатно чай, кофе, колу со льдом. Вот и Мика пришел позагорать к заманчивому водному пространству. Махнув мне рукой, он назначил мне встречу по-английски у «респешн» после обеда.

Мика пришел на ресепшн с ноутбуком. Он показал мне свой дом в Египте, колледж в Англии, где он учится и его стихи об учебе и самом учебном процессе на английском языке. Стихи очень неплохие.

После обеда дежурил Арди. Он сообщил, что мама, как я и думала, собирается его отсюда забрать. А девушка из Польши пригласила его в гости как жениха.

Я рассказала о своих друзьях художниках и что у меня есть 7 поклонников. Один из них провожал меня в аэропорт.

Сэйфи вышел из своего укрытия. «Вы здесь директор?», - спросила я. «Да», - ответил он и все, кто сидел в холле засмеялись.

«Может быть и не директор. Здесь все очень любят шутить!» - заключила я.

Сэйфи был в хорошем расположении духа и снова позвал меня за столик на террасе. Здесь уже сидела Саша, которая бегала за Сэйфи весь день. Нам был предложен чай.

Мне захотелось рассказать, что я пишу книгу о том, как нарушена экология не только в природе, но и в человеческих отношениях. И что это очень печально. Что принесет нам 21-й век?

Сэйфи сделался серьезным и строгим. Я вспомнила гитару у костра, дружескую атмосферу и решила спеть «Звездочку» Александра Дольского. «Мне звезда упала на ладошку. Я ее спросил: «Откуда ты?» - «Дайте мне передохнуть немножко, я с такой летела высоты...» Художнику на ладонь упала звезда и он стремится загадать желание:

*Чтоб на этой горестной планете
Только звезды падали с небес,
Были б все доверчивы, как дети,
И любили дождь, цветы и лес,
Чтобы женщин на руках носили,
Не было болезней и войны.
Чтобы верность не была обузой,
Дружба чтобы в тягость не была,
Чтобы старость не тяжелым грузом,
Мудростью бы на сердце легла.*

Художник просил еще «быть любимым и чтобы не болела мать».

«Не ответив мне звезда погасла, было у нее не много сил», - закончила я грустно. Саша зааплодировала. Сказала, что очень красиво звучит. Мы поговорили о гороскопах и о том, когда у кого день рожденья. У меня будет здесь в Сидэ через 4 дня. Сэйфи наклонил ко мне голову и сообщил: «Жди меня сегодня ночью, я к тебе приду!»

«Может быть. ты влюблен в меня?» - спросила я.

«Конечно. А как сказать по-русски, что «Да»?

«Любимая», - произнесла я по-русски.

«Любимая!» - повторил Сэйфи на чисто русском языке.

«Жди меня сегодня», - еще раз сообщил 37-летний мужчина.

Это была почти шутка, произнесенная при всех, и я тоже в шутку сообщила, что буду с ним только после венчания в храме. Согласен ли он? Конечно, он был в восторге. Всем, кто входил и выходил из отеля и всем друзьям и знакомым было сообщено, что его фэйворит (избранница), его «девочка» Джаня будет с ним всегда и только после венчания в храме. Целый день он бегал и всем рассказывал об этом. К вечеру все Сидэ было в курсе наших отношений. Сэйфи казался настолько забавным и искренним, что я без ума влюбилась в этого пылкого, не такого холодного, как русские мужчины, юношу.

При следующей нашей встрече за столом он спросил, что я думаю о нашей разнице в возрасте. Пришлось рассказать о том, что певица Пугачева вышла удачно замуж за талантливого юного Максима Галкина, что это одна из самых богатых и счастливых пар в России. И что Максим недавно построил для Аллы роскошный замок за много миллионов долларов. «Сэйфи, ты женат?» - поинтересовалась я снова.

«Да, у меня жена и двое детей, а я хочу 10 жен и 5 детей», - пошутил он.

Я сообщила, что по-видимому буду 10-й старшенькой и самой главной. Он понял и повторил загадочно по-русски «старшенькой».

Начались ночи без сна.

Мне все время казалось, что Сэйфи ходит под моими окнами во время ночных дежурств. Я немела от страха и боялась заглянуть за занавески. Но ловила себя на мысли, что жду его каждую минуту.

10-го сентября назначена поездка в Анталию. В 7.30 утра я была уже готова к путешествию, собрала свои чеки и документы.

Сперва в течение получаса автобус объехал все отели Сидэ и оказался полностью укомплектованным. Путешествие началось. Гид-турок рассказывал о некогда могуще-

ственной «Османской империи», которая простиралась на тысячи километров. Египет, Италия, Албания, Болгария, Румыния, Сирия, Крым, Византия - гигантские территории были захвачены турецкими воинами.

Турецкие мужчины предпочитали умирать на поле боя. Даже больных несли к местам сражения. Все, кто погиб в бою, попадали, по мнению турок, в рай. Были известны случаи, когда рабы, имевшие исключительные способности, назначались на главные должности в стране. А рабыня Роксолана стала любимой женой Султана Сулеймана. Еще гид сказал, что в Турции долго не признавали часы и все привыкли жить как Бог на душу положит. Всегда турок отличала одна особенность - они очень ценили красивых людей. Считалось, что красивые люди обязательно талантливы и умны. Самые распространенные профессии у современных граждан Турции - врачи, юристы, торговцы.

Наш автобус подъехал к самому большому супермаркету, где продавали «восточные сладости». Я выбрала 5 самых соблазнительных видов. Очень скоро мы въехали в Анталию. Это очень красивый курортный город. Здания белокаменные. Идеальный климат - 300 солнечных дней в году. Пляжи Анталии - рай для любителей моря.

Автобус подъехал к морскому порту, где стояло наше суденышко - небольшой пароходик. На нем 2 часа будет происходить прогулка по морю. Чтобы спуститься к нему надо преодолеть огромную каменную лестницу с тысячей ступенек. Все движется вниз к парходам. На мне белая футболка. На ней надпись: «Все бабы, как бабы, одна я - Богиня». Кто-то из моряков прочитал по-русски, что я «Богиня», и долго смеялся с друзьями.

Море было настолько блестящим от света, а горы и водопады настолько величественными! Невозможно оторвать взгляд от восточного морского пейзажа. Всем захотелось купаться в море около водопадов.

Скоро нам разрешили прыгать за борт с кругом. Смех раздался через несколько минут, когда купающиеся поняли, что здесь не бездонное море, а всего лишь глубина по плечи и можно стоять на водорослях. Впечатление от

поездки было удивительное и незабываемое.

Встречал меня из поездки Сэйфи. «Хочешь я подарю тебе на день рождения бриллианты?» - приставал он ко мне. Пара из Польши смотрела на нас во все глаза, но мы забыли про всех на свете. «Любимая!» - шептал Сэйфи по-русски.

«А как же, если ты будешь, как моя мама?» - волновался он.

«Даже если я буду, как твоя бабушка - ты люби меня, как сегодня».

«Ладно», - согласился Сэйфи по-английски.

За ужином я с удовольствием пообщалась с пани Барбарой из Польши и ее мужем. Они были дружны с Гуд Рун - моей немецкой приятельницей и бойко переводили с русского на немецкий и польский. Так мы узнали друг про друга много интересного и даже пошли вместе к морю на дальний пляж. Все были приглашены ко мне на день рождения.

Я встретила с Сашей и Айси на веранде ресторана. Саша ревниво поглядывала на меня и сплетничала с Айси.

*«Не может взгляд чужих, порочных глаз
Ценить во мне игру горячей крови,
Пусть грешен я, но не грешнее Вас,*

Мои шпионы - мастера злословья», - процитировала я Шекспира, подсаживаясь к ним за столик.

Трудно ли на чужбине работать, и почему она называет себя «Лёд»? - спросила я Айси.

У Айси на глазах появились слезы - видно, держится из последних сил. Она рассказала, что им не говорят, почему в этом году туристам не выдают таксофонные карты, ведь именно поэтому нельзя позвонить домой.

Поздно вечером я отправилась в свой номер. Какие сегодня будут сюрпризы? В первую минуту я заметила, что форточка снова приоткрыта, а в номере слышно какое-то странное шуршание и жужжание.

И вдруг прямо на меня стало пикировать какое-то мохнатое существо. Сперва я подумала, что это бабочка или летучая мышь. Но оно было похоже на осу огромных размеров или шершня, стремящегося искушать меня до смерти. Я внезапно ощутила смертельную опасность. «Сейчас будет бой!» - почувство-

вала я. Мое махровое полотенце как нельзя кстати. Одним взмахом я отбила шершня к занавесям. И сразу снова нападение. Я хотела выскочить из номера, но дверь была закрыта. Я отмахивалась полотенцем и все же сбила врага на пол и раздавила ботинком.

В ужасе я побежала к Сэйфи рассказать о случившемся. Сэйфи, Айси и Мика успокаивали меня. По их мнению это был гигантский шершень. Сэйфи снова пригласил меня за столик на террасе. Мы с ним обменялись визитками и телефонами. Он собирался приехать в Петербург 15-го ноября: «Жди, звони.»

«Джания (вместо Женья), кто такие дворяне?» - интересовался мой возлюбленный.

«Сам он, как и его имя, похож на большую экзотическую бабочку», - думала я.

Снова рассказала ему, что в 1462 году, когда турки осаждали Константинополь, императорами Византии были Полеологи и Морейские - мои предки, как рассказывает об этом семейное предание. Софья Полеолог бежала в Россию и стала женой Ивана III, а Морейские долгое время занимали духовные должности. Кто сегодня дворяне? Это потомки элиты царской России.

«Ты князинька?» - догадался Сэйфи.

Он свободно общался на нескольких языках. Иностранцы приглашали его фотографироваться. Я даже думала, что он понимает по-русски. Видимо, его учили правилам хорошего тона, основам дипломатии и умению нравиться людям и особенно женщинам.

Утром, после завтрака 12-го сентября я получила такой трогательный подарок ко дню рождения, о котором и не мечтала. Вся моя кровать была устлана ароматными лепестками белых роз. Лепестки красного цвета на белом, говорили о душевных ранах, страсти и желании. Около зеркала кувшин с ароматными розами и лилиями. Маленькая прелестная бабочка калибри порхала по моей комнате. «Как же такое возможно? И это не сон?» - восхищалась и недоумевала я.

Всю жизнь я искала ту, единственную, любовь и умоляла Бога сотворить для меня чудо. Мне казалось, что я буду самой лучшей женой на свете. У Сэйфи, должно быть, очень смешные детки. Мы будем гулять, учить рус-

ский язык, ноты на фортепьяно, петь хором романсы, рисовать восточные пейзажи и сочинять прекрасные сказки.

С моим тактом, умением все понять, я была готова обождать его родню, не только жену и мать...

«Я буду ему нужна, ведь я все умею», - думала я, улыбаясь. До отъезда оставалось два дня. Мечтам, к сожалению, не суждено было сбыться. «Может, я встречу Сэйфи в следующем году снова?» - думала я.

В этот день Мика уезжал в свой Египет, а Арди в Польшу. Они несколько часов играли в мяч около самого прибоа. Я ходила купаться, искала ракушки и камешки, чтобы увезти их домой.

Сэйфи весь день не появлялся. Ко мне на праздник пришла Гуд Рун с парой русскоговорящих немцев, пани Барбара с супругом, маленькая танцовщица Лидочка с мамой и тетей. С Айси мы приготовили восточные сладости, кофе, чай, торты, арбузы, пирожные, белое и красное вина. Организовался уютный кружок. В подарок гости принесли красивые украшения, солнечные шарфы и подкову Сидэ с пожеланиями счастья.

Мы вспоминали творчество Владимира Высоцкого, пели его песни. Все рассказывали каждый о себе. Я спела «Удивительный вальс» Дольского о Петербурге, прочитала свои стихи: «На смерть поэта», «Безумствует любовь» и «Любовь, весна и маскарад», «Рэквием по мечте». Последовали аплодисменты, меня сравнили с Высоцким. Это было, по-моему, наивно, но все равно приятно.

Неожиданно появился Сэйфи. Я предложила ему бокал вина. «У Жени в Петербурге 7 мужей», - ни с того ни с сего заявил Сэйфи всему кружку. Все настороженно смотрели на меня. Я улыбнулась и сообщила по-английски, что Сэйфи очень хочется стать моим 8-м мужем. После чего раздался дружный смех - все оценили мой юмор.

На следующее утро я проснулась с режью в желудке, давлением, болями в сердце. У ре-сепшн сидел Сэйфи, но какой-то другой: холодный, циничный, жестокий.

«Что бы я мог для тебя сделать?» - спросил он, когда я пила корвалол в холле. Мне

было очень плохо. Саша привела меня в мой номер, дала лекарства и минутку посидела рядом со мной. Было уже 20 часов вечера. В 24 я должна улететь в Россию. Немецкая пара пришла меня проводить. Вдруг появился по-прежнему очаровательный Сэйфи.

Он деловито спросил: «Как ты?», щелкнул пальцами. Немцы подхватили мои вещи, и я оказалась на ночной террасе с Сэйфи и Сашей и почему-то думала, что в последний раз. Я поцеловала любимого в щеку против его воли. Слезы хлынули градом, когда я уселась в маленький автобус. Ужас, что я никогда не была и не буду любима, охватил меня. Я закусила собственный кулак и совершенно в шоке не помню, как долетела до Санкт-Петербурга. Как всегда решила позже, что за счастье нужно бороться.

Я сочинила поэму «По восточным мотивам» и решила послать ее в Турцию. Мы с Сэйфи перезванивались до 15-го ноября, но он так и не приехал, сказал, что жена порвала билеты. Другие юноши часто подходили к телефону Сэйфи. Однажды он сказал мне, что одинок. В другой раз кто-то позвонил мне домой, извинялся и объяснял, что ему дорога Саша. Голос был незнакомый. Думаю кто-то хотел «спасти» Сэйфи от меня.

Голос Сэйфи я узнала снова месяцем позже. По телефону он рассказал, что все okay. У него двое детей, и он просит что-нибудь для них прислать.

Я послала несколько трогательных посылок с костюмчиками и рубашечками для детей, свитерами, джемперами и бабочками для Сэйфи. Главное, ему очень нравились мои письма.

«Сэйфи - моя восточная сказка, моя мечта, мой сон» - писала я в своем первом письме.

Все мои подруги отнесли к моей любви отрицательно. Предупреждали, что от турок не жди ничего хорошего, что все обман и у них просто такая работа.

В июле следующего года я позвонила Сэйфи с вопросом, хочет ли он, чтобы я приехала снова в Сидэ в октябре месяце. Он долго объяснял мне в любви, назвал Джаней, был рад, что я приеду, но свою речь завершил странно! «Ай вонт ту дай» («Я хочу умереть»).

Голос его был взволнованный и странный. Через две недели женщина дежурная по телефону сообщила мне, что Сэйфи «кил» (убил) и повесила трубку. Я попробовала узнать, что случилось.

Когда мне ответил молодой человек, я даже подумала, что это кто-то другой, кто в курсе наших с ним отношений. Новый Сэйфи попросил меня привезти с собой виски, хотя мой Сэйфи был рад, что я не пью и не курю. Так что же случилось на самом деле?

Наконец 5 октября - день моего вылета в Анталию. Меня провожал на самолет мой брат. В этот раз отдыхающих ожидал огромный боинг. Девушка-попутчица тут же окрестила его «Титаником», чем вызвала негодование пассажиров, собравшихся отдохнуть. В самолете было темновато - ночь. Он взлетел так мягко, как инопланетное судно и так же мягко присел на взлетно-посадочную полосу в Анталии через 3,5 часа.

Я раздобыла тележку и увезла свой багаж на посадку в автобус до Сидэ. В октябре природа устала от жары. Пальмы обгорели и пожелтели. Природа из последних сил старается радовать глаз. Температура +25 градусов.

Я волновалась, как встретит меня Сэйфи. Сперва ждала его прихода вместе с новой «ресепшн». В приемной девушку звали Тучи. «Тучи еще не гроза, но близко к этому», - заметила я про себя не без юмора.

К 10 утра в офис зашел мужчина очень похожий на Сэйфи, но с другой прической. Казалось, что он моложе и полнее, чем я ожидала. После прохладного приветствия он спросил, привезла ли я виски. Я сказала, что в белой рубашке он выглядит, как ангел и распорядитель восточных удовольствий. Я привыкла к его виду и решила, что это все же Сэйфи, хоть и выглядит по-другому. Сэйфи велел мне идти искупаться в бассейн, а он будет думать, куда меня поселить.

Я переделась в раздевалке. Со всего размаха прыгнула в отрезвляюще холодную воду. Сердце чуть не остановилось от ледяной воды. «+15, а то еще и меньше, - определила я. - Точно для моржей». Я плавала до тех пор, пока не согрелась. Все напряжение перелета куда-то исчезло. В одну минуту я похорошела

необычайно и возродилась к жизни. Мокрая, в купальнике, я прибежала к Сэйфи за ключами.

«Ты убил кого-то?» - спросила я Сэйфи, догадываясь, что нет, все в порядке.

«Хочешь ли ты, Женя, умереть?» - вдруг поинтересовался опять Сэйфи.

Я онемела от ужаса и спросила: «Зачем? Я хочу жить долго и счастливо», - ответила я.

«Не подходи ко мне, мне плохо», - предупредил он.

Он встал из-за стола, вышел проводить меня с ключами на лестницу и тихо, чтобы никто не услышал объявил, что хочет меня «ту кат» (зарезать). При этом он казался совершенно нормальным.

В чем причина такого поведения? Мне нужно было ему что-то ответить. Я сказала ему, что мужчины во всем мире перестали понимать сами себя. Они забыли, что значит «любить» и хотят всеми возможными способами использовать женщин и свои привязанности. Хоть и есть у мужчин жены, но браки совершаются и на небесах, и нечего манипулировать женскими существами в угоду мужским слабостям. Если мужчины не поймут, что такое настоящие чувства и какое место занимает на земле любовь, Бог будет вынужден уничтожить эту цивилизацию. Продолжается таяние Ледовитого океана. Может быть скоро придет большая волна нового Всемирного потопа. Ни дети, ни жены, ни деньги не будут иметь значения. Ведь Бог это любовь к людям. Мужчина нарушает гармонию, как и Сэйфи не соображает, что говорит и делает.

Тучи понесла мои чемоданы. № 408 оказался тем номером, где юноши производили какие-то магические действия, которые я наблюдала в прошлом году ночью, случайно заглянув за занавеску. Это пришло мне в голову вечером. Номер оказался двухместным. 2-хспальная кровать и ещё одна рядом были украшены полотенцами в виде бабочек. Я положила в шкаф свои вещи, распаковала лекарства от сердца, от желудка, от давления и от гриппа. Определила билеты и документы в сейф. Затем разобрала постель с бабочкой, приняла душ и стала рассуждать о том, что приключения, видимо, только начинаются. К обеду я никак не могла закрыть ключами свой

номер. Весь вечер и половину следующего дня мой прошлогодний недруг-электрик, на моих глазах закрывал мой номер ключом №408. Я повторяла за ним все движения, но стоило ему уйти, как я снова не могла закрыть свою дверь. Электрик злобно ухмылялся, а Сэйфи на просьбу поменять номер, сказал, что у всех все в порядке, только у Джени опять проблемы. Когда я пошла снова в свой теперь уже открытый №408, мне показалось, что это западня. Свет и бра не включались. Дверь закрыть на ночь не представлялось возможным.

Что делать? Надо просить билеты на самолет и лететь домой срочно. Я разыскала Сэйфи и попросила отправить меня домой, как можно скорее. Он ответил, что надо купить новый билет и он не советует мне этого делать. Денег на новый билет у меня не было. На первый случай я решила как можно меньше времени проводить в своем номере. Уж лучше сидеть у бассейна, ходить к морю, на ресепшн и в ресторан. «Надо общаться с людьми и рассказать им о себе.»

Трудно представить, что я переживала по ночам. По потолку всю ночь возили тяжелые тележки. Слышались скрипы и железный скрежет. До самого утра мучали какого-то кота, раздавался отчаянный детский плач и кричали проститутки, как будто их насильовало 20 человек. Я зажала в руке фонарик и в любую минуту ждала нападения.

На следующий день Сэйфи праздновал сидя на террасе за рюмкой моего виски с друзьями и юными девушками. Я шла с чашечкой чая между столиками, когда Сэйфи окликнул меня и позвал в свою компанию. Он представил мне друга и молодую блондинку-русскую, с обручальным кольцом на пальце и ее подружку. «Это Катя - моя жена. Я люблю ее одну на всем свете», - сообщил Сэйфи вызывающе. Я ответила, что в прошлом году у него была другая возлюбленная и другая любимая жена. Судя по всему, у него отшибло память. Я поведала Кате и ее подружке, что нахожусь здесь в плену. И переживаю все, что и Анжелика в Берберии. Если бы я не была так красива, отважна и независима, то погибла бы первой. Мне очень жаль, что Сэйфи может торговать женщинами и их чувствами.

«Я все помню», - заговорил он.

При этом тихонько пожал мне руку. Кажется, мы оба от неожиданности испытали действие электрического разряда между нами. «Что с тобой? Может быть, ты болен?» - прошептала я.

«Да», - он закивал головой в знак согласия. На глазах у него появились слёзы.

Он вскочил и убежал плакать в другой зал. У меня создалось впечатление, что вместо Сэйфи со мной разговаривает совершенно другой человек. Этот испуганный юноша лет на 10, а то и больше, моложе того, к кому я приехала. Похоже, что это брат Сэйфи, которого я не знала. Мне даже пришла в голову мысль, что отель оккупирован по ночам бандитами или это ненависть к русским туристам заставляет персонал вести себя так жестоко.

Каждый день возле Тучи происходили трагедии - русские рыдали от издевательств. Молодая женщина Оля рассказывала, что у нее в номере не работает холодильник и не чинят унитаз.

Я думала, что Сэйфи и его брата заставили так себя вести по отношению ко мне и к русским. В моем номере все записи и записки были кем-то изъяты. Из сумочки исчезли все лекарства. После ужина я боялась пройти в свой номер. С тумбочки исчезли мои серьги с горным хрусталем. Я пошла на ресепшн и встретила здесь русскую женщину с мальчиком лет 14-ти. Мы поделились друг с другом своими обидами. Вместо 3-х долларов мне пришлось наконец за 10 долларов приобрести таксофонную карту!

До некоторых пор юноша, который должен был соединить меня с Россией делал вид, что у него не получается. И вдруг мой брат взял трубку. От волнения я говорила громче, чем обычно. Над русскими здесь издеваются. Во всем ограничения и угроза. Я переживаю, как удастся вылететь обратно. Сказала, что буду сообщать о времени вылета из Анталии.

Я решила больше времени проводить у моря и в общении с людьми. Турецкая пара, похожая почему-то на сестру Сэйфи с мужем, все время сопровождали меня то у бассейна, то в ресторане, то у моря. Они говорили только по-турецки. Мы вместе плескались в море,

улыбались друг другу и объяснялись на пальцах.

В ресторане я попыталась рассказать о том, что меня тревожит, полякам, англичанам и русским. Позже они стали моими друзьями. Бойкая Ханна и ее муж компьютерщик Яшек составили мне новую компанию. Мы дружно защебетали за бокалом вина. Ханна и я сделали фотографии нашей компании. По команде мы хором кричали вместо «сыр» - «сэкс». Стоял оглушительный хохот. Сэйфи, сидящий поодаль с друзьями очень нервничал и хотел знать, о чем мы ведем речь.

Марина и Ольга из Петербурга - тоже мои подруги, не стали здороваться с Сэйфи и перестали с ним разговаривать. Марина дала мне прочитать книгу «Расцвет и гибель Османской империи» Гудвина - все о Турции и турках.

Анна и Хелена из Англии рассказывали мне историю о том, что 30 лет назад одну из них изнасиловал турок и она родила от него ребенка. Я боялась, что меня могут убить... 15-го октября отмечали Курбан-Байрам - праздник жертвоприношения. Это очень страшно и непонятно.

Вечером мне захотелось погулять по ночному «Бродвею». Мой наряд и прическа произвели впечатление.

Местные мальчишки зазывали меня в рестораны на чашку чая и спрашивали: «Наверное вы Афродита?».

Старичок-эмигрант расплакался при моем появлении. У него была корзина с алыми розами. Он достал самую красивую для меня, целовал мне руки и трогательно повторял: «Пани из России». Очарование ночного востока захватило меня снова. Я даже забыла о своем пленении и неудаче в любви. Мой обожаемый фильм «Клон» с его картинками восточной природы и видами Рио-де-Жайнеро и морским пейзажем, напомнил мне историю любви, покорившую 90 стран мира.

А я тоже готова заплакать над своей. Зачем дана жизнь, если небо не хочет моей любви.

Я возвращалась в Сидэ Миами Бич. Меня встретил Сэйфи или его брат? Я рассказала ему, как чудесно гуляла и подарила ему розу. Он сообщил, что в следующий раз застрелит

меня из пистолета если я захочу вечером пойти на набережную.

Я тоже в шутку спросила: «Когда же наступит тот день-31 июня, когда влюбленные встречаются навсегда?»

«Расскажи мне о себе», - спросил новый Сэйфи. Я поведала, что очень давно вышла замуж за морского офицера - тогда еще курсанта военно-морского училища. Я думала, из-за длинных волос весь курс звал меня Анжеликой маркизой ангелов. Ангелы, как я думала, были они - курсанты. Но муж бросил меня, а ангелы предали и отвернулись. Ангелов больше нет, а я теперь, как Анжелика, сама по себе, - ищу «своего» Жэфре. Сэйфи сказал, что «Анжелика» - его любимый фильм.

Следующий день - воскресенье. Над морем весь день летали дельтопланы с пассажирами, а катер все время курсировал вдоль берега, где купались отдыхающие. Я загорала 2 часа. Открыла глаза и увидела - рядом со мной сидели женщины в черном, а поодаль мальчики в прозрачных дождевых плащах. Я спросила, кто они, ответа не последовало. И тут я увидела, что на всем побережье не было ни одного туриста из нашего и иностранных отелей тоже. В черной одежде в воде купались женщины и юноши в дождевиках. Я очень спешила на этот раз домой. Айси на мой вопрос, кто это был сегодня на пляже, ответила, что это видимо турецкий обряд. «Нельзя на них смотреть. Если увидишь их руку или ногу, могут зарезать». Я ужаснулась и подумала, что мусульмане - странная религия, а турки - воинственная нация. Я не знаю их законов. Но в

чем моя вина? Почему в этом году все иначе? И где же тот нежный, забавный и влюбленный мужчина, за которого я хотела выйти замуж?

Я боялась о чем бы то ни было спросить его двойника. Он смеялся надо мной: «Сэйфи! Хочу, люблю! А я женат и люблю свою жену.» С этих пор мне было позволено звонить домой. К новому Сэйфи все время приходили вооруженные люди - шериф округа и военные, увешанные пистолетами с головы до ног. Сэйфи знакомил меня со всеми и рассказывал им что-то по-турецки. Конечно я вспомнила, что в Турции все лето было беспокойно. Восстания в Стамбуле и Анталии. Я очень волновалась за Сэйфи и его друзей. Где же он теперь - Сэйфи Оксюз - моя восточная сказка?

Котик-инвалид без одной ноги гулял по Сэйфиному ресторану. Мокрые листья летели и падали на столы. Их сдували сильные порывы осеннего воздуха. А взрослые мужчины, сидевшие за ноутбуками здесь же, не скрывали слез.

Прекратились ночные кошмары, но после исчезновения украшений, заколок и внезапном возвращении лекарств, я с ужасом думала о возможности похищения здесь людей, о торговле чувствами и бывшей работоторговле. Меня с нетерпением ждали дома.

В отель приехала еще одна русская семья из Самары: мама с сыном Виктором и дочерью. После моего рассказа Виктор обещал проводить меня на автобус до самолета. Он выполнил обещание. Жаль, не догадалась спросить его телефон. Хочется знать, как он был устроен в турецком отеле.

НАТАЛЬЯ ВЕСЕЛОВА

СОЛОМЕННЫЙ ВДОВЕЦ

1

Напротив, далеко за Академией Художеств, и еще дальше и правее – надо всей Петроградкой в стремительно ярчавшем небе вдруг неведомым образом оказалась словно застывшая на лету со сложенными крыльями бессчетная стая огромных черных птиц. Вот только что они с Кирой шли к зловеще багровеющему в теплой светлой ночи Эрмитажу через площадь Урицкого – и небо было волнующе перламутровым и высоким, без намека на что-то пугающе чужеродное, не идущее городу, как черная фетровая шляпа не пошла бы сегодня к голубому крепдешиновому платью его жены. Жены... Какое странное слово применительно к Кирочке! Подождите-подождите – а он-то ведь – муж, выходит! Кровь бросилась Борису в голову, потому что именно сейчас, на подходе к мосту лейтенанта Шмидта, до него вдруг дошел неоспоримый факт, которому в одиннадцать часов утра наступившего воскресенья должно было исполниться ровно двадцать четыре часа: в субботу они действительно расписались в одном из районных загсов и даже получили на руки кремовую бумажку с гербом. Фиолетовые буквы, торопливо написанные невыспавшейся служащей, подтверждали со всей несомненностью, что они двое, Борис Александров и Кира Зуева, вступили вчера в самый что ни на есть законный брак...

- Зачем эти аэростаты? – прозвучал рядом удивленный и даже словно обиженный Кирочкин голос, и Борис, очнувшись, вздрогнул. – Вот кому, интересно, пришло в голову в такую чудную, такую теплую ночь... Вернее, уже утро... Затевать какие-то учения по ПВХО? Ну, хоть бы сегодня...

- Они же не знали, что у нас свадьба, дуручка... - Борис осторожно приобнял ее, ощутив под рукой модный плотный подплечник. – Вот если б знали – тогда, конечно...

- Иди ты! – Кира смущенно высвободилась и – закружилась по гранитным плитам,

запрокинув голову, невесомая в своем первом «настоящем» платье и ловких черных туфельках. – Я – жена, я – жена, я – жена! – пропела она, размахивая крошечной, чуть побольше кошелька, сумочкой. – Как здорово! Правда?

- Конечно... - не совсем уверенно отозвался Борис и принужденно улыбнулся.

Бумажка о законном браке лежала в нагрудном кармане его нового пиджака; Кира хотела было положить в сумочку, но он решительно воспротивился – вдруг потеряет – и убрал в более надежное место. Свадебный ужин тоже состоялся, как тому и положено – на Васильевском, где Кира жила с вдóвой матерью-учительницей и двумя младшими сестрами – в комнате узкой и тесной, как тот зеленый троллейбус, что уж пять лет ходит, битком набитый гражданами, от улицы Красной до Красной же площади... Его-то мама, да и он сам, понятное дело, хотели праздновать в Смольном, в их большой светлой комнате при хозяйственной части, да только не удалось достать необходимое количество пропусков для гостей – а упрямая Кира обязательно желала видеть на свадьбе целый букет из своих писклявых однокурсниц в одинаковых белых сарафанчиках с голубыми пуговицами и резиновых тапочках, заботливо натертых зубным порошком, и тоже – представьте себе – на голубых пуговичках! Они хохотали и ели, ели и хохотали, иногда спохватываясь и вспоминая, что давно не кричали «Горько!» - и тогда старинная пыльная люстра под высоким потолком звенела от их пьяненького, но дружного визга. Редкие баритончики и несмелые молодые баски приятелей Бориса безнадежно тонули в девичьем, будто галочьем гвалте – и все, неутолимо голодные, вновь жадно кидались на невиданную дотоледу. Это, конечно, мама расстаралась: она работала на раздаче в столовой северного, «секретарского» крыла Смольного, где питались, конечно, не секретарши, а именно секретари: Горкома и Горисполкома – ну, и начальники

отделов, само собой. Секретарш – тех гнали в южное крыло для «аппарата», победнее и попроще. Да и не имело это значения, а важным было то, что даже в глухое, страшное и темное время войны с белофиннами, когда в ленинградских магазинах остались только хлеб и чай, да и за теми нужно было занимать очередь с ночи, в их с мамой теплой квадратной комнате всегда стоял меж оконных рам наваристый мясной суп, лежали свертки с ароматной колбасой, сливочное масло в красивой коричневой бумаге. По воскресеньям мама заставляла юного Борю съесть по два бутерброда с красной или черной икрой – он ненавидел и ту, и другую, но столовая ложка рыбьего жира, которой обычно грозила мать в случаях его «ломания», виделась гораздо более страшной, способной отвратительным послевкусием испоганить весь сияющий радостью выходной день... Но в день его свадьбы бутерброды парадоксально разлетелись раньше всего остального. «Ребята, имейте совесть, оставьте бутербродик жениху!» - трагически взывала, помнится, какая-то смутная «Лё-лечка» - а он, смеша всех, скривил ужасную рожу и стал отмахивался обеими руками. «Борис, – в тот же миг на плечо ему со строгой лаской легла холодная, как у статуи в Летнем, рука тещи. – Возможно, это и не мое дело, но хочу напомнить вам, что вы – действительно жених. А в старое время жениху и невесте на свадьбе хмельного вообще не давали. В интересах потомства... Ну, вы меня понимаете...». Он покраснел так, что даже жарко стало, и тут же поймал испуганный Кирочкин взгляд: она, наверное, тоже подумала о неизбежном «потомстве» и успела представить себе заспиртованного уродца из Кунсткамеры. Они тогда вместе *это* увидели: просто завернули за угол и натолкнулись – и ему ли не помнить, какой ужас отражался в ее глазах, когда она пулей летела из музейного зала (Боря – следом) и бормотала на лету: «Это все он, отец его, пьяница проклятый – откуда еще *такое* могло взяться...».

Борис заснул, дальше пил только ситро – и с каждой минутой ему делалось все больше и больше не по себе, к тому же и гости начали понемногу собираться и, оставляя ще-

дые белые следы зубного порошка на полу, уходили шумными кампаниями – а парни еще и показывали ему за спиной девушек очень неприличные, но легко читаемые знаки, призывавшие «не робеть» и, уж конечно, «не подкачать». Но не робеть он не мог, и вовсе не был уверен, что не подкачает. Бывая раньше в гостях у сокурсников он, разумеется, как и все они, прикидывался «бывалым», скромно, но убедительно играя роль небрежно-опытного товарища, которому приелись легкие красивые победы. Роль его оказалась нетяжелой – судьба подсобила: соседями по квартире в хозчасти Смольного оказалась семейство шофера какой-то горкомовской «шишки», и старший сын у них, шалопутный Санька Тараканов, имевший само собой разумеющуюся кличку, учился на врача: «выучить» детей настоящему, чтоб вырвались из обслуги, считалось среди простого, но много видевшего люда делом особой чести. Таракан посчитал своим долгом свысока просветить сосунка-первокурсника, одолжив ему как-то на ночь один из своих недоступных простым смертным медицинских учебников, снабженных вполне соцреалистическими иллюстрациями, где у хитроумно связанных и взнузданных простынями женщин, приготовленных «к малым гинекологическим операциям без хлороформирования», были педантично прописаны даже ресницы на туповато-спокойных лицах. Прячась от матери, ритмично всхрапывавшей за внушительным шкафом, Борис изучал дивную книгу с помощью не раз выручавшего и раньше фонарика в кромешной тьме одеяловой норы, изредка опасливо высывая пылавшую голову, чтобы глотнуть свежего воздуха, а утром, вполне теоретически образованным молодым человеком, спокойно и крепко заснул на полчаса, спрятав сокровище под подушку... После этого в его бывалости никто из окружения и не думал сомневаться – ведь Борька умел при случае козырнуть такими ошеломительными подробностями, каких и представить не мог никто из действительно успевших наскоро надкусить еще зеленый запретный плод друзей - студентов Технологического института.

Но вся интрига состояла в том, что теория

так пока и оставалась теорией: пусть Борис и убеждал себя день ото дня старательней, что «Байрон тоже был хромым – и ничего», но приблизиться с определенной целью к любимой, даже наидоступнейшей девушке – своей ныряющей, словно заранее извиняющейся за несуществующие грехи походкой – он не смог бы даже под угрозой немедленного расстрела как врага народа. Пусть уж лучше стреляют – только не увидеть еще раз такого же полупрезрительного, полужалостливого взгляда, какой кинула на него несколько лет назад серая мышка (специально выбрал неизбалованную!) Людка Быкова, когда он, прособиравшись месяц, собрался с духом пригласить ее на новую звуковую картину «Волга-Волга»...

Ему было пятнадцать, когда в бывшем Таврическом саду, носившем теперь гордое название Парка культуры и отдыха имени Первой пятилетки, торжественно открылся первый в Ленинграде роликовый каток, красиво именовавшийся «скетинг-рингом». Он и теперь, зажмурив глаза, мог в подробностях представить себе те дурацкие плакаты с толстой стриженной брюнеткой в красной кофте и на роликах, словно лягающей мощной «задней» ногой на колесах крошечную мужскую фигурку в белом... «Скетинг радиофицирован, - сообщала черная надпись у «передней» ноги. – Буфет с прохладительн. напитками». Да, да – и такая смешная деталь навечно приклеилась к доверчивым мозгам: окончание «ыми» то ли не влезло, то ли посчитано было лишним... Обещали еще с каждой афишной тумбы и какие-то «всевозможные танцы и пр.» под руководством роликобежца-виртуоза Кочкурова... «Кроликобежца! - много лет слышал потом во сне Борис незамысловатый каламбур одноклассника. - Бегает, наверно, как кролик!» На бывшей Думе пробило восемь – «скетинг» как раз открывался – и в ту же секунду лихо подкатил новенький, только-только запущенный тогда по проспекту 25 Октября пахнувший свежим лаком скамеек угловатый зеленый троллейбус с белой крышей и добрыми глазами-фарами. Борька с товарищем сели и поехали – ненадолго, только примериться: назавтра предстояла контрольная по неорганике... В школу он вернулся только

через год – с правой ногой короче левой на шесть сантиметров, почти переставшим сгибаться коленом и толстой прокладкой в естественно измятом ботинке.

...Было нисколько не больно, и в первую секунду он опрометчиво решил, что повезло – даже синяка не набил. Ехать на роликах после двух-трех несмелых попыток и мягких приземлений на пятую точку вообще оказались не труднее, чем на обычных коньках с черными ботинками – а здесь и ботинок не требовалось: продеваешь ногу прямо в резиновом тапочке сквозь два ремешка – поперек стопы и через пятку – и гони себе по кругу, а хочется шика – крутись в обещанных танцах безо всякого руководства... Промчатся с ветерком, приноровившись по-настоящему, он успел только полтора круга, когда огромная тетка, остриженная «в скобку» и одетая точно, как на плакате, в кумачовую рубаху, с воем налетела на него откуда-то сбоку, словно отчаянно гудящий паровоз, смела, как котенка с рельсов, и грузно понеслась по одной ей ведомой траектории... А Борис, от неожиданности почти упавший, присев на левой ноге и неловко выставив пистолетом правую, отчего-то уже бесколёсную ногу, вихрем промчался к ограждению – и с удивительно громким хрустом врубился в него. Он сразу же вознамерился встать, почистить только утром наглаженные мамой и весьма уже испачканные брюки, разыскать упавший конек... И не понял, на что такое острое и твердое, как лыжные палки, натывается, отряхивая брючину, его удивленная ладонь, почему у одноклассника, конопатого Лёхи, так широко открыт в беззвучном вопле крупнозубый рот, а веснушки словно повисли в воздухе над посеребрившими щеками, зачем трясет его за плечи, как жадную яблоню, незнакомая перепуганная девушка в белой с красным крестом косынке, и о чем она его так настойчиво спрашивает...

Боль пришла потом – когда лежал в больнице на вытяжке и сутками вопил не своим голосом, так что добрый старенький профессор с белой бородкой-клинышком даже постоял над ним однажды минутку, посочувствовал: «Ну, что, милый? Лечат тебя по методу Малюты Скуратова? Э-эх, бедняга ты, бедняга», - и

ушел. Но появился, как по шучьему веленью, неслыханный морфий, ненадолго ту боль утолявший. Его просто и быстро обеспечил отец просветителя-Таракана – вернее, та еще не расстрелянная тогда строгая горкомовская «шишка», что ездил с ним на заднем сиденье замечательной черной «эмки». Расчувствовалась «шишка» от жалобного рассказа своего водителя, буркнула небрежно пару слов в эбонитовую трубку – и сразу к Борьке прибежала медсестра со стеклянным шприцем – и долго, между прочим, бегала, а не то бы совсем беда... Когда «шишку» расстреляли – и Тараканова-отца с семьей на всякий случай – сестра прибегать перестала, наоборот глядела непроницаемо. Правда, боль к тому времени стала уже вполне терпимой и без морфия...

В институте Борис догадался с первых же дней принять вид особенный и загадочный. На чей-то наивный вопрос: «Это с рождения у тебя так?» сдержанно покачал головой и помрачнел лицом, оставляя воображению новых товарищей широкий простор для полета. Повезло, что в первые же дни принялись ребята горячо обсуждать в курилке недавнюю испанскую войну, причем каждый отчего-то стремился привести абсолютно несокрушимые оправдания тому позорному факту, что сам в добровольцы не записался. Бориса деликатно не спрашивали – да он и не нарывался – лишь, охваченный мгновенным, какое бывает, должно быть, только у поэтов, озарением, с силой выдохнул через нос едкий дым дешевой «Звезды» и нервным движением смял тонкий окурок о край урны. «А некоторым... пришлось...» - прерывисто пробормотал, словно себе самому – и тотчас вышел, никому не кивнув. Он ни на что не рассчитывал и почти не играл – само получилось, даже испугался слегка. Никто его потом ни о чем не расспрашивал, но в самом отношении новых приятелей с тех пор сквозило легкое, будто недоуменное уважение. Может, и правда, это – из Испании? И спрашивать нельзя – какое-нибудь секретное задание? Но в остальном парнем он оказался своим в доску, да еще, вдобавок, охотно подкармливал настоящей колбасой из Смольного тех, кто выглядел уж совсем обтрепанным и откровенно голодным,

живя на одну студенческую стипендию. С девушками все годы учебы держался вежливо, но отчужденно, а в сугубо мужских кампаниях прозрачно намекал на страстные связи где-то на таинственной «стороне»...

Очередной Новый год встречали всей группой в полном составе на площади Урицкого. Подумать только – еще лет семь назад строгая учительница с высокой прической заставляла семиклассников стройно скандировать в классе вовсе не шуточное двустишие: «Только тот, кто друг попов, елку праздновать готов» - а теперь вот не то что елка, а сама Александровская колонна украшена была не хуже: освещенная несколькими прожекторами, она, должно быть, символизировала советское изобилие, увешенная огромными шоколадными бомбами, устрашающих размеров картонными колбасами, сверкавшими бумажным серебром, бутфорскими консервными банками, пустопорожне гремевшими на ветру о гранит, и папиросными коробками «Герцеговина флор» размером с рояль. Борис, привыкший к сытной жизни бывшего института благородных девиц, воспринимал происходящее вполне серьезно и невольно раздражался, слушая опасно шутивших среди ушастой и глазастой толпы одноклассников. Один из них, то снимая, то надевая круглые очки, очень смешно изображал в лицах, как бегал минувшей весной рано утром из магазина в магазин, везде отстаивая очередь и покупая по сто разрешенных к отпуску в одни руки граммов еды, чтобы собрать к Первомаю продуктовую посылку «тетушке в Ж... ранск». Корчились от хохота все, включая и самых скромных девушек, стыдливо вытиравших платочками веселые слезы... «Война же кончилась! – повторяли они сквозь смех, как по команде. – Теперь всё скоро будет, всё-всё-всё!». Никто и не спорил – молодежь целенаправленно веселилась.

Среди своих по рукам шла уже четвертая бутылка «Фруктово-ягодного», когда боковым зрением Борис уловил неподалеку что-то родное. Именно родное – так он определил для себя, еще не повернувшись. Там кто-то *хромал*. Причем, хромал именно так, припадая и вскидываясь, как и он сам, да еще и на ту

же ногу. Сделав стремительный разворот на здоровой ноге, молодой человек увидел юную растерянную гражданочку в основательно потертой беличьей шубке и полудетском вязаном капоре. Тоненькие ножки, всунутые в несоразмерно объемные боты, тревожно топали по крошечному пятаку свободной от ликующих товарищей мостовой; судорожно, как подбитая утица, девушка ныряла на каждом шаге вправо, с усилием выпрямляясь... Борис не помнил, как оказался рядом с ней, знал только, что не чувствует никакой неловкости и униженности, а, наоборот, подлетает к ней кем-то вроде ангела-избавителя – если бы, конечно, таковые не являлись идеологически вредной сказкой:

- Гражданочка, вы, наверное, потеряли что-то?

Ее лицо как раз в ту секунду коротко лизнул прошедший по толпе прожектор, и хромой ухажер на миг увидел очень ясные, как летняя ночь, глаза.

- Это не я, а меня потеряли, – спокойно и доверчиво сообщила она. – Мама и сестренки. И теперь уж не найдут в такой толчее. Придется мне, видно, одной до дома ковылять...

- Не одной! – обрадовался Борис, снова ведомый в те минуты чем-то вроде вдохновения. – Мы вместе поковыляем! Я ведь – тоже – видите? – и он демонстративно прохромал перед ней несколько шагов туда-сюда: вовсе не стыдно показалось, потому что она была – своя, хроменькая...

- Бедненький! – пожалела девушка. – Упали?

- Да, на роликах... Лет пять назад, - сознался он. – Глупо, конечно, вышло...

- На роликах – не глупо, - со знанием дела утешила она. – Глупо – это когда как я: как поняла, что меня потеряли... То есть, я сама потерялась... Так и побежала сквозь толпу не зная куда, как последняя дурочка... А у меня в эти боты-то – ноги прямо в туфлях вставлены. Тепло, но неудобно – вот и брякнулась! Нога подвернулась, ботик один улетел, еле нашла его – чуть не затоптали... Представляете – я тут ползаю на коленках, чулки новые порвала, боль ужасная – а они кругом прямо из горлышка вино пьют и хохочут... Потом нашла его – а

лодыжка так распухла, что еле влезла... Вот и хромаю тут... В другой день давно бы заплакала, да нельзя – Новый год же! Бабушка говорит, как встретишь, так и проведешь. Не хочется весь год рёвой ходить – вот и держусь, как умею... А вы говорите – на роликах глупо... Да глупей, чем у меня, не бывает!

- Насчет того, что весь год – это предрассудки, плачьте себе на здоровье, если хочется, - авторитетно изрек Борис, только что одну за другой постигший две непреложные истины: во-первых, эта милая храбрая девочка хромает *не навсегда*, а во-вторых, хромая только временно, она вовсе не гнушается стоять тут с ним, хромым *пожизненно* – и не только не гнушается, но даже и не думает смотреть на него страшным взглядом Людки Быковой, а смотрит светло и ярко, как лампочка Ильича...

Отрез голубого крепдешина на платье для загса подарила Кирочке Борина мама, пять лет горевавшая о том, что ее горячая мечта о внуках имеет мало шансов на осуществление. При вести о скорой женитьбе увечного сына – да не на замухрышке какой-нибудь, а на приличной девушке из трудовых интеллигентов, она воспряла духом настолько, что даже сама предложила жениху с невестой располагаться после росписи на Бориной половине комнаты, за книжным шкафом, сколь угодно привольно – а о разрешении на прописку она договорится: как-никак, с восемнадцатого года при Смольном, знакомствами обросла что твой корабль ракушками – вот хоть завтра с маникюршей из родного «северного» переговорит... Кожаные туфли со скрещенными ремешками – купленные еще у нэпмана, но вполне целые и с новыми набойками – пожертвовала молодая Кирина бабушка, а младшие сестры-двойняшки щедро скинулись со стипендии на настоящие фильдеперсовы чулки. Будущая теща несколько ночей подряд, проверив очередную стопку школьных сочинений, не разгибая спины, строчила на столетнем «Зингере» капризный небесного цвета материал, из которого постепенно, как статуя из мраморной глыбы, рождалось дивное платье с рукавами-«фонариками», с легким летящим подолом...

...Со своей свадьбы они ушли последними, через час после отбытия вполне довольной жизнью свекрови, объявившей, что ей завтра к шести утра на работу – потому что люди «и по воскресеньям тоже жрать хотят». Рабочая смена в «секретарской» столовой Смольного длилась шестнадцать часов, зато работать приходилось через день; работы мать Бориса не боялась, привычная к ней задолго до исторического Октябрьского восстания. Ей было что восемь, что шестнадцать – так и так наломаешься, зато всегда знаешь, что завтра выходной...

- На трамвай, смотрите, не опоздайте, - предупредила она, сосредоточенно приделывая себе перед трюмо ярко-красную шляпку - милую, дамскую - но совершенно лишнюю на ее крупной, ушастой, спокойно обходившейся вообще без шеи голове. – И как в комнату войдете – не топайте там особо: мне в пять утра вставать, между прочим. Ты, Кира, пропускаю не потеряла?

Но Кира все норовила остаться ночевать в родном доме, на каком-то историческом сундуке, где проспала всю жизнь – а ему разложить посередине комнаты допотопную деревянную раскладушку:

- Мама, может, мы завтра в Смольный поедем, а сегодня уж и трамваи, наверное, не ходят... - умоляюще шептала она, прощально повиснув на шее у матери, словно уводимая в полон.

- Ты сама все решила, - сдержанно выдиралась та из отчаянных объятий. – Никто не неволил, что уж теперь-то... - и бросала непонятный, словно исполненный гнева взгляд на мявшего кепку в дверях зятя. – Ну, довольно, довольно... Последний трамвай тебя дожидаться не станет...

Трамвай и не дождался. То есть, если бы они побежали, крича и размахивая руками, как это сделала стайка свежее испеченных выпускниц, белыми бабочками взлетевшая в конечном итоге на заднюю площадку, то усталый седоусый вагоновожатый, словно сошедший с плаката, где с мудрой суровостью обличал беспечного «летуна», похожего на комара с портфелем («Хорошо – летаешь, где

то сядешь?»), непременно помедлил бы на остановке, добродушно усмехаясь на «дело молодое». Но юные супруги дружно сделали вид, что до узкого гремящего и звенящего трамвайчика им нет ровно никакого дела – ни молодого, ни старого.

- Да-а, действительно не успели... - с деланным огорчением протянул Борис.

Жена его тоже облегченно выдохнула:

- Да, жалко... - и сразу оживленно прибавила: - А ты заметил, что когда едет трамвай, то это всегда как музыка? Ни у автобуса, ни у троллейбуса, ни, тем более, у грузовика такого нет. А трамвай – прямо музыкальная шкатулка на колесах. Тут тебе и звон, тут и деревянные ложки, и...

- Тебе надо было на учительницу не математики, а музыки идти, - улыбнулся «муж», к которому, как только выяснилось, что скоро попасть домой им заказано, вновь вернулась обычная уверенность «бывалого» дипломника из Техноложки. – Если этот красный гроб на колесах тебе музыкальной шкатулкой кажется...

- Как жаль, что ты не слышишь... - печально отозвалась Кира. – Впрочем, я тоже не всегда... Это бывает только когда во мне что-то такое обостряется... Не могу объяснить... Ты ведь не поверишь, если я скажу, что своя музыка есть даже в высшей математике... - (при мысли об этой заковыристой науке, Бориса, дважды пересдававшего ее на третьем курсе, слегка передернуло). – Вот, например, формулы... Тебе никогда не казалось, что они напоминают звезды? В смысле, когда вся черная доска в аудитории бывает исписана уравнениями, то, если прищуриться – это как созвездия на звездном небе: так же притягивает и страшит немножечко...

- ...и примерно так же понятно, - в тон ей протянул Борис и улыбнулся: фантазерка ты все-таки у меня... - и добавил бодрости в голос: - Ну что – к Неве? Как раз тут и выйдем к Крузенштерну... - и он начал горячо, с подробностями, рассказывать Кире, как мальчишкой тайком бегал сюда купаться, потому что за памятником – самое глубокое место Невы у берега, так что, ныряя вниз головой, почти не рискуешь свернуть себе шею; а мелкое,

наоборот, у Сфинксов – там раньше можно было купаться, даже матери с детьми, бывало, у ступеней плавали, но потом милиция гонять стала – то ли из-за того что утопленники все же были делом нередким, то ли Академия Художеств напротив, иностранцы смотрят – неловко...

Невозмутимый Крузенштерн вырос перед ними на фоне старой притопленной баржи – и на Бориса снова непредсказуемо накатило:

- А что?! Сейчас, можно сказать, жарко. Эх, тряхну стариной!.. - и он решительно взялся за пуговицы пиджака, меж тем как в голове пронеслась неожиданная и, определенно, правильная мысль: «Вот она мою ногу и увидит *заранее* – при самых обычных обстоятельствах – ну, искупаться решил человек... Тогда *потом* не так страшно будет...».

Поэтому напрасно новобрачная цеплялась за руки неуклонно раздевавшегося в первую брачную ночь супруга, взывая к нему: «С ума сошел! Не позволю!» - он остервенело-весело сорвал праздничную рубашку, запутался в преждевременно упавших брюках, чуть-чуть попрыгал на здоровой ноге, высвобождая пострадавшую – и, зажмурив глаза, быстро заковылял по траве большим неуклюжим карлой. На краю он, как смог, сильно и отчаянно оттолкнулся – и неловко ухнул топориком в забыто холодную воду великой терпеливой реки. Мощное ледяное течение жестко зацепило его за ребра, ослепило неожиданной темнотой, туго сдавило на миг, будто гигантский змей, останавливая сердце – и вдруг разжалось и выплюнуло на свет и воздух. Вернувшийся слух ухватил пронзительное, словно утиное криканье: «Бор-ря! Бор-ря! Бор-ря!» - это надрывалась, стоя у самого края с подобранной юбкой, будто готовясь к прыжку, встревоженная Кирочка. Борис подтянулся на руках и уселся на травянистом обрыве:

- Ну что ты всё – «Боря, Боря»? Заладила. Уж и искупаться нельзя. И тебе советую. Очень освежает, между прочим, - страшное прошло, и теперь снова можно было говорить спокойно.

Они медленно дошли до Дворцового моста, обогнули Эрмитаж – надо же, еще и покрасить не успели, а краска уже слезает! – про-

шлись вокруг колонны по площади Урицкого. Борис сжал руку жены:

- Помнишь?

Она загадочно-счастливо кивнула:

- Да. Там еще под аркой еловый лес сделали. И Волк с Красной Шапочкой ходили под руку – смешно, да? И еще ворона была – та, с сыром, помнишь? А я пригляделась, смотрю – а это не ворона, а ворон, потому что парень. И сыр у него был картонный...

Они вновь повернули к набережной.

- Почему это все люди такие праздничные сегодня? – оглядываясь кругом, спросила Кира. – Все девушки такие нарядные, парни в костюмах... И взрослых почти нет – одни милиционеры – и те какие-то веселые. А вон – слышишь? – поют!

Откуда-то действительно вполне стройно грянуло: «Широка страна моя родная, много в ней лесов полей и рек...». Супруги разом обернулись и увидели идущих под руки неровной шеренгой парней и девчонок – к ним на ходу присоединялись другие и подхватывали: «Я другой такой станы не знаю...».

- Где так вольно дышит человек! – хором выкрикнули, поравнявшись с ними, Кира с Борисом и помахали ребятам рукой.

- Вспомнил! – Борис остановился и шлепнул себя по лбу. – Сегодня же у детей – выпускной! Еще девчонки на Васильевском за трамваем бежали! А ты уж, наверное, вообразила, что это в честь нас в городе праздник, да? Ну, признавайся – да? – он со смехом теребил ее. – А это всего лишь детский бал!

Он с таким удовольствием произнес это уничижительное «детей», что уже преднамеренно прибавил снисходительное «детский» вместо лояльного «школьный» - и стало все кругом легко и понятно: к нему это давно и окончательно не относится. Он теперь взрослый женатый человек – ну, прихрамывает немножко, какое это имеет значение! Он зимой защитит диплом и станет инженером, а жена его через год – учителем. Они станут честно трудиться, и вскоре государство выделит им хорошую собственную комнату, так что уже не надо будет прятаться за шкафом от мамы. И у них, конечно, родится здоровый крепкий сынишка, которого он будет водить за руку

вдоль Невы смотреть с ним на корабли, а еще года через три – кудрявая голубоглазая дочурка, и Кира станет повязывать ей на макушку пышный розовый бант...

Они перешли мост лейтенанта Шмидта, одобрительно глядя вперед и вверх на замершие в теплом небе аэростаты: это ведь тоже хорошо, что и в такую мирную ночь идут своим чередом военные учения, это значит, что те, кто нужно – не спят и несут свое вечное дежурство, охраняя воскресный покой трудового советского города.

Напротив Академии Художеств стоял с открытой дверью и опущенными стеклами казенный серый автобус – и туда весело запрыгивали один за другим ребята постарше – уже не школьники по виду, а студенты или молодые рабочие.

- Вы откуда и куда? – пританцовывая, крикнула им Кира.

- Из Москвы! – охотно отозвалась румяная девушка в белом беретике, бесшабашно сдвинувшем на ухо. – На экскурсии здесь, белые ночи ваши смотрим! Сейчас – на Острова едем! Айда с нами!

- Айда! – преувеличенно бурно согласился Борис, хватая Кирочку за руку.

Несчастливая нога его давно уже отчетливо ныла от долгой ходьбы, в чем он закономерно предпочитал не признаваться, и отрадной показалась мысль протянуть страдалицу под чье-то сиденье и тайком помассировать. Ему это вполне удалось, когда, проезжая вдоль Невы, песню про нее с ходу как-то не вспомнили и запросто переключись на другую, не менее известную реку:

- Красавица народная, - гремела их «музыкальная шкатулка», - Как море, полноводная./ Как Родина, свободная./ Широка, глубока, сильна!.. - а Борис, не участвуя в самодеятельности, старательно растирал место давнего перелома.

На Островах они от шумных москвичей отбились – хотя и там гуляющих было хоть отбавляй. Искося поглядывая на побледневшее личико жены, Борис вдруг понял, как же она устала за минувшие сутки: вся эта утренняя нервотрепка в загсе, последующая суэта со свадебным угощением, потом испытание бур-

ным ужином, принудительным весельем... И, наконец, эта незапланированная прогулка – а все потому, что деваться молодоженам принципиально некуда, кроме как к матери за шкаф – вроде бы, и у всех так, а только... Не по-людски как-то, вот что. Не сядешь, не поговоришь, не обнимешь...

- Давай на пляж... - тихо предложил он. – Хоть отдохнем немного, а там и трамваи пойдут... - поколебался и добавил: - До Смольного доберемся – мама уже на работу уйдет, никто не помешает... - все-таки запнулся, - выспаться...

Борис расстелил для Киры пиджак на холодном песке меж двух неизвестных кустов, а когда она осторожно прилегла, подсунул ей под голову свою кепку. Сам пристроился рядом, с локтем под щекой, поколебался – и нерешительно обнял обмякшую девушку:

- Ты подремли, я подежурю.

Она уютно поёрзала и тоже робко обхватила его за бок. Но подежурить Борису не удалось: беспомощно проваливаясь в бархатную бездну, он только успел услышать ее сонный шепот у своего лица:

- Какой счастливый день наступает... Вот стану я бабушкой, и спросят меня внуки... «Какой, бабуля, у тебя был самый счастливый день в жизни?»... А я им и скажу... Скажу... «Двадцать второго июня... Одна тысяча... девятьсот сорок первого года...».

2

Борис назывался теперь двумя безобидными по отдельности и страшными в своей неожиданной связке словами: «кухонный мужик». Как писалась эта странная должность в отделе кадров Смольного, он не запомнил, а неофициально звучала она, как ни крути – оскорбительно, отдавая чем-то замшелое дореволюционным. Тесно спаянная команда «южной» столовой для «аппарата», по-семейному делившая военные тяготы, в начале ноября сразу приняла, как родного, единственного сына доброй Васильевны, по-прежнему трудившейся в противоположной «северной», заслужив эту привилегию без малого четвертьвековым беспорочным трудом. Ее миновали жестокие чистки тридцать пятого, безжалост-

но прошерстившие жировавшую обслугу, когда в расход пустили даже официанток, полотеров и уборщиц, обвиненных в том, что «могли слышать контрреволюционные разговоры», - нашлась на них и такая заковыристая статья. А Васильевну не тронули, что, по мнению чуткого местного племени служилого люда, парадоксально доказывало ее незамазанность доношением: недолго торжествовавших сексотов преспокойно расстреляли сразу после тех, на кого они недальновидно донесли.

Все это Борис знал давно, и, в целом, не особо такими подробностями интересовался. Довольно с него было и теплой квадратной комнаты, сытной хорошей еды, ласковой нетребовательной матери – все равно он должен был скоро стать итээром, уважаемым инженером-конструктором, зажить другими, не приземленными идеалами... Так оно и случилось бы, если б не война.

«Если б не война... Если б не проклятое двадцать второе июня...» - остервенело отдирая специальным ножом толстую склизкую корку, налипшую внутри простоявшего весь день под паром котла, повторял про себя увечный «кухонный мужик» Боря, не взятый из-за хромоты даже в ополчение, куда прямо перед ним записали кривого парня, не приняв во внимание его неподвижный стеклянный глаз. «С одним глазом воевать еще лучше: когда целиться будет – прищуриваться не надо. А ты не то что в атаку побежать – тебя еще на марше самого, вдобавок к полной выкладке, на плечах нести надо», - так объяснил свой поступок пожилой лейтенант, поднимая усталые, в частой сеточке красных прожилок глаза от длинного карандашного списка.

Борис, наконец, перевернул освобожденный котел, аккуратно вытряхнул на газету размякшую корку, собираясь нести ее в мусорный ящик.

- Ты чё, спятил? – рядом бесшумно возник пятнадцатилетний Валька, сынок раздатчицы тети Зины, тоже пристроенный мамой на подхват. – Это ж каша пшенная! На молоке! Кипяточком развести да вилкой помять – и все дела!

- Голодный ты, что ли? – удивился Борис.

В дополнение к общим продуктовым кар-

точкам, превратившимся теперь в главные семейные ценности для подавляющего большинства ленинградцев, в Смольном выдали, каждому соответственно рангу, еще и свои, местные карточки на завтрак, обед и ужин. Тот, кто отдал обычные, «голодные», карточки кому-то из родни в городе, лишался за обедом мясного блюда и вынужден был есть пустой гарнир – чаще всего вермишель без подливы или сухую картошку. Но они-то с Валькой сегодня съели по говяжьему биточку и каши с маслом и хлебом от пуза! А Вальке потом еще и суп почему-то не понравился, и он его красноармейцу из охраны отнес – а тот ему что-то в карман сунул... Да и матери их каждый день домой то мясо, то рыбу, то картошку приносят... А этот... Хотя, ведь расти, наверно, пареньку нужно...

- Тебя как ни корми – все не в коня корм. А в городе люди, говорят, даже кошек съели, - упрекнул он жадного пацаненка.

- Вот и я говорю – съели, - Валька незаметно подхватил Бориса под руку, отвел чуть в сторонку и незаметно повертел головой туда-сюда. - А мать тут как-то на проспект Володарского к подруге своей ходила – так говорит, они там вообще на улицах мрут, честное слово. Обстрелы – это само собой, а больше от голода... Здесь у нас об этом говорить – сам знаешь. Только шепотом.

- Неужели прямо мрут? – усомнился Борис, «шепот», конечно слышавший не раз, но предпочитавший списывать его на бабьи «страсти». – Я-то сам в городе с осени не бывал – идти не к кому. Друзья все на фронте, жена...

- Да знаю я... - хитро подмигнул ушлый парнишка. – Соломенный ты наш вдовец, жену из армии ждешь... - он было похабно хихикнул, но Борис нахмурился:

- Но-но, ты давай не очень, а то ка-ак...

- Ой, испугал! – в притворном ужасе закрывшись локтем, Валька недалеко отскочил. – Да ты слушай меня, чудило, я дело говорю – как раз и бабе твоей хорошо выйдет. Корку-то – пшенную ли, вермишелевую – не выкидывай. В газете под бушлатом домой носи. А там – по банкам, по банкам ее, родимую...

- Зачем? – опять изумился тугодумный Бо-

рис. – Хотя правильно: красноармейцы эти с командиром, что на кухне всегда дежурят, одним армейским пайком живут. Я видел, как ты суп им носил – молодец. Я тоже иногда свой отдаю. А вот если кашу эту им вроде приварка... Ловко придумал, хвалю за сообразительность!

Теперь уже Валька воззрился на старшего товарища в полном недоумении – отсутствующие брови полезли вверх:

- Слушай, откуда ты к нам свалился такой правильный – хоть сейчас в ВКП(б)! Какие красноармейцы? Какой приварок? Паёк дают – и хватит с них! Я тебе про что толкую? Я тебе про ба... про жену твою говорю! Вот вернется она с фронта – а ты ей – подарок! Кольцо, скажем, золотое, или, там, серьги какие-нибудь...

- Зачем ей серьги, у нее и дырок-то в ушах нет, - все еще не понимал Борис.

- Да в ушах и не обязательно, главное, чтобы в... Всё, понял, - он быстро поднял ладони в ответ на угрожающий жест Бориса. – Ну, горжетку тогда, как у Зойки-официантки. С лапами, глазами и зубами – видал?

- Не темни, говори прямо, - строго глянул «кухонный мужик».

- Прямо так прямо, - покладисто согласился Валька. – Литровая банка каши такой на толкучке у Кузнечного на золотой перстенок тянет. А не то – на шевиотовый довоенный костюмчик с такими шкарами, что носы ботинок закрывают – глядишь, и сам приоденешься. Верно говорю: сам туда раз сгонял, но одному страшно – видел, как блатные с бритвами по толпе шныряют. Вдвоем хочу. Один меняет, другой – прикрытые обеспечивает. Наглеть не будем, больше одной банки на рыло отсюда все равно незаметно не вынести. Какая смена на выходе добрая и без толку людей не шмонает – это я давно уже вычислил. А у нас с тобой у обоих – смена будет как раз вечерняя. Если не дрейфишь – так с утречка и прогуляемся. Ну, что – прояснилось?

Шевиотовый костюмчик с чужого плеча Бориса не прельстил – его собственный почти новенький бостоновый без дела пылился в шкафу с дважды памятного дня свадьбы. А вот колечко для Киры... Пусть хоть самое то-

нюсенькое, пусть хоть как провололочка... На свадьбу-то ведь и чулки шелковые ей сестры, помнится, вкладчину покупали... А он только раз пирожными угостил... Все думал – вот стану инженером, тогда уж... Но теперь она – бравый, наверное, сержант, а он тут незамеченный специалист... по обедам.

...Двадцать второго июня до Смольного они так и не добрались – до позднего утра младенчески проспали под кустами, пригреваемые теплым солнышком, – и, пыльные и помятые, виновато побрели на Васильевский, на ходу вытряхивая из обуви колючий песок. Добравшись до Большого к полудню, увидели небольшую группу людей, что нетерпеливо стояли, обмахиваясь газетами и платками, под уличным репродуктором, испускавшим неблагозвучный треск. «Объявили, что будет передано важное правительственное сообщение – вот и ждем. Только бы не карточки опять ввели...» - охотно поделился опасениями толстый дядька в очках, вытирая смешной пионерской панамкой обильный пот со свекольно-красного лица – и в этот момент громкоговоритель последний раз прочистил железное горло и торжественно разродился знакомым голосом Молотова:

- Граждане и гражданки...

В два часа дня они сидели рядышком на ее высоком обшарпанном сундуке, всю жизнь прослужившем ей скромной девичьей постелью – матрас вчера еще был туго свернут тещей, и теперь, как наказанный, стоял в углу пустой жаркой комнаты, глядевшей в узкий двор на изнуренный серый тополь. Кира держала в руках только что извлеченную именно из прославленного сундука маленькую памятную бумажку с едва различимым машинописным текстом:

- Временное удостоверение Ворошиловского стрелка, - вполголоса читала она. – Дано настоящее товарищу Зуевой Ка Эн двадцать первого года рождения в том, что он сдал... сдал нормы Ворошиловского стрелка... ступени первой... двадцать восьмого ноября тридцать девятого года... Первое упражнение... сорок два... очка, второе упражнение... пять попаданий... Выдан значок за номером...

сорок четыре тысячи четыреста тридцать шесть... Подпись... Ох! – она вдруг уронила лицо в удостоверение, как в носовой платок. – Я ведь, когда сдавала, и подумать не могла, что пригодится... Куда теперь с этим – в военкомат, да? Или в институт?

- Ты что, какой военкомат! – испугался Борис, хватая ее за руку. – Думаешь, мы с этим выскочкой Гитлером без девушек не справимся? – и жестоко запнулся.

Кира залилась мучительной краской, видимо, тоже оценив это невольное страстное «мы» - и не решившись добить стиснувшего от унижения зубы мужа. Она тихо сползла с сундука, одернула как-то поникшее на ней за сутки голубое платье:

- Не знаю... Я что-то такое странное чувствую... Ты отвернись... Мне переодеться надо.

Заложив руки за спину, он горько смотрел на старый потрепанный тополь, доживающий свой честный век в ленинградском дворе, на грязный пух, облепивший его бурую усталую крону, и безуспешно пытался наскоро обдумать ту бессмысленную нелепицу, что назойливо свершалась кругом – и без всякого его участия. Это он должен сейчас в толпе суровых друзей решительным шагом идти в военкомат, где, наверное, стоит уже длинная очередь таких же, как он, крепких и смелых защитников, никогда не ломавших мощные упругие ноги на несерьезных роликовых катках... А не – он обернулся – не пухленькая, как булочка с изюмом, девушка в белом холстинковом платье-халатике и сияюще-белых от зубного порошка резиновых туфельках. Ни разу он не заметил на ее тоненьких пальчиках ни одного, даже самого скромненького колечка...

- Вы только все не вздумайте меня отговаривать, - новым, не звонким девичьим, а вполне взрослым голосом волевой женщины сказала она. - Потому что все равно ничего у вас не получится.

Последний раз он видел Киру у Смольного в конце августа, когда она соскочила к нему с откинутого борта грузовика, ненадолго вырвавшись из казармы перед отправкой в часть. Уже вплотную подступила к Ленинграду осень – и вместе с ней неудержимо приближался

враг. Молодая жена его выглядела похудевшей, будто ее грубо обстругали, и новенькая х/б гимнастерка, выданная еще в самом начале двухмесячных курсов, с которых гордые Ворошиловские стрелки выходили неопытными младшими сержантами-снайперами, нищенски висела на ней, перетянутая жестким армейским ремнем, – но в петлицах скромно багровел маленький треугольник. Все это выглядело бутафорски-неубедительно, словно перед ним стояла девчонка-старшеклассница, вздумавшая сыграть в школьном театре бойца Красной Армии – не хватало, пожалуй, только гуталином наведенных усов... Поверить в то, что она едет воевать по-настоящему, было невозможно по определению – или просто это само сердце отвергало такую возможность?

- Мы с тобой здесь сейчас простимся – ты на вокзал вечером не приходи. Меня мама придет провожать и девочки. Они эвакуируются завтра со своим институтом, а маму школа не отпустила... - Кира на секунду схватилась за голову: - Слез будет! Представляешь, мама до сих пор меня отговаривает, будто сейчас что-то от меня еще зависит... И на тебя, между прочим, злится – якобы, должен был мне запретить, муж все-таки... Ты вот что – пригляди тут за ней немножко, мало ли что... Вдруг...

- Мы Ленинграда не отдадим, - на сей раз нарочно напирая на это злосчастное «мы», отрезал Борис. – Тут тебе за нее волноваться нечего... А вообще – да, пригляжу, конечно, о чем разговор... - он помолчал. – Ты там это... не очень... Ты береги себя, слышишь? Я ведь ждать буду. И еще, сказать хотел... Раньше не получалось как-то, а теперь... В общем, я это... Люблю я тебя, понимаешь... По-настоящему.

- Да, и я. Я тоже – по-настоящему, - просто ответила она.

Грузовик за ее спиной хрипло и настойчиво прогудел.

- Идти мне надо, - Кира обхватила Бориса руками за голову, притянула к себе, и он почувствовал этот последний поцелуй как первый, словно все те, из прежней жизни, были несерьезными, не дававшим им никаких прав ни друг на друга, ни на любовь...

Борис, разумеется, знал – и от матери, регулярно навещавшей с контрабандными гостинцами школьную подругу где-то на Охте, и от других, не запертых в Смольном на казарменном положении, а лишь связанных подпиской о неразглашении работников – и про трамваи, похороненные в сугробах до весны, и про вечно тлеющие руины некогда густозаселенных домов, и про закутанных во что попало человеческих призраков с отрешенными лицами, равнодушно бредущих по узеньким тропинкам среди снеговых завалов... Он понимал, что пойдет по неизвестному, прифронтовому городу, совсем другому – сурово-трагическому, но высокому в своем страдании – и все же был ошеломлен и подавлен, пробираясь вслед за шустрым Валькой, ловко находившим дорогу среди снегов, слежавшихся в нерастопляемые, казалось, глыбы, и огромных безмолвных развалин. Раньше он видел страдание только в фильмах и спектаклях – всегда сдержанно красивое, окрашенное героизмом допрашиваемых и расстреливаемых белыми революционеров или красноармейцев, непременно сохранявших на экране или сцене благородную бледность лица, огонь сверкающих презрением очей; а если и бежала какая-нибудь черная струйка крови – так обязательно сбоку, воровато, от виска по щеке, или пятном расплывалась по мощному непокоренному плечу. Теперь Борис был поражен уродством страдания, его подлым безобразием, но при этом тот самый *величественный* дух города, к которому он привык с рождения, дух официально провозглашенного «музея под открытым небом» – этот дух исчез безвозвратно, замененный другим, смутно ощущавшимся как *великий*.

- Всё, прищандыбали, и погода хорошая по дороге стояла – это я в том смысле, что под обстрел не угодили, так теперь в городе говорят, – обернувшись, доложил Валька, указывая вперед, на узкую улочку, где и правда у ограды высокой, в прошлом желтой церкви – без креста и с наглухо забытыми окнами – бесшумно колебалась черно-серая, как стая городских ворон, толпа.

«Действительно, – прошла отчего-то страшная мысль. – Ни одной вороны по дороге не видели... Ни голубя, ни даже воробушка...»

- Не зевай, – подтолкнул его остро огляды-

вавшийся Валька. – На старух старорежимных смотри, не на теток. Что стоящее – так это у них только. От народа в революцию по дырам попрытали, теперь вот вытаскивают. Потому что с карточкой иждивенческой и в магазин ходить нечего: сразу помирать ложись... Да шевели давай копытами своими, я пока вокруг погляжу, чтоб ничего такого...

Борис нерешительно побрел вдоль ограды, на каменном основании которой, очищенном от снега, на пожелтелых газетных листах разложены были нехитрые сокровища безвозрастных ленинградок, молча стоявших с иззелена-серыми лицами и глубокими провалами погасших глаз, очерченных зловеще темными кругами. Но одна из них вдруг встрепенулась при виде кого-то знакомого:

- Здравствуйте! И вы тоже здесь? А я – вот видите... Ну, как живете?

- И вам не хворать... Как живу? Да как трамвай четвертого номера... По Голодаю, по Голодаю – и на Волково... - ответил ей сиплый бесполой голос и, к немалому удивлению, Борис услышал сбоку что-то вроде короткого и слабого всплеска смеха.

До него не сразу дошел нехитрый каламбур: ведь верно же, что четвертый трамвай ходил до войны с острова Голодай через весь город на Волково кладбище, и тащился так нестерпимо долго, что веселые пассажиры (может, прямо в пути!) сложили про него вполне приличную частушку: «Долго шел четвертый номер, на площадке кто-то помер...».

- По-го-ло-да-ю... - шепотом недоуменно протянул Борис. – Ох, ты, Господи! Они еще шутят тут!

Он заковылял быстрее, невнимательно разглядывая все эти почерневшие серебряные ложки, никому не нужные эмалевые рюмочки, нежные отрезки замороженного крепдешина – и вдруг в чьей-то на миг разжавшейся шерстяной варежке что-то блеснуло. Кольцо. Не очень тонкое, гладкое, вовсе без камня. Он знал – обручальное, такие надевали до Октября в церкви жениху и невесте. У его мамы тоже раньше такое было, потому что с покойным мужем, погибшим под революционным поездом еще до рождения первенца, ее соединил навеки в скромной пригородной церквушке красивый седокудрый священник в начале

веселого восемнадцатого года. Мать то кольцо от греха унесла в Тогрсин – просто чтоб не заметил никто и с вопросами лишними не пристал.

- Что вы за него хотите? – робко спросил молодой человек высокую, неуловимо надменную старуху с уже прозрачным, как капля воска, лицом.

- Что дадут, - со странным равнодушием ответила женщина.

- Вот, у меня тут... - он торопливо распахнул бушлат, стеснительно показывая голубоватую банку, набитую плотно спрессованной пшеничной коркой. – Вроде как каша... Пшеничная...

- Хорошо, - и она протянула кольцо, бросив на него последний, исполненный непонятного горя взгляд.

- Не надо! – неожиданно для себя отвел ее руку Борис. – Так берите... Мне не нужно... Что я – какой-нибудь... - Не глядя, он ткнул в ее сторону банку и, неловко наступив на короткую ногу, отчего его едва не мотнуло лбом об ограду, бросился прочь.

- Юноша! – каким-то образом она сумела догнать его и уже стояла рядом, быстро засовывая ему в рукавицу что-то маленькое и холодное; ее глаза словно прорезались на лице слабым сероватым светом: - Возьмите. Это не в обмен, это я вам просто... дарю. Все равно скоро... соседке достанется. Не хочу... А у вас, наверное, еще будет невеста...

- Я женат... - прошептал Борис и трудно сглотнул.

Между ними, юркий и верткий, как маленький ужок, возник вездесущий Валька, оттесняя его от женщины и радостно бормоча:

- Толкнул? Покажи! С почином тебя! Видишь, как просто? На той неделе опять наладимся. А я тоже не пустой... Хоть костюмчик и не выторговал, но клёши матросские, новые совсем – смотри... - он взялся было за пуговицу своего ребячьего пальтукана на вате, но в ту же секунду у них под ногами отчетливо дрогнула земля, а в уши врезался парализующий вой сирен, взревелих разом со всех сторон.

Толпа словно покачнулась и сразу начала странно быстро редеть, хотя секунду назад люди еле передвигались. Растерянного Бори-

са кто-то больно толкнул в ребро: это, Валька, успев быстро сориентироваться на местности, разворачивал его, глупо торчавшего посреди улицы, лицом в другую сторону – туда, где на стене дома были крупно намалевано неровное слово «Бомбоубежище», и тянулась от него влево жирная черная стрелка.

- Бежим! – успел крикнуть мальчишка – и тут позади них жажнуло.

Оглухший на миг Борис повалился ничком в бурый истоптанный снег – но земля вдруг оказалась ненадежной: она ходуном ходила под ним, будто хотела разверзнуться, сверху сыпалось что-то тяжелое, безболезненно и бесшумно ударяя его по спине, а потом глухую ватную мглу разорвало частыми округлыми ударами, словно небывалая гроза спустилась с небес на землю среди зимы: это снаряды тесно ложились на близкую площадь... Он ни о чем не думал, ничего не боялся, он был не он среди внезапно открывшегося ада, который, как оказалось, все это время спокойно существовал, невидимый, совсем рядом и вот теперь взял – и перешагнул неведомую границу...

Тишина обрушилась так же внезапно, как грохот. Это была относительная тишина – звуки разрывов постепенно удалялись куда-то назад, туда же, откуда пришли, словно откачивалась чудовищная, сокрушительная волна. Борис не трогался с места, охваченный невероятной, никогда не испытанной усталостью – такой, будто всю ночь ворочал упорные камни в грохочущем подземелье, выбрался наверх, упал – и теперь не мог пошевелиться. Каждая клетка мелко дрожала в нем, не было сил глубоко вздохнуть, повернуть голову, опереться на руки...

- Да нет, ничего, тут только двоих убило, - донесся к нему, как из шахты, далекий человеческий голос. – А кто под оградой лежал – тех даже не ранило никого. – Голос приблизился и навис: - На проспект их, что ли, оттащить? Пусть полежат там на виду, может, заберут... Да погоди ты, посмотреть надо, вдруг у них карточки с собой. Ну-ка, помоги этого перевернуть...

Жесткие руки впились ему в плечо и бок, затрясли, потянули – Борис встрепенулся и открыл глаза: прямо перед ним скалился длиннозубый скелет в мятой барашковой шапке и

круглых очках, отражавших двух крошечных черных человечков на мутном фоне.

- Ты чего, живой, что ли, парень? – вяло удивился скелет. – Ну, извиняй тогда. Ранен? Нет? Контужен, значит. Повезло. А вот малой, похоже, отмучился, - и он медленно указал очками куда-то вправо.

Борис кое-как повернулся всем корпусом, и сначала ему показалось, что он чего-то недопонял: лежал рядом с ним Валька как Валька, с обычным насмешливым прищуром смотрел в белое небо, и небо тоже смотрело ему в глаза, высветляя их и слегка туманя. Второй скелет, точно такой же, как первый, только без очков и в ушанке, слегка поддерживал мальчика под плечи, словно желая помочь ему подняться.

- Ему осколок прям под левую лопатку вошел. Во-от такой. Во-от настолько, - показал он желтыми косточками пальцев и стал неуклюже вставать с бордового снега.

Никто больше не обращал внимания на Бориса, и он так и остался сидеть рядом с постепенно застывающим Валькой, не чувствуя ни холода, ни страха, ни боли в своей неловко подвернутой злосчастной ноге.

Вновь по-соседству загрохотало железом – но негромко и неопасно: это подкатила дребезжащая полуторка, груженная кое-как сваленными бревнами, открылась водительская дверца, высунулась очередная черная ушанка над острыми туго обтянутыми скулами:

- Только один? – раздался зычный вопрос. – Ладно. Если б вмерз – ни за что бы не стали выколупывать. Но раз свежий, то возьмем.

Борис, не понимая, наклонил голову.

- Так помогай давай, расселся тут! – крикнули ему.

Из кабины с обеих сторон без спешки вылезли два одинаковых человека в ватных штанах и валенках, так же неторопливо отвалили задний борт грузовика – и почти опомнившийся Борис помог им погрузить в машину еще гибкого и легкого Вальку. Только тогда он заметил, что суковатые бревна в кузове – это вовсе не бревна, а мертвые люди, наваленные друг на друга, как мороженая рыба, горой вытряхнутая из ледника на прилавок. Очень близко он увидел улыбающееся женское лицо в мелких кристалликах снежной крупы, а по-

том не смог оторвать рук от борта машины, заметив, что Валькины глаза словно подернулись пленкой, превратившись в слепые бельма.

- Братишка? – с неожиданным сочувствием спросил один из мужчин и откровенно прибавил, понизив голос: - Может, есть чего на помин души?

- Есть, - Борис быстро расстегнул Валькин уже ледяной пальтукан и извлек из-за пазухи черный сверток. – Клеши матросские. Хочешь – сам носи, хочешь – выменяй что-нибудь, - кивнул на ужасный груз: - Куда вы их теперь?

- На Ваську, - ответили ему. – У Смоленского там пока складываем. Земля отгадет – похоронят, говорят... Ну... Бывай.

Смутная мысль вдруг заколотилась, как второе сердце:

- На Ваську? Можно мне тоже?

Мужички равнодушно переглянулись, и один сказал:

- Только в кабине места нет, с ними поедешь, если не боишься.

Борис молча кивнул и тяжело закинул больную ногу в открытый кузов. До войны Кира жила на семнадцатой линии. А неясная поначалу мысль, теперь все ярче разгоравшаяся, была проста и невероятна: «А вдруг она вернулась?» - глухо стучала она в нем, как его безгласные попутчики друг о друга и о деревянные борта.

Выполнить обещание «приглядывать» за остающейся в полном одиночестве тещей, данное Кире в их последнюю скомканную встречу, Борису до сих пор не удавалось. Он смог навестить ее только однажды, еще до своего устройства на работу в Смольный (помнится, кончался октябрь, и умирающий клен за Кириным окном торопливо сбрасывал под хлестким ветром дырявую, как молю поеденную, грязно-желтую листву) – и нельзя сказать, чтобы ему был оказан уж очень теплый прием. Тогда он робко выложил на круглый, покрытый хоть и штопаной, но явно ценной старинной скатертью стол белую банку крабов «Чатка» из тех, что в конце первого военного лета продавались в Ленинграде безо всяких ограничений – словно раньше без дела лежали на каком-то таинственном складе

и вдруг были разом выброшены на прилавки. Мать Бориса запасла их тогда целый ящик, но сын ее даже от запаха всего «рыбного» упорно воротил нос еще с детства, и осенью тайком раздавал банки в подарок тем, кто пока так или иначе не покинул город. Теща, несколько осунувшаяся и потемневшая лицом, сдержанно поблагодарила за гостинец и поставила банку на старинный резной буфет, а разговор все не желал налаживаться. Нет, она тоже не получала письма от Киры... Да, девочки и бабушка здоровы, живут в Омске... Конечно, она сообщит, если будут известия... Спасибо, ни в чем пока не нуждается... Несомненно, война скоро кончится, и Киричка вернется...

Борис заметил, что женщина украдкой бросает взгляды на буфет с красовавшейся банкой, и стал прощаться, усмехаясь про себя: вот сейчас он уйдет, а она сбросит всю свою гнилую интеллигентность, накинется на этих вонючих крабов и, пожалуй, банку зубами прокусит... Он задолго до свадьбы чувствовал, что теща активно не одобряет выбора своей дочери – именно из-за хромоты жениха. Боялась, что злостно придумал ее коварный зять свой оскольчатый перелом со смещением, и на самом деле – колченогий он от рождения, а, стало быть, дети его такими же родятся, если не хуже...

В последних числах ноября он порывался к ней снова, хотел отнести хлеба, что пока ненормированно лежал на столах в южном крыле – но нарвался на строгий материнский выговор: «Тащиться на Васильевский – чай, не ближний свет. Придешь к ней – а она эвакуировалась. Сейчас все они эвакуируются. И куда ты такой после этого денешься?».

Пройти метров четыреста от Смоленского кладбища до знакомого дома оказалось нелегкой задачей. Прямой путь по линии преградила огромная воронка прямо посреди улицы, огороженная колючей проволокой (не досками: те давно бы унесли на дрова), с нацепленными по всему периметру объявлениями: «Осторожно! Неразорвавшаяся бомба!» - и пришлось искать проходные дворы. Борис помнил их достаточно ясно, ведь именно в них, во всех подряд, они целовались с Кирой весной теми самыми «ненастоящими» поцелуями. Но, уверенно свернув под первую же

арку, почувствовал себя как на Марсе – только вот Аэлиты нигде не было. Снега во дворе стояли до окон второго этажа, тошнотворно воняло нечистотами, узкая натопанная тропинка, отвратительно желто-коричневая, вела словно в никуда и, дважды упав по дороге в мерзкий сугроб, Борис еле выбрался обратно к затаившейся под землей бомбе. Не желая более рисковать, он пошел в обход через Малый, мучительно пробирался среди сугробов, падал, кое-как подымался и, наконец, зайдя с другой стороны, полностью измочаленный, выкарабкался на финишную прямую. До него уже дошло со всей несомненностью, что мысль, внезапно посетившая его у грузенной трупами полуторки, была такой же безумной, как и всё, происходившее с ним сегодня: ведь если бы Кира вернулась – разве не побежала бы она сразу к нему? Но вот письмо от нее прийти могло. А что! Она ведь за «кольцом» воюет, вполне могла написать и матери, и мужу, а до него просто не дошло. Бывает ведь? Сплошь и рядом! Он просто спросит и уйдет. Да, и еще отдаст теще свою «общегородскую» карточку. Наплевать, что без нее он лишится в Смольном битка на второе – да и не лишится вовсе, там свои люди, всегда подкинут калекке кусочек, голодным не оставят. А домой – в опрятную комнату, где стоит круглый стол, покрытый нарядной клеенкой с гвоздичками, где уютно трещат в «голландке» осиновые полешки, выписные маме еще в конце лета, где в углу, за занавеской, есть старая чудная раковина, куда из медного крана шумно бежит теплая белая вода, - домой мама из своего «северного» тоже приносит поесть, у них и сейчас между рамами грамм двести сыру лежит, и тушеное мясо в кастрюльке... Только бы благополучно добраться – а то вон, опять где-то, кажется, бахает, да и нога разболелась с непривычки.

«Ну, вот и он, кажется...» - день уже незаметно подернулся первыми сумерками, когда Борис в изнеможении прислонился к стене Кириного дома, снял шапку и вытер вспотевшее лицо. Ближнее окно первого этажа было заколочено дырявой фанерой – и что-то невнятно тревожное почудилось в этом. Он тупо пригляделся к фанере: почему в дырку просвечивает не крошечная тьма, а яркая бе-

лизна, словно за ней – заснеженная улица, а не комната? Ответ еще не пришел, но сердце уже остановилось: только эта, фасадная стена и уцелела от старого питерского дома. И фанера случайно осталась лишь на нижнем этаже. Все остальное превратилось в невысокую гору грязного мусора, вперемешку с вездесущим снегом, который, казалось, действовал той зимой в Ленинграде заодно с врагом.

И вовек бы ему, быть может, не увидеть больше родного Смольного, не услышать добрых маминых упреков, да и просто не согреться бы уже никогда, если б в армейской полуторке, медленно ехавшей по памятной набережной, где всего полгода назад он с храбростью отчаянья нырнул в ледяную пучину у памятника Крузенштерну (теперь заваленному мешками от пьедестала до макушки), не нашелся добрый, махоркой пропахший пехотный старшина, что углядел из кабины тяжело хромящего парня, что обреченно брел вдоль фасада Горного института. Он, скорей всего, принял его за отвоевавшего свое фронтовика:

- Эй, служивый! В ногах правды нет! Хочешь – полезай к бойцам в кузов!

А они уж и руки тянули, невесело балагурия на его счет. Борис от усталости и растущей боли даже не спросил, куда они направляются, но волшебным образом оказалось – на Охту. А там ведь только через мост пербраться как-нибудь... Лишь бы не обстрел...

В столовую южного крыла он ввалился, ни жив, ни мертв, как сорок лет промыкавшийся по пустыне еврей на Обетованную Землю, за полчаса до начала своей смены – легкой, ночной: только тихий огонь в печи поддерживать, чтобы тех несчастных «аппаратовцев», которым до утра неумные «секретари» не дают покоя, могли тут в перерыве чайком напоить с пирожком горяченьким. В кухне еле доковылял до плиты, прислонился к ее теплоте, будто маминому боку, прикрыл глаза, стал было думать, как рассказать о Вальке... И чуть не заснул на месте – а когда потрясли, с трудом приподнял веки. Трясла его тетя Вера с раздачи – безо всякой блокады худая, как швабра, – трясла и шипела:

- Рехнулся, что ли – на кухню в уличном, да еще в валенках! Господи, совсем с ума посходили! Хорошо, застоловой спать ушел, а

то б ты кувыркотом отсюда сегодня же вылетел! – и вдруг осеклась, увидев его тяжелый отрешенный взгляд. – Случилось чего?.. Шапку давай, ватник тоже, уберу от греха... Сейчас халат тебе принесу, посиди тут покуда.

Сделав несколько шагов прочь, она обернулась, глянула исподлобья, поджав губы:

- Горе у нас – не слыхал еще? Баба одна из той смены погибла. Увольнительная у ней сегодня была, к родне она в город бегала. Обстрел начался – и первым же снарядом... Прямо тут неподалеку, потому и знаем... Такие вот дела...

Она убежала и почти сразу вернулась с халатом на плече – а в руках принесла две дымящиеся тарелки:

- Кисель тебя, извини, не дождался. Биток вот ешь. Картошка, правда, сухая, подливку сегодня «аппарат» слопал... Зато супа зеленого полторы порции – и яичко тебе я туда порезала. Хлеба вон бери... Да не надо мне твоей карточки, мы и так спишем. Сметану эту маманя твоя передала нам из «секретарской» – только сегодня, говорит, из Мельничного доставили. Наворачивай! Оголодал, небось... По бабам, что ли таскался? Шучу, не бойсь. А хоть бы и так – дело-то молодое, не все же в соломенных вдовцах ходить.

- Под обстрел я попал, тетя Вера, - пробормотал Борис с набитым ртом: голод, как-то позабытый в городе от переживаний, теперь просто бурлил в нем, требуя немедленного утоления.

- А-а, - протянула она. – Наверно, под тот же, что и Зинка... Не повезло бедолаге... Сынок у нее тут остался – Валька, вертлявый такой пацаненок, с тобой ведь он в смене? Значит, прибежит сейчас... Круглый сирота теперь – на отца еще в июле похоронка была. Сообщить бы ему о матери – да как ребенку такое скажешь... - Вера рассеянно поглядела на круглые часы, что висели прямо над ними на высокой стене, выложенной стерильным белым кафелем: - На десять минут опаздывает. В другой день так бы ему всыпала... А сегодня... Не знаешь, где носится? Не видал?

Борис медленно положил ложку на стол, справа от пустой тарелки, и кусок хлеба – по левую сторону. Коротко мотнул головой:

- Не знаю, - ответил. – Не видал.

3

Обручальное кольцо, подаренное старушкой, влезало ему только до второго сустава безымянного пальца. Борис изредка доставал его из дальнего угла обширного ящика в письменном столе и каждый раз примерял то на правую, то на левую руку, словно надеясь, что оно чудесным образом выросло и теперь возьмет – и наденется. Но это было Кирино кольцо. Оно ждало ее уже чуть больше двух лет и все никак не могло дожидаться. Как и он до самого начала сорок четвертого не дождался ни собственноручного ее письма, ни хотя бы косвенной, недостоверной вести о ней.

Он уже не был в «южной» столовой презренным «кухонным мужиком», год назад получив неожиданное повышение до помощника повара – и под руководством степенной и правильной поварихи Варвары, гордо носившей, как корону, высоченный белый колпак, со странным азартом постигал премудрости правильного приготовления пищи. С нового года продуктовые ограничения у них почти исчезли – и Варвара вдохновенно изобретала новые, «невоенные» блюда, удивляя оживившийся «аппарат» подзабытыми в блокаду сложными соусами.

Как больной после комы, город понемногу опомнился, начал поднимать голову, неуверенно вдыхал полной грудью и вскоре даже принялся решительно чистить золотые свои перышки. Модно стало среди постоянных жителей-«смолян» посещать активно заработавшие театры – особенно имени Кирова. Впрочем, его предпочитали называть не в честь убиенного первого секретаря обкома («Не к ночи будь помянут», - шутили самые смелые), а по-своейски ласково – Мариинка.

Настал однажды день – не по-февральски солнечный, словно март ненадолго забежал вперед и лукаво заглянул в их широкие окна. Борис ловко, уже привычными движениями, потрошил одну за другой упитанные куриные тушки, только что поступившие из бесперебойно снабжавшего Смольный всю войну подсобного хозяйства в Мельничном Ручье, и рассеянно слушал рассказ круглоглазой официантки Сонечки, приглашенной вчера одноруким, но бравым капитаном-летчиком в оперу:

- Слушай, ну цены у них в буфете, доложу я тебе... Представляешь, одно яблочко –

пятнадцать рублей, а плитка шоколаду – сто тридцать! А Коля мой мне целых три пирожных купил, каждое – пятьдесят рублей стоит! Сам бутерброд с колбасой съел – за двадцать пять... И конфеты...

- Борис, - перебила ее возбужденный стрелок раздатчица Марья Ивановна, - вас на вахте какая-то девушка спрашивает, военная.

Он впервые за многие годы забыл про свою короткую ногу и почти не сгибающееся колено. Обе ноги несли его по бесконечным коридорам, как равноправные, здоровые, дробный топот их заглушал удары сорвавшегося сердца. Пропуска при нем не оказалось, но на вахте Бориса знали и только кивнули – да и захоти они остановить пролетевшего мимо как снаряд повара в заломленном на затылок колпаке, вряд ли бы преуспели. Он выскочил на узкую улочку у служебного входа – и сразу увидел маленькую девушку в грязно-желтом армейском полушубке с сержантскими погонами, что ждала, притоптывая непропорциональными валенками на веселом солнечном морозе. Она стояла в профиль, и опущенные «уши» форменной шапки не позволяли сразу увидеть лицо.

- Кира!.. - почти крикнул Борис со ступенек, но горло жестко перехватило.

Девушка быстро обернулась, оказавшись абсолютно незнакомой, черноглазой, смугло-румяной красавицей, и без улыбки направилась к нему:

- Вы ведь Борис? Здравствуйте. Я – Лиза. Вы ничего... обо мне не знаете?

Голос еще не вернулся, и он смог только отрешенно покачать головой. Румянец сошел с лица девушки – будто просто потух.

- Значит, не вышли... - прошептала она в сторону, и вдруг стало ясно, что это вовсе не юная девушка, а взрослая, много чего повидавшая женщина.

- Откуда?.. - хрипло вырвалось у Бориса.

Лиза помолчала с полминуты, кидая быстрые взгляды на трясшегося крупной дрожью молодого человека, и, наконец, осторожно дотронулась до рукава его белого халата:

- Вы не замерзнете?

А он и не замечал, что стоит на морозе без теплой одежды, даже не понял, о чем она спрашивает, трудным оказалось только – перевести дыхание:

- Вы воевали вместе? – спросил уже ровнее.

- Не успели, - криво усмехнулась она, - повоевать. Мы на курсах еще познакомились – здесь, в Ленинграде. А в эшелоне, когда на фронт везли, сговорились: если со мной что случится – она моих родных найдет, а если с ней... то я. Ну, моих-то родных... - ее руки в огромных брезентовых рукавицах отчетливо задрожали, но она справилась с собой. – Моих родных никто уже не найдет, а ее... На Васильевский я ходила, от дома только одна стена сохранилась... Тогда я – сюда, думала, вдруг вас разыщу. И точно...

- Да что вы тут мямлите! – вдруг грубо выкрикнул Борис. – Говорите уж сразу! Она погибла?!

Лиза не обиделась – только чуть сдвинула брови:

- Не знаю. До части так и не добрались – эшелон наш почти сразу разбомбили, и мы, кто уцелел, попали в окружение... Впрочем, тогда это немудрено было. Мне осколок угодила – вот сюда... - девушка ткнула рукавицей себе куда-то в бок. – Кира меня перевязывала на какой-то кочке, а кругом грохотало и свистело – это я еще хорошо помню, но уже, знаете... Я словно не там была, а из другого места смотрела... Потом Кира с девчонками – и бойцы еще какие-то к нам прибились – тащили меня на себе через лес по очереди. Дальше – смутно... На какой-то проселок выбрались – там грузовик с ранеными чинят. У кабины врача молодая плачет, а рядом – весь в бинтах лейтенант с пистолетом. «Только раненых, - говорит, - возму, остальные не поместятся. На полном ходу прорываться будем, может, в нас и не попадут. Проскочим – наше счастье, а нет – так ведь все равно хана». Когда поднимали меня в кузов – Кира рядом стояла и пыталась улыбаться сквозь слезы, кажется...

- Проскочили? – потрясенно спросил Борис.

- Как видите, - пожала плечами Лиза. – Воевала я после госпиталя на Большой земле, так что выяснить что тут, как... Сами понимаете. Да и столько я уже за два года... Кроме Киры... - она на миг зажмурилась. – Здесь я не в отпуске – командировку у командования выбила. Идти пора. Дел еще невпроворот... - она качнулась было в сторону, но останови-

лась: - Слушайте, а как это – у вас жена «без вести», а вас из Смольного не выгоняют?

- Я не знал... - прошептал он. – И до начальства, наверное, не дошло еще...

– Теперь дойдет, не сомневайтесь, - вздохнула она. – Ну... приятно было позна... То есть... В общем, удачи вам, - она протянула крошечную жесткую руку, которую Борис автоматически пожал.

На кухню он не вернулся – там, наверное, подумали, что к Борису приехала жена, и готовились к большому празднику – а медленно прошел прямо в хозчасть, в свою золотую от неожиданного сегодняшнего солнца комнату. Двигаясь скупно и осторожно, словно боясь резким движением взвихрить в душе неведомую и страшную бурю, Борис сел за письменный стол и машинально достал из ящика кольцо. Ничего не изменилось на столе – все было точно так же, как он оставил утром. Так же сдержанно улыбалась ему Кира со своей единственной фотографии, которая от нее осталась – зато художественной, с тщательной ретушью – такой, что девушка выглядела гораздо красивее, чем в жизни. И если раньше Борису казалось, что снимок каким-то образом соединяет его с женой, будто готовый распахнуть дверь в тоннель, устремленный сквозь время и пространство, – пусть длинный и узкий, но ведущий к ней, то теперь – он четко это понял! – эта дверь была захлопнута навеки. Но странное дело! Одновременно чувствовалось, что есть где-то и другой путь, более надежный, но который еще предстоит найти...

Перед тем, как убрать кольцо, Борис снова примерил его на левый безымянный палец, и, как всегда тугое, оно сначала дошло только до второго суставчика. Но то ли невымытые его пальцы еще сохранили жир выпотрошенных недавно кур, то ли случайно он подтолкнул кольцо посильней – только вдруг, причинив короткую боль, оно быстро проскользнуло через сустав и дальше оказалось совершенно в пору.

*4 апреля 2015,
Лазарева Суббота.
Букино*

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

- Софья Дубовская 5
Владимир Думский 7
Владимир Данилевский 11
Патьяна Крыжановская 19
Нина Озерова 20
Людмила Ильина 21
Юлий Шагера 23
Евгений Смоляков 26
Анатолий Назиров 29
Юрий Пейсахович 32
Аера Кулемина 36
Патьяна Николаева 40

Критика и публицистика

- Иван Ильин 44
Игорь Сафронов 57
Юрий Пейсахович 67
Юлий Шагера 76
Евгений Раевский 77
Светлана Панова 88

- Лемпи Карзова-Головина 99
Валентин Ворошилов 106
Елена Сақс 108
Любовь Орелович 121
Алексей Воронов 124
Валентина Федорова 127

Проза

- Сергей Псарев 132
Нина Озерова 146
Марина Каменева 149
Мақар Алпатов 155
Лев Горянин 168
Евгения Марченко 173
Наталья Веселова 185

Золотое Слово № 11
Литературно-художественный журнал

Санкт-Петербург
Издательство «Гамма»
2015 г., 204 стр.

Выпускающий редактор: Ефимова Е.С.
Оригинал-макет: Сафронова Н.А.

Под общей редакцией
Е.П.Раевского

Составитель Н.А.Веселова

Издание Российского Межрегионального союза писателей
Официальный сайт: www.rmssp.pro
Адрес для писем: 199178, Санкт-Петербург,
В.О., 15-я линия, д. 34, кв., 17
Контактный тел.: 8-921-908-97-16

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Палитра»
Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 87
Печать офсетная. Формат 60x84/8 Печ.л. 15
Заказ № 69 Тираж 900